

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

Этнос и среда обитания

Том 1

**Сборник этноэкологических
исследований
к 85-летию В.И. Козлова**

Под редакцией
Н.И. Григулевич, Н.А. Дубовой (отв. редактор),
А.Н. Ямскова

Москва, 2009

УДК 39+504.75+572

ББК 63.5

Э91

Редакционная коллегия серии:

М.Н. Губогло (гл. ред.), Н.А. Дубова, Г.А. Комарова,

Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

Э 91 Этнос и среда обитания. Том. 1. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова – Ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков – М.: Старый сад, 2009. – 312 стр.

ISBN 5-89930 -125-2

В сборнике представлены исследования, посвященные различным проблемам этнической экологии, этнической демографии и экологии человека, являющиеся продолжением и развитием идей выдающегося отечественного ученого Виктора Ивановича Козлова. Обсуждаются вопросы соотношения природного и культурного ландшафта, межэтнических взаимодействий в г. Москве и в Самурзакани, сакрализации окружающей среды, влияния глобальных изменений климата на культуру народов, состояния здоровья современного населения, и, в частности, детей в зависимости от загрязнения окружающей среды, проблемы, связанные с употреблением алкоголя, и др.

Редколлегия не разделяет некоторые положения, высказанные в статьях данного сборника.

ISBN 5-89930 -125-2

УДК 39+504.75+572

ББК 63.5

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2009

© Коллектив авторов, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ 9

РАЗДЕЛ 1.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ В.И. КОЗЛОВА В РАЗЛИЧНЫХ
НАПРАВЛЕНИЯХ НАУКИ ХХІ В. 19

Губогло М.Н.

Этнические качели. Проблемы смещения
этнической специфики с материальной
в духовную сферу и обратно 20

Калуцков В.Н.

О ландшафтных перспективах этнической экологии
(по работам В.И. Козлова)..... 32

Маликова Н.Р.

Этническая экология и социология:
интеграция методологии 45

Ямсков А.Н.

Трактовки понятия «жизнеобеспечение»
в этнической экологии и возможный подход
к изучению культурной адаптации 73

РАЗДЕЛ 2.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ.....95

Алексеева Н.Н.

Соотношение природных и этнокультурных рубежей
(на примере Индии) 96

Дробышев Ю.И.

Сакрализация окружающей среды
в традиционной культуре Монголии и Японии113

Красовская Т.М.

Современная динамика границ
культурных ландшафтов аборигенов Севера.....128

Лопуленко Н.А.

Народы Севера в условиях глобальных
природно-климатических изменений139

Соловьева Л.Т.

Этнокультурное взаимодействие
и религиозные традиции:
юго-восточная Абхазия в XIX – начале XX вв.....241

Ситнянский Г.Ю.

Евразийские скотоводы перед выбором.
Проблемы модернизации традиционного
скотоводства киргизов259

Бойко И.А.

Культура заготовки сена

в Словацких и Украинских Карпатах

(этноэкологический аспект)281

Дорогой Виктор Иванович!

Дирекция и коллектив ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук имени Н.Н. Миклухо-Маклая сердечно поздравляют Вас с 85-летием и 60-летием научной деятельности!

На протяжении многих лет Ваша жизнь была связана с нашим Институтом, куда Вы пришли после окончания Великой Отечественной войны. И на фронте, и в науке Вы всегда проявляли твердость духа, не теряли веры в победу, добивались достижения поставленных целей. Вы — автор многих фундаментальных исследований, монографий и статей. Хорошо известны Ваши труды по этнической демографии, которые до сих пор активно используются не только специалистами, но и широким кругом читателей во многих странах мира. Ваш вклад в разработку теории этноса, которой Вы посвятили много лет своей творческой жизни в стенах Института этнографии АН СССР, весьма велик и Вы до настоящего времени остаетесь одним из ведущих авторитетов в этой области. Вами были сформулированы и успешно решены основные задачи в столь сложном не только для отечественной, но и для мировой науки исследовании, как комплексное изучение народов со значительной долей долгожителей. Это уникальное междисциплинарное исследование проводилось на протяжении более чем 25 лет в основном на территории Абхазии и Азербайджана и увенчалось публикацией целого ряда монографий и сборников научных трудов. Вам принадлежит успешно воплощенная в жизнь идея изучения русских этноконфессиональных групп в Закавказье, тем более актуальная, что в последние десятилетия многие из них были вынуждены уехать на историческую Родину, утратив самобытную культуру. Эти работы заложили основы для формулировки Вами так актуального ныне научного направления — этнической экологии.

В начале 1980-х гг. Вы основали и много лет успешно возглавляли одноименный сектор, в котором Вам удалось собрать специалистов разного профиля, которые под Вашим руководством успешно развивали это новейшее направление. Ваши многочисленные ученики продолжают идти этим путем, творчески продолжая его как в Институте этнологии и антропологии РАН, так и в других научных коллективах, а также в регионах России.

Дорогой Виктор Иванович!

Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, творческих свершений, благополучия Вашим родным и близким. Будьте счастливы!

Александр
 А. Власов, М. Гусев, Рогов, Козлов
 Логунов, Шелепов, Воротилкин
 С. Шелепов, А. Сурин, Воротилкин, Кривошапкин
 С. Шелепов, С. Шелепов, Суслов, И. Калашников
 М. Шелепов, Шелепов, Шелепов, Шелепов, Шелепов
 С. Шелепов, Шелепов, Шелепов, Шелепов, Шелепов
 Шелепов, Шелепов, Шелепов, Шелепов, Шелепов

На Ученом Совете ИЭА РАН, 2004 г.

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

21 марта 2009 г. исполнилось 85 лет выдающемуся этнологу, демографу, экологу, не одной сотней исследований внесшему бесценный вклад в копилку отечественной науки, положившему начало нескольким современным направлениям комплексных исследований человека, участнику Великой Отечественной войны, доктору исторических наук, лауреату Государственной премии, профессору, Виктору Ивановичу Козлову, всю свою научную жизнь отдавшему Институту этнологии и антропологии РАН.

Мы, небольшой коллектив его друзей, а точнее, конечно, учеников и последователей, очень рады, что Виктор Иванович, пусть не так интенсивно, как раньше, но неутомимо трудится, что мы всегда можем проконсультироваться у него по многим научным вопросам и посоветоваться по возникающим житейским коллизиям.

Любой исследователь бывает рад, когда его мысли, изложенные на бумаге, прочитаны, еще больше, когда они имеют последователей, совсем удовлетворен, когда они живут уже своей жизнью, развиваются далее, и на их основе формулируются новые концепции.

До сих пор фундаментальными этнодемографическими исследованиями В.И. Козлова¹ пользуются во многих странах мира, они являются тем источником, который будет востребованным всегда, ибо в них дана объективная характеристика состояния на момент изучения и тенденций изменения численности народов мира в целом и в СССР, в частности. Не принимая иногда и критикуя некоторые из сформулированных В.И. Козловым положений

В.И. Козлов и В.А. Большаков.
Абхазия. 1985 г.

Слово о юбиляре

теории этноса,² ученые, занимающиеся этой проблемой, не могут «не заметить» его работ. Без их изучения невозможно продвигаться вперед в познании историко-культурного разнообразия человечества в прошлом и настоящем.

Виктор Иванович Козлов, вместе с такими специалистами как В.В. Покшишевский, Б.В. Андрианов, М.Г. Левин, а также С.И. Брук, заложили научные основы этнической географии и картографии,³ разработали уникальную методику картографирования,⁴ создали серию карт,⁵ и по сей день ак-

тивно используемых как в учебных, так и научных целях. Начиная с первых лет работы в Институте этнографии АН СССР, В.И. Козлова волновали вопросы расовых факторов этнических процессов.⁶ Но не только они. Интеграция данных естественнонаучных и гуманитарных дисциплин красной нитью проходит через научное творчество исследователя, приобретая все более четкие контуры нескольких концепций. Это, прежде всего, разработка им, в содружестве с другими членами творческого коллектива, подходов к изучению популяций с повышенным процентом долгожителей.⁷ Работа над этой проблемой мобилизовала умы множества специалистов разных областей знания: и этнографов, и географов, и антропологов, и врачей разных специальностей, и геронтологов, и специалистов по питанию, и демографов. Именно, благодаря пассионарной

Товарищи по войне.
В.И. Козлов и Г.П. Лежава.

22 марта 2009 г. Поздравление с юбилеем.

Сектор этноэкологии, 1999 г.

Слева направо сидят: Н.А. Лопуленко, Н.И. Григулевич, В.И. Козлов, Н.А. Дубова.
Стоят: А.Н. Ямсков, Н.М. Лебедева, И.Бойко, Т. Красникова.

энергии В.И. Козлова, его организующему началу и умению направить в нужном направлении энергию других, был собран и проанализирован до сих пор остающийся уникальным по проработанности материал.⁸ Особое внимание Виктор Иванович обращал на психологические исследования,⁹ тщательно «выискивая» в те годы крайне редких специалистов и привлекая их к размышлениям над проблемой продолжительности жизни. Стоит только сожалеть, что в виду ряда объективных обстоятельств феномен популяционного долгожительства, увы, до сих пор остается разработанным лишь в рамках отдельных направлений, а доведения до последней стадии обработки – синтеза результатов – так и не произошло.

Опыт подобного рода исследований, вопросы, встававшие и решавшиеся в процессе работы над этой проблемой, дали возможность В.И. Козлову увидеть достоинства и недостатки разработывавшихся в то время и ранее концепций хозяйственно-культурных типов (ХКТ)¹⁰, системы жизнеобеспечения этносов¹¹ и антропогеоценоза¹² и более обосновано сформулировать подходы к пониманию сложнейших взаимосвязей между этносами и окружающей их природной и социальной средой. Была доказана необходимость выделения самостоятельного научного направления

– этнической экологии, аккумулирующей преимущества комплексного, системного подхода к изучаемым процессам.¹³

Эти подходы были частично реализованы сектором этнической экологии, созданным в октябре 1981 г. в ИЭ АН СССР и возглавлявшимся В.И. Козловым, как при разработке проекта популяционного долгожительства сначала на

примере населения Абхазии, а затем Азербайджана, так при исследовании русских переселенцев в Закавказье,¹⁴ а, кроме того, при разработках теории¹⁵ и методов прикладных исследований.¹⁶ Они оказались эффективными и при анализе современных этно-социальных и этно-демографических процессов в разных регионах России.¹⁷ Начиная с 2003 г., сектор этнической экологии ИЭА РАН продолжил исследование этно-социальной динамики современного социума на примере изменений в экономике, демографии и культуре сельского населения Абхазии.¹⁸

Свой энтузиазм Виктор Иванович направляет не только на научные исследования. Он не может тихо сидеть в затемненном кабинете и молчать, когда происходящие события глубоко ранят его душу, и все свои силы он бросает на борьбу со злом. Так было и во время Великой Отечественной войны, на фронтах которой В.И. Козлов воевал с августа 1942 по ноябрь 1945 гг., в составе 65-й армии 2-го Белорусского фронта прошел через Южную Белоруссию, Польшу, восточную Пруссию и Померанию и дошел до побережья Балтийского моря к востоку от Штеттина. Был награжден медалью «За боевые заслуги» и солдатским орденом Славы.¹⁹

Как отмечает сам Виктор Иванович, его, участника тех грозных событий, а также имеющего огромный опыт и знания демографа, не удовлетворяли сведения, которые содержались в

22 марта 2009 г.

Вокруг юбиляра стоят (слева направо):

Л.С. Винокурова, А.Н. Ямсков,

Л.П. Козлова, Н.И. Григулевич.

мемуарах, официальных источниках. Поэтому он, проведя собственные расчеты, публикует статью «О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне», где оценивает общее число погибших примерно в 40 млн. человек.²⁰

Но и другие грозные – 1990-е – годы не оставляют ученого сторонним наблюдателем. Он, обеспокоенный судьбой русского народа, катастрофическим снижением его численности, несмотря на успокоительные заверения многих «специалистов», публикует целую серию работ, в которых пытается донести до сознания власть предержащих трагизм складывающейся ситуации.²¹ Также тревожат его и тенденции роста антирусских настроений, национализма в стране.²² Эти размышления приводят его к необходимости

На рабочем месте. Март, 2009 г.

теоретического обобщения.²³

Все работавшие с В.И. Козловым – и более 20 аспирантов (почти половина которых составила ядро мордовской этнологической школы,²⁴ а некоторые уже сами сейчас стали докторами наук), и его ровесники, и молодые коллеги – всегда ощущают его сопричастность тому общему делу, которое делается. Будь то обсуждение научной проблемы, темы диссертации, организация полевого выезда, научной конференции или просто дружеская вечеринка.

Сделано много. Радостно то, что, как показывают работы, помещенные и в этом сборнике, и в других изданиях многие исследования Виктора Ивановича Козлова не просто востребованы до сих пор, они являются основанием для постановки новых задач, они дают толчок мысли разным специалистам. Даже с высоких постов уже прозвучали слова, которые свидетельствуют, что зерна, брошенные в землю сегодняшним юбиляром десятилетие назад, с трудом, но начинают прорастать.²⁴

Этим небольшим сборником, который по примеру предыдущих²⁵ подготовлен трудами не только сотрудников Института

этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, но и других учреждений России, в которых работают исследователи, знакомые с В.И. Козловым только по его работам, мы хотим поздравить его с юбилеем и пожелать здоровья и бодрости, а главное – все же увидеть, что советы знающего человека и специалиста нужны и приносят пользу соотечественникам, родной стране.

Примечания

1. Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969. 408 с.; Он же. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. 1-е изд. М.: Статистика, 1975. 263 с.; 2-е изд., исправленное и дополненное. М., Статистика. 1982. 305 с.; Он же. Этническая демография. М: Статистика, 1977. 240 с.; Kozlov V. The Peoples of the Soviet Union. L-NY, 1988. 252 p. и мн. статьи. Подробную публикацию списка трудов В.И. Козлова см.: Этноэкологические исследования. М., 2004.
2. Козлов В.И. О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2. С. 100–111; Он же. О разработке теоретических основ национального вопроса // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 75–85; Он же. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 95–109; Он же. Современные этнические процессы в СССР. К методологии исследования // СЭ. 1969. № 2. С. 60–72; Он же. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // СЭ. 1970. № 6. С. 47–60; Он же. Что же такое этнос // Природа. 1971. № 2. С. 71–74; Он же. Этнос и территория // СЭ. 1971. № 6. С. 89–100; Kozlov V. Concerning the concept «Ethnos» // Population problems. М.: Прогресс, 1971. P. 27–34; Козлов В.И. Нация и национальная государственность (к истории национального строительства в СССР) // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. Пермь, 1972. С. 3–21; Бромлей Ю.В., Козлов В.И. Этнические процессы в СССР // Вестник АН СССР. 1972. № 11. С. 3–11; Kozlov V. Ethnic Processes in USSR // Geoforum. 1972. № 9. P. 47–54; Козлов В.И., Шелепов Г.В. «Национальный характер» и проблемы его исследования // СЭ. 1973. № 2. С. 69–82; Козлов В.И. Проблемы фиксации этнических процессов (Ротапринт). Доклад на IX МКАЭН. М., 1973; Он же. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2. С. 79–92; Kozlov V. Ethnie et nation // La nouvelle critique. P., 1974. № 70. P. 24–32; Kozlov V. Ethnic self-consciousness and the factors determining it // Sociological Studies. Ethnic Aspects. М., 1974. С. 82–91; Kozlov V. On the Concepts of ethnic community // Soviet Ethnology and Anthropology Today. P., 1974. P. XI–XX; Бромлей Ю.В., Козлов В.И. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР // СЭ. 1975. № 1. С. 3–17; Bromley Yu., Kozlov V. National Processes in the USSR // Race and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems. М., 1975. С. 106–125; Козлов В.И. Этническая общность // Историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. С. 638–639; Он же. О

- классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 5–23; Kozlov V. The Classification of Ethnic Communities: the Present Position on Soviet Debate // Ethnic and Racial Studies. L., 1980. V. 3. № 2. P. 123–139; Kozlov V. Ethnic Processes and Trends in the Ethnic Composition of the Population in the USSR // Geo-journal Suppl. Issue. 1980. № 1. P. 23–30; Козлов В.И. От племен до наций // СЭ. 1986. № 4; Он же. Этничность и государственность // Этнические процессы в современном мире. Материалы советско-американского симпозиума. М., 1987; Бромлей Ю.В., Козлов В.И. Этнос и этнические процессы как предмет исследования // Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 5–29; Козлов В.И. Нация. Этнические процессы. Этнос (и еще 5 статей) // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995; Этнос. Нация. Общество. Этнологический словарь \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1996 (Козлов В.И. – автор 220 статей в этом словаре из общего их числа в 440); Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999 и др.
3. Брук С.И., Козлов В.И. Основные проблемы этнической картографии // СЭ. 1961. № 5. С. 9–26; Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. Современное состояние исследований по этнической географии в СССР // Материалы Первого межведомственного совещания по географии населения. 1961. Вып. 5. С. 11–20; Они же. О предмете и задачах этногеографии // СЭ. 1963. № 1. С. 11–26; Они же. Современное состояние исследований по этнической географии в СССР // География населения СССР (основные проблемы). М.: Наука, 1964. С. 81–94; Kozlov V. Basic Problems in the Mapping of Ethnic Groups. P. 3–21; The Present Status of Research in Ethnic Geography in the USSR. P. 22–27 // Sov. Geography. Rev. and Translation. 1962. V. 3. № 4; Брук С.И. Козлов В.И. Покшишевский В.В. Предстоящие изменения численности и структуры населения Земли // Известия АН СССР. Серия географическая. 1973. № 3. С. 14–25; Андрианов Б.В., Брук С.И., Козлов В.И. Этническая география и ее место в системе наук // Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978. С. 7–13; Козлов В.И. Этническая картография // Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978. С. 14–20 и др.
 4. Брук С.И., Евтеев О.А., Козлов В.И. Картографический метод в географических исследованиях населения // Научные проблемы географии населения. М.: Изд-во МГУ. 1967. С. 238–250; Брук С.И., Козлов В.И. Основные проблемы этнодемографического картографирования // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974. С. 54–62; Брук С.И., Козлов В.И. Источники этнического картографирования // Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978. С. 33–40; Козлов В.И. Проблемы картографирования этнических процессов // Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978. С. 71–85 и др.
 5. Брук С.И., Винников Я.Р., Козлов В.И. Карта народов СССР. Справочная. Масштаб 1:10 млн. М., 1962; Они же. Карта народов СССР. Учебная. Масштаб 1:5 млн. М., 1962; Они же. Карта «Плотность населения СССР». Учебная. Масштаб 1:5 млн. М., 1963; Они же. Карта плотности населения СССР. Справочная. Масштаб 1:10 млн. М., 1964; Они же. Карта народов мира. Учебная. Масштаб 1:20 млн. М., 1964 (В.И. Козлов – автор по Зарубежной Европе и части СССР); Они же. Карта народов Европы. Учебная. Масштаб 1:4 млн. М., 1966; Они же. Карта народов Азии. Учебная. Масштаб 1:8 млн. М., 1968; Козлов В.И. Этнографическая карта России в начале

- XX века // Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967; Он же. Карта «Европа, народы» // Географический атлас для учителей средней школы. М., 1967; Он же. Карты: Плотность населения СССР; Народы СССР // Экономическая география СССР. М.: Просвещение, 1966; Он же. Карты: Народы мира; Плотность населения мира // Экономическая география зарубежных стран. М., 1964; Он же. Карта народов Зарубежной Европы. Учебная. Масштаб 1:20 млн. М., 1964; Он же. Карта: Народы мира по языковым семьям // Экономическая география зарубежных стран. М.: Просвещение, 1970; Брук С.И., Винников Я.Р., Козлов В.И. Карта «Народы Евразии». Учебная. Масштаб 1:8 млн. М., 1972 и др.
6. Козлов В.И. Расовые и культурные контакты в современном мире // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 1. С. 104–109; Он же. Ведет ли усиление мутаций к расогенезу // СЭ. 1976. № 4. С. 134–137; Козлов В.И., Чебоксаров Н.Н. Расы и этносы // Расы и общество. М.: Наука, 1982. С.92–118; Бромлей Ю.В., Козлов В.И. Этнические предрассудки, расизм и антрополого-этнические теории // Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 273–304; Они же. Расовые факторы этнических процессов и этнорасовые общности // Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 80–96; Козлов В.И. Сущность бытового расизма и проявление его в Британии // Расы и расизм. История и современность. М., 1991.
 7. Козлов В.И. Долгожительство и долгожители // Природа. 1980. № 7. С. 91–98; Козлов В.И., Зубов А.А. Поиски причин долгожительства // Наука в СССР. 1980. С. 47–53 (на русск. и англ. яз.); Они же. О комплексном подходе к изучению феномена долгожительства // Феномен долгожительства. М.: Наука, 1982. С. 13–24; Козлов В.И. Исследование проблем долгожительства // Феномен долгожительства. М.: Наука, 1982. С. 5–12; Козлов В.И., Комарова О.Д. География долгожительства в СССР // Феномен долгожительства. М.: Наука, 1982. С. 30–40; Козлов В.И. Этнографический поход к изучению феномена долгожительства // СЭ. 1984. № 1. С. 29–42; Абхазское долгожительство \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1987; Kozlov V., Zoubov A. The Multidisciplinary Approach to the Study of Longevity, Geography of Longevity in the USSR // Proc. First Joint USA – USSR Symposium on Aging and Longevity. N. Y.: IREX, 1982. P. 16–25; Kozlov V. Ethno-Cultural Adaptation to the Natural Environment and Problems of Longevity // Studies in Ethnography and Anthropology. XI МКАЭН. М., 1983. P. 121–128; Козлов В.И. Введение. Заключение // Абхазское долгожительство / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1987. С. 5–17; 285–292; Козлов В.И. Красникова Т.В. Природно-экологические условия // Абхазское долгожительство. М., 1987. С. 26–39; Козлов В.И., Павленко А.П. Жилищно-бытовые условия // Абхазское долгожительство. М., 1987. С. 26–39; Козлов В.И. Введение. Заключение // Среди долгожителей Абхазии. Тбилиси, 1987; Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане // СЭ. 1988. № 5. С. 34–49; Козлов В.И. Введение. Об изучении долгожительства в Азербайджане // Долгожительство в Азербайджане. М., 1989. С. 5–15;
 8. Феномен долгожительства \ Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1982; Абхазское долгожительство \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1987; Долгожительство в Азербайджане \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1989;
 9. Козлов В.И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии // СЭ. 1983. № 2. С. 74–79; Козлов В.И., Максименко Т.В. О психологических

- факторах активного долголетия среди азербайджанцев // Долголетие в Азербайджане. М., 1989. С. 121–135.
10. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // СЭ. 1955. № 5; Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области // СЭ. 1965. № 3; Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ. 1968. № 2; Андрианов Б.В. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. М., 1981.
 11. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. N 2; Он же. Культура как способ социальной организации. Пушчино, 1982; Маркарян Э.С. и др. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурного исследования (на примере армянской сельской культуры). Ереван, 1983.
 12. Алексеев В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. С. 18-23.
 13. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3–16.; Он же. Задачи этнической экологии // Общественные науки. 1983. № 4. С. 72–85; Он же. Этническая экология и история аборигенного населения Америки // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988; Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде \ Ред. Веселкин Е.А., Тишков В.А. М., 1989; Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его этнологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М., 1991. С. 14-43; Он же. Между этнографией, экологией и жизнью // Этнографическое обозрение. 1992. № 3; Он же. Этническая экология. Становление дисциплины и история проблем. М., 1994; Он же. Исторические аспекты этносоциальной экологии // ЭО. 1994. № 1; Он же. Методологические основы этнической экологии // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999.
 14. Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Ред. Козлов В.И., Дубова Н.А. М., 1989. Ч. 1. 168 с.; Ч. 2. 154 с.; Духоборцы и молокане в Закавказье. Ред. Козлов В.И., Павленко А.П. М., 1992; Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы \ Ред. В.И. Козлов. М., 1995.
 15. Этническая экология: теория и практика. Ред. Козлов В.И., Дубова Н.А., Ямсков А.Н. М.: Наука, 1991.
 16. Методы этноэкологической экспертизы. Ред. В.В. Степанов. М., 1999.
 17. Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 81. М., 1995; Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 87. М., 1995; Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. Калининградская область: современные этнокультурные процессы. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 119. М., 1998. 60 с. и др.
 18. Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования \ Ред.: Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. М., 2006; Этническая экология. Народы и их культура. М., 2008.
 19. Козлов В.И. По карте памяти... // Альманах «Гуманитарий». № 3. Саранск, 2003. С. 70–77.

20. Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне // История СССР. 1989. № 2. С. 132–140.
21. Козлов В.И. На пути к вырождению: свидетельствует демография // Москва. 1993. № 6; Он же. О сущности русского вопроса и его основных аспектах // Вестник Московского Государственного Университета. Серия 8. История. 1993. № 5; Он же. Моя печаль о народе русском // Российская Федерация. 1994. № 15; Он же. Вымирание русских – кризис или катастрофа? // Вестник РАН. 1995. № 9. С. 3–15; Он же. Угроза вымирания русских // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М., 1995; Он же. Заглянем в наше будущее (в каком виде подойдет Россия к столетию «Великого Октября») // Молодая гвардия. 1997. № 10. С. 53–75; Он же. По ком звонит колокол? // Молодая гвардия. 1997. № 1. С. 54–70; Он же. Россия в зеркале демократических реформ // Молодая гвардия. 1998. № 8. С. 45–69; Он же. Русские. Русскоязычные. Россияне // Молодая гвардия. 1998. № 9. С. 19–36; Он же. Судьбы поколений // Молодая гвардия. 1999. № 5. С. 8–27.
22. Козлов В.И. Этнос и хозрасчет (к проблеме национализма в СССР) // СЭ. 1991. № 3; Он же. «Имперская» нация или ущемленная национальность // Москва. 1991. № 1; Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос // Отечественная история. 1993. № 2. С. 44–46; Он же. Миф о «русском фашизме» // Молодая гвардия. 1996. № 10. С. 10–26; Он же. Национальные отношения и уголовный кодекс (заметки эксперта) // Молодая гвардия. 1997. № 3. С. 36–60; Он же. История трагедии великого народа. Русский вопрос. М., 1996; Он же. История трагедии великого народа. Русский вопрос. Изд. 2-е, обновленное. М., 1997.
23. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999.
24. Имеется в виду появившееся недавно в СМИ высказывание Президента России Д.А. Медведева о необходимости пересмотра официальных данных по числу потерь во время Великой Отечественной войны.
25. В честь 80-летия В.И. Козлова была выпущена книга: Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. (ред. Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н.). М., 2004. 20-летие созданного им сектора этнической экологии было отмечено публикацией «Очерков экспедиционного быта в Закавказье» (Отв. ред. В.И. Козлов. М., 2001).

РАЗДЕЛ 1

Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

**СУБЪЕКТИВНАЯ РАВНОДЕЙСТВУЮЩАЯ
ОБЪЕКТИВНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ¹**

Важность этнического (национального) самосознания, представляющего собой как бы субъективную равнодействующую объективных элементов этнической общности, нашла свое отражение в использовании этого признака, как основного этнического этноопределителя в переписях и других формах массового статистического учета населения ряда стран мира.

В.И.Козлов, 1969, с. 50.

Шел 1970 год.

В столице Грузии г. Тбилиси проходила Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований. На одном из пленарных заседаний прозвучала крылатая формула о смысловой нагрузке понятия «этническое самосознание» известного демографа и этнолога Советского Союза В.И. Козлова, в то время вместе с директором Института этнографии АН СССР членом-корреспондентом АН СССР Ю.В. Бромлеем принимавшим участие в разработке вопросов теории современных этнических процессов. До выхода в свет книги «Социальное и национальное» (1972), ставшей классикой советской этносоциологии, оставалось 2 года. До публикации 2-го издания книги «Современные этнические процессы» (1977), удостоенной Государственной премии, оставалось 7 лет.

В это время – на рубеже 1960-х – 1970-х гг. – в межэтнических отношениях все чаще стали проявляться признаки роста этнического самосознания и его связи с этничностью. От этнографов потребовалось дать определение этнического самосознания и сознания. Иными словами, созрела объективная потребность изучить причины, ход и перспективы этого явления. В ответ на социальный заказ В.И. Козлов, выступая в Тбилиси, предложил

¹ Доработанный вариант доклада на международной конференции: «Разнообразие культурного выражения в традиционной жилой среде», 2-4 августа 2007 г., г. Кишинев

определение, согласно которому этническое самосознание, представляющее ядро этничности, – это субъективная равнодействующая объективных факторов, выражающих в качестве индикаторов (маркеров) этническую специфику элементов материальной и духовной культуры.

Яркость и заостренная полемичность этой формулы состояла в том, что она бросала вызов высказанной ранее мысли, согласно которой этническое самосознание, достигнув определенного уровня зрелости, во-первых, «уже не отражает какое-либо существующее единство, а само вместе с этнонимом становится единственным объединяющим признаком» (Колпаков, 1995, с. 17), во-вторых, «в зависимости от различных причин как этнодифференцирующие могут осознаваться особенности материальной и духовной культуры, языка, религии, социального устройства, антропологического типа и т.п., т.е. любые» (Шнирельман, 1982, с. 237 – цит. по: Колпаков, 1995, с. 17).

Эти две непримиримые на первый взгляд трактовки того, как соотносятся между собой реальность и субъективность существования и бытия этнического фактора, стали на закате XX и на заре XXI вв. водоразделом между примордиалистами, признающими приоритет реальности (Арутюнов, 1995, с. 7-10) и конструктивистами, убежденными в том, что существующие в реальности этнические признаки являются ничем иным, как продуктом воображения.² Хотя на самом деле обе теории и выглядят крайностями, но смею думать, выражают две стороны одной медали. Суть дела (а не парадоксальность явления) состоит в том, что этническое сознание не только «подпитывается», особенно в процессе социализации, этнической спецификой окружающего рукотворного материального мира, но и, возмужав, временами «подкармливает» традиционную и профессиональную культуру, поддерживая самобытность этнической общности.

Не случайно, «погружаясь в дебри» европейской философии, В.И. Ленин старательно законспектировал в своих «Философских тетрадах» мысль Л. Фейербаха о соотношении реального и воображаемого: «Если не стыдятся допускать происхождение чувственного, материального мира из мышления или воли ка-

2 Нация по определению Бенедикта Андерсона «это воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» (Андерсон, 2001, с. 30).

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

кого-то духа, если не стыдятся утверждать, что вещи не потому мыслятся, что они существуют, но потому существуют, что мыслятся, то пусть не стыдятся также допускать их происхождения из слова, пусть не стыдятся утверждать, что не слова существуют потому, что существуют вещи, но что вещи существуют только благодаря словам».

В умах пишущих о современности и в создаваемых текстах еще пламенела эйфория от воспеваемых инноваций, привнесенных в быстротекущую жизнь научно-технической революцией (НТР), и стали давать о себе знать густеющие всполохи глобализма (Симония, 2001, с. 25-36; Эльянов, 2001, с. 271-283; Гудков, 2004, с. 769-799), но в интеллектуальной атмосфере стало ощущаться тревожное «дыхание постмодернизма» (Визгин, 2004, с. 644) вместе с кризисом этнических традиций, в том числе «этнификации» (придании этнической специфики определенным результатам человеческой деятельности). Хотя в самом этом уходе от традиций к постмодернизму уже гнезвился субъективный импульс нового возврата к старине.

В 1990-е годы, т.е. в первое постсоветское десятилетие, об упомянутой выше формуле В.И. Козлова забыли, но именно она (эта концептуальная формула) стала импульсом и предтечей для многочисленных исследований (познавательных практик) этнической идентичности. Без риска ошибиться, можно считать, что эта формула лежала у истоков нового научного направления – этнопсихологии, в развитие которой существенный вклад внесли многочисленные этносоциологические проекты, реализованные Л.М. Дробижевой и ее командой (Конфликтная этничность и этнические конфликты, 1994; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов, 1994; Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика, 1995; Социальная и культурная доктрина. Опыт многонациональной России, 1998; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность, 2002; Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России, 2003).

В докладе «Элементы этнической идентификации в оценках экспертов» (Губогло, 1970), прочитанной на той же тбилисской научной сессии, были доложены первые результаты уже проведенных в различных регионах Советского Союза исследований

того, как различные элементы материальной и духовной культуры участвуют в формировании этнического самосознания.

Уже тогда, вопреки ожиданиям, унаследованным по инерции из известного сталинского определения нации,³ стало ясно, что у этнического самосознания нет какой-либо универсальной (закостенелой) иерархии объективных признаков, подпитывающих этническое самосознание.

Более того, оказалось, что на рубеже 1960-1970-х годов началось смещение этноинтегрирующей функции с элементов материальной на элементы духовной культуры. В городской среде это происходило более ускоренными темпами, чем в сельской. Так, например, отвечая на вопрос «Что Вас сближает, роднит со своим народом?» и городские, и сельские удмурты на первое место из шести маркеров единодушно в те же годы ставили язык. Однако материальная культура (поселение, жилище, одежда) в иерархии объективных элементов, подпитывающих этническое сознание (субъективная равнодействующая) в представлениях сельских удмуртов заняла третье, а у городских – шестое место. В то же время опрос 1230 сельских карел, проведенный Е.И. Клементьевым, показал, что первые пять мест среди 9 факторов, подпитывающих их этническое самосознание, занимали национальность родителей, родственники карельской национальности, карельский язык и Карелия как территория проживания карел. Материальная культура (жилище, пища) как источник этнического самосознания карел занимала предпоследнее 8 ранговое место (Клементьев, 1970, с. 514).

Среди многочисленных этносоциологических исследований, проведенных в начале 1970-х годов в различных регионах СССР по типологически сходным методикам, выявилась в целом сходная картина. Фундаментом этнического сознания чаще всего служили язык и этническое самосознание.

Исключение из этого, более или менее общего правила, составили корейцы Узбекистана – люди с более высоким уровнем образования и урбанизации, чем титульные узбеки. В результате этносоциологического опроса, проведенного И.Г. Югаем, выявилось, что среди 13 факторов, подпитывающих этническое самосо-

3 Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин, 1946, с. 296).

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

знание корейцев, первое место заняла традиционная корейская пища. Наглядно это демонстрирует тот факт, что в 1970-е годы мало кто из посетителей Алайского базара в Ташкенте уходил без специфическим способом приготовленной корейской капусты.

Тенденция сокращения этнической специфики в предметах материальной культуры дала повод директору Института археологии АН СССР академику Б.А. Рыбакову сделать малоутешительный вывод о судьбе материальной культуры в предметной области этнографической науки. На пленарном заседании «Все-союзного археологического и этнографического совещания по итогам полевых исследований», состоявшемся в 1973 г. в Ташкенте, он заявил: «Предметная область этнографической науки напоминает мне льдину, тающую под лучами весеннего солнца». Однако этому прогнозу, публично сделанному авторитетнейшим историком, работающим преимущественно с археологическими артефактами, не суждено было сбыться.

На рубеже 1980-х – 1990-х годов мир стал свидетелем стремительной политизации этнического сознания за счет продолжающегося смещения этничности далее из психологии в сферу политики. Три переломных года – 1989 г. (год языковой революции), 1990-й (год суверенизации бывших союзных и автономных республик СССР) и, наконец, 1991-й год (год развала СССР) стали торжеством этничности, победа которой выражалась в создании серии новых государств, созданных на принципах этнической государственности.

Однако, придя к власти и приготовившись делить и делить собственность, этнические мобилизаторы и этнический истеблишмент осознали, что этничность не может «самовоспроизводиться», уподобляясь домику, построенному на песке. И уже на стыке заката Советского Союза и зари постсоветской России в республиках были подготовлены обстоятельные моноэтнические и полиэтнические программы «Возрождений» финно-угорских, тюркских и других народов Российской Федерации. Так, например, в одной из наиболее обстоятельных «возрожденческих» программ «Народы Башкортостана», разработанной группой квалифицированных этнографов и социологов Башкирии под руководством члена-корреспондента РАН Р.Г. Кузеева, ставилась задача: «Глубоко знать народные традиции, сохранить из них те, которые еще работают, попытаться восстановить те, которые мо-

гут быть полезными» (Патернализм, 1998, с. 104). С целью возрождения элементов традиционной культуры в указанной Программе была, в частности, сформулирована задача «разработать очерки истории традиционной культуры каждого народа Республики Башкортостан», в том числе посвященные «эволюции материальной культуры (поселения, жилища, народной одежды и пр.)» (Патернализм, 1998, с. 120).

В десятках и сотнях документов национально-культурных центров, землячеств, съездов народов, конгрессов, подготовленных в те годы, выдвигались и записывались в уставные и программные документы, в решения съездов, совещаний и конференций положения о возрождении элементов традиционной культуры. Так, например, в «Уставе Республиканского национально-культурного центра русских Башкортостана «Вече», наряду с другими была включена задача по «пошиву народных костюмов и отдельных предметов одежды», по «изготовлению украшений, сувениров и иных изделий из камня, металла, дерева и других материалов» (Патернализм, 1998, с.266).

Усилия идеологов, политиков и организаторов «возрождения» традиционной культуры не оказались безрезультатными. Они дали свои плоды. И началось новое оснащение и насыщение элементов материальной культуры этнической спецификой, как реальной, так и символической. Таким образом, на глазах одного поколения можно было наблюдать маятниковое движение этничности с элементов материальной в духовную культуру и обратно из духовной – в материальную.

Чем объяснить это движение, напоминающее качели? И в какой степени они известны из истории других народов? Это трудная задача, требующая специального исследования. Можно предварительно высказать некоторые предположения.

1. Прежде всего, реанимация этнически специфических черт в сфере материальной культуры происходит в силу реакции этнического сознания на негативные аспекты глобализации, воспринимаемые как унификация и широкомасштабная разрушительная акция, направленная против этничности.

2. Немалую роль, видимо, играет и креативный характер этого явления, когда освобождение от плановой экономики, государственного иждивенчества и обретение личной свободы позволяет обновлять давно или недавно забытое старое.

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

3. В менталитете свободного человека наступает понимание важности культурного наследия как национального достояния народа.

Не случайно, в Республике Молдова появляется новорожденный Институт культурного наследия, в котором изучение прошлого может служить усилению настоящего и обеспечению будущего. В поэме «Казанский университет», законченном Е. Евтушенко еще в 1970 г., поэтически и метафорически точно было предугадано обращение памяти к прошлому (см. также: История и память. 2006; Савельева, Полетаев. 2006).

И по себе, такому и сякому,
На копоть и на тряску не ворча,
Я на подножке мчащего сегодня
Во имя завтра еду во вчера.

Назад, чтобы с грядущим рядом встать!
Назад не означает – на попятный.
Безумное вперед толкает вспять,
И вдаль бросает трезвый ход обратный.

Е. Евтушенко, 1984, с. 323

Национальным движениям, этнической мобилизации, наполнению суверенитетов в республиках России и независимости новообразованных стран, как воздух, как питательная среда нужны были красочные одежды, живописные пейзажи, поэтические сценарии, золотые века и национальные герои, отдельные коттеджи за пределами городской среды. Важную роль в обретении этнической специфики, которой можно было гордиться и к которой следовало стремиться, играла творческая интеллигенция (Червоная, 1999, с. 27), обладающая «контрольным пакетом акций» по восстановлению стертых с памяти ценностей, в том числе и в сфере быта, образа жизни и элементов материальной культуры.

Однако смещение этнических маркеров из одних слоев культуры в другие не ставит под сомнение объективность и *реальное* существование самой культуры. Более того, как неоднократно подчеркивал выдающийся американский этнолог и культуролог, основоположник культурологии как нового исторического направления Лесли Уайт, культура «является потоком взаи-

действующих элементов; одна черта реагирует на другие и, в свою очередь, испытывает на себе их влияние. Некоторые элементы устаревают и исключаются из потока; в него включаются новые элементы» (Уайт, 2004, с. 420). Перегруппировка элементов культуры с неодинаковой силой манифестирующих интенсивность этнических признаков (маркеров) не обязательно разрушает этничность. «этнообразующее пространство» (Арутюнов, 1995, с. 7), создаваемое «этническими качелями», обеспечивает существование этничности в том или ином виде, подобно существованию вида для остальной живой материи.

Смысл смещения этнических признаков (маркеров) из одной сферы культуры в другую состоит не в обострении этничности в повседневной жизни и не в исчерпании этносом своего исторического ресурса, а в создании новых технологий ради достижения тех или иных «этнически окрашенных» целей в соответствии со своим этническим и этнокультурным потенциалом.

Наблюдения за состоянием этничности в истории народов мира дают основание для вывода о том, что «обратный ход качелей» от субъективного к материальному имели место как во времена угнетенного, так и перевозбужденного этнического самосознания, что вполне могло бы составить обширный предмет специального исследования. Так, например, в XVIII в., в областях с польским населением, где имели место процессы насильственной германизации или русификации, сопротивление польского населения принимало формы консервации некоторых сторон быта вместе с желанием сохранять в неизменности свои обычаи и родной язык (Народы зарубежной Европы, 1964, с. 82-83).

В первые постсоветские годы в России и Молдове, как и в других странах, возникших на обломках Советского Союза, в кругах элитной и творческой интеллигенции возникла проблема соединения реальности и субъективности. Складывалась ситуация, чем-то напоминающая возникновение и самоутверждение наций и национального самосознания в Европе на рубеже XIX – XX вв. Нарастающий интерес к прошлому, в том числе и в сфере быта, культуры и искусства, нашел отражение в концептуальной идее, озвученной Э.Дж. Хобсбаумом, авторитетным исследователем тех трансформационных процессов в европейских странах, в горниле которых рождались не виртуальные и не

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

воображаемые, а реальные нации. «Прошлое есть то, – чеканил свою мысль Э. Хобсбаум, – что создает нацию» (Хобсбаум, 2002, с. 332).

Волею растущего самосознания смещение этничности происходило не только из материальной в духовную сферу, но и внутри материальной (или материализованной) от одних артефактов к другим. В том же XIX в. по тонкому наблюдению Э. Хобсбаума «Поток официальных собраний скульптур и зданий, выполненных в традиционной форме, которой наводнил западный мир между 1880-1914 гг., от статуи Свободы (1886) до памятника Виктору Эммануилу (1912), представлял умирание прошлого, которое после 1918 г. стало определенно мертвым. Все же поиск других идиом, часто экзотических, которые заимствовались везде, начиная от древних египтян и японцев и до островов Океании и скульптур Африки, отражал не только неудовлетворенность старым, но и неуверенность в новом» (Хобсбаум, 1999, с. 339).

Реанимация некоторых культурных ценностей и комплексов в регионах Российской Федерации, в Республике Молдова и в ряде других стран ближнего зарубежья в настоящее время выступает в качестве протеста против так называемой интернационализации культур. В советское время пропаганда элементов современной урбанистической культуры толковалась и преподносилась как некая высшая цель, к которой должны стремиться все этнические культуры, имеющие якобы ограниченную ценность и означающие движение не к прогрессу, а к регрессу. Понятно, что такое отношение (через парадигму интернационализации) способствовало возникновению чувства ущемленности, интолерантности и послужило основой локальных национализмов. Пренебрежительное отношение к этнически специфическим элементам культуры снижало количество социального капитала, без которого сокращались или затруднялись масштабы и качество межэтнического общения.

Конечно, «этнические качели» – это не *perpetuum mobile*. Их должен кто-то раскачивать, в том числе и акторы и акции, подобные Международной Кишиневской конференции «Разнообразие культурного выражения в традиционной жилой среде», участники которой единодушно поддержали «Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения», при-

нятую 20 октября 2005 г. на заседании Генеральной ассамблеи ООН по вопросам образования, науки и культуры, состоявшемся в Париже.

Еще один аргумент в пользу «этнических качелей», как механизма самосохранения и самовоспроизводства этничности, а вместе с тем и того или иного определенного этноса, состоит в том, что, с одной стороны, этническое *самосознание* выступает субъективным отражением объективно существующей общности и его материализованных признаков, а с другой, – само вместе с этнонимом играет роль этноинтегрирующего признака, стимулируя и объективируя само существование объективного признака, «назначая» объективным элементом культуры «этническую специфику».

От Андерсоновской концепции «воображаемых сообществ» веет чем-то религиозным, основанным не на объективных фактах, а на вере в кого-то или во что-то. Между тем, еще В.И. Ленин в «Философских тетрадах», конспектируя «Лекции о сущности религии» Л. Фейербаха, вслед за ним пояснял, что «в религиозных представлениях <...> примеры того, как вообще человек превращает субъективное в объективное, т.е. делает чем-то существующим вне мышления, представления, воображения (подчеркнуто В.И. Лениным) – то, что существует только в его мышлении, представлении, воображении» (Ленин, 1977, с. 55).

В конечном счете, истинный смысл метафоры «этнические качели» не в том, чтобы представить себе движение и возвращение этнической специфики из одной точки в другую, а в том, чтобы в диахроническом аспекте соединить мертвых и живых, «старое» и «новое» и показать поступательную историю непрерывного существования народа, как в качестве оригинальной и неповторимой этнической общности в реальном, и воображаемом мире. Для того, чтобы не заблудиться в частоколе понятий, отражающих этничность, в том числе ее психологические (этническое самосознание) и языковые (родной язык) аспекты, в этностатистике многих стран зарубежной Европы было принято этническую принадлежность фиксировать с помощью двух индикаторов: основным – «этническая принадлежность» и вторым – «родной язык» (Кушнер (Кнышев), 1951, с. 56). Этносоциологические исследования, проведенные накануне и после развала Советского Союза, показали, что оба эти этноопределен-

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

теля – основной и дополнительный – не лишены условности и изменяемости. В полосе этнически смешанных территорий или в горниле этнополитических трансформаций каждый из них может подвергаться изменениям. Так, например, после выхода из состава Советского Союза преобладающее большинство молдаван согласно данным переписи населения 2004 г. сохранили свою этническую принадлежность, в то время как доля лиц молдавской национальности с родным молдавским языком сократилась за период между 1989 и 2004 гг. на 17% : с 95,4 до 78,4% . Другими словами, если принять метафору «этнические качели» в чем-то заслуживающую внимания, то можно согласиться с теорией Бенедикта Андерсона о народах, как «воображаемых сообществах», но при условии, что сам он, в свою очередь, согласится с мыслью непопулярного сегодня В.И. Ленина о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (Ленин, 1977, с. 194).

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. (Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism) Пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2001.

Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность // ЭО. 1995. №5.

Визгин В.П. На пути к другому. От школы подозрения к философии доверия. М., 2004.

Губогло М.Н. Элементы этнической идентификации в оценках экспертов // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований. Тбилиси, 1971.

Гудков Л. Глобализация и национальная идентичность в России // Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 769-799.

Евтушенко Е. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1984. С. 323.

История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени \ Ред. Л.П. Релина. М., 2006.

Клементьев Е.И. Метод организации выборки в этносоциологическом исследовании (на материалах сельского населения Карелии) // Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований. М., 1970. С. 5-14.

Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

Колпаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО. 1995. № 5. С.13-23.

Конфликтная этничность и этнические конфликты \ Отв. ред. Л.М. Дробжилова. М., 1994.

- Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1977. Т. 29.
- Народы зарубежной Европы. Том 1 \ Ред. С.А.Токарев, Н.Н. Чебоксаров. М., 1964.
- Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов \ Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1994.
- Патернализм и этническая мобилизация в развитии народов России \ Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 1998.
- Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. СПб, 2006.
- Симония Н.А. Глобализация и неравномерность мирового развития // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 25-36.
- Современные этнические процессы в СССР. 2-е издание. М., 1977.
- Социальная и культурная доктрина. Опыт многонациональной России \ Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1998.
- Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. По материалам Татарской АССР. М., 1972.
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность \ Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002.
- Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России \ Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2003.
- Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 290-376.
- Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика \ Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1995.
- Уайт Л. Избранное: наука о культуре. Пер. с англ. М., 2004.
- Хобсбаум Э.Дж. Век империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону, 1999.
- Хобсбаум Э.Дж. Принципы этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002.
- Червонная С.М. Все наши Боги с нами и за нас. Этническая идентичность и этническая мобилизация в современном искусстве народов России \ Ред. М.Н. Губогло. М., 1999. С. 27.
- Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.
- Шнирельман В.А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- Эльянов А.Я. Проблемы и противоречия глобализации // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 271-283.

О ЛАНДШАФТНЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ (по работам В.И. Козлова)

Этноэкология как исходно междисциплинарная наука возникла вследствие разрыва не только общественных и естественных наук, но и на преодолении гипертрофированной «материализации» советской этнографии, на включение в сферу своих интересов явлений духовной культуры. В этом плане основными методологическими процессами явились не только процессы **экологизации**, но и процессы **гуманизации** отечественной науки. «Определяя экологию человека как комплексную научную дисциплину, следует иметь в виду наличие в ней двух связанных частей: *биологической и социально-культурной...*» (Козлов, 1983, с.3; выделено мной – В.К.). И далее: «Формирование этнической экологии обусловлено спецификой этносов как особых общностей людей, причем эта специфика проявляется в *биологической* и особенно в *социально-культурной сфере*» (Козлов, 1983, с.3; выделено мной – В.К.).

Этноэкология – развивающаяся «пограничная» наука, вписывающаяся в длительную традицию этнолого-географических взаимодействий.

География и этнография: из истории взаимодействия

Географические и этнографические знания взаимосвязаны уже не одну тысячу лет (Козлов, Покшишевский, 1973). Однако в качестве предметных дисциплин история взаимодействия географии и этнографии насчитывает всего несколько десятилетий.

Институциональное взаимодействие в России началось лишь в конце XIX в., когда Д.Н. Анучиным на базе историко-филологического факультета Московского университета была создана кафедра географии и этнографии, которая впоследствии была перенесена на физико-математический факультет. В Петербурге (Ленинграде) этнографический факультет существовал в составе Географического института до 1925 г.

Помимо университетских площадок другим местом сотворчества этнографов и географов в конце XIX – начале XX вв. было Русское географическое общество. Комиссии по физической

географии и по этнографии общества в дореволюционное время были самыми деятельными (председателем последней в этот период был крупный этнограф и фольклорист Д.К. Зеленин).

Во многом благодаря синтезу этнографических и географических знаний возникла **антропогеография**, эпоха расцвета которой пришлось на 1910-1920-е гг. Не случайно в эти годы в трудах ряда антропогеографов появился термин **культурный ландшафт** (Берг, 1915; Sauer, 1925). Русские антропогеографы В.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.П. Савицкий, Л.С. Берг, А.А. Круббер в качестве важных составляющих ландшафта как основного объекта географии выделяли культуру. «Под именем географического ландшафта следует понимать область, в которой характеры рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и, наконец, культуры человека сливаются в единое гармоническое целое» (Берг, 1915). И хотя в методологическом плане в работах российских антропогеографов природное начало чаще оказывалось в центре исследования, а культурное – на периферии (В.И. Козлов неоднократно указывал на недоучет этнических аспектов исследования культурного ландшафта в антропогеографических работах), важным научным достижением следует признать их взгляд на ландшафт как на сложный **природно-культурный комплекс**.

Антропогеографические исследования оказали заметное влияние на образовательный процесс. Так, в рамках направления «география человека» в учебном плане географического факультета МГУ в 1926 г. значились следующие дисциплины: систематика и география человеческих рас, демографическая статистика, география колоний, этнография СССР, история культуры, экономическая география и другие (Дронин, 1999).

1930-е гг. и последующие десятилетия характеризуются как период активной **дегуманизации (и деэтнологизации) географии**. С одной стороны, в этих процессах проявились объективные тенденции дифференциации и специализации науки а, с другой, прослеживается мощное идеологическое воздействие. Например, в учебном плане географического факультета МГУ к 1929 г. из всех выше перечисленных гуманитарно-географических дисциплин сохранилась лишь экономическая география, а в 1931 г. был ликвидирован и отдел этнографии в Географическом обществе СССР (Дронин, 1999). Тем самым была прервана органическая

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

связь географии с этнографией. В этот период «... из физической и даже из экономической географии стал исчезать человек, а из этнографии – природная среда» (Козлов, 1983, с. 5).

В последующие годы взаимодействие этнографии и географии поддерживается лишь благодаря научному энтузиазму отдельных ученых, среди которых были Л.С. Берг и Л.Н. Гумилев. Развивая экономический принцип Л.С. Берга о воздействии ландшафта на живые организмы, Л.Н. Гумилев распространил его на этнические сообщества, создав оригинальную теорию этноса. Заметим, что серия тематических статей, опубликованных в Известиях Географического общества, носит символическое название «Ландшафт и этнос» (Гумилев, 1993, 1994). В соответствии с антропогеографическими представлениями о природно-культурном комплексе Л.Н. Гумилев рассматривал этнический коллектив как часть природы, а хозяйственную деятельность как регулятор природных процессов, обеспечивающих его жизнедеятельность: «Этносы всегда связаны с природными условиями, ландшафтами. <...> Ландшафт определяет возможности этнического коллектива при возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим потребностям» (Гумилев, 1994, с. 322). Подчеркивая зависимость человеческого коллектива от вмещающего ландшафта, он убедительно показал преемственность способов хозяйственной деятельности и систем расселения у разных этносов, проживавших в пределах одного этноландшафтного региона в разные исторические периоды.

Заметим, что в этот непростой период истории отечественной науки этнография в целом сохранила, вероятно, больше географических знаний, чем география этнографических. Одним из блестящих примеров синтеза географических и этногеографических знаний явилась разработанная этнографами концепция хозяйственно-культурных типов и историко-культурных зон (Левин, Чебоксаров, 1955, Андрианов, Чебоксаров, 1972, Андрианов, Чебоксаров, 1975 и др.). Эта, по сути своей междисциплинарная концепция, не потеряла актуальности и для современной науки. Вся концепция «пропитана» географическими знаниями: теория хозяйственно-культурных типов базируется на законе природно-географической зональности, а представление об историко-культурных зонах опирается на региональную географию. Не удивительно, что активное применение географических зна-

ний в этнографии привело этнографов к необходимости освоения базовой географической методологии – картографирования. К сожалению, несмотря на очевидную «географичность» концепции хозяйственно-культурных типов и историко-культурных зон, она и по сей день слабо освоена географическим сообществом и используется им в основном при разработке образовательных программ (Ямсков, 2006).

1960-1970-е гг. вошли в историю науки не только как время развития **этнической географии**, но и **этнической и лингвистической картографии**. Одним из продуктивных географических методов, освоенных в этот период гуманитарным сообществом (в первую очередь этногеографической школой В.И. Козлова и этнолингвистической школой Н.И. Толстого), был метод картографирования, позволивший лучше понять пространственные закономерности традиционной культуры. Его широкому распространению способствовал тот факт, что картографический язык обладает мощным интегративным потенциалом и по сути своей междисциплинарен: «Карта может служить той единой и часто единственной основой, которая позволит соотнести между собой данные разных дисциплин и извлечь существенную информацию уже не из особенностей изучаемых явлений, а из того, как они структурируют территорию» (Толстая, 1995, с. 7).

1980-е гг. в истории взаимодействия этнографии и географии проходят под знаменем **этнической экологии** (Козлов, 1983). Примечательно, что, как и в начале XX в., большую роль в этом процессе сыграло Русское географическое общество, на базе которого были организованы междисциплинарные семинары и выпущена серия научных трудов этноэкологической и культурно-географической ориентации (Малые и дисперсные этнические группы..., 1985, Этнические группы в городах..., 1987, Этноконтактные зоны..., 1989).

Завершая краткий историографический очерк взаимодействия географии и этнографии, заметим, что в 1990-е гг. в связи с общим процессом **гуманизации** сферы науки в географии после пятидесятилетнего перерыва заметно оживился интерес к идеям русской антропологической школы. Подтверждение этому – появление и бурное развитие нового направления – культурной географии (Туровский, 1998, Калуцков, 2000, 2008, Каганский, 2001, Рагулина, 2004, Стрелецкий, 2008 и др.). Отсюда – повы-

пленный интерес географов к гуманитарным (и этнографическим) знаниям. Наряду с Географическим обществом, академическими и вузовскими аудиториями возникают новые площадки междисциплинарного взаимодействия. Среди них, например, Конгресс этнологов и антропологов России, в рамках которого вот уже несколько лет действует секция этнической и культурной географии. Такой площадкой является и междисциплинарный семинар «Культурный ландшафт», действующий на базе географического факультета МГУ с 1993 года.

Ландшафтные идеи в работе В.И. Козлова «Основные проблемы этнической экологии» (1983)

В.И. Козлов первым осознал перспективность ландшафтных идей и методов в развитии этнической экологии. В своих работах он активно пользуется ландшафтной терминологией, в его терминологическом арсенале такие термины, как географический ландшафт, культурный ландшафт, ландшафт этнических территорий. При этом он существенно развивает содержание понятия ландшафта, сохраняя его физико-географическую «начинку», но насыщая его культурным содержанием. Важно, что во многих его работах за экологической риторикой (дань научной «моде» 1980-х годов) стоят реальные ландшафты.

Среди основных ландшафтно-ориентированных идей В.И. Козлова – идеи приоритетности регионально-локального уровня в этноэкологических исследованиях, необходимость учета территориальной неоднородности, анализ ландшафтного рисунка, идея этнологизации самого термина «культурный ландшафт» и, наконец, идея взаимосвязи духовной культуры этноса и созданного им культурного ландшафта.

1. Ориентация на регионально-локальный (ландшафтный) уровень в этноэкологических исследованиях. Такая ориентация этноэкологии вписывалась в общую тенденцию развития гуманитарных наук в 1960-1980-е гг. В тенденцию, суть которой заключалась в установке на исследование **локальных культурных традиций**. «Крупные этносы, например русские или украинцы <...> вообще не подходят для роли экологических таксонов. Вместе с тем, жителей равнины и горцев, кочевников сухих степей и приморских рыболовов, если они и не образуют отдельных этносов, можно рассматривать как экологические таксоны, жизнь кото-

рых во многом определяется условиями их местообитания» (Козлов, 1983, с. 4). «Что же касается крупных этносов, занимающих обширные территории с разнообразными климатическими и другими природными условиями <...>, то при экологическом анализе они распадаются на ряд популяционных, культурно-бытовых и других внутриэтнических групп» (Козлов, 1983, с. 5).

Далее автор называет этносы экологическими единицами, зависящими от географической среды. Но именно **ландшафты (культурные ландшафты)** и являются реальными единицами географической среды регионально-локального уровня.

2. Необходимость учета неоднородности территории. «Природная среда, в которой живут этносы, может быть как сравнительно однородной, так и существенно неоднородной. Термин «сравнительно однородной» употреблен здесь потому, что полной однородности обычно не бывает; во многих случаях даже части небольших этносов живут в условиях, различающихся по характеру рельефа, гидрографии, растительности и другим элементам ландшафта, а также по особенностям микроклимата. Данные о том, где расположены конкретные поселения — на южном склоне холма или на северном (открытом холодным ветрам), вблизи леса и реки или в удалении от них и т.п., имеют, конечно, немаловажное экологическое значение» (Козлов, 1983, с. 5; выделено мной – В.К.). Эта фундаментальная научная задача географии XX в. решается как теоретически, путем разработки представлений о пространственной организации территории, так и практически — при составлении ландшафтных карт на конкретные территории. В результате анализа таких карт только и можно практически выделять локально-неоднородные природные условия жизни этнических сообществ.

3. Анализ морфологии (рисунка) культурного ландшафта. «Следует отметить, что антропогенная среда, обусловленная особенностями хозяйства и материальной культуры (поселения, жилища и т. п.), обычно настолько этнически специфична, что при одном взгляде на *рисунок культурного ландшафта* специалист нередко может сказать, кто живет в этой местности: рисоводы-яванцы или, например, хлопководы-египтяне. С развитием урбанизации такая этническая специфика, конечно, сильно уменьшается» (Козлов, 1983, с. 11; выделено мной – В.К.). Вместе с тем и в наши дни многие этнические границы (при однотипных при-

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

родных условиях) по пространственной структуре культурного ландшафта хорошо читаются на местности, например, граница между Финляндией и Россией.

4. Этнологизация содержания термина «культурный ландшафт». В своих работах В.И. Козлов неоднократно указывал на недоучет этнических аспектов в понимании культурного ландшафта в географических исследованиях (Козлов, Покшишевский, 1973, Козлов, 1983). Он предлагает этнокультурное понимание ландшафта, существенно опережая свое время. «Адаптация людей к среде обитания может отразиться в особенностях их материальной и духовной культуры, традиционного быта, психологических черт <...>; изменение природных условий — в возникновении своеобразных *культурных ландшафтов с антропогенными элементами* (например, жилищами); то и другое определенным образом связывается с этносом, приобретает этнические черты (Козлов, 1983, с. 4; выделено мной – В.К.).

Примерно в это же время сходные идеи развивал Н.И. Толстой (Толстой, 1995). Высказанные В.И. Козловым представления о культурном ландшафте как этнокультурном образовании активно начинают разрабатываться только со второй половины 1990-х гг. (Калущков, 1995, 2000, Туровский, 1998 и др.).

«Люди привыкают к определенному *ландшафту*, считают его *«родным»*. Человек, выросший в холмистой лесной полосе, чувствует себя неуютно при переселении на равнинную степь или морское побережье, даже если климатические условия их очень близки. Характерно, что русские переселенцы в степные районы старались посадить возле дома хотя бы одну березку или какое-то другое «родное» дерево, чтобы ослабить острое чувство ностальгии» (Козлов, 1983, с.12; выделено мной – В.К.).

5. Культурный ландшафт и духовная культура этноса. Постановка данной тематики для своего времени также была пионерной. «*Ландшафты этнических территорий* являются неременным фоном народных сказаний, песен и других форм фольклора, а определяемая главным образом климатом цикличность сельского хозяйства связана с соответствующими обычаями, обрядами и праздниками, оказывающими сильное стимулирующее влияние на психику» (Козлов, 1983, с.12; выделено мной – В.К.). Подобно идее этнического содержания культурного ландшафта проблематика «культурный ландшафт и фольклор» привлека-

ет интерес исследователей спустя лишь многие годы (например, Иванова, 1998, 2002 и др.). При этом фольклор (и духовная культура в целом) рассматривается как важный компонент культурного ландшафта.

В целом, высказанные В.И. Козловым ландшафтные (культурно-ландшафтные) идеи опережали свое время. Дальнейшее их развитие происходит только в 1990-е и 2000-е гг., оформляясь в виде междисциплинарной концепции культурного ландшафта.

Некоторые методологические проблемы этнической экологии

Среди целого спектра методологических проблем новой науки, намеченных В.И. Козловым, выделим, на наш взгляд, важнейшие проблемы, к которым относятся обоснование объекта этноэкологии и проблема его границ.

1. Проблема объекта этноэкологии. В статье 1983 г. на этот вопрос нет однозначного ответа (Козлов, 1983). В качестве вариантов объекта предлагаются этноэкосистема (с. 7), экосистема с «социально-культурным содержанием» (с. 15), в неявном виде антропогеоценоз В.П. Алексеева (с.15).

Отчасти эта проблема решается в работах этноэкологов новой генерации. Так, И.И. Крупник в качестве компонентов этноэкосистемы выделяет хозяйственный коллектив, освоенную территорию, популяции домашних животных, хозяйственно-бытовой инвентарь (Крупник, 1989). А.Н. Ямсков расширяет состав этноэкосистемы, включая в нее такие компоненты, как культура природопользования и расселения, культура материального жизнеобеспечения, соционормативная и гуманитарная культура (Ямсков, 2003а). Однако учитывая ситуацию глобализации и быстрой трансформации традиционной культуры, вопрос объекта этноэкологии и в настоящее время остается открытым.

2. Проблема территориальной локализации этноэкосистемы, выделения ее границ и картографирования. Данная методологическая проблема неразрывная связана с первой. «Очень сложным представляется *вопрос об определении экологических границ*, но и до его полного разрешения ясно, что во многих случаях границы экологических систем применительно к этносам могут быть установлены лишь *условно*» (Козлов, 1983, с.15; выделено мной – В.К.). И далее: «Сложность выделения экосистем

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

(как и хозяйственно-культурных типов) сильно возрастает при переходе от народов, сохранивших традиционные формы жизни, к современным промышленно развитым урбанизированным обществам» (Козлов, 1983, с.15). Проблема территориальной локализации объекта и выделения конкретных границ (на местности и на карте) методологически рафинированно решена только географией. Теории и практики экологического картографирования и в начале XXI в. не создано.

Культурный ландшафт как этноэкологическая система

Под культурным ландшафтом понимается природно-культурный территориальный комплекс, освоенный сообществом людей.

Представляемая объектная (морфологическая) модель культурного ландшафта была разработана географами, фольклористами и этнографами в процессе реализации совместных исследовательских, экспедиционных и издательских проектов (рис. 1а).

Основными компонентами культурного ландшафта являются:

■ природный ландшафт или природная среда (включает горные породы, рельеф, климат, воды, почвы, растительность и животный мир);

■ сообщество людей, взятое в этнологическом, социальном, семейном, конфессиональном и других аспектах;

■ хозяйственная деятельность (конкретные хозяйственно-культурные типы и их варианты в значительной мере определяются совокупностью природных условий, ресурсов и типом этнообщества);

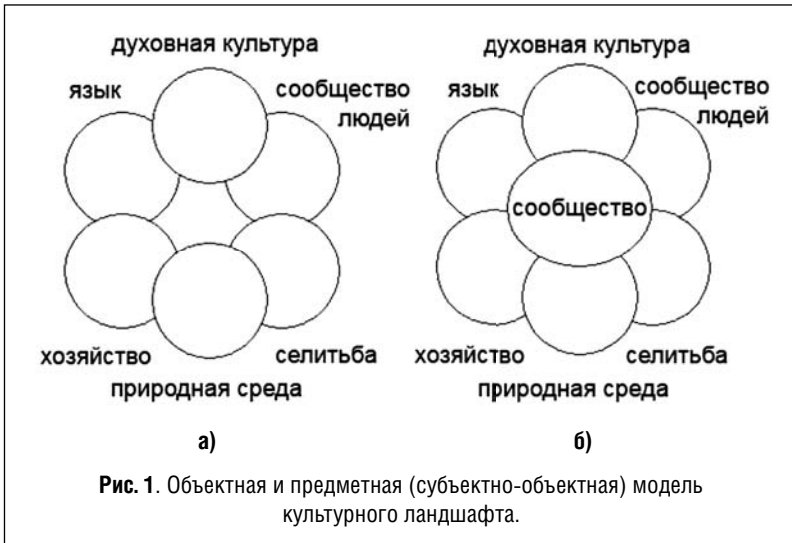
■ селенческо-расселенческая система (или селитьба) как способ пространственной организации/самоорганизации сообщества в ландшафте;

■ языковая система;

■ духовная культура (сфера верований, ритуальной практики, фольклора и других видов народного искусства).

Два последних компонента являются также универсальными способами описания, сохранения, ретрансляции культурного ландшафта во времени и пространстве.

При монодисциплинарном подходе природная среда оказывается в сфере интересов географии, этническое сообщество

(хозяйствующий коллектив) – этноэкологии и этносоциологии, хозяйственная деятельность – этноэтнологии и экономической географии, языковая система – диалектологии, фольклор – фольклористики и т.д. При изучении культурного ландшафта, взятого в его целостности, в поле зрения исследователя попадают не только отдельные компоненты, но и их внутренние (системные) связи. Сопряжением нескольких компонентов, а, следовательно, и научных дисциплин, с ними связанных, достигается проблемное междисциплинарное комплексирование. В итоге приведенная выше объектная модель культурного ландшафта способна превратиться в предметную и выполнять координирующую функцию в организации и проведении междисциплинарных исследований. Для этого в нее должно быть введено еще одно звено, придающее целостность и устойчивость всей конструкции.

Речь идет о том, что любой культурный ландшафт имеет своего «исследователя». В роли последнего выступает сообщество людей, которое создает, осваивает, осмысляет культурный ландшафт и «овеществляет» информацию о нем в разнообразных арте-, социо- и ментефактах. Именно в них репрезентируется «внутренняя» (сообщества) точка зрения на «свой» культурный ландшафт, которая обязательно должна соотноситься с «внешней» (исследовательской) позицией. В противном случае

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

научные результаты будут грешить субъективностью и приближительностью. С учетом сказанного предметная модель культурного ландшафта выглядит несколько иначе, нежели объектная (рис. 16).

Она очень удобна для проведения междисциплинарных исследований в силу своей пластичности, поскольку позволяет по-разному расставлять акценты в зависимости от того, ученый какого профиля с ней работает. Концентрация на одном из компонентов не исключает, а предполагает учитывать его фоновые связи с другими, а это означает, что концепция культурного ландшафта позволяет получать достаточно объективные результаты при изучении таких сложных феноменов, как культурная традиция.

Другое преимущество предложенной предметной модели культурного ландшафта состоит в том, что она дает возможность изучать и представлять культурные традиции в конкретных и типологических пространственных проекциях, например культурный ландшафт отдельного селения и поморский культурный ландшафт. Это открывает новые перспективы для культурно-ландшафтного районирования.

К настоящему моменту в изучении культурных ландшафтов оформился целый спектр исследовательских направлений: *антропологическое* (Ф.Н. Мильков, Г.А. Исаченко), *пейзажное* (В.А. Николаев), *феноменологическое* (В.Л. Каганский), *экологическое* (Ю.А. Веденин) и *этнокультурное* (В.Н. Калуцков, М.В. Рагулина, А.Н. Ямсков).

Концепция культурного ландшафта перспективна в контексте быстрого развития полевой этнографии и полевой фольклористики. Она позволяет работать с иерархически организованной локальной культурной традицией и использовать принципиально новые возможности географии и картографии. Речь идет о составлении и интерпретации карт, отражающих картины мира сообществ разного типа.

Итак, сила ландшафтной концепции заключается в исходно заданной междисциплинарности (каждая отдельная научная дисциплина может «настроить» понятие ландшафта под свои цели и задачи), в территориальности как измеримом пространственном разнообразии (с чем связаны возможности картографирования культурных традиций), в пластичности, что позволяет работать не только ненарушенными (традиционными) ландшафтами по-

запрошлого века, но и с современными ландшафтами городов и мегаполисов.

Концепция культурного ландшафта оказалась созвучна этноэкологам, работы которых в свою очередь оказывают существенное влияние на развитие культурного ландшафтоведения (см., например, Ямсков, 2003б). Однако возможности ландшафтной концепции в развитии этноэкологии задействованы пока недостаточно. Между тем именно концепция культурного ландшафта позволяет преодолеть сложные, намеченные В.И. Козловым, методологические проблемы этноэкологии. Географам и этнологам вместе нужно работать с этноландшафтной реальностью.

Подводя итог изложенному, следует сказать, что научная деятельность В.И. Козлова – это образец выстраивания междисциплинарных взаимодействий на уровне идей, проблем, методов, включая и этнолого-географические взаимодействия. Каждый раз на новом витке науки автор «оказывается» на ее переднем, проблемном крае. Вне всякого сомнения, работы В.И. Козлова представляют собой важную основу быстро развивающейся междисциплинарной по своему духу концепции культурного ландшафта, концепции, которая находит все больше последователей среди географов, этнологов, фольклористов, представителей других наук. На наш взгляд, дальнейшее продвижение ландшафтной концепции в этноэкологии чрезвычайно перспективно и плодотворно.

Литература

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2. С.3-16.

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ. 1975. №3. С.7-25.

Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. ИРГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463-475.

Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994.

Дронин Н.М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии (1900—1950-е годы). М., 1999.

Иванова А.А. Фольклор как индикатор этнических сообществ // Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье. Поморье. М., 1998. С. 39-64.

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

Иванова А.А. Концепция культурного ландшафта как методологический принцип организации комплексных полевых исследований // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 6-13.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

Калуцков В.Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1995. № 5. С. 16-20.

Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

Козлов В.И., Покшишевский В.В. Этнография и география // СЭ. 1973. № 1. С. 3-13.

Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16

Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С.3-17.

Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР: география расселения и культурные традиции \ Ред. И.И. Крупник. М., 1985.

Проблемы этнической географии и картографии \ Под ред. Брука С.И. М., 1978.

Рагулина М.В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Иркутск, 2004.

Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С.21-33.

Толстая С.М. Географическое пространство культуры // Живая старина. 1995. № 4 (8). С. 2-7.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М, 1995.

Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.

Этнические группы в городах европейской части СССР: формирование, расселение, динамика культуры / Ред. И.И. Крупник. М., 1987.

Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения) \ Ред. И.И. Крупник. М., 1989.

Ямсков А.Н. История развития концепции этноэкологической системы в отечественной этноэкологии и характеристики её структурных блоков // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Вып. 2 \ Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень, 2003а. С. 271-273.

Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М., 2003б. С. 62–77.

Ямсков А.Н. «Новые классики»: Л.Н. Гумилев и С. Хантингтон в образовательных программах // Экология общества. М., 2006. С. 176-199.

Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. 1925. Vol. 2. № 2. P. 19-53.

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ

Предложение принять участие в коллективном научном сборнике, посвященном юбилею доктора исторических наук Виктора Ивановича Козлова и признанию его заслуг в развитии отечественной этнологии, огромная честь для каждого российского ученого. Выбор темы моей статьи не случаен, прежде всего обусловлен тем обстоятельством, что юбиляр стал отцом-основателем двух научных направлений: этнической экологии и этнической демографии, которые в максимальной степени востребованы в родной мне отрасли научного знания – этнической социологии. Кроме того, самому Виктору Ивановичу всегда были особенно интересны теоретические проблемы этнологии на «перекрестке предметных полей» с другими сферами гуманитарного знания. И, наконец, наш дорогой юбиляр, в своей программной статье *«Основные проблемы этнической экологии»* (Козлов, 1983), делая первую попытку представить на рассмотрение научной общественности проблемы этнической экологии, сам прямо указал на ключевое методологическое основание ее близости с социологией, заметив: «Полагаю, что мотивы деятельности, людей как социально-биологических существ, включая и не вполне осознанные, преследуют две основные цели: обеспечение личного самосохранения и обеспечение группового сохранения (в том числе сохранения этнических общностей)».

Размышляя о возможностях интеграции методологических оснований экологии и социологии, в контексте междисциплинарного комплексного этносоциологического исследования, следует пояснить, что организация эмпирического познания актуальных социальных проблем затруднительна без исходной теоретико-категориальной системы, вне которой продуктивная интеллектуальная научная деятельность невозможна. Важно лишь, чтобы та или иная концептуальная парадигма не препятствовала (как теория научного коммунизма, в свое время) адекватному и объективному познанию социальной действительности. Именно поэтому, полагаю, что важнейшая гносеологическая функция научного поиска исходной теоретической основы для интеграции

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

экологии, этнологии и социологии состоит в том, что, по меньшей мере, она должна быть гносеологически и методологически нейтральной, открытой в мировоззренческом смысле.

Как известно, понятие «экология» ввел в научный оборот немецкий естествоиспытатель Э. Геккель в 1866 году, соединив два греческих слова: *oikos* – жилище, местопребывание, убежище, дом, и *logos* – учение. Важнейшей ключевой категорией экологии является представление об «*экосистеме*» – *совокупности взаимодействующих живых организмов и условий среды, непосредственный гео-биологический обмен между живыми организмами и неживой природой*. Масштабы взаимодействия системы «человек – общество – природа» различны: от *локальных и региональных экосистем* до изучаемых в рамках *глобальной экологии*. Важнейшее место в анализе экосистемы занимает проблема *экологического равновесия* в ней, которое характеризуется сохранением постоянного видового состава и циклов воспроизводства.

Как часть экологии, в XX веке начинает оформляться *социальная экология* как наука о взаимодействии общества и природы, о развитии *социо-природных экосистем*. Ее важнейшей задачей становится *анализ процессов адаптации социальных субъектов в окружающей среде*, выявление пределов изменчивости социальной активности, за которыми возникает негативный экологический эффект (социальная экология О.Н. Яницкого). Целью выработки социально-экологического знания становится научное оформление проекта «устойчивого развития» социосферы. Такой проект призван служить ответом на вызов глобального экологического кризиса, сложившегося во второй половине XX века вследствие нарастания социальной техногенной активности. В поиске *оснований устойчивости взаимодействия общества и природы* социальная экология обращается к *опыту традиционного общества*. Знания о воспроизводстве жизни, об окружающей среде накапливались на протяжении всей истории человечества. Возникающая еще в первобытном обществе мифология отражает естественные законы воспроизводства жизни, в соответствие с которыми выстраивалось воспроизводство общественной жизни.

В науке, вследствие деления научного знания на части, каждая из которых занимается изучением не всей действительности, а лишь «своего» фрагмента, в Новое время произошло обособление естествознания и обществознания, исследующих отдельные

формы жизни. И первые сто лет развития собственно экологии приходится на период *«разобщенного знания»*. Поэтому первоначально экологические знания накапливались отдельно друг от друга в биологии, географии, социологии, этнологии и многих других науках. Стремление систематизировать знания о воспроизводстве отдельных «фрагментов» биологической и социальной жизни приводит к *становлению современного интегративного представления о процессе воспроизводства жизни, о гео-био-этно-социальных условиях и механизмах воспроизводства жизни*. Предметная область экологии расширяется, она включает знание о связях, обеспечивающих воспроизводство всех форм жизни на нашей планете, о целостности жизни. При анализе *экологических процессов* все шире используется *социологический подход*.

В классической экологии был выявлен феномен обменности экологических связей: его осмысление стало основой для интеграции экологического, культурно-антропологического, этнологического и социологического подходов. Если в природных экосистемах идет непосредственный гео-биологический обмен между живыми организмами и неживой природой, то в системах социоприродных, где во взаимодействие вступает природа (живая и неживая) и общество, обмен оказывается опосредован культурой, символической деятельностью, языком, сознанием. При воспроизводстве социальной жизни складывается двойная система накопления информации: биологической – в генах, и культурной – в языке, в тексте.

Наверное, поэтому первая междисциплинарная встреча исследователей проблем экологии человека, с одной стороны, и культурной антропологии, этнологии, с другой, методологически оформилась еще в XVIII веке, в концепции *географического детерминизма*. Идеи эти впоследствии, с середины XIX века были восприняты в *антропогеографии* (Ф. Ратцель). В конце XIX века те же проблемы рассматривались американским этнологом Ф. Боасом в рамках концепции *«поссибилизма»*, представляющей *природную среду* лишь в качестве *фундамента*, на котором могут возникать и развиваться различные инварианты социокультурных, этнических общностей. Временем институционализации аналога *этнической экологии* в США стали 50-60-е годы XX века, в связи с презентацией *«культурной экологии»* Дж. Стюарта,

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

«экологической этнологии» («экосистемная этнология», «этноэкология», «процессуальная экоэтнология») (см. подробнее: Козлов, Ямсков, 1989).

В социологии экологический подход был использован одним из основателей чикагской школы Робертом Парком (1864-1944), отмечавшим *общность принципа рассмотрения систем в социологии и экологии. «Экосоциология»* Р. Парка строится на демонстрации зависимости общественных отношений от среды, в которой они оформляются. Конкуренция в обществе рассматривается как процесс, подобный борьбе за существование в природе. *«Экологический порядок общества»*, по Парку, возникает *под воздействием* такой формы коллективного поведения, как *миграция*. Эти методологические основания легли в основу изучения Парком и его последователями *локальных сообществ*.

В России также, еще в народной традиции, на протяжении веков существовало подчеркнуто бережное отношение к таким компонентам природной среды как *земля, воздух, вода*. Эта традиция отражалась как в народном сознании, так и в развитии научного знания – *в сельскохозяйственной экологии* А.Т. Болотова, в исследованиях А.Л. Чижевского, русских космистов. Так, В.И. Вернадский заложил основы научного материалистического истолкования идеи *ноосферы*, как *нового эволюционно возникающего состояния глобальной социоприродной экосистемы*, при котором решающим фактором ее развития становится *гармоничное взаимодействие человека и природы*. Эти идеи латентно отразились в представлениях о *ХКТ, традиционных хозяйственно-культурных типах и историко-географических регионах жизнедеятельности* и в концепции *«антропогеоценоза»* В.П. Алексеева.

С конца 70-х годов XX века, Виктор Иванович Козлов, при организационной поддержке академика АН СССР Ю.В. Бромлея, задался целью институционализации *этнической экологии* в нашей стране. Благодаря его усилиям *экологический подход* в соотнесении с *этносоциологическим* и *этнопсихологическим*, успешно реализовывался учеными сектора этнической экологии, созданного в 1981 году под руководством доктора исторических наук В.И.Козлова в Институте этнографии АН СССР (ныне – Институт этнологии и антропологии РАН). Привлекая богатство отечественной традиции научного осмысления специфики

природных и социокультурных условий традиционных систем жизнеобеспечения этнических общностей, В.И. Козлов своей научной деятельностью непосредственно способствовал *интеграции методологических возможностей этнологии, социологии, экологии, демографии и социальной психологии* в организации междисциплинарного научного поиска по анализу проблем использования этносами природной среды, этносоциальных последствий экстенсивной и интенсивной эксплуатации этой среды обитания. Предметом особого внимания становились прежде всего социальные показатели *социально-экологических предпосылок и условий этнической демографии, рождаемости, смертности, продолжительности жизни*, особое внимание обращалось на *феномен долгожительства* в различных этнических средах. Эти же социальные показатели являются исходными в этносоциологическом исследовании. Не случайно также, что *общей ключевой категорией интегративного междисциплинарного анализа* закономерностей формирования и функционирования этнических общностей в различных экосистемах несомненно является понятие *адаптации*, позволяющее при осуществлении комплексных исследований обращаться как к физической, так и к социальной, культурной, психологической адаптации не только отдельного индивидуума, но и самых различных этнических групп и этнических сообществ.

В современной этнической экологии все более существенную роль играет именно *социологический анализ*, исследование экологического изменения и поведения, причин нарастания противоречий в развитии природы и жизнедеятельности не только локальных этнических общностей, но и полиэтничных городских, региональных и глобального сообществ. В тоже время социологами, в свою очередь, все обстоятельнее учитывается естественнонаучное и этнологическое знание о воспроизводстве различных антропо-социальных общностей. Наряду с этим предпринимаются попытки учета накопленных в культуре самых различных этносов многообразных традиций взаимодействия народа и природы, которые сложились на Юге и Севере, Востоке и Западе нашей планеты. Современная ситуация обострения экологического кризиса уже не позволяла представителям науки индустриального общества (общества модерна) и общества эпохи глобализации (постмодерна) пренебрегать знанием, сложившимся в традици-

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

онных сообществах, о том, что *«бег выигрывает не самый сильный, а самый выносливый»*, как говорят люди народности тевана в Южной Африке. Экологическая социология анализирует пути и способы удовлетворения потребностей людей, которые позволяли бы не деформировать природу, не использовать техническое могущество человека против природы, преодолеть наиболее тяжелые социальные последствия экологического кризиса.

Предметом и *этнической экологии*, и *этнической социологии* являются процессы с противоположной, социальной, экологической, этнической и исторической направленностью. Подчас они проявляются в превращенных парадоксальных формах, что отнюдь не случайное следствие исконной противоречивости социального бытия. Однако, как полагают наши коллеги психологи, только *«существование этих, по сути дела, противоположных начал – тенденций дифференциации и интеграции, способно обеспечить психологическую включенность группы в более крупное целое и вместе с тем сохранять за ней и определенную самостоятельность»* (Агеев, Сыродеева, 1988).

Методологической задачей, общей для этноэкологов и этносоциологов, стало создание одного из вариантов теории «среднего» уровня, интегрирующей общесоциологические подходы к изучению социально-этнических процессов и социально-этнических общностей. Для определения социально значимых тенденций межэтнического взаимодействия необходимо выявить уровень организации социально-этнической жизнедеятельности в данный момент времени, в современных социальных условиях (в синхронии), и в разных экологических средах, апеллируя при этом и к историческому прошлому (диахронии) этносоциального бытия народов, сравнивая с ним сегодняшнюю ситуацию. Этносоциологи могут установить диалектическую взаимосвязь между социальными факторами, явлениями и признаками, определившими социально-этническую жизнедеятельность, межэтническое взаимодействие и межэтническое общение, выявляя степень их устойчивости и изменчивости по отношению к социальной действительности. Этноэкологи способны объяснить причины устойчивости и изменчивости этносоциального бытия, обусловленные воздействием внешней природной среды и степенью сохранения традиции поддержания консенсуса в диалоге этнического сообщества с природой.

Для совместного решения этой необычайно сложной задачи необходимо применение традиционного в социологии *системного подхода*, что позволит приблизиться к пониманию изменчивости, модифицируемости систем социальной жизнедеятельности этносов. *Социально-этнические общности* при этом интерпретируются как целостные, находящиеся на определенной ступени организации *социальные системы*, не существующие без *системообразующего фактора – деятельностного общения*. Столь же традиционный *структурно-функциональный анализ* позволяет прояснить суть исследуемой проблемы, через раскрытие конкретных компонентов системы и их функциональных проявлений в социально-этнической реальности. Именно поэтому, для осмысления общего объекта исследований и совместного методологического поиска в междисциплинарном *«предметном поле»* этнической экологии сохраняют свою эвристическую значимость концептуальные идеи одного из самых крупных теоретиков социологии XX века *Талкотта Парсонса (2002)*. Его концепция *«структуры социального действия»* вновь привлекает к себе внимание. Она чрезвычайно плодотворна для целей современного этносоциологического и этноэкологического исследований, опирающихся на определенные представления об объективности этносоциального развития в целом, анализирующего различные стороны и структуры этносоциального взаимодействия. В качестве исходной единицы анализа предлагается не общество и не культура в целом, а *социальное действие*; именно в нем сходятся и замыкаются друг на друга взаимодействия, идущие от общества, культуры и личности, направленные также на активное освоение природной среды. В социальном действии социальные механизмы обрабатывают личностные установки и отливают в формы, предусмотренными этнокультурными и социальными нормами. Рассматривая, по парсоновской схеме, *мотивации социального действия*, основанные на *структурно-функциональном принципе*, мы видим, как сходятся влияния трех структур: *личности, культуры и общества*, посредством обращения к ключевой триаде структурного взаимодействия: *интересы – потребности – ценности*, которые весьма наглядно проявляются в структуре социального действия по освоению природных ресурсов. Анализируя эти структуры социального действия, можно выйти на содержательные интерпретации этносоциальных последствий

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

деградации экосистем и ценностно-нормативные структуры поддержания баланса социального, экологического, этнокультурного взаимодействия.

Как известно, *системный подход* как направление в методологии социальных исследований анализирует объекты исследований как социальные системы. Этот подход привлекателен прежде всего тем, что *способствует раскрытию целостности объекта* и ориентирует не только нас, этносоциологов, но и экологов на нахождение самых разнообразных *структурно-функциональных связей, как внутриэтнических, так и межэтнических*. Широкое обращение этносоциологов 70-80-х гг. XX в., ставших временем становления отечественной этнической экологии, к системному подходу не случайно, оно определялось общенаучной *тенденцией перехода от разрозненных, локальных исследований к анализу организации и функционирования социально-этнических общностей, как сложных социальных систем*. Границы и состав сложных социальных систем требуют специального исследования в каждом отдельном случае. Этноты, социально-этнические общности относятся к системным организациям именно такого порядка.

Дальнейшее осмысление предмета исследования требует внимания к проблеме теоретико-методологической интеграции и соотнесения этнической социологии и этнической экологии, как двух специфических областей научного знания. Это важный аспект научной рефлексии, ибо он определяет теоретический уровень построения методологических оснований комплексных этносоциологических исследований, позволяющий осуществлять междисциплинарный анализ, совместно с этноэкологами, демографами и этнопсихологами.

С позиций системного подхода, мы представляем *этническую общность* любого уровня в качестве *целостной социальной системы*. Вместе с тем *традиционная этническая общность* – это и *исторически сложившаяся этноэкологическая целостность* (целостная со всей окружающей природой). Взаимосвязь общества, а следовательно и такого системного организма как этнос, с природой имеет диалектический характер, а также длительную историческую традицию, сочетающуюся с современными проблемами их сосуществования и взаимоотношений, которые носят глобальный характер. Обращение внимания к этой проблеме

единства жизнедеятельности социально-этнической общности с экологической средой не случайно. Такой этноэкологический подход может прояснить многие моменты межэтнического взаимодействия, которые в различные исторические периоды имело различную степень зависимости от интенсивности воздействия экосоциума (системы «общество-природа»).

Расширение масштабов экстенсивной хозяйственной, промышленной и сырьедобывающей деятельности приводит, и во многих регионах уже привело, к увеличению антропогенной нагрузки на окружающую среду. Вследствие этого обостряются проблемы глобального загрязнения окружающей среды, глобального изменения климата, разрушение стратосферного озона, истощаются природные ресурсы, растет число техногенных катастроф, возрастает вероятность потери устойчивости биосферы. Тенденция роста экологической опасности не ослабевает, а усиливается.

Среди *социально значимых последствий деградации экосистемы «человечество-общество-среда обитания» наиболее существенно влияние загрязнения среды на все живые организмы и, соответственно, на здоровье человека, населения (на популяционное здоровье). Не случайно, что социологический Опрос Тысячелетия, 57000 респондентов в 60 странах мира, проведенный Институтом Гэллана, выявил, что важнее всего для подавляющего большинства опрошенных безопасность жизни, здоровье и семейное благополучие. Эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) полагают, что здоровье населения на 50% зависит от экономической обеспеченности и образа жизни, на 20% – от наследственных факторов, на 10% – от уровня медицинского обслуживания и на 20% – от состояния окружающей среды.*

В современном мире велика также социальная и региональная дифференциация характера использования ресурсов жизнеобеспечения. Сегодня 20% населения, проживающего в промышленно развитых странах, потребляют более 80% мировых ресурсов. Жизнеобеспечение одного ребенка в США требует в 100 раз больше затрат, чем в Бангладеш. Только США (4% земель) производят 25% выброса углекислого газа в атмосферу, несущего аномальное усиление парникового эффекта и глобальное изменение климата. Природные катастрофы – тайфуны, ураганы,

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

наводнения – это порой взаимообусловленные ответы природы на сверхкритический рост антропогенного воздействия.

Социально-экологические противоречия порождают полярные противоположности, взаимоисключающие тенденции изменения состояния социоэкосистемы. За этим этапом следует стадия конфликтного взаимодействия этих социально-экологических, этноэкологических противоположностей, накопление количественных изменений (прогрессивных или регрессивных), которое приводит к одному из двух качественно новых состояний социоэкосистемы.

К *регрессивным социальным стратегиям* решения проблемы глобальной экологической безопасности относится *концепция «золотого миллиарда»*. Как нам известно, решающую роль в мировой экономике принадлежит транснациональным корпорациям (ТНК) и транснациональным банкам (ТНБ). Они участвуют в производстве свыше 40% совокупного валового продукта, контролируют около 70% мировой торговли сырьем и топливом, являясь главными посредниками в снабжении ресурсами индустриально развитых стран мира и занимают господствующее положение на рынке новых наукоемких технологий (у ТНК 80% патентов на новые технологии и технику). Интересы именно этой мировой олигархии и ТНК нашли свое отражение в идеологии «золотого миллиарда». Согласно этой концепции, мировое сообщество разделяется на Центр (индустриально развитые страны) и Периферию (все остальные страны с более 4/5 населения мира, к ним отнесли Россию и Китай). Главная идея не нова и состоит в утверждении, что в условиях обострения глобальных проблем необходимо обеспечить развитие Центра за счет Периферии. Такова, к сожалению, латентная социально-политическая идеология и тенденция формирования нового миропорядка. Однако при этом высока вероятность обретения вновь *модели неустойчивого развития* социальных сообществ и государств, в которую попадают все. В своем естественно-стихийном развитии эта модель уже породила множество социально-экологических последствий, кризисных и даже катастрофических явлений и процессов.

Прогрессивная стратегия решения проблемы глобальной экологической безопасности представлена *концепцией устойчивого экологически безопасного развития*. И, если «социальная экология», сосредоточила свое внимание на проблемах взаимо-

отношения общества и природы в социоэкосистемах, то в дальнейшем, ближе к концу XX в., речь идет уже об *экоразвитии* и даже новом типе развития – *устойчивом развитии*». Таково мнение известного и авторитетного исследователя экологической проблематики философа Аркадия Дмитриевича Урсула (Урсул, Романович, 2002, с. 224). Именно такой, *во взаимосвязи с перспективами устойчивого социального развития*, предстает проблематика и этнической экологии в контексте социологии безопасности.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации экологическая безопасность рассматривается как один из самостоятельных видов, особых социально значимых сфер актуализации национальной безопасности. Но подобное социологическое видение проблем экологической безопасности присутствует скорее на концептуальном уровне. В правоприменительной же практике, содержание как самого понятия «экологическая безопасность», так и социальной системы обеспечения экологической безопасности понимается в более узком смысле. В реальной же российской социальной практике экологическая безопасность сводится лишь к соблюдению определенных технических нормативов, например, предельно допустимых концентраций каких-либо химических или иных веществ, определенных в Госстандарте, и рассматривается, по мнению социолога И.А. Сосуновой, лишь *«как результат контроля соблюдения установленных экологических нормативов»* (Сосунова, 2003, с. 693). Социологи оказались более чуткими к масштабному социальному контексту угроз экологической безопасности и вполне адекватно осознают *неприемлемость узости нормативного подхода к обеспечению экологической безопасности*.

Показательны результаты экспертного опроса, предпринятого российскими социологами ИСПИ РАН и Комитетом Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по устойчивому развитию и экологии в 2002 г. Почти две трети (66,7%) экспертов признали российскую систему экологического нормирования не готовой к переходу на экономические законы природоохраны. Известно, что *реакция социальных сообществ на угрозы экологической безопасности* носит, как правило, *опосредованный характер*. Чаще всего мы реагируем не на сами угрозы экологической безопасности и на выявленные учеными экологические проблемы

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

как таковые, а на *социальные и этносоциальные последствия*, которые вполне ощутимы.

Социально-экологическая ситуация измеряется социологами по целому ряду *социальных показателей экологической безопасности*, основными из которых являются:

- миграции населения по экологическим причинам;
- потеря рабочих мест на экологически опасных производствах;
- количество заболеваний по экологическим причинам;
- доступность компенсации экологического ущерба;
- изменение характера питания вследствие экологических причин;
- изменение рекреационных возможностей вследствие экологических причин;
- социально-экологическая напряженность и др.

На смену технократизму социально-управленческих решений по обеспечению экологической безопасности в режиме ЧС, «по факту случившегося», должно наконец прийти понимание социальной обусловленности и многомерности *«человеческого и этносоциального измерения»* экологической безопасности. Трудно отрицать, что *природно-экологическая среда* является *естественной предпосылкой трудовой деятельности* и основой не только *традиционной этнокультурной, социальной жизни*. Достаточно вспомнить проблему Аральского моря и связанную с ней возможность *экоэтноцида* целого народа каракалпаков или весьма неутешительные перспективы этнического бытия малых народов Севера, что явилось следствием не рационального природопользования (речь идет о способах добычи нефти и газа, подорвавших этноэкосистемы хозяйственно-культурных типов традиционной жизнедеятельности). Последствиями стали явления социально-этнического порядка, включая изменения в основных компонентах этнической жизнедеятельности: от изменений характера и видов трудовой деятельности до кардинальных изменений этноэкологического предметного мира и сознания.

Представляется вполне возможным принять в качестве методологического принципа интегративной теории *«принцип этноэкологической целостности»* (Маликова, 1990). По сути он является конкретизацией на уровне «средней теории» основного

методологического принципа социальной философии – *принципа историзма*.

Проблема взаимодействия социально-этнических общностей с природной средой еще мало изучена. В то же время, в условиях современной цивилизации, научно-технического прогресса с колоссальным по динамике и темпам освоения природных ресурсов потенциалом взаимодействия общества и природы, резко возрастает значение оптимального и своевременного разрешения этой глобальной проблемы современности.

Совместная *этноэкологическая экспертиза* социологов и этноэкологов может помочь наиболее разумно использовать природные и трудовые ресурсы регионов России и мира. Осознание необходимости учета социально-экологической целостности системной жизнедеятельности этноса в ее соотнесенности с межнациональным взаимодействием дает возможность социологу осуществить конкретное обращение не только к проблемным ситуациям в исторической ретроспективе, (когда этноэкологическая целостность наиболее ярко выражена), но и к анализу современных проблем внутри- и межэтнической жизнедеятельности, оптимизации их взаимодействия.

Принцип этноэкологической целостности дает возможность не только охарактеризовать социальные и этнические связи с экологической средой, но в определенной степени помогает объяснить *природу устойчивости этнической жизнедеятельности, локальных субкультур* в условиях социальной, экономической, межэтнической интеграции и интенсивных межэтнических контактов.

С позиций этого методологического принципа можно исследовать проблемы *адаптации мигрантов: в различных локальных экосоциумах и в регионах*, где имеются разнообразные этноэкологические зоны, *на национальном уровне, в масштабе страны, и в сравнительных кросс-культурных международных проектах*. Адаптация мигрантов подразумевает не только социальную, но и этнопсихологическую и медико-биологическую адаптацию, выражающуюся как в физическом самочувствии, так и в определенных психических реакциях на подсознательно ощущаемый дискомфорт («не болезнь, и не здоровье»), так называемое *«третье состояние»*, как его называют специалисты по экологии человека,

В этнической экологии пока еще не актуализирован *этологический подход социобиологов*, интегрирующий подходы популяционной генетики, синтетической теории эволюции, этологии, психологии, физической антропологии и этнологии (Александр, 1974; Вильсон, 1975; Майстерс, 1979). Для большинства этологов и социобиологов представляется достаточно очевидным, что индивидуальные, врожденные особенности поведения оказывают влияние на формирование определенного психологического типа у представителей различных этнических групп. Они полагают, что от этнической принадлежности в немалой степени зависят внешние проявления поведения, доброжелательности, злобы, полового возбуждения. Можно соглашаться или не соглашаться с этими выводами, но игнорировать полностью эти существенные для объективного научного исследования моменты вряд ли рационально. На наш взгляд, гораздо полезнее задуматься о возможностях продуктивного включения и этих идей в контекст методологических оснований этнической экологии.

Эвристичной как для этносоциологического, так и для этноэкологического знания представляется мне *концепция дополнительности* Нильса Бора. Содержание идеи дополнительности оказалось шире той предметной области, где она была впервые использована при интерпретации данных опыта в квантовой физике. Боровская концепция есть попытка рационального объяснения и описания противоположных сторон одного и того же объекта, того соотношения неопределенности, которое возникает в некоторых специфических ситуациях при их познании. Сам Нильс Бор полагал, что идея дополнительности может иметь более широкое применение; он видел возможность ее применения и в этнологии, антропологии, психологии. Основной тезис принципа дополнительности содержит в себе следующее утверждение: *«противоположные стороны объекта не противоречивы, а дополнительны»*. В речи на Международном конгрессе по антропологии и этнологии (август 1938 г.) Бор заметил: *«В атомной физике слово «дополнительность» употребляется, чтобы охарактеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть наглядно истолкованы лишь на основе взаимоисключающих друг друга представлений. Употребляя теперь это слово в том же примерно смысле, мы поистине можем сказать, что разные человеческие культуры до-*

полнительны друг другу». Показывая возможности применения концепции дополнительности в исследовании взаимодействия различных этнических сообществ, Бор в то же время отмечал и специфику социальных объектов. В речи на заседании Королевской Датской академии наук (Копенгаген, октябрь 1955 г.), он сказал следующее: «Тот факт, что человеческие культуры, развивающиеся при разных условиях жизни, обнаруживают такие контрасты в отношении установившихся традиций и общественного строя, позволяет называть эти культуры в известном смысле дополнительными. Однако мы ни в коем случае не имеем здесь дело с определенными, взаимно исключаящими друг друга чертами, подобные тем, которые мы встречаем при объективном описании общих проблем физики и психологии; здесь это различия во взглядах, которые могут быть оценены и улучшены расширенным общением между народами» (Бор, 1971).

Идею дополнительности Н. Бора можно привлечь в качестве методологического принципа комплексного этносоциологического и этноэкологического исследования, сформулировав его как *принцип этнической дополнительности* (Маликова, 1978; Маликова, 1990). Бор считал, что в понятии «*дополнительности* мы имеем дело с рациональным развитием наших способов классифицировать и понимать новые опытные факты, которые по своему характеру не находят себе места в рамках причинного описания». Такую открытую динамическую систему, со сложной структурой социальных связей внутри и вне себя, какой является этнос, действительно не всегда можно описать в границах жесткого детерминизма, причинно-следственной определенности. Это еще и потому сложно, по мнению Н. Бора, что «*при сравнении различных культур, опирающихся на традиции, воспитанные историческими событиями, мы встречаем затруднение, которое состоит в том, что трудно оценить культуру одного народа на фоне традиций другого. В этом отношении связь между национальными культурами иногда характеризуется как дополнительная*» (Бор, 1971).

В концепции дополнительности имеется и очень важный момент как для *этносоциологической интерпретации*, так и для организации адекватного *методического обеспечения* этносоциологического и этноэкологического опроса и наблюдения, который заключается в утверждении, что *поведение объекта зависит*

от условий и способов наблюдения. Поэтому при этносоциологическом опросе надо постараться организовать группы интервьюеров, методистов и респондентов таким образом, чтобы по возможно большему числу социальных и демографических параметров совпадали их позиции: этничность, пол, примерный возраст и социальный статус. Таким образом, принцип этнической дополнителности реализуем не только на концептуально-методологическом уровне, но и в прикладном смысле при выработке методики эмпирического исследования.

К необходимости включения в контекст методологического осмысления комплексного этносоциологического и этноэкологического знания *принципа этнической автономности* (Маликова, 1990) привели меня идеи этнолога В.В. Пименова и философа Ю.В. Сачкова, развивших взгляды *синергетиков* (И. Пригожина и др.). Ю.В. Сачков (1988) отметил, что в принципах строения сложных систем «обращает на себя внимание идея относительной автономности поведения сложных высокоорганизованных систем и подсистем» (вследствие нелинейного характера взаимодействия). Идею об относительной автономности, при анализе типа и характера этнических связей между отдельными факторами, которые являются особыми для каждого этноса, сконструировал В.В. Пименов в представлении об *относительной автономности субструктуры этноса*. Идея относительной автономности субструктуры может быть востребована, по мнению В.В. Пименова, тогда, когда «этнос уже можно рассматривать как бы изнутри, изучая его с точки зрения непосредственно не наблюдаемых структурных взаимодействий» (Пименов, 1988, с. 22).

Это понятие, используемое относительно автономной группы переменных, можно представить и в качестве методологического *принципа автономности локальных этнических субкультур*. Особо значимым является осознание *принципа этнической автономности локальных этнических субкультур* для понимания моментов изменения, деформации, дезорганизации этноса и его компонентов. Автономность подсистем, отдельных структур возникла и получила развитие не с целью дезадаптации, а с целью усиления функционирования, эффективности выживания и сохранения целостности этноса. Такие *саморегулирующиеся и самоорганизующиеся функции*, как *независимость* и *эффективность*, *упорядоченность*, *специализация*, *согласованность*, кото-

рые являются ведущими принципами автономности, имеют место и в этнической жизнедеятельности. Именно они обеспечивают действие *механизма самосохранения этноса*, в интегративном единстве его *биосоциальной и этноэкологической целостности*.

Принцип самосохранения этнической жизнедеятельности также надо иметь в виду, приступая к комплексному этносоциологическому исследованию. Любой элемент этнической жизнедеятельности, сыгравший хотя бы в отдаленном прошлом положительную роль для этнического воспроизводства, имеет стойкую тенденцию к самосохранению этноса. Благодаря наличию и *активизации автономности* тех или иных *этнических субструктур*, актуализирующих тот или иной пласт этничности в зависимости от реальных социальных и экологических условий, *усиливается целостность этноса в определенных пространственно-временных и экосоциальных границах*.

Для анализа этнической жизнедеятельности значимым является обстоятельство, выявленное при анализе механизма перестройки сложных структур и систем, которое состоит в следующем: *в процессах преобразования* первостепенную роль начинают играть «коллективные» (собственно синергетические) аспекты поведения. При этом действует правило – *малые причины ведут к большим последствиям, усиливают эффект флуктуаций и выбранного направления изменений*. Таким образом, существенные для этнической жизнедеятельности процессы и явления имеют *нелинейный характер*. Концептуальное осмысление этого требуют признания и включения в контекст методологической стратегии этносоциологического поиска, по крайней мере, трех постулатов, имеющих парадоксальный характер: *принципа этнической амбициозности, принципа этнофункционального дисканцирования и принципа этнической идентификации* (Маликова, 1990).

Сформулирую отнюдь не бесспорное и всегда парадоксальное утверждение, что *не только отдельная личность, но и значительное референтное большинство этнического сообщества могут быть амбициозны*. Прежде всего, имеется в виду, что этнос для того, чтобы выжить и обеспечить свое собственное саморазвитие, должен претендовать на определенное место в историческом, социальном и географическом пространстве, должен постоянно самоутверждаться именно как этносоциальная целостность, ис-

пользуя для этого все ресурсы: от демографических до политико-идеологических. В то же время этнос должен воспринимать окружающий мир, включая природу, экосоциумные, социальные и межэтнические связи, приспосабливаться к ним с тем, чтобы обеспечить свое выживание. Очевидно, что внешний полиэтничный мир заведомо является более могущественным, чем реальные возможности отдельного, даже очень многочисленного народа. Поэтому *этничность* находится в состоянии *непрерывной напряженности и противоречивости*. *Конструируя* свою *этничность, позиционируя* ее, утверждая себя *во всемирно-историческом глобальном контексте взаимодействия цивилизаций*, социальная общность (этнос) должна стать адаптированной, постоянно приспосабливаясь, чтобы органично включаться в объективно необходимые социальные и международные взаимодействия. Представляется, что *этническая амбициозность* не носит негативного смысла, это *необходимая черта функционирования этноса*. Чем *большую степень выживаемости* проявил тот или иной народ в трудных исторических обстоятельствах, тем *более амбициозными* являются *идеологические компоненты этнического сознания*, тем больше в нем *этнопсихологических стереотипов самоутверждения*. Соответственно, менее выражена самокритическая рефлексия в осмыслении границ *амбициозной этнической идентичности*. Подобная завышенная самооценка характерна, в частности, для этнических общин в диаспоре, рассеянных за пределами собственной этнической территории. Народы, большие по численности, имеющие статус этнического большинства, народы с трагической историей, где были не только победы, но и грандиозные поражения, могут быть, как это не парадоксально, гораздо *менее амбициозными*.

Для сохранения этнической целостности в условиях полиэтничности и интенсивных межкультурных и социальных контактов эффективен столь же *парадоксальный механизм этнофункционального дистанцирования*. В той же степени, в какой для этноса важна способность к самостоятельной жизнедеятельности, значима и проблема относительных *этнопсихологических границ самоутверждения* в окружающем социуме. Потребность в установлении культурной, этнопсихологической дистанции имеет не только субъективный, но и объективный характер, выполняя стимулирующую роль в этнической жизнедеятельности.

Однако она должна сочетаться с альтернативным императивом: для того, чтобы выжить и развиваться, этнос должен развивать и межэтническое взаимодействие. Постоянно действуют противоречивые стимулы: к дистанцированию и сближению этнических групп. Очевидно, что только путем эффективного решения этого парадоксального противоречия может развиваться полноценная жизнь полиэтнического сообщества.

Процесс этнической жизнедеятельности разворачивается всегда в определенных социально-экономических, конкретно-исторических и общественно-политических условиях. Чтобы этнос сформировался как устойчивая система в пространственно-временном континууме, он должен не просто отстоять себя как целостность, но и обеспечивать приток социальной, культурной и духовной энергии извне, постоянно преодолевая оппозицию «мы-они». Противоречивый характер *этнической идентичности* состоит в том, что процесс формирования этнического самосознания вообще имеет *принципиально амбивалентный характер* и в реальной социальной среде гармонично осуществиться не может. *Превращенные, иллюзорные, параэтническими формы негативной этнической идентификации*, с абсолютным преобладанием *интолерантных этнических стереотипов* (оценочных представлений о своем и других народах) блокируют и *разрушают процесс нормальной этнической идентификации*.

Средством позитивного познания иных этнокультурных миров является актуализация в межэтническом общении социально-психологического *принципа доверительности* (Сафонов, 1977). Когда культивирование неформального общения с представителями иной этничности становится самостоятельной ценностью, тогда в процессе интенсивного межэтнического взаимодействия складывается поисковый этап общения, основанный на доверии к представителям другой национальности.

При групповом и межличностном общении людей различной этнической принадлежности, стремление утвердить *превосходство своей этничности* любыми путями может иметь, по крайней мере, два исхода: либо к утверждению *«авторитета этничности»* поведением деликвентным (отклоняющимся); либо к отказу от неформальных форм межэтнического общения с представителями определенной этничности или вообще с иноэтническим окружением, т. е. к своеобразному *этническому аутизму*.

Для распознавания подобных парадоксальных форм этнической жизнедеятельности можно обратиться к методологическим возможностям концепции *диспозиционной регуляции социального поведения*, по В.А. Ядову. Предлагается следующая иерархическая схема: *низший уровень* такой структуры образует *быстро изменяющуюся «предметную ситуацию»*. В течении короткого времени человек переходит из одной ситуации в другую (формируются *элементарные фиксированные установки*). *Следующий уровень – условия группового общения*. Длительность подобных ситуаций деятельности несравненно больше, т.к. основные особенности группы, в которой протекает деятельность, в течение длительного времени остаются неизменными (формируются *социальные фиксированные установки*, обладающие сложной трех компонентной структурой: *эмоционально-оценочный, когнитивный-рассудочный и поведенческий*). Возникают *«аттитюды»*, в том числе и межэтнические *социально-психологические отношения*, различной направленности. Еще более устойчивы условия деятельности *в социальной сфере* (труда, быта, досуга) – это *третий уровень*. Наконец, *высший уровень* обусловлен *максимальной устойчивостью во времени* (по сравнению с указанными выше), он *отражает общие социальные условия жизнедеятельности*, которые определяются этническими, политическими, культурными особенностями образа жизни данного этноса или этносоциальной группы. Образуется система ценностных ориентаций мотивов жизнедеятельности, формирующихся на основе высших социальных потребностей личности (потребность включения в данную социальную среду в широком смысле). Модификацию диспозиционной регуляции деятельности в этносоциальном контексте можно представить осуществляемой по схеме: *этносоциальная и этноэкологическая ситуация – этносоциальная групповая диспозиция – потребности – мотивация поступка, поведения* в конкретном экосоциуме, в реальной этносоциальной жизнедеятельности.

Сегодня продолжается фронтальное углубление и интеграция в этническую экологию и современную социологию *психологического подхода*, что позволяет широко привлекать методы и методики социальной психологии к исследованию этнической идентичности и межэтнического общения. Актуальность *интеграции этносоциологического, экологического и этнопсихологи-*

ческого дискурсов в анализе межэтнических отношений обусловлена прежде всего социальными реалиями жизнедеятельности полиэтничных сообществ, теми социальными практиками межэтнического общения и взаимодействия, что возникают повсеместно и далеко не всегда являются однозначно позитивными, взаимообогащающими и комплиментарными. С одной стороны, формируется понимание становления современного «*российского мира*» как единого пространства, не только локализованного на 1/6 части мира на евразийском континенте, но и структурированного разнообразными и взаимозависимыми *сетями социальных взаимодействий*, в том числе и *транснациональных диаспорных эмигрантских сообществ – этнических россиян*. Поэтому требуется также методологическое осмысление процесса *формирования общероссийской гражданской идентичности*, происходящего не только в пределах национальных границ, но и вне этнической территории, в символическом этнопсихологическом и этносоциальном измерениях. С другой стороны, становится необходимым анализ межэтнических контактов не только в контексте институционализированных отношений, но и учет огромного количества явных и латентных *этнически маркированных связей* и взаимодействий *с неформализованными статусами*, но реально существующими и порождающими самые различные *этносоциальные проблемы*, коренящимися в *социокультурном контексте, в сознании и поведении*. В.И. Козлов был пионером освоения и этой проблематики, под его руководством в 1980-е годы были проведены комплексные исследования этнической жизнедеятельности русских молокан и духоборов Закавказья, включающие широкий диапазон анализа: от экологии питания и среды обитания, этнодемографической репродуктивности, до этнопсихологических проблем адаптации.

В отечественной экологической социологии вновь и гораздо позже, чем в западной социологии, обратили особое внимание на этнометодологию. Понятие «*этнометодология*» (англ. – *peoples methods* – «методы людей»), как известно, было введено Г. Гарфинкелем. Этнометодология, как и этнология, ориентирована на исследование повседневной жизнедеятельности людей, основой методологии стал *разговор-анализ*, то, что мы с вами назвали бы *углубленным интервью*. Именно повседневность бытия является центральной проблематикой этнометодологии. Этнологи могут

возразить, что в исследованиях традиционной культуры не только праздничная обрядовость, но и повседневность быта описывалась с помощью подобной методики опроса, мол не случайно этнометодология заимствовала свое название у их дисциплины. Методологическим маркером может быть лишь указание на метод фиксации результатов беседы: *описание* данных в этнографии или *разговор-анализ*, предполагающий интерпретацию данных совместно с респондентом. Последний метод также может быть весьма продуктивным в исследовании актуальных проблем этнической экологии.

Современная этносоциология продолжает поиск и разработку эффективных методологических и методических процедур исследования, все более склоняясь к утверждению *мультипарадигмального подхода* в этносоциологических исследованиях. Однако сегодня, как никогда, мы все больше ощущаем дефицит методологической рефлексии, теоретического знания, способного концептуально обеспечить междисциплинарную интеграцию. Поэтому мы далеки от того, чтобы отрицать роль априоризма в этносоциологическом исследовании. Речь идет лишь о том, чтобы система априорных предложений, исходных теоретических постулатов, не была инородна по своей сути прикладному эмпирическому этносоциологическому исследованию и тем более не была навязана извне по каким-либо конъюнктурным соображениям.

Чтобы распространить выводы, сделанные при изучении части целого (этносоциального взаимодействия в каком-то регионе, в определенных этносоциальных средах), необходимо прибегнуть к такой рискованной в методологическом отношении научной процедуре, как *экстраполяция* (перенос выводов, полученных на микросоциальном срезе, на уровень социального обобщения). Это предполагает, в свою очередь, актуализацию еще одной общей фундаментальной методологической проблемы этнической экологии и социологии – проблемы *этносоциологической интерпретации*.

Интерпретация (от лат. Interpretacio – толкование) – это не только проблема методологии и логики научного познания, но и проблема социальной ответственности ученого. Интерпретация в этносоциологии – это концептуальное объяснение, при помощи которого социолог раскрывает взаимосвязь и иерархию существенных и не существенных этносоциальных фактов и явлений,

позволяющих выявить как динамику этносоциальных изменений в реальной действительности, так и характер направленности их воздействия на социальную перспективу. Не случайно в ряду основных *функций социологического знания*, наряду с *прогностической функцией*, впервые афористично сформулированной О. Контом – *«знать, чтобы предвидеть»*, *функцией «фиксации факта»* (отмеченной и заявленной Э. Махом), всеобъемлюще интегрирующее значение приобрела *гносеологическая*, иными словами, *познавательно-интерпретационная функция*. Функция интерпретации актуальна и для «высокого» концептуального обобщения, и в рамках раскрытия предметной области *этносоциологической теории «среднего уровня»*, и для объяснения результатов конкретных этносоциологических и этноэкологических исследований.

Интерпретация в этнологии, этносоциологии и этноэкологии – это прежде всего проблема и задача *корректного обращения к зарубежным концепциям этничности и соответствующим им (практически ориентированным) методам и методикам*. Подчас вместе с заимствованной и не адаптированной западной методикой, заимствуются и «издержки» интерпретации результатов этнологоического исследования. Тогда задается определенная этноцивилизационная комплиментарность, «умалчиваются» латентно выявленные этносоциальные тенденции, проявляется наличие «двойного стандарта» оценок и выводов, что несомненно создает барьеры для макросоциального прогнозирования. Отсюда вывод № 1: *для интерпретации важно понятие «этносоциального контекста», социальной ответственности, методологической корректности и адекватности результатов* комплексного этносоциологического исследования или *этноэкологической экспертизы социальным реалиям*.

Задачи адекватной интерпретации задает нам общество (если только «исследователь» не предпочитает «постоянно» получать задачи от субъекта властных полномочий или обладателя «специфически добытых» финансовых ресурсов). Это означает, что ученый должен: а) понимать и уметь *улавливать актуальные этносоциальные проблемы*; б) осознавать, как, в какой мере и в каком направлении комплексное исследование может способствовать решению этих проблем. Вывод 2-ой: конструктивная интерпретация требует культивирования *«этносоциологичес-*

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

кой чуткости» и понимания определенной «социально-политической ангажированности» предмета исследований этнологии, этнической социологии и этнической экологии в полиэтничном государстве.

В методологическом плане, интерпретация в этносоциологии и этноэкологии (в отличие от любых форм идеологической, политической пропаганды, социологического PR) жестко требует: а) содержательного рассмотрения актуальных проблем; б) учета того, что новая социальная реальность порождает и необходимость новых акцентов в этносоциологических исследованиях. Вывод 3-й: высока вероятность плодотворности включения в «социальный контекст» этносоциологической интерпретации и этноэкологической экспертизы *факторов внешнего воздействия*: «этнополитической мобилизации» в условиях социума, одновременно и кризисного, и реформирующегося, с учетом фона различной динамики процессов модернизации и демократизации в разных этносоциальных средах и регионах.

Проблема интерпретации тесно связана с проблемой *экстраполяции* данных эмпирических исследований на реальную этносоциальную жизнедеятельность. В отличие от социальной психологии, имеющей в качестве объекта исследования малые группы, для адекватной интерпретации в этносоциологии и этноэкологии особое значение имеет определение параметров выборочной совокупности. При исследовании динамики крупномасштабных этносоциальных явлений и социально-этнических процессов «выборка» должна быть сопоставима с медианой статистико-демографического «измерения» компонентов этноса – 1000 опрошенных. Исключением является *опрос экспертов*, «*модальных групп*», «*фокус-групп*», специально конструируемых этносоциологом для исследования этносоциальных феноменов и специфических явлений. Можно отметить порочную практику экстраполяции социальных данных, полученных на микровыборках, на большие совокупности, расширительную их интерпретацию с конструированием умозрительных «сценариев» этносоциального, экологического, демографического и этнополитического развития. Вывод 4-й: интерпретация, основанная на *недобросовестной экстраполяции* данных, полученных путем *не репрезентативной микровыборки*, делает *несопоставимыми* результаты различных исследователей и ставит под вопрос статус их научности.

В любом научном исследовании та или иная интерпретация может быть подвергнута критике и опровергнута социальными фактами в *новой концептуальной интерпретации*. Поэтому такое значение имеет *верифицируемость* полученных данных. Отсутствие валидности (обоснованности) и принципиальная неверифицируемость данных – верный признак непрофессионализма и избыточной идеологизации этносоциологического и этноэкологического исследования. В этом случае, его иллюзорность и неадекватность социальным реалиям отражается в попытках конструирования новых «*этнологических мифологем*». Настораживает и интерпретация результатов исследования, основанная на текстуальном описании ответов респондентов (по одномерным распределениям) даже в тех случаях, когда текст оснащен обильным гарниром цитат из работ зарубежных социологов. Вывод 5-й: для достижения пространственно-временной значимости результатов научного исследования, кредо этносоциолога и этноэколога должно включать обязательное *следование принципу верифицируемости*.

Для интерпретации результатов этносоциологического исследования сохраняется *фундаментальное значение метода «социального эксперимента»* (как полевого, так и моделируемого). Имеется ввиду дальнейшая разработка методик по типу эксперимент «*ex post facto*» (Кондратьев, 1970), модифицированного, с учетом принципа «дополнительности» Нильса Бора, Н.Р. Маликовой (1990). Продуктивно также обращение к методологическим возможностям «*теории игр*» (Нейман, Шубик, Моргенштерн и др.), дающим широкие возможности для углубленной интерпретации на основе социологического мониторинга региональных проблем в сфере этнической экологии. Вывод 6-ой: для более полной интерпретации *экспериментальной проверки* подлежит не только конкретная *методика*, проверяемая на микросоциальной группе, но и основные *постулаты самой концептуальной интерпретации*.

К сожалению, еще встречаются иллюзии о могучей социально-преобразующей функции социологии и этнологии, когда с позиций вульгарного социологизма утверждается, что этнологическое знание, в частности, способно не отражать, а преобразовывать, оформлять многофакторную и непрерывную этносоциальную действительность. Позволю себе усомниться, что

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

упомянутые акции по преобразованию и оформлению социальной действительности есть функции научного познания – этнологии, этноэкологии и социологии, скорее это сфера: а) политической деятельности, либо б) программный тезис социально-политической идеологии. Разве что все коллективно уверуют: *«мы рождены, чтоб Кафку сделать былью»*. Очевидно, что при этом велика вероятность того, что в целях очередного социального «преобразования», попутно занимаясь «социальным и этнополитическим мифотворчеством», этнолог станет субъективно определять «существенность» фактов. Отсюда, вывод 7-ой: что касается реальных *способов методологического обеспечения* этносоциологического исследования и интерпретации, адекватной реальности, то они возможны: не только *на основе интуиции* (вспышки пронизательности при формулировании гипотез исследования), но на основе всестороннего предварительного изучения объекта и концептуального определения предмета этнологического исследования. Это потребует опоры на научные авторитеты, обращения к фундаментальным этнологическим, социологическим концепциям, адекватного выбора и адаптации западных методов и методик. Этносоциологический поиск можно выстроить и на основе уже сложившейся отечественной традиции, имеющей свои плюсы и минусы. Разумеется, можно при этом исходить и из «здорового смысла», но могут иметь место и *«заблуждения здравого смысла»*, о которых следует помнить. Наконец, любой научный поиск, этносоциологическое и этноэкологическое познание в том числе, всегда требует постоянного обращения к основе основ *критериев научности – объективности, репрезентативности, валидности, верифицируемости* и т.д.

И в заключении, вновь возвращаясь к размышлениям о назревшей потребности, сложности и необходимости интеграции методологических подходов и концептуальных возможностей интерпретации *актуальных проблем этнической экологии* совместными усилиями экологов, социологов и этнологов, вспоминается утверждение Альберта Эйнштейна, с которым трудно не согласиться: *«Наука без теории познания (насколько это вообще мыслимо) становится примитивной и путаной»*.

«Отец» социологии Огюст Конт, представляя научному сообществу новую науку, социологию, важнейшей ее характеристикой назвал *позитивизм*, т.е. построение по типу естественных

наук, с обязательным усвоением принятых в этих науках принципов: *методы должны быть точными и объективными, теории доказательными, а устанавливаемые закономерности общезначимыми.* Представляется, что представители двух дружественных научных направлений, отечественной школы этносоциологии Ю.В. Арутюняна и школы этнической экологии В.И. Козлова, в своем научном поиске придерживаются основного правила: *воздерживайся от априорных суждений, предвзятых гипотез и ангажированной интерпретации!* И руководствуются общим принципом: *Не навреди объекту своих исследований!*

Сегодня экологические угрозы жизнедеятельности этнических сообществ, этому общему объекту исследования для этносоциологов и этноэкологов, возрастают. Умножаются проблемы и на общем «предметном поле» в социальном контексте экологической безопасности. Все более отчетливо проявляется главное противоречие XXI века: между жизненно важными потребностями общества в самосохранении и жизнеобеспечении и возможностями природной среды, экосистемы, отнюдь не внешней по отношению к человеку, ибо он сам часть природы, в удовлетворении этих потребностей. Проблема эта имеет характер глобального противоречия, а попытки деструктивного, негативного разрешения его сугубо в рамках национальных или корпоративных интересов, на национальном либо региональном уровнях, ставят на повестку дня проблему выживания человечества, так как это проблема *воспроизводства и этнической жизнедеятельности локальных этнических сообществ и глобальной экологической безопасности всего полиэтничного человечества.*

Литература:

1. Агеев В.С., Сырдеева А.А. Интеграционные процессы в межгрупповом взаимодействии // Вестник МГУ, сер. IV. Психология. 1988
2. Бганба В.Р. Социальная экология. М., 2004
3. Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М., 1971
4. Гирусов Э.В. Основы социальной экологии. М., 1998
5. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография, 1983, № 1
6. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989, с. 86-107
7. Комаров В.С. Научно-техническая революция и социальная экология. М., 1998

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

8. Кондратьев В.С. Эксперимент “ex post facto” // Советская этнография, 1970, № 2
9. Мазур И.И., Козлова О.Н., Глазачев С.Н. Путь к экологической культуре. М., 2001
10. Маликова Н.Р. Межнациональное общение: методологические проблемы этносоциологического исследования. М.: Институт социологии, 1990
11. Маликова Н.Р. «Глокальность» иммигрантских сообществ: потенциал социокультурной адаптации // Актуальные проблемы социально-психологической адаптации мигрантов в современном мире. Пенза, ПГПУ – ФМС, 2008
12. Маликова Н.Р. Методологические основания интеграции этносоциологического и этнопсихологического подходов // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Материалы Международной конференции. Смоленск, 2008
13. Маркович Д. Социальная экология. М., 1998
14. Муравых А.И. Философия экологической безопасности (Опыт системного подхода). М., 1997
15. Парсонс Т. О структуре социального действия. Русск. пер. М., 2002 (на англ. – Нью-Йорк, Лондон, 1937)
16. Пименов В.В. (ред.). Чуваши: современные этнокультурные процесс. М., Наука, 1988
17. Сафонов В.С. Особенности доверительного общения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1977
18. Сачков Ю.В. Конструктивная роль случая // Вопросы философии, 1988, № 5
19. Сосунова И.А. Социальная экология. М., 1996
20. Сосунова И.А. Экологическая безопасность России как элемент безопасности социума // Безопасность Евразии, 2003, № 3
21. Урсул А.Д., Романович А.Л. Проблема развития в ракурсе безопасности // Безопасность Евразии, 2002, № 4
22. Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002

**ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ»
В ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ И ВОЗМОЖНЫЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ**

Существование в отечественной научной традиции трёх принципиально разных пониманий содержания понятия «жизнеобеспечение» и производных от него в исследованиях по этноэкологической тематике, само по себе делает необходимой попытку разобраться в причинах такого не столь уж частого явления, то есть очевидного терминологического разноречия в работах выдающихся учёных С.А. Арутюнова, В.И. Козлова и И.И. Крупника. Ещё более важной и неотложной задачей является оценка основных достоинств и недостатков каждой из этих существенно различающихся между собой трактовок «жизнеобеспечения». Последнее требуется для создания внутренне непротиворечивых методологических основ этнической экологии и, в частности, для оптимальной формулировки исследовательских задач, встающих при изучении культурной адаптации местных сообществ к условиям окружающей физико-географической и социально-культурной среды. Как будет показано ниже, именно предложенное некогда профессором В.И. Козловым понимание содержания термина «жизнеобеспечение» оказалось весьма востребованным современными исследователями и, видимо, представляет собой один из его наиболее значимых в научно-теоретическом отношении вкладов в развитие этнической экологии.

О последнем стоит сказать подробнее. Так, большинство специалистов-этноэкологов справедливо связывают имя В.И. Козлова прежде всего с его программной статьёй, в которой им был введён в науку сам термин «этническая экология», дано определение этого междисциплинарного научного направления и его основных задач (Козлов, 1983). Действительно, это было принципиально важное событие, с которого, собственно говоря, и можно отсчитывать историю полноправного существования данной области исследований (Ямсков, 2006а, с. 153). Определённую роль в дальнейшем развитии этнической экологии в нашей стране сыграло также то, что В.И. Козлов в 1981 г. организовал Сектор этнической экологии в Институте этнографии АН СССР (с

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

1990 г. – Институт этнологии и антропологии РАН, далее – ИЭА РАН)¹. Под его научным руководством и при самом активном личном участии на базе этого подразделения ещё в советский период были осуществлены два крупномасштабных исследовательских проекта в Закавказье. Это были изучение феномена популяционного долгожительства у абхазов (Абхазское долгожительство, 1987) и азербайджанцев (Долгожительство в Азербайджане, 1989) и адаптации русских крестьян-старожилов (молокан и духоборцев – переселенцев середины XIX в. из районов Центрального Черноземья) в регионе Восточного Закавказья с новыми для них природными условиями и этнокультурным окружением (Русские старожилы ..., 1995).

Правда, говоря об этих бесспорных заслугах В.И. Козлова в создании и развитии этнической экологии, не стоит забывать, что ещё до появления его указанной выше статьи в отечественной науке уже были выполнены конкретные и чрезвычайно важные в научном отношении исследования в русле «этноэкологического подхода», посвящённые детальному анализу отдельных «этноэкосистем» (Крупник, 1977, с. 4-5; см. подробнее: Крупник, 1989). Также в предшествовавший период времени были опубликованы и обобщённые рассуждения о задачах и перспективности изучения «этноэкологических систем» (Бромлей, 1981, с. 254). Впрочем, названные выше работы И.И. Крупника и Ю.В. Бромлея в методологическом отношении, конечно, являлись реализацией на практике и дальнейшим развитием идей, заложенных в концепции антропогеоценоза В.В. Алексеева (Алексеев, 1975; Алексеев, 1984; см. также: Ямсков, 2006а).

Сам В.И. Козлов в докладе на Научной сессии, посвященной памяти академика Ю.В. Бромлея (Институт этнологии и антропологии РАН, 27 февраля 2001 г.), связал начало собственно этноэкологических исследований в нашей стране с появлением методологически очень важной работы С.А. Арутюнова (1980), в которой тот достаточно подробно раскрыл вопросы культурной

1 В.И. Козлов возглавлял Сектор этноэкологии ИЭ АН СССР / ИЭА РАН в 1981–1992 гг. В 1992–1998 гг. коллектив существовал в виде Группы этноэкологии и этнодемографии ИЭА РАН; в 1998–2005 гг. – вновь как Сектор этноэкологии (руководитель – А.Н. Ямсков), с 2005 г. – снова как Группа этноэкологии в составе созданного тогда же Центра междисциплинарных исследований ИЭА РАН (руководитель Группы – Н.А. Дубова).

адаптации этносов и, в частности, ввёл понятия экофобных и экофильных культурных традиций, и вышеупомянутой статьи Ю.В. Бромлея (1981). Однако гораздо более обоснованным всё же кажется представление о рождении этноэкологии в момент появления указанной статьи В.И. Козлова (1983). При этом важнейшими этапами её предыстории следует считать появление концепций хозяйственно-культурных типов (Левин, 1947) и антропогеоценозов (Алексеев, 1975), а также вышеназванных статей С.А. Арутюнова и Ю.В. Бромлея (см. подробнее: Ямсков, 2006а, с. 153).

К сожалению, специалисты в области этноэкологических и смежных по тематике исследований уделяют незаслуженно малое внимание научному значению введённой В.И. Козловым трактовки термина «жизнеобеспечение» или «система жизнеобеспечения» (Козлов, 1991, с. 26, 39). Но по своему содержанию и, главное, востребованности работающими ныне в данной области учёными этот вклад профессора В.И. Козлова в этноэкологию по сути вполне сопоставим с его широко известной статьёй об этнической экологии. В частности, нередко авторы придерживаются именно его подхода к пониманию жизнеобеспечения как само собой разумеющегося, не придавая значения тому, что есть и иные теоретические подходы, а зачастую, и не ссылаясь на автора.

Рассмотрим основные черты, достоинства и недостатки различных трактовок термина «жизнеобеспечение» и производных от него, существующих в отечественной этнологии и этноэкологии.

«Культура жизнеобеспечения»

в работах С.А. Арутюнова и его коллег

Предложенное впервые в работе Ю.И. Мкртумяна (1978, с. 44) разделение всего многообразия духовных (точнее, нематериальных) и материальных (вещественных) явлений, составляющих систему традиционной культуры этноса, на четыре основных подсистемы (культура первичного производства, жизнеобеспечения, соционормативная и гуманитарная), выполняющих существенно разные функции в обеспечении его существования, довольно быстро получило значительное распространение в отечественной этнологии и культурологии. Культура жизнеобеспечения при

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

этом понимается как совокупность поселения, жилища, одежды и пищи.

Эта точка зрения разделялась большим коллективом исследователей, проводивших в 1976 и 1978 гг. полевые работы в Армении, главной целью которых был синтез этнографических и культурологических знаний и исследовательских методов в рамках «сравнительно-типологического изучения культуры жизнеобеспечения армянского села» (Маркарян, 1983, с. 8, 10). Признание того, что «культура жизнеобеспечения ... включает в себя поселение, жилище, пищу и одежду» (Маркарян, 1983, с. 8), легло в основу данного проекта. Видимо, эта точка зрения на содержание понятия «жизнеобеспечение» обрела своё наиболее полное обоснование в работах одного из руководителей указанного проекта С.А. Арутюнова и в коллективных исследованиях, подготовленных при его непосредственном участии (Арутюнов, Мелконян, 1983; Арутюнов, Мкртумян, 1984; Арутюнов, 1989).

Одной из важных частных задач того исследования было также стремление определить на практике «место и роль современного экологического анализа культуры» (Маркарян, 1983, с. 11), что вполне правомерно интерпретировать, говоря современным языком, как этноэкологическую составляющую упомянутого исследовательского проекта. Та же самая задача была объяснена участниками проекта иными словами: «... сформулировать исходные принципы экологического рассмотрения жизнеобеспечивающих систем как адаптивного механизма», понимая под этими «жизнеобеспечивающими системами» всё те же «поселение, жилище, одежду и пищу» (Арутюнов, Мкртумян, 1984, с. 21, 24). В другой своей работе С.А. Арутюнов специально отмечал, что именно в культуре жизнеобеспечения как подсистеме культуры этноса происходит «процесс экологической адаптации общества к природной среде» (Арутюнов, 1989, с. 204).

Можно также отметить, что в более поздних переизданиях своих работ по данной проблематике С.А. Арутюнов обычно употреблял именно термин «культура жизнеобеспечения» в указанном выше значении, повторяя, что «все эти явления культуры входят в принятую в этнографии традиционную типологическую категорию “материальная культура”, но не исчерпывают её и в то же время не полностью покрываются ею» (Арутюнов, 2000, с. 322, 323). Он также уточнял, что «... относясь в целом к облас-

ти материальной культуры, культура жизнеобеспечения в своей конкретной форме отражает и выражает разнообразные аспекты социальной жизни и духовной культуры...» (Арутюнов, 2000, с. 321).

Ещё одним важным моментом во взглядах С.А. Арутюнова и его коллег на понимаемую таким образом культуру жизнеобеспечения является убеждённость, что именно она является тем «звеном в огромном массиве культуры этноса, с которого удобнее всего начинать его исследование в целом». Иначе говоря, «поставив себе задачу системного анализа культуры этноса, мы должны в первую очередь изучить его культуру жизнеобеспечения» (Арутюнов, 2000, с. 321).

Итак, в данной трактовке «культура жизнеобеспечения» (поселение, жилище, пища, одежда) понимается как одна из четырёх основных подсистем в культуре этноса, выполняющая важнейшие адаптивные функции «обеспечения людей первично необходимыми средствами поддержания их жизни» (Арутюнов, 1989, с. 202). Более того, именно с неё желательно начинать изучение культуры той или иной этнической группы, в том числе в рамках этноэкологического исследования, которое по определению нацелено на раскрытие тех или иных аспектов культурной адаптации изучаемого населения.

Однако подобная трактовка жизнеобеспечения вызывает целую серию достаточно обоснованных критических замечаний.

Во-первых, как впоследствии убедительно показал В.И. Козлов, «не хлебом единым жив человек» и потому жизнеобеспечение просто невозможно понять, изучая лишь обеспечение его кровом, пищей и одеждой (Козлов, 2005, с. 20, 24-25), даже со всеми их «художественно-эстетическими, престижно-знаковыми» и тому подобными атрибутами, о которых говорил С.А. Арутюнов (1989, с. 203). Об этом, впрочем, речь подробнее пойдёт ниже, в разделе о взглядах самого В.И. Козлова на истинное содержание данного понятия.

Во-вторых, идея о том, что трактуемая таким образом культура жизнеобеспечения наиболее полно отражает «процесс экологической адаптации общества к природной среде» (Арутюнов, 1989, с. 204) и что отчасти благодаря этому, а также в силу ряда других причин именно она должна стать отправным пунктом в изучении отдельной культуры этнологами и этноэкологами,

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

тоже не выдерживает критики. Кстати, сам же С.А. Арутюнов утверждает обратное: «Бесспорно, что культура первичного производства выступает здесь определителем общетипологических характеристик системы этнической культуры в целом» (Арутюнов, 1989, с. 202). С этим трудно спорить, равно как и с тем, что как раз хозяйственная деятельность, или «первичное производство», в конечном счёте определяет адаптацию сообщества к условиям окружающей среды. В силу этого фактора, а также отмеченной самим С.А. Арутюновым определяющей роли хозяйства в культуре, этнологам и этноэкологам лучше всё же начинать свои исследования культуры местного сообщества с хозяйства (способов обеспечения средствами существования), а не с пищи – одежды – жилища – поселения, если, конечно, они хотят изучить эту культуру в целом или в её основных проявлениях.

В-третьих, как мне уже доводилось отмечать, в единый ряд экологических функций обеспечения и регулирования энергетических связей организма человека с окружающей средой, выполняемых пищей, одеждой и жилищем, никак не вписывается поселение. Поэтому его логичнее рассматривать в качестве составной части «культуры природопользования и расселения», близкой по содержанию «культуре первичного производства» и объединяющей в себе хозяйственную деятельность и систему расселения (Ямсков, 2004, с. 39-40).

Вообще следует заметить, что в рамках обсуждаемого подхода С.А. Арутюнова и его коллег к выделению основных подсистем в культуре полностью игнорируется атрибуция такой ее важнейшей части, как «культура расселения», неразрывно связанная именно с хозяйственной деятельностью. Речь идёт о той составляющей культуры, которая определяет, как именно данное сообщество организует использование своей освоенной территории. В случае оседлого населения имеется в виду размещение на ней жилых и хозяйственных построек и планировка усадеб, прокладка дорог и троп между используемыми хозяйственными угодьями, и т.д. В случае же неоседлого населения – отнюдь не менее сложный комплекс знаний, умений, орудий труда, определяющий практику выбора времени и маршрутов передвижений по освоенной территории и локализации и обустройства на ней временных стоянок. Очевидно, что постоянное «поселение» является лишь частным проявлением этой сферы культуры, характерным толь-

ко для оседлых или частично оседлых групп населения (см. подробнее: Ямсков, 2004).

С другой стороны, переход от прежнего разделения культуры на материальную и духовную к выделению в ней четырёх основных компонентов или подсистем, каждая из которых выполняет принципиально разные функции в жизни людей и при этом представлена как материальными, так и нематериальными явлениями, был, несомненно, огромным шагом вперёд в развитии этнологии, значение которого трудно переоценить. Возможно также, что для различного рода сравнительно-типологических этнологических исследований предложенное С.А. Арутюновым с коллегами понимание «культуры жизнеобеспечения» является приемлемым.

Но последний вывод вряд ли можно сделать применительно к этноэкологическим исследованиям – в этой области науки имеет смысл существенно скорректировать восходящие к работам С.А. Арутюнова и его соавторов обозначение и содержание понятия «жизнеобеспечение». В первую очередь в используемом термине следует внятно отразить полный отказ от каких-либо претензий на раскрытие через него всей сложности процессов жизнеобеспечения отдельных групп населения. Видимо, при проведении характерных для этноэкологии исследований процессов и результатов культурной адаптации, целесообразнее говорить о «культуре материального жизнеобеспечения» (в составе триады пища – одежда – жилище) и «культуре природопользования и расселения» (включая в последнее и поселение как его частный случай), а также о соционормативной и гуманитарной культуре. Это предложение я уже пытался ранее обосновать в более развернутом виде (Ямсков, 2004; Ямсков, 1999, с. 111).

**«Система жизнеобеспечения»
в исследованиях И.И. Крупника**

Оригинальная трактовка жизнеобеспечения появилась в работах И.И. Крупника (1977, 1989), посвященных детальному, выполненному на основе полевых материалов анализу этноэкологическим морских охотников Субарктики (эскимосов Чукотки) и кочевых оленеводов тундры (ненцев и оленных чукчей). В своей обобщающей монографии он объясняет введение данного понятия реакцией на соответствующие идеи С.А. Арутюнова (хотя

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

по существу принципиально с ним расходится) и, с другой стороны, необходимостью поиска некоего эквивалента для широко используемого американскими авторами термина *subsistence*, хотя последний имеет, с его точки зрения, существенно более узкое содержание (Крупник, 1989, с. 14-15). Указанное английское слово, вероятно, можно очень условно перевести как жизнеобеспечение, хотя гораздо более точное его значение – средства к существованию, или обеспечение средствами существования.

В зарубежном аналоге отечественной этноэкологии, то есть в экологической антропологии или в культурной экологии (см. подробнее: Козлов, Ямсков, 1989), есть целая серия производных терминов. Это, например, *subsistence systems*, или различные системы обеспечения средствами существования у «охотников-собирателей, скотоводов, традиционных земледельцев» (Moran, 1982, р. 42); *subsistence activities*, или виды деятельности по обеспечению средствами существования, такие как «выпас скота, выращивание культивируемых растений» (Netting, 1986, р. 44); *subsistence techniques*, или способы обеспечения средствами существования, такие как «собирачество, охота, рыболовство, скотоводство, подсечно-огневое земледелие» и т.д. (Ellen, 1989, р. 125) и некоторые другие.

Краткий экскурс в терминологию зарубежных эколого-антропологических исследований и в тонкости перевода нужен был лишь для того, чтобы показать, что в оригинале данное понятие и производные от него отражают прежде всего отрасли природопользования или виды хозяйственной деятельности, но отнюдь не специфику одежды, поселений и жилищ или даже пищи в смысле блюд и кулинарных технологий, как то призван делать отечественный термин «жизнеобеспечение» в трактовке С.А. Арутюнова. В сущности, американские и другие западные коллеги создали понятие *subsistence systems*, или «системы обеспечения средствами существования», весьма близкое к отечественному «хозяйственно-культурному типу» (Левин, 1947; Левин, Чебоксаров, 1955), но только с ещё более выраженным акцентом на хозяйственную составляющую.

Сам И.И. Крупник предложил следующее исчерпывающее определение понятия «система жизнеобеспечения»: «... взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации,

традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счёт ресурсов конкретной среды обитания» (Крупник, 1989, с. 15). Как мы видим, такое толкование жизнеобеспечения и, главное, само содержание пионерной монографии И.И. Крупника, показывают, что он охватывает этим понятием отнюдь не только «культуру жизнеобеспечения» в понимании С.А. Арутюнова и его последователей, но также полностью включает в него «первичное производство» и многие составляющие «соционормативной культуры».

Подход И.И. Крупника принципиально отличается значительно большей широтой и от исследований зарубежных учёных, занимавшихся изучением преимущественно природопользования, организации хозяйственной деятельности и производства продуктов питания в рамках так называемых *subsistence studies* (исследований производства средств существования). При этом в последних обычно не углубляются в такие сюжеты, как приготовление отдельных блюд, составление повседневных или праздничных и иных рационов, организация приёма пищи при различных обстоятельствах в семьях и коллективных застольях и в тому подобные вопросы, которые, как правило, рассматриваются в рамках отечественных исследований пищи как важнейшего компонента культуры.

Попробуем проанализировать подробнее различия во взглядах И.И. Крупника и С.А. Арутюнова и их возможные причины. Прежде всего, первый уже не говорит об «этносе» в целом и о его жизнеобеспечении, но анализирует вещественные и энергетические связи отдельных местных сообществ (жители эскимосского посёлка, члены кочевой общины оленеводов) с окружающей средой (в первую очередь – с биотой), проходящие в основном через пищевые цепи. В данном случае И.И. Крупник фактически продолжает и творчески развивает подход к анализу функционирования конкретных экосистем, включающих в себя человеческие сообщества (общины, совместно использующие природные ресурсы освоенных и контролируемых ими территорий), через моделирование пищевых цепей и количественную оценку объёмов проходящей по ним энергии и биомассы.

Первопроходцем в этой области был американский учёный Рой Раппапорт, один из создателей методологии экологической

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

антропологии, работавший в начале 1960-х гг. на Новой Гвинее в общине подсеčno-огневых земледельцев Тсембага (Rappaport, 1984). У него были и последователи, выполнившие подобные исследования в американской Арктике и в Гренландии. В теоретическом плане И.И. Крупник также прямо использует и разрабатывает далее основные идеи В.П. Алексеева, сформулированные в его работах об антропогеоценозах (Алексеев, 1975; Алексеев, 1984).

Таким образом, реальных связей между подходами И.И. Крупника и С.А. Арутюнова к трактовке понятия «жизнеобеспечение» практически нет, исключая лексическое сходство используемых терминов. Первый является реальным продолжателем исследований американских эколога-антропологов, работавших именно в таком ключе, и создателя концепции антропогеоценоза В.П. Алексеева. Вероятно, с точки зрения развития методологии этнической экологии, основным вкладом И.И. Крупника можно считать выраженный акцент на общие эколого-демографические характеристики изучаемых групп населения в их взаимосвязи с варьирующей год от года эффективностью хозяйственной деятельности. В частности, он тщательно анализировал численность и плотность населения, темпы его прироста или убыли, среднюю продолжительность жизни и смертность по отдельным возрастным когортам. Также следует отметить, что И.И. Крупник обоснованно уделял первостепенное внимание тем аспектам соционормативной культуры, которые выполняют прямые адаптивные функции, то есть определяют взаимодействия между членами местного сообщества в процессе добычи либо производства и распределения пищевых и иных ресурсов.

Однако в действительности монография И.И. Крупника (1989) явилась прежде всего непревзойдённым примером нахождения, систематизации и анализа поистине огромного массива количественных данных по экологическим аспектам хозяйства, системы питания и организации домашнего быта, и именно в этом заключается её основное научное значение. К сожалению, такого рода исследования не только чрезвычайно трудоёмки и полностью зависят от наличия и полноты соответствующей информации, но и уязвимы для критики с точки зрения точности и достаточности анализируемых количественных сведений. В силу этих причин трудно предполагать, что в будущем может появиться нечто по-

добное монографии И.И. Крупника (1989). Отсюда же вытекает и главная проблема с предложенной им трактовкой понятия «система жизнеобеспечения» – при всей убедительно продемонстрированной продуктивности такого подхода практически не приходится ожидать, что это начинание будет иметь продолжение и дальнейшее развитие.

Кроме того, возникает вопрос, насколько вообще необходимо понятие «системы жизнеобеспечения» для исследований такого рода. Судя по всему, особой потребности в нём просто не существует, и именно по этой причине его прямых аналогов нет и в американских исследованиях. В монографии И.И. Крупника объектом реконструкции и анализа служит этноэкосистема и взаимосвязи между её структурными блоками, понимаемые прежде всего как вещественно-энергетические связи, то есть пищевые цепи или, например, потребности отдельных эскимосских хозяйств в жире и мясе морских млекопитающих как топливе или корме для ездовых собак. При таком подходе нет места для отвлечённых рассуждений о жизнеобеспечении, поэтому автор применяет это понятие для обозначения самых общих особенностей организации и функционирования этноэкосистем и в силу этого трактует жизнеобеспечение чрезвычайно широко.

По сути получается, что «система жизнеобеспечения» становится всего лишь синонимом выражения «характеристика структуры и функционирования этноэкосистемы». То есть термин в полном соответствии с приведенным выше детальным определением раскрывает то, из каких структурных блоков состоит этноэкосистема, какими видами хозяйственной деятельности занимаются входящие в неё люди и от каких природных ресурсов в силу этого они прямо зависят, какую продукцию они получают в своём хозяйстве и как её используют, как именно протекают в их среде демографические процессы и так далее. Но зачем тогда говорить отдельно о «системе жизнеобеспечения» изучаемой группы населения, если всё равно речь должна идти о различных особенностях структуры и функционирования той этноэкосистемы, частью которой является рассматриваемое сообщество людей?

Таким образом, подход И.И. Крупника к понятию «система жизнеобеспечения» стал не просто очень широким. Объединив в себе огромный комплекс явлений культуры и процессов (в частности, экологических и демографических), это понятие во

многим утратило свою операциональность вследствие чрезмерно расширительной и одновременно очень детальной трактовки. Парадоксально, но даже в таком виде оно при этом не охватило всех значимых материальных аспектов обеспечения жизни человека на Севере (Козлов, 2004, с. 29-30), не говоря уже об обеспечении не менее важных духовных потребностей людей. О последних, впрочем, этот автор не задумывался, сознательно ограничив себя анализом сугубо материальных сторон понимаемого таким образом жизнеобеспечения.

Для адекватной оценки перспектив дальнейшего распространения взглядов на жизнеобеспечение И.И. Крупника стоит представить себе, как они могут восприниматься в сравнении, например, с идеями С.А. Арутюнова. Так, совсем несложно догадаться, что именно и каким образом должен изучать исследователь, если перед ним встанет задача описать «культуру жизнеобеспечения» какой-либо группы населения по С.А. Арутюнову. Но вот что ему следует делать и с чего начинать свои исследования, если вдруг перед ним поставят задачу раскрыть «систему жизнеобеспечения» по И.И. Крупнику, понять гораздо сложнее. Поскольку используемый термин никак не свидетельствует о пути к решению данной задачи, это сделать будет особо сложно в том случае, если исследователь не сразу догадается, что начинать следует с моделирования этноэкосистемы, включающей соответствующую группу населения, и её основных энергетических связей с другими компонентами этой этноэкосистемы.

«Жизнеобеспечение» в трудах В.И. Козлова

Понимание жизнеобеспечения как «... удовлетворения ... социальных и биологических потребностей» человека и мысль о том, что «целесообразно учитывать две основные стороны жизнеобеспечения людей — физическую и психическую», появились уже в самой первой работе В.И. Козлова (1983, с. 8, 9) по этнической экологии. Впоследствии он посвятил этой важнейшей для него теме отдельное исследование (Козлов, 1991), многократно обращался к ней в своей монографии (Козлов, 1994, с. 70-96) и во многих других работах, частью рассматриваемых ниже.

Раскрытие представлений В.И. Козлова о содержании понятий «жизнеобеспечение» и производных от него, т.е. «структуры жизнеобеспечения» и «системы жизнеобеспечения» (Козлов,

1994, с. 63, 80), произошло в основном в рамках острой полемики со взглядами С.А. Арутюнова и И.И. Крупника. При этом В.И. Козлов, в конечном счёте, признаёт продуктивность и перспективность исследований «систем жизнеобеспечения», которые были начаты И.И. Крупником и основаны на реконструкции и количественном анализе пищевых цепей в этноэкосистеме, призывая лишь к введению существенных уточнений и дополнений в этот подход (Козлов, 1991, с. 40; Козлов, 2005, с. 22). С другой стороны, его отношение к трактовке С.А. Арутюновым жизнеобеспечения как части материальной культуры, включающей поселение, жилище, пищу и одежду, остаётся резко критическим (Козлов, 1994, с. 77-80; Козлов, 2005, с. 20).

Итак, В.И. Козлов предложил ещё более широкое, чем даже у его предшественника И.И. Крупника, толкование содержания «жизнеобеспечения», вкладывая в него все те явления и процессы в культуре, которые в итоге обеспечивают материальное и духовное благополучие изучаемой этнической группы. В частности, ещё в одной из первых своих работ по этой проблематике он подчёркивал, что «... жизнеобеспечение требует удовлетворения как биологических или “физических”, так и социально-культурных, в частности духовных потребностей» (Козлов, 1991, с. 16), а впоследствии особо отмечал важнейшую «роль духовной культуры в традиционном жизнеобеспечении» (Козлов, 2005, с. 25). Представляется, что именно акцентированное внимание к последней, то есть к духовной составляющей жизнеобеспечения, в первую очередь отличает взгляды В.И. Козлова. С его точки зрения, «можно определить “жизнеобеспечение” как процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида или группы путём адаптации к природной и социально-культурной среде обитания для обеспечения воспроизводства людей и их сообществ (в данном случае – этнических групп)» (Козлов, 1994, с. 93). Согласно В.И. Козлову, можно также говорить и о «структуре жизнеобеспечения», которая напрямую определяется структурой человеческих потребностей (Козлов, 1991, с. 16).

В подобной трактовке «жизнеобеспечения» кроются все достоинства, но и недостатки взглядов В.И. Козлова.

С одной стороны, его подход оказался на удивление практичным и легко применимым в научных исследованиях – что бы мы ни изучали в культуре отдельно взятой группы населения, это

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

будет исследованием её жизнеобеспечения, если только удастся показать, что рассматриваемые явления культуры выполняют адаптивные функции, способствуя удовлетворению каких-либо материальных или духовных потребностей людей в данных условиях их жизни. Именно эта очевидная операциональность подхода В.И. Козлова к пониманию жизнеобеспечения, видимо, и обеспечила ему достаточно широкое распространение в отечественной этноэкологии и в этнологии в целом.

Но, с другой стороны, такое крайне расширенное понимание жизнеобеспечения в сущности делает его своего рода синонимом, или почти синонимом, адаптации. Поэтому, как и в случае с позицией И.И. Крупника по тому же вопросу, возникает закономерный вопрос о том, нужно ли вообще вводить такое понятие, и если да, то зачем.

В частности, когда В.И. Козлов говорит о жизнеобеспечении как о результате адаптации, оно становится по сути синонимичным понятию «адаптированности». Так, в одной из его последних по времени выхода в свет работ сказано: «Жизнеобеспечение групп (общностей) людей достигается путём их адаптации к условиям среды обитания ...» (Козлов, 2005, с. 19). Но ведь «путём адаптации» достигается как раз адаптированность! Следовательно, при такой трактовке понятие «жизнеобеспечение» становится излишним, ибо оно дублирует понятие «адаптация (адаптированность)».

Немного сложнее обстоит дело с предложенным В.И. Козловым пониманием жизнеобеспечения как процесса, а ведь именно оно является ведущим в его системе взглядов. Правда, в основной своей части жизнеобеспечение охватывает различные процессы в сферах хозяйственной деятельности и постоянно идущего воспроизводства явлений материальной и духовной культуры, и тем самым оно тоже превращается в фактический синоним понятия адаптации как процесса (см., например: Козлов, 2005, с. 24-25). Однако в целом жизнеобеспечение как процесс несколько шире последней и потому включает в себя также различного рода феномены духовной культуры, имеющие по сути иррациональный, с экологической точки зрения, характер и потому играющие скорее дезадаптивную роль в жизни людей (Козлов, 2005, с. 26).

Видимо, наиболее важным для дальнейшего развития этноэкологических исследований следует считать то, что В.И. Козлов тес-

но увязал понятие «жизнеобеспечение», а следовательно и культурную адаптацию, с удовлетворением всего спектра потребностей человека, то есть не только материальных, но и духовных (Козлов, 1994, с. 80-94; Козлов, 2005, с. 24-26). В этноэкологических исследованиях В.И. Козлов, как и И.И. Крупник, также придаёт первостепенное значение демографическим характеристикам изучаемой группы населения, но дополняет их особенностями состояния здоровья и именно по этим медико-демографическим параметрам предлагает оценивать эффективность действия системы жизнеобеспечения в данной культуре (Козлов, 1991, с. 41).

Итак, несомненной и действительно очень существенной в методологическом отношении заслугой В.И. Козлова стали распространение понятия «жизнеобеспечения», или адаптации, на духовные аспекты жизнедеятельности людей и утверждение представлений о том, что об успешности функционирования системы жизнеобеспечения следует судить по состоянию здоровья и демографическим характеристикам изучаемой группы населения. Ещё одним и, вероятно, особенно востребованным достоинством предложенной им очень широкой трактовки жизнеобеспечения стали простота и удобство использования его подхода – при столь комплексном понимании жизнеобеспечения становится по существу невозможным даже попытаться раскрыть все или большинство его составляющих в рамках одного исследования. Поэтому в рамках такого подхода остаётся только произвольно выбрать какую-то часть элементов жизнеобеспечения для анализа, что представляется вполне разрешимой задачей.

Жизнеобеспечение в понимании других исследователей

Интересно посмотреть, какие именно взгляды на трактовку понятия «жизнеобеспечение» оказались в итоге наиболее востребованными в исследованиях по этнической экологии. Для этого стоит обратиться к работам только тех учёных, которые явно не входят в число учеников, коллег и последователей авторов соперничающих представлений о содержании этого понятия. Кроме того, из нижеследующего краткого обзора исключены все публикации по этноэкологии, появившиеся в серии тематических сборников Сектора / Группы этноэкологии ИЭА РАН. Причина такого шага очевидна – основная часть авторов этих сборников была

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

представлена людьми, в профессиональном отношении так или иначе связанными с В.И. Козловым лично или же с его учениками и коллегами, а потому разделявшими в основном их идеи.

Итак, начнём с небольшого специализированного исследования историографического характера. В нём констатируется существование в отечественной этноэкологии понятия жизнеобеспечения в трактовках В.И. Козлова и И.И. Крупника и раскрыты их некоторые отличия друг от друга (Таксами, 1999, с. 15, 21-23, 25). При этом, однако, ничего не говорится о работах С.А. Арутюнова по проблематике культуры жизнеобеспечения.

В работе Г.А. Комаровой достаточно подробно и вполне нейтрально раскрыты взгляды на жизнеобеспечение, высказывавшиеся В.И. Козловым и С.А. Арутюновым с коллегами (Комарова, 2005, с. 125-127), но не И.И. Крупником. Однако когда автор переходит к характеристике собственного понимания жизнеобеспечения, применявшегося ею в ходе полевых исследований в долине реки Теча, подвергшейся радиационному загрязнению, то оказывается, что она фактически следует в этом вопросе за В.И. Козловым. Так, говоря о «системе жизнеобеспечения», она включает в неё не только хозяйство, пищу и жилище, но и «личную гигиену, способы профилактики и самолечения заболеваний», а также «этнические и конфессиональные особенности поведения» на загрязнённой радионуклидами территории (Комарова, 2005, с. 131-132). Всё это явно не соответствует представлениям И.И. Крупника или С.А. Арутюнова о содержании понятия «жизнеобеспечение», но лежит в русле соответствующих взглядов и методологических рекомендаций В.И. Козлова.

Очень показательна в этом плане также краткая статья «Этноэкология» в словаре терминов по экологии человека, которую подготовил известный отечественный учёный, профессор Б.Б. Прохоров, долгое время бывший заведующим кафедрой экологии человека на Экологическом факультете Московского независимого эколого-политологического университета. Он раскрывает содержание этноэкологии в полном соответствии со взглядами В.И. Козлова, в том числе и в отношении понятия жизнеобеспечения как центрального для этой научной дисциплины при подобном подходе (Прохоров, 2000, с. 315).

Особое значение в плане ретрансляции терминологических положений новым поколениям исследователей имеют програм-

мы университетских учебных курсов. Например, в курсе «Этническая экология», читаемом на кафедре этнологии исторического факультета МГУ, рекомендуются к изучению взгляды по обсуждаемому вопросу всех трёх рассматриваемых авторов – С.А. Арутюнова, В.И. Козлова и И.И. Крупника. В самой программе, однако, присутствуют явный акцент на связь жизнеобеспечения с «биологическими и социально-культурными потребностями человека» и рассмотрение в этом контексте в том числе и «мировоззренческих заимствований» их других этнических культур (Ларина, 2007, с. 184, 186). Всё это свидетельствует, что автор данного курса лекций в основном ориентируется на соответствующие представления В.И. Козлова.

Несколько особняком стоит работа академика В.И. Тишкова, в которой он говорит о «системах жизнеобеспечения» и связывает последние с удовлетворением «базовых биологических и социальных нужд» общества (Тишков, 2003, с. 79). Введение в контекст рассуждений о жизнеобеспечении «социальных нужд», казалось бы, может позволить предположить некоторое влияние идей В.И. Козлова, а не С.А. Арутюнова либо И.И. Крупника. Но В.А. Тишков, однако, никак не развивает это положение и далее говорит уже только о «способах жизнеобеспечения» (то есть фактически об отраслях хозяйства – охоте, собирательстве) или о «формах жизнеобеспечения» либо «системах жизнеобеспечения». Последние термины он применяет как синонимы и трактует их всецело в духе американской экологической антропологии – как *subsistence systems*, или различные системы обеспечения средствами существования, на основе которых сложились «общества охотников-собирателей», «скотоводческие общества», «аграрные общества» и т.д. (Тишков, 2003, с. 80-84). Поэтому в данном случае, скорее всего, речь идёт об оригинальных взглядах самого этого автора, по каким-то причинам не ставшего упоминать работы отечественных учёных в указанной области исследований, равно как и концепцию хозяйственно-культурных типов.

Таким образом, небольшой обзор случайно выбранных работ, затрагивающих этноэкологическую тематику, свидетельствует о гораздо большей распространённости представлений В.И. Козлова о сути понятия «жизнеобеспечение», чем его оппонентов по этому вопросу – С.А. Арутюнова или И.И. Крупника.

Понятийно-терминологический аппарат и задачи этнической экологии

Несмотря на сохраняющийся очевидный разнобой в трактовках одних и тех же либо близких по звучанию терминов из сферы этнической экологии, удачное определение которой когда-то дал В.И. Козлов (1983, с. 8) и полностью принял И.И. Крупник (1989, с. 11), уже сейчас можно наметить достаточно полную и непротиворечивую картину основных понятий и подходов к исследованиям в этой области науки.

Представляется, что *базовые понятия этнической экологии – адаптация и этноэкосистема*, а основными задачами этноэкологического исследования являются *изучение процессов и результатов культурной адаптации или особенностей функционирования этноэкосистем. Достигнутый изучаемым сообществом уровень адаптации, или адаптированность к условиям среды обитания, определяется по состоянию здоровья и демографическим особенностям этой группы населения. Задачи изучения культурной адаптации и функционирования этноэкосистемы в действительности тесно взаимосвязаны, так как сам факт достаточно длительного, то есть устойчивого существования определённой этноэкосистемы с входящим в её состав сообществом людей доказывает их в целом успешную адаптацию.*

Концепция устойчивого развития составляет одно из важнейших теоретических оснований этноэкологии (см. подробнее: Ямсков, 2006б, с. 31-39), наряду с концепциями адаптации и этноэкосистемы. Именно из неё вытекают представления о медико-демографических и иных количественных индикаторах устойчивого функционирования этноэкосистемы, то есть успешной адаптации соответствующей группы населения к физико-географическим и социально-культурным условиям окружающей среды.

Адаптация человека, как известно, является комплексным процессом, в котором биологические и культурные (иногда называемые социо-культурными) составляющие взаимосвязаны в единое целое. Однако в исследовательских целях их приходится разделять, и в этноэкологических работах требуется фокусировать внимание именно на культурной составляющей адаптации, но также принимать во внимание и важнейшие биологические аспекты этого процесса в изучаемой группе населения.

В идеале изучение этноэкосистемы предполагает моделирование и количественный анализ потоков вещества, энергии и информации, проходящих по пищевым цепям и иным каналам вещественно-энергетических и информационных связей между её основными компонентами, в первую очередь между человеческим сообществом и другими компонентами этноэкосистемы (Ямсков, 2003). Но возможен также и упрощённый вариант анализа отдельной этноэкосистемы или сопоставления этноэкосистем разных типов друг с другом, когда внимание исследователя обращено лишь на их качественные характеристики, такие как структура, сезонные вариации вещественно-энергетических связей между основными компонентами, особенности отдельных компонентов, и т.д. (см. подробнее: Ямсков, 2009).

Исследования культурной адаптации проводятся на основе представлений о традиционной культуре как единой системе, в состав которой в аналитических целях могут быть выделены такие основные подсистемы (или компоненты), как культура природопользования и расселения, культура материального жизнеобеспечения (пища – одежда – жилище), соционормативная культура и гуманитарная культура. Объектом такого исследования может быть любой из этих компонентов культуры или даже его отдельная составляющая, а предметом – адаптивные функции анализируемой части культуры либо отражение в последней природных условий освоенной территории или адаптации к ним.

Важными понятиями этнической экологии являются также экологическая ниша (Barth, 1958) и частично перекрывающийся с ней по содержанию, но далеко не совпадающий хозяйственно-культурный тип (об этом см. подробнее: Ямсков, 2005). Их изучение тоже может быть обоснованно отнесено к сфере этноэкологических исследований.

При таком подходе к основным терминам и задачам этнической экологии, общее понятие «жизнеобеспечение» по сути оказывается излишним и может использоваться лишь как метафора или практический синоним адаптации. В отличие от последней, однако, оно не имеет строгого, полного и разделяемого большинством исследователей научного определения. С другой стороны, производное от него частное понятие «культура материального жизнеобеспечения» является одной из важных составляющих

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

терминологического аппарата этноэкологических исследований, равно как и понятия, обозначающие три других основных компонента традиционной культуры.

* * *

Подводя итоги, следует сказать, что в отечественной этноэкологии и смежных областях науки ныне сосуществуют три существенно различающихся подхода к пониманию понятия «жизнеобеспечение» и производных от него, связанные с именами С.А. Арутюнова, И.И. Крупника и В.И. Козлова. Все эти выдающиеся учёные считают данное понятие методологически одним из важнейших для этнической экологии (Козлов, 1991, с. 15-16; Крупник, 1989, с. 14) или для экологически ориентированных исследований культуры (Арутюнов, 1989, с. 201-202, 204). Открыто полемизируя друг с другом, либо выдвигая и обосновывая альтернативные взгляды, перечисленные ученые в итоге заложили основы современного понятийно-терминологического аппарата и исследовательских методов этнической экологии.

Каждый из названных выше подходов имеет свои достоинства и недостатки и, главное, свою сферу оптимального применения. Однако в силу целого ряда причин, и прежде всего благодаря своей операциональности и всеохватности, наибольшее распространение в этноэкологических исследованиях получила ныне самая расширительная трактовка понятия жизнеобеспечения, представленная и обоснованная в работах профессора В.И. Козлова.

Тем не менее, гораздо более узкий и конкретизированный подход к пониманию культуры материального жизнеобеспечения, разработанный в основном усилиями профессора С.А. Арутюнова с коллегами, при условии его определенной коррекции в плане содержания и лексического оформления, представляется всё же наиболее продуктивным для изучения соответствующей составляющей процессов культурной адаптации.

Литература

- Абхазское долгожителство \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1987.
Алексеев В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. С. 18-23.

Алексеев В.В. Генезис антропогеоценозов // Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984, с. 348-383.

Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1980. № 12. С. 92-98.

Арутюнов С.А. Культура жизнеобеспечения и ее место в культурной динамике этноса // Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 200-229.

Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Lewiston – Queenston – Lampeter, 2000.

Арутюнов С.А., Мелконян Э.Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) \ Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983. С. 53-60.

Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры \ Отв. ред.: М.В. Крюков, А.И. Кузнецов. М., 1984. С. 19-33.

Бромлей Ю.В. Этнические аспекты экологии человечества // Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 245-256.

Долгожительство в Азербайджане \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1989.

Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16.

Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика \ Ред.: Козлов В.И., Дубова Н.А., Ямсков А.Н. М., 1991. С. 14-43.

Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994.

Козлов В.И. Многоаспектность этнической экологии // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова \ Ред.: Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н. М., 2004. С. 7-35.

Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры \ Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М., 2005. С. 15-32.

Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде \ Ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М., 1989. С. 86-107.

Комарова Г.А. Этнический аспект экологизации гуманитарного знания // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна \ Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2005. С. 120-153.

Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем. Автореферат дисс... канд. исторических наук. М., 1977.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

Ларина Е.И. Этническая экология // Этнология на историческом факультете (программы курсов) \ Ред.: О.Е. Казьмина, В.В. Пименов, Т.Д. Соловей. М., 2007. С. 182-187.

Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // КСИЭ. М., 1947. Т. 2. С. 84-86.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // СЭ. 1955. № 4. С. 3-17.

Раздел 1. Развитие идей В.И. Козлова в различных направлениях науки XXI в.

Маркарян Э.С. Введение // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянкой сельской культуры) \ Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983. С. 5-16.

Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь М., 2000.

Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы \ Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1995.

Таксами Н.Ч. Экологические аспекты философской антропологии (сравнительный анализ российской и американской школ). СПб., 1999.

Тишков В.А. Системы жизнеобеспечения и историческая типология обществ // Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 79-85.

Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам \ Ред.: Дмитриева В.Т., Воробьев А.Н., Ямсков А.Н. М., 1999. С. 105-126.

Ямсков А.Н. История развития концепции этноэкологии в отечественной этноэкологии и характеристики её структурных блоков // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции \ Отв. ред. Н.П. Матвеева. Вып. 2. Тюмень, 2003. С. 271-273.

Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова \ Ред.: Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н. М., 2004. С. 39-60.

Ямсков А.Н. Концепция экологической ниши в этноэкологии // Вестник МГПУ. 2005. № 2 (9) – Географический выпуск. С. 48-60.

Ямсков А.Н. Значение предложенной В.П. Алексеевым концепции антропогеоэкологии для развития этнической экологии и этнологии // Эволюция. 2006а. № 3. С. 152-153.

Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии \ Отв. ред. С.В. Чешко. М., 2006б. С. 10-62.

Ямсков А.Н. Этноэкология: содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы. Вып. 34. «Проблемы этнической экологии» \ Ред.: Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьёва. М., 2009. С. 130-143 (в печати).

Barth F. Ecologic Relationships of Ethnic Groups in Swat, North Pakistan // AA. 1958. Vol. 58. P. 1079-1089.

Ellen R. Environment, subsistence and system: the ecology of small-scale social formations. Cambridge, 1989 (первое издание – 1982 г.).

Moran E.F. Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. Boulder, 1982 (первое издание – 1979 г.).

Netting R.M. Cultural Ecology. Second ed. Prospect Heights, 1986 (первое издание – 1977 г.).

Rappaport R.A. Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People. A new, enlarged edition. New Haven, 1984 (первое издание – 1968 г.).

РАЗДЕЛ 2

Этнокультурные аспекты освоения территорий

*Мне с годами трудней ожидать подкрепленья.
Ничего!... И хоть жизнь еще не надоела,
Я готов, как тогда... – Как мое поколенье:
Глядя смерти в глаза и за Правое дело!*

В. Козлов

**СООТНОШЕНИЕ ПРИРОДНЫХ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РУБЕЖЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ИНДИИ)**

Произошедшее во второй половине XIX – начале XX вв. отделение естественных наук от общественных, о чем писал В.И. Козлов (1983), в том числе отделение этнографии от географии, с которой она в прошлом была слита в единую страно-народоведческую науку, не могло не привести к известным негативным последствиям. Они проявились в том, что из географии как физической, так и экономической, стал исчезать человек, а из этнографии – природная среда. В середине XX в. связи между этими науками стали восстанавливаться. В частности, на рубеже XX и XXI столетий на новый виток переосмысления вышло понятие географического детерминизма – научной концепции, отражающей роль географической среды в жизни и развитии общества.¹ Уже мало кто отрицает, что влияние географической среды распространяется на многие стороны развития общества, включая направление природопользования (хозяйства), специфику расселения и материальной культуры, развитие этносов и цивилизаций. Об этом, в частности, более столетия назад писал один из крупнейших российских естествоиспытателей В.В. Докучаев, подметивший, что «...человек зонален во всех проявлениях своей жизни: обычаях, религии (особенно нехристианских религиях), в красоте, ... одежде, во всей житейской обстановке; зональны домашний скот, так называемые культурные растения, постройки, пища и питье» (Докучаев, 1948, с. 25-26). Несомненно, даже в эпоху бурного развития науки и техники экономическая роль географической среды не уменьшается, а становится более глубокой и тонкой.

Единые детерминистские позиции прослеживаются и в методах выделения природных и общественных территориальных систем, в частности, при проведении их границ. Несмотря на это, проблема делимитации природных и общественных рубе-

¹ Об этом свидетельствует серия публикаций в журнале «Известия Русского географического общества», подготовленных ведущими географами Санкт-Петербургской школы – см.: Исаченко, 2006; Чистяков, 2006.

жей сталкивается с некоторыми трудностями методологического и методического характера. В связи с этим весьма актуально звучит поставленный В.И. Козловым в 1983 г. вопрос о соотношении природных (экологических) и этнических границ: «... до его полного разрешения ясно, что во многих случаях границы экологических систем применительно к этносам могут быть установлены лишь условно. При этом нередко они будут разрезать этнические общности или объединять части этносов и целые этносы; первое касается и некоторых небольших этносов...» (Козлов, 1983, с. 15). Рассмотрим поставленную В.И. Козловым проблему с позиций современной физической географии и исторической геоэкологии.

Географическая среда с ее основными природно-территориальными компонентами – природными зонами на равнинах, высотными спектрами в горах, ландшафтами и урочищами – формирует вполне определенные региональные и локальные условия обитания человека. Многие исследователи справедливо полагают, что изучение разнообразных природно-общественных связей может и должно базироваться на ландшафтно-географическом подходе, объективно отражающем существующую пространственную дифференциацию условий среды обитания человека. «Каждый этнос складывается и обычно живет на определенной территории, т.е. в определенных (хотя и не всегда однородных) природных условиях, к которым входящие в этнос люди так или иначе адаптируются и часть которых они могут в той или иной степени изменять в ходе развития производительных сил и хозяйственной деятельности» (Козлов, 1983, с. 4).

Ландшафт можно рассматривать не только как единицу пространственной дифференциации территории, но и как ресурсную категорию. Каждый ландшафт обладает определенным экологическим и производственно-ресурсным потенциалом (Исаченко, 2003). Под экологическим потенциалом ландшафта понимают его способность обеспечивать потребности людей в первичных (не связанных с производством) средствах существования – тепле, воздухе, воде, источниках пищевых продуктов, строительных материалах, а также в природных условиях трудовой деятельности, жизни, отдыха и пр. Производственно-ресурсный потенциал обеспечивает людей разнообразными ресурсами (топливными, сырьевыми, водными, агроклиматическими, биологическими и

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

др.), которые благоприятствуют развитию той или иной хозяйственной деятельности в конкретных ландшафтных условиях.

Именно экологический и производственно-ресурсный потенциалы ландшафтов на ранних исторических этапах во многом определяли основную экономическую направленность развития этнических групп. Поэтому ландшафтная дифференциация территории в этнологии уже давно рассматривается как материальное основание этнографических различий. В этой связи уместно отметить концепцию антропогеоценозов, которые представляют собой «симбиоз между хозяйственным коллективом и освоенной им территорией на ранних этапах истории» (Алексеев, 1984); позднее название этого термина было заменено на «этноэкосистему». Таким образом, потенциал ландшафтов – экологический и производственно-ресурсный – задает основную траекторию хозяйственного и культурного развития этнических групп, особенно четко выраженную на ранних стадиях заселения и освоения территории. Тогда же формируются и многие культурные традиции, которые в дальнейшем развиваются, модифицируются и доходят до нас в виде действующих компонентов духовной и материальной культуры.

Для анализа территориальной приуроченности этнокультурных и социокультурных процессов к определенным природным рубежам целесообразно использовать разнообразные схемы природно-ландшафтного районирования территории. Преимущество при этом должно отдаваться не типологическому, а региональному районированию, в процессе которого выделяются индивидуальные, объективно существующие природные районы со своим природно-ресурсным потенциалом. Рассмотрим, в какой степени прослеживаются механизмы влияния природных (ландшафтных) условий на этнокультурную специфику, особенности расселения, некоторые демографические показатели (прежде всего, плотность населения) и региональные формы социокультурных институтов.

В качестве территориального объекта исследования целесообразно выбрать географически детерминированный регион, отличающийся достаточной изученностью ландшафтной структуры, дифференцированным этническим составом и социальной структурой. Важно также наличие первичной статистической информации, позволяющей анализировать некоторые демографические

и социальные показатели и соотносить их с природными характеристиками. Помимо этого, природно-общественные связи легче проследить в регионах, где преобладает аграрная модель экономики, наиболее близко «привязанная» к производственно-ресурсному потенциалу ландшафтов. Известно, что значение физико-географических условий особенно велико в аграрных обществах Востока: здесь влияние природного фактора в территориальной дифференциации моделей общественной эволюции было выше, чем в Европе, в силу слабого динамизма и интегрирующего потенциала традиционного способа производства. Одним из таких регионов, безусловно, является субконтинент Южная Азия. Это чрезвычайно своеобразный и сложный как в природном, так и в этнокультурном плане цивилизационный регион земного шара. Для целей нашего анализа мы ограничимся территорией Индии.

Для Индии характерно выраженное обособление крупных природных макрорегионов, соответствующих высшему таксономическому рангу регионального районирования – физико-географическим странам. В пределах Индии принято выделять три физико-географические страны: Гималаи, Индо-Гангские равнины, полуостров Индостан, обладающие жесткими естественными рубежами. В зональном отношении территория Индии также чрезвычайно разнообразна. Господство на большей части территории субэкваториального муссонного климата при почти повсеместной высокой теплообеспеченности обуславливает значительную пестроту условий увлажнения – от крайне засушливых на северо-западе в пустыне Тар до рекордно влажных на северо-востоке страны на плато Шиллонг. В этих условиях сформировался широкий диапазон зональных типов природных ландшафтов: от тропических пустынь и опустыненных саванн до вечнозеленых тропических лесов, обладающих принципиально разным экологическим и производственно-ресурсным потенциалами.

Схема природного регионального районирования Индии включает 58 ландшафтных областей,² которые в дальнейшем использовались нами в качестве основных операционных единиц. Основными критериями выделения ландшафтных областей выступают азональные факторы, в то же время в зональном плане

2 Имеется в виду классическая карта природно-ландшафтного районирования в масштабе 1:6 млн., включенная в Национальный атлас Индии (India. Physiographic Regions ..., 1977).

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

область может включать разные типы и подтипы ландшафтов или спектры высотных поясов. Как правило, в ландшафтную область объединяют геосистемы со сходным геологическим фундаментом и особенностями макрорельефа, характером гидросети, местным климатом, почвами и органическим миром.

Современная Индия – самое большое по численности населения федеративное государство мира, а её некоторые штаты сравнимы с крупными странами. Например, штат Уттар-Прадеш по числу жителей отстает лишь от шести государств мира, по площади же он сравним с Италией. Как известно, Индия, наряду с Нигерией и Индонезией, входит в число самых многонациональных государств земного шара. Пестрая этническая карта Индии складывается из более 500 больших и малых этносов.³ Необходимо отметить, однако, что применение понятия этноса к Индии носит достаточно условный характер. В качестве «народов», «наций», «племен» выступают внутренне очень неоднородные категории (Арутюнов, 1994, с. 5). Это связано с их высокой религиозной и кастовой раздробленностью, заметными различиями в обычаях, бытовой культуре и т.д. Тем не менее, доминирующими признаками при выделении тех или иных этнокультурных групп выступают общность *территории и языка*. «Практически каждая этнокультурная группа Индии имеет свою исконную историческую территорию, а, следовательно, и общую историю, общую социально-культурную среду обитания», – пишет индолог А.А. Куценков (2002, с. 73). Под последней понимается язык, состав населения, специфический, присущий именно данному региону характер кастовой системы и межобщинных отношений и т.д.

Этническая карта современной Индии в самых общих чертах совпадает с границами штатов. Как известно, в 1956 г. правительство Дж. Неру провело радикальную реформу административно-политического деления страны. В ее основе лежало размежевание штатов на основе общности языка и культуры населения. Созданные тогда по принципу «один штат – один язык» так называемые лингвистические штаты способствовали национальной консоли-

3 Тридцать самых многочисленных этносов имеют численность более 1 млн. человек, например, хиндустанцы – 245 млн. чел., бенгальцы – 80 млн., телугу (андхра) – 74,5 млн., маратхи – 66 млн., тамилы – 61 млн., гуджаратцы – 46 млн., каннара – 35 млн., малаяли – 35 млн., ория – 32 млн., пенджабцы – 24 млн., раджастханцы – 17,5 млн. и др. (данные переписи 1991 г.).

дации внутри них, росту этнического самосознания. По мнению Л.Б. Алаева и Т.Н. Загородниковой (1993, с. 123), эти границы значительно лучше отражают как современное расселение различных народов, так и историко-культурное районирование страны. В результате образования лингвистических штатов 83% каст и племен оказались на территории своих историко-культурных ареалов (Куценков, 2002, с. 73).

До 2000 г. на карте Индии имелось 25 штатов и 7 Союзных территорий. В 2000 г. парламент принял Закон о 84-й поправке к Конституции, в соответствии с которым на политической карте Индии появилось три новых штата. Из территорий самых крупных хиндиязычных штатов – Мадхья-Прадеша, Уттар-Прадеша и Бихара – были выделены три новых штата – Чхаттисгарх, Уттаранчал и Джаркханд соответственно. Создание этих штатов многие исследователи рассматривают в контексте реализации прав немногочисленных народностей и племен, а также историко-культурных регионов (территорий) на самоопределение (Кашин, Плешова, 2001, с. 19). Некоторые индийские ученые полагают, что в будущем число штатов может достичь 56-58, и этот процесс отражает объективный фактор приближения административных границ к географическим, историческим и культурным границам регионов, из которых состоит большая часть штатов, особенно в северной и центральной Индии. Таким образом, границы большинства штатов можно принимать, хотя и с определенной долей условности, за границы крупных этнических групп.

Исключение представляют штаты обширного хиндиязычного пояса, включающего Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш, восточные районы Раджастан и Харьяны. Перечисленные территории, совпадающие в природном отношении преимущественно с ландшафтами равнин северной и невысоких плато центральной и северо-западной Индии, как известно, еще в конце II-I тыс. до н.э. были заселены индоарийскими племенами, двигавшимися с северо-запада, от горных перевалов Афганистана на восток через Пенджаб по равнинам Ганга и на юг, через Малву и Багхелкханд, в Декан. Земли Северной Индии стали рассматриваться как нечто единое, получившее название «Арьяварта» или «Страна ариев», в отличие от остальных областей Индостана, населенных другими этническими группами и автохтонными племенами. Географическим и историческим «стержнем» Индии, где

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

сложился наиболее многочисленный этнос – хиндустанцы, были равнины Ганга. Река в данном случае задавала ведущую траекторию для продвижения племен индоариев на восток, выполняя, таким образом, объединяющую роль в этнической консолидации. Следует, однако, отметить, что процесс такой консолидации занял достаточно продолжительное время. Известно, что некоторые регионы севера (например, Бенгалия) вплоть до VI века н. э. практически не были затронуты процессами арианизации.

Интересно отметить, что южную границу хиндиязычного ареала образуют относительно невысокие, но расчлененные горные массивы и плато – южная, самая возвышенная часть хребта Аравалли, горы Сатпура, хребет Майкала и плато Чхота-Нагпур. Они не могут считаться физической преградой для миграции групп людей,⁴ но в силу своего ограниченного агроприродного потенциала эти ландшафтные области были изначально непригодны для распространения пашенного земледелия, сложившегося в ареале расселения хиндустанцев. До сих пор ландшафтные ограничения обуславливают сохранение в этом поясе низкогорий и плато ведущей роли племенного населения. По данным последней переписи населения 2001 г., численность племен в Индии составляла 84 млн. человек, или 8,2% жителей страны. Так называемый Центральный племенной пояс сосредоточивает около 55% всего населения индийских племен, представляемых малочисленными дравидо- и мундаязычными народами. Из крупных племен здесь проживают гонды, санталы, бхилы, а также ораоны, джуанги, байга, хо. Объединяет все племена то, что в ходе исторического развития они находились в относительной географической и социальной изоляции от остального населения; многие из них не включились в кастовую систему, часто оставаясь на стадии доклассового общества. Образ жизни и занятия племен очень разнообразны. Среди них есть собиратели и охотники, скотоводы, а также различные земледельческие сообщества: от племен бхилов, практикующих примитивное подсечно-огневое земледелие, до санталов, использующих для вспашки полей плуг.

Сравнительный анализ границ ландшафтных областей и штатов как этно-лингвистических образований показывает, что рубежи штатов далеко не всегда совпадают с природными границами.

4 Самым южным ареалом массового проникновения индоариев на юг считает территория современного штата Махараштра, лежащего к югу от этих барьеров.

Однако в ряде случаев отмечается примечательное совпадение природных границ (в основном, обусловленных жестким морфолитогенным каркасом ландшафтов) с границами проживания крупных этносов. Например, граница между штатами Махараштра и Карнатака достаточно четко совпадает с южным ареалом распространения базальтовых покровов (траппов) с полого-ступенчатыми равнинами и столовыми плато и развитыми в их пределах черными слитыми почвами (регурами). Простирающаяся к югу от Махараштры территория штата Карнатака – зона кристаллического щита Индостана со свойственным ему волнистыми равнинами-пенепленами с красно-бурыми почвами. В этническом плане этот рубеж ограничивает ареалы преимущественно проживания маратхов и народа каннада. Достаточно четкий этнический рубеж прослеживается между низменной Бенгальской равниной и гранитно-гнейсовым плато Чхота-Нагпур, он разделяет преимущественно бенгальцев, живущих на равнинах, от племенного населения санталов, мунда, ораонов, населяющих гористые и относительно залесенные территории недавно образованного штата Джаркханд.

Следует особо отметить, что границы появившихся на карте страны в 2000 г. трех новых штатов во многом совпадают с природными, прежде всего, морфолитогенными рубежами. Наиболее четкий рубеж «горы-равнины» прослеживается в штате Уттаранчал, выделенном из состава штата Уттар-Прадеш. Территория нового штата совпадает с историко-географическими районами Гималаев – Кумаоном и Гархвалом, населенными горными народами, говорящими на языке пахари. Оставшаяся в составе штата Уттар-Прадеш часть – плоская аллювиальная равнина с чрезвычайно густым населением, говорящим преимущественно на хинди. Весьма четкий природный рубеж очерчивает и северные границы выделенного из Бихара штата Джаркханд. Он совпадает с северной границей плато Чхота-Нагпур, населенного племенами, в отличие от равнинной хиндиязычной части Бихара. В этих двух случаях прослеживается совпадение новых территориально-административных рубежей с природными границами макроуровня: в первом случае между физико-географическими странами Гималаи / Индо-Гангские равнины, во втором – между странами Индо-Гангские равнины / полуостров Индостан.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Интересно наметить также возможные механизмы влияния ландшафтных различий на плотность населения, которая может рассматриваться как интегральный индикатор влияния природных, исторических, социальных и экономических факторов на расселение. Анализируя только лишь природную составляющую этого важного демографического показателя, можно наметить некую логическую пошаговую цепочку оценки взаимосвязей между исходными ландшафтами и плотностью сельского населения: природно-ресурсный потенциал территории → его пригодность для тех или иных видов хозяйственной деятельности → продуктивность хозяйства → потенциальная емкость ландшафта → плотность населения. При всей ее условности, очевидно, что в районах длительного освоения, где численность населения формируется за счет естественного воспроизводства (а не миграций), высокая плотность населения может быть своеобразным «зеркалом», отражающим в целом высокий природно-ресурсный потенциал ландшафтов.

Поскольку более 70% населения страны до сих пор живет в сельской местности и занимается преимущественно земледелием, в качестве основного компонента оценки производственно-ресурсного потенциала ландшафтов выступает, несомненно, агроресурсный потенциал. Для его анализа обычно используют данные об агроклиматических условиях, морфологии поверхности, продуктивности почв, характере и продуктивности растительного покрова (для пастбищного использования), водообеспеченности территории. Агроресурсный потенциал, в свою очередь, обуславливает пригодность ландшафтов (земель) для определенной хозяйственной деятельности. Существуют различные методики оценки пригодности ландшафтов, например, для развития неорошаемого земледелия.⁵ Выделение классов пригодности ландшафтов (продуктивные, пригодные, ограниченно пригодные и непригодные) обычно производится на основании разнообразных количественных признаков: тепло- и влагообеспеченности, характеристик рельефа и эрозионной опасности, показателей плодородия почв и их потребности в тех или иных мелиорациях. Например, в Индии почвоведы подразделяют все почвы на 8 классов пригодности: 4 из них пригодны для пахотного использования,

5 В качестве примера подобной оценки можно привести материалы статьи: Алексеева и др., 1995.

4 – для прочих видов хозяйственной деятельности, т.е. выпаса домашнего скота, лесного хозяйства, охраны природы, развития рекреации (Raychaudhuri, 1981, pp. 7-11). Очевидно, что 4 класса наиболее пригодных для земледелия ландшафтов обладают разными продукционными характеристиками. Продуктивность же ландшафтов в условиях традиционных аграрных систем целесообразно оценивать по конечному результату, т.е. по урожайности основных зерновых культур. Последняя определяет потенциальную экологическую емкость ландшафта, т.е. численность населения, которую ландшафт способен поддерживать без ущерба для собственного функционирования и экологического потенциала на данном уровне развития производственной деятельности.⁶

Для Южной Азии характерно сочетание продуктивных ландшафтов с высоким агроприродным потенциалом (аллювиальные равнины, пологие участки трапсовых плато, прибрежные низменности в областях муссонного климата), где возможно круглогодичное (нередко при орошении) возделывание широкого набора сельскохозяйственных культур. Очевидно, что потенциальная емкость таких ландшафтов высока. В то же время имеется значительный ареал непригодных для земледелия земель – засушливых (преимущественно на северо-западе и во внутренних районах плато Декан), а также расположенных на крутых склонах, обладающих непродуктивными каменистыми или песчаными почвами и пр.

Наиболее интенсивно земельные ресурсы освоены в пределах аллювиальных и дельтовых равнин с наилучшими почвами, отличающимися высоким потенциальным плодородием, где распаханность достигает рекордных 85-90%. Вслед за ними по распаханности (70%) выделяется ареал черных слитых почв (регуров), формирующихся в пределах трапсовых плато Декана и полуострова Катхиявар. Несмотря на низкое содержание гумуса, регуров достаточно обеспечены калием, но нуждаются во внесении фосфорных и азотных удобрений. Они отличаются высокой влагоемкостью, поэтому на них можно получать неплохие урожаи и в сухой сезон. Менее благоприятны для земледелия красно-бурые почвы, бедные гумусом и подвижными формами азота и фосфора, но хорошо обеспеченные калием. К тому же эти почвы чрезвычайно подвержены эрозии и дефляции, и быстро теряют гумус при распашке. Поскольку красно-бурые почвы приуроче-

6 По А.Г. Исаченко (2001), с нашими добавлениями.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

ны к равнинным ландшафтам, они широко распаханы (до 60%) и используются в основном для выращивания неприхотливых засухоустойчивых культур, хотя урожаи на них низки и зависят от осадков. Почвы гумидных ландшафтов – красно-желтые и красные, развивающиеся на ферраллитной коре выветривания, используются в меньшей степени (распаханность 20-27%). Их природное плодородие ограничено высокой кислотностью, дефицитом многих минеральных элементов – кальция, калия, серы, магния и др. (Розов, Строганова, 1979, с. 52-76).

Уже в древности и средние века наиболее пригодные для сельскохозяйственного производства ландшафтные области (аллювиальные равнины Пенджаба, Ганга и Бенгалии, приморские равнины Малабарского побережья (Керала) и Конкана (запад Махараштры), дельтовые области штатов Орисса, Тамилнад и Андхра-Прадеш), обладавшие наивысшим агроприродным потенциалом, были полностью освоены под пашню, густо населены и стали ареной формирования крупных народов. В результате компактные ареалы крупнейших этнических групп – пенджабцев, хиндустанцев, бенгальцев, малаяли, маратхов, ория, тамиллов, телугу – фактически совпадают с ареалами ландшафтов, наиболее пригодных для земледелия. Эти же области демонстрируют наивысшие показатели средней плотности населения, достигшие в штате Западная Бенгалия, по данным последней переписи 2001 г., рекордной величины 901 чел./км².

Наиболее продуктивные с точки зрения агроприродного потенциала территории отличаются еще и более однородной языковой ситуацией. В этих областях фиксируется наибольшая доля населения (свыше 90%), говорящего на доминирующем языке своего штата. В других районах, например, в трапповой зоне Махараштры, Андхры и на юге Карнатаки, на основных языках говорит от 75 до 90% населения (на основании данных карты «Currency of predominant languages ...», 1978, p. 101). Наиболее дробная языковая ситуация характерна для племенного ареала центральной, северо-восточной и южной Индии, а также для горных штатов Химачал-Прадеш, Уттаранчал и Джамму и Кашмир.

На основании данных переписи 2001 г., имеющих по округам⁷ (дистриктам) – следующим единицам административно-территориального деления внутри штатов, выделяются области

7 В настоящее время в Индии насчитывается 604 округа.

концентрации высокой, средней и малой плотности населения. Области высокой плотности (свыше 400 и до 800 чел./кв.км) охватывают равнины от Харьяны до штата Западная Бенгалия. В список самых густонаселенных территорий входят также равнины Пенджаба, дельты Годавари, Кришны, Кавери на юге, а также Малабарское побережье в пределах штата Керала. Свыше 1/4 всех округов можно охарактеризовать как густонаселенные. Примерно треть округов можно отнести к категории со средней плотностью населения, они совпадают с ландшафтными областями, где сельское хозяйство не отличается высокой продуктивностью вследствие расчлененности рельефа, невысокого плодородия почв или недостатка воды для нужд орошения. В настоящее время в этих районах значительный прирост населения обусловлен развитием городов и промышленности.

Соотношение природно-ландшафтных и социо-культурных рубежей при более детальном, средне- и крупномасштабном анализе часто оказывается опосредованным многими другими факторами исторического развития (в том числе, влиянием государственных образований, миграциями и др.). В этой связи уместно отметить замечание В.И. Козлова, касающееся дифференциации «...крупных этносов, занимающих обширные территории с разнообразными климатическими и другими природными условиями, ...при экологическом анализе они распадаются на ряд популяционных, культурно-бытовых и других внутриэтнических групп» (Козлов, 1983, с. 5). Действительно, при более детальном исследовании выявляются взаимосвязи между рубежами природных районов (в нашем случае – ландшафтных областей) и границами социо-культурного каркаса территории. В случае Индии операционными единицами для анализа социо-культурного пространства могут служить кастовые районы, выделяемые по специфике кастовой структуры. Высокая контрастность ландшафтных условий при незначительном динамизме традиционного хозяйства обусловила четкие региональные особенности аграрных отношений и специфические формы кастовой структуры. Последняя включает в себя набор каст, их количество, институциональные и численные соотношения друг с другом, а также кастовые связи (Ефремов, 1993, с. 131).

Кастовая система, берущая свое начало с равнин Ганга, постепенно распространяла свое влияние на племенную пе-

риферу. Касты в Индии, помимо выполнения множества социальных функций, стали по существу важным механизмом регулирования природопользования. Вероятно, становление кастовой системы в древности стало «откликом» на растущий земельный голод в основных земледельческих районах. Кастовая система позволила регламентировать и ограничить нагрузку на природные, прежде всего земельные, ресурсы (Алексеева, 2005, с. 90-91).

Проведенные И.А. Ефремовой (1993) расчеты индекса неподобия кастовых структур по округам⁸ показали, что в ряде случаев прослеживается четкое совпадение социо-культурных рубежей и природных границ. Так же как и в случае сопряженного анализа этнических рубежей и природных границ, здесь определяющим фактором выступает рельеф, как наиболее стационарный, каркасный фактор дифференциации ландшафтов. Это можно проследить на многих примерах. Смена кастового профиля и роли доминирующих каст отчетливо прослеживаются при переходе от равнинной ландшафтной области Малабарского побережья к горной области Западных Гат. Природный рубеж здесь накладывает существенный отпечаток на характер хозяйственной деятельности: низменные приморские и холмистые равнины с латеритными почвами – зона выращивания риса и плантаций кокосовой пальмы, а склоны сводово-глыбовых горных массивов, достигающих 2694 м заняты лесами и многолетними насаждениями чайного куста, кофе, гевеи, кардамона. Отсюда и разные касты, хотя в обоих случаях фиксируется преобладание низкостатусных каст.

В то же время на обширных равнинных пространствах Северной Индии характерна «размытость» границ кастовых профилей, их плавная смена, и здесь определяющим фактором социокультурной дифференциации выступают уже исторические и политические особенности эволюции территории, связанные с волнами завоевателей (от индоариев до Моголов) и существованием различных государственных образований. Очевидно, что процессам культурной диффузии в этой области способствовала

8 В расчетах использовались данные переписи 1931 г. – последней, в которой фиксировалась кастовая принадлежность респондентов. Поскольку Конституция 1950 г. отменила кастовую дискриминацию, во всех последующих переписях населения учет кастовой принадлежности жителей был исключен из опросных листов.

(или по крайней мере, не препятствовала) высокая однородность ландшафтной структуры с плавными градиентами природных параметров (увлажнения, плодородия почв и пр.) в условиях монотонного рельефа аллювиальных равнин. Эти территории характеризуются эгалитарной кастовой структурой, с равномерным представительством высших, средних и низших каст. Земледельческие и землевладельческие касты составляют основу средних каст.

В периферийных по отношению к Гангским равнинам и сложно устроенных ландшафтных областях плато Малвы и Багхелкханда, где в силу природных условий не произошла массовая арианизация, отмечается большой перевес низших каст. Они сформировались из местной «туземной» прослойки, которая с позиций индуистского общества не имела высокого статуса. Своеобразная кастовая структура характерна для горных штатов Химачал-Прадеш и Уттаранчал, охватывающих полосу Гималаев к западу от Непала. Здесь отмечается значительное преобладание высших каст при незначительной доле низших, что отражает исторические процессы массового переселения за Сиваликские горы брахманских и раджпутских кланов в средние века из-за угрозы инокультурного, прежде всего, мусульманского влияния (Индия ..., 2000, с. 42-54).

Интересна кастовая структура равнинной части северо-запада Индии (Пенджаб, Раджастан) и трапповых плато Махараштры и Гуджарата, где в целом велика доля индоарийского населения. Здесь отмечается доминирование высоких и средних каст при незначительной роли низкокастового населения. Среди средних каст здесь прослеживаются четкие качественные различия: в плодородных областях преобладают крупные земледельческие касты: джати (Пенджаб), маратха и кунби (Махараштра), кунби (п-ов Катхиявар). В Раджастане и в прибрежной части Гуджарата основную часть средних каст составляют торговые и ростовщические касты. Очевидно, что в основе этих различий лежит разный агроприродный потенциал территорий. В первом случае он определяется более благоприятными агроклиматическими условиями и наличием продуктивных аллювиальных почв на равнинах Пенджаба или черных слитых почв в трапповых областях Махараштры и Гуджарата, отсюда вытекает значительная доля земледельческих каст. Там, где

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

продуктивность сельского хозяйства была невелика в силу засушливости климата и преобладания низкоплодородных почв, значительная часть населения была вынуждена обращаться к другим, неземледельческим видам деятельности – торговле и ростовщичеству. Этому же, надо отметить, способствовало и географическое положение западного Раджастана на путях караванной торговли и наличие удобных бухт на побережье Камбейского залива в Гуджарате.

Совершенно иной, элитарный кастовый профиль характерен для Южной Индии. Исторически возделывание риса и весь комплекс связанных с ним операций считаются здесь социально низким занятием, поэтому на юге более 30% кастового профиля составляют низшие касты, а доля высших каст чрезвычайно низка (5%). Возделывание риса, требующее огромного числа рабочих рук, делало оправданным применение труда каст, еще в древности лишенных земельной собственности и фактически несвободных (Индия ..., 2000, с. 42-54).

Таким образом, наши попытки наметить некоторую обусловленность этнокультурных и социокультурных явлений особенностями природной среды и спецификой ее ландшафтной дифференциации, подтверждают важный тезис В.И. Козлова: «Подавляющее большинство этносов, населяющих земной шар, живут сравнительно компактно в течение многих столетий в той или иной области, характеризующейся определенными природными условиями; именно с такими территориями («родной землей») связаны важнейшие этапы этнической истории, исторические судьбы народов, хозяйственно-культурная специфика этносов и их воспроизводство, т.е. все, что определяет уникальность групп людей, входящих в эти этносы, в их взаимосвязях с природой...» (Козлов, 2004, с. 12).

Очевидно, что раскрыть всю многоплановость этих взаимосвязей в одной статье не представляется возможным. Видимо, дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с постановкой вопроса о соотношении различных таксономических уровней типологической и региональной классификаций ландшафтов с присущими им уровнями пространственной организации с иерархическими классификационными системами, используемыми в этнологии. К последним можно отнести классификации культур мира по хозяйственно-культурным

типам (ХКТ) и историко-культурным областям (ИКО). Концепция ХКТ включает следующие классификационные системы: группы типов – типы – подтипы – варианты, концепция ИКО: регион (или провинция) – область – район (Ямсков, 2003, с. 69). В обоих случаях на конкретных региональных примерах можно установить определенную соразмерность между таксономическими уровнями этнокультурных образований и природных систем. Можно надеяться, что подобные исследования станут возможны в результате творческого взаимодействия специалистов в области этнической экологии, этнологии, культурной географии, ландшафтоведения и исторической геоэкологии.

Литература

- Алаев Л.Б., Загородникова Т.Н. Кастовый состав населения Индии // Восток. 1993. № 1.
- Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984.
- Алексеева Н.Н. Экологические аспекты социально-культурных традиций Индии // Этноэкологические аспекты духовной культуры \ Ред. В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М., 2005.
- Алексеева Н.Н., Миланова Е.В., Кале В.С., Патил Д.Н. Региональные исследования пригодности ландшафтов для сельского хозяйства (на примере Западной Индии, штат Махараштра) // География и природные ресурсы. 1995. № 2. С. 159-167.
- Арутюнов С.А. Введение // Этногенез и этническая история народов Южной Азии \ Отв. ред. С.А. Арутюнов. М., 1994.
- Докучаев В.В. О почвенных зонах вообще и вертикальных зонах в особенности // Учение о зонах природы. М., 1948.
- Ефремова И.А. Каста и территория: рубежи социокультурных районов // Восток. 1993. № 1.
- Индия. Страна и ее регионы \ Под ред. Е.Ю. Ваниной. М., 2000.
- Исаченко А.Г. Введение в экологическую географию. Учеб. пособие. СПб, 2003.
- Исаченко А.Г. Экологическая емкость ландшафта, ее отношение к глобальной продовольственной проблеме и подходы к оценке // Изв. РГО. 2001. Т. 133. Вып. 6.
- Исаченко А.Г. Географический детерминизм – конструктивная научно-мировоззренческая концепция // Изв. РГО. 2006. Т. 138. Вып. 3.
- Кашин В., Плешова М. Как в Индии появились новые штаты // Азия и Африка сегодня, 2001, № 7.
- Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16.
- Козлов В.И. Многоаспектность этнической экологии // Этноэкологические исследования. М., 2004.
- Куценков А.А. Индия: Традиционный и социально-культурный комплекс и политика // Восток. 2002. № 2.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Розов Н.Н., Строганова М.Н. Почвенный покров мира. М., 1979.

Чистяков К.В. Детерминизм в географии и ландшафтный прогноз // Изв. РГО. 2006. Т. 138. Вып. 6

Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт». М., 2003.

Currency of predominant languages and important minority languages // A Historical Atlas of India. Chicago and London: the University of Chicago Press, 1978.

India. Physiographic Regions // National Atlas of India, 1977.

Raychaudhuri S.P. Land and Soil. 3rd edition. New Delhi: National Book Trust, 1981.

**САКРАЛИЗАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
МОНГОЛИИ И ЯПОНИИ**

К концу XX в. многим исследователям, размышлявшим над возникновением и углублением планетарного экологического кризиса, стало очевидно, что ведущую роль в этом процессе играет мировоззренческий фактор: понимание природы как почти неисчерпаемого кладезя ресурсов, которые можно и нужно эксплуатировать в интересах людей. Следовательно, решение проблемы следует искать не в технических усовершенствованиях, а в гармонизации человеческого сознания, в ослаблении и – в идеале – устранении антропоцентрических установок.

Этническая экология может послужить необходимым научным инструментом для этого. Как справедливо указывает известный специалист по этнической экологии и автор этого термина В.И. Козлов, «... первостепенное значение в борьбе против наступающей, а кое-где уже проявившейся экологической катастрофы, имеют не столько какие-то “щадящие” преобразования в сфере материальной культуры и материального производства, сколько в преобразовании духовной культуры» (Козлов, 2005, с. 31-32.). Это преобразование в отдельных случаях может означать актуализацию некоторых старых традиций и оживление архаических элементов мировоззрения, что отнюдь не обязательно должно вступать в конфронтацию с современной наукой, обнаруживающей в древних пластах этнического сознания гораздо больше рационального, чем представлялось до сих пор. В этой связи значительный интерес представляют этносы, традиционная культура которых по праву расценивается специалистами как преимущественно экофильная. В данном сообщении мы рассмотрим в сравнительном этноэкологическом освещении культуры Монголии и Японии. Японию отличает сохранение традиций, их «вживание» в современную постиндустриальную цивилизацию. Монголия – страна, активно переходящая от социалистической модели хозяйства и идеологии к рыночным отношениям, представляющим для ее раннего природного наследия явную угрозу.

Может показаться, что сравнение столь разных культур, как монгольская и японская, развивавшихся в весьма непохожих природно-климатических условиях, не обещает быть сколько-нибудь результативным. Положение представляется еще менее оптимистическим, если учесть практически полное отсутствие контактов между этими культурами в прошлом. Даже в конце XIII в., когда ход мировой истории столкнул монголов с японцами, обе попытки монгольских завоевателей высадиться на Японские острова потерпели неудачу. Тем не менее, как известно, в японской мифологии существуют алтайские элементы, а политические концепции государств Центральной Азии, обосновавшие право ханов на власть, весьма близки дальневосточной традиции. Имеются также некоторые точки соприкосновения в вопросах одухотворения ландшафта, сакрализации географического пространства.

В отечественной литературе уже предпринимались попытки проследить аналогии в религиозной ситуации между Японией и Центральной Азией. Так, сопоставляя синто и шаманизм монголоязычных народов, Ч.А. Тугутов (1998, с. 151) обосновывает их определенное сходство и указывает на некоторые различия. Подобное исследование было проведено также на тибетском материале С.А. Арутюновым и Н.Л. Жуковской (1973), отметившими, что, несмотря на коренное различие туземных религий – бон-по и синто, в их взаимоотношениях с буддизмом нередко наблюдался полный параллелизм. Была отмечена аморфность и внутренняя разобщенность религиозных верований в Японии и Тибете накануне прихода в эти страны буддизма, что произошло в VI и VII вв., соответственно. Именно благодаря необходимости противостоять новой религии они оформились в более или менее целостные, относительно упорядоченные учения. Поэтому не случайно в Монголии «шаманские» рукописи появились лишь с приходом буддизма. Однако мы не располагаем достаточным фактическим материалом, чтобы утверждать, что шаманизм внутренне консолидировался и выпестовал какую-либо стройную доктрину, если не считать дуалистическое учение о Небе и Земле, дополненное индийскими космогоническими сюжетами. В Монголии и Бурятии буддийские ламы искореняли шаманизм и преследовали его служителей, уничтожали фетиши (*онгоны*), наложили строгий запрет на кровавые жертвоприношения, а не поддающиеся быс-

трой ликвидации идеологически нежелательные традиции перетолковывали в буддийском свете. Такого сравнительно мирного сосуществования местной религии и пришлого буддизма, как в Японии, Монголия не знала, хотя в результате многовекового развития она пришла к нему.

«Почтительное отношение к окружающему человека миру и природе как составной его части всегда считалось на Дальнем Востоке безусловной эстетической и этической нормой», – такими словами открыл одну из своих статей безвременно ушедший японист А.Н. Игнатович (1985, с. 48). Решающее значение в формировании «устойчивого культа природы» в Японии он придавал буддизму, с чем, однако, можно согласиться лишь отчасти. Несмотря на широко известную «экологичность» буддизма и его репутацию самой гуманной (в том числе по отношению к природе) религии, причина глубоко позитивной ориентации японского общества к окружающей среде кроется, скорее, в исконно японском феномене духовной культуры – синто («путь богов»). Синто трудно назвать религией. Это, действительно, Путь – и не только богов, но и людей, которые, впрочем, рождены богами и не отличаются от них сущностно. Подобно индуизму, синто представляет собой не оформленное учение со своим канонем и догматами, берущее начало от определенной персоны, а нечто гораздо большее – образ жизни, стиль мышления, тип мировосприятия.

Традиционной религией Монголии считается шаманизм, хотя, возможно, более правильно говорить о превалирующем культе Вечного Неба – Тэнгри, по имени которого эту религию нередко называют тэнгрианством (Дробышев, 2006). Позже, в конце XVI в., на монгольскую землю пришел буддизм в его тибетской форме, обычно не вполне корректно называемой ламаизмом, но он не вытеснил полностью прежние верования, а вобрал их в себя и приспособил для своих целей. Такова общая адаптивная стратегия этого учения, которую оно продемонстрировало и в Японии, правда, с несколько иными результатами.

Согласно традиции, японские божества – *ками* – буквально рождают природу и людей, а не создают их, поэтому между божествами и людьми нет непреодолимой онтологической границы, которая существует, например, в авраамических религиях с учением о трансцендентном Боге. По зафиксированному в «Кодзики» мифу, божественная чета Идзанаги и Идзанами спусти-

лась с неба по поручению богов и в прямом смысле слова родила сначала восемь главных островов Японского архипелага, а после все прочие острова и божеств – повелителей морей, рек, гор, трав и деревьев. Затем эта пара прародителей распадается: Идзанами умирает, опаленная в момент появления из ее чрева бога огня, и попадает в страну смерти. Попытка Идзанаги вызволить ее оттуда кончается неудачей. Теогония продолжается при ритуальном омовении Идзанаги: возникает богиня солнца Аматэрасу, бог луны Цукиёми и бог ветра Сусаноо, на чем деятельность Идзанаги заканчивается.

В монгольской же мифологии мир творят Небо (мужское, положительное, активное начало) и Земля (женское, отрицательное, пассивное начало), возникшие при разделении изначальной хаотической массы. Творение это можно считать порождением. Не случайно Земля имеет эпитет «эхэ» – «мать». Однако антропоморфизм этих важнейших персонажей достаточно далек от прародителей Японии, чье сходство с людьми совершенно явное. Кроме того, в отличие от японских демиургов, Небо и Земля порождают живые существа перманентно. Зримым признаком их любовного соединения являются струи дождя. Первый человек взял в жены хтонического духа; сам же он небесного происхождения по отцовской линии, то есть и в данном случае между божествами и людьми существует «кровное» родство. Позже в Монголии были восприняты буддийские космогонические идеи, на которых мы останавливаться не будем.

И верховные боги синто, и низшие духи, включая души умерших людей, обозначаются одним и тем же понятием *ками*. Разница в том, что первые имеют собственные имена. Однако в ранней японской культуре потусторонние силы отличались большим разнообразием, отражая особенности своего происхождения. Собственно *ками* расцениваются как продукт «вертикальной» космогонии алтайского типа, поэтому они нисходят сверху на горы, деревья и их природные или искусственные аналоги (Ермакова, 2002, с. 25) совершенно так же, как они это делают в монгольских и тюркских верованиях, в которых разделение на богов (*тэнгри*) и земных духов-«хозяев» (*эдзенов*) не вполне четкое.¹

¹ Хотя в поздней монгольской мифологии все *тэнгри* – небожители (обычно их 33 или 99), а *эдзены* населяют землю, у бурят часть *эдзенов* является сыновьями *тэнгри*.

Люди после смерти могут «стать *тэнгри*» (обычный эвфемизм, когда речь идет о смерти знатных персон) или пополнить сонм *эдзенов* – очень пеструю группу сверхъестественных существ, охватывающую как антропо-, так и зооморфных представителей.

Часть *ками*, лишенных индивидуальности и не включенных в официальный список японских божеств, привязаны к определенным местностям и играют скромную роль локальных духов природы, подобных монгольским *эдзенам*. В Центральной Азии каждая местность имеет покровительствующего духа, более или менее широко известного в зависимости от своего «нрава». Особенно много легенд было сложено об *эдзенах* гор и перевалов, а также пустынных безводных мест, где часто гибли караваны. Считалось, что причиной трагедии был гнев духов, вызвать который можно, помимо прочего, нарушением неписаных правил обращения с окружающей средой. Произносить их имя категорически запрещалось, так как это тоже приводило их в ярость. Главой *эдзенов* является Цаган Эбуген (Белый Старец) – персонаж, иконографически и функционально близкий китайскому Шоусину, тибетскому Пехару и японским Фукурокудзю и Дзюродзину. В XVIII в. он был включен в пантеон ламаизма, хотя поначалу не пользовался большим уважением ламства как шаманское божество (Жуковская, 1977, с. 30-34). В наши дни Цаган Эбуген заслужил прозвище «экологического божества» благодаря своей роли хранителя природы и подателя плодородия (Огудин, 2002).

Поскольку в японской картине мира природа, как и люди, мыслится рожденной богами, разницы между живой и неживой природой нет. Все, что существует, живое, лишь мера этой «живости» неодинакова. Даже камни казались японцам не просто живыми, а обладавшими способностью к крайне медленному росту. В Монголии тоже бытовала неопределенность представлений о живом и не живом. С одной стороны, полагали, что в каждом предмете обитает дух-«хозяин», сам же предмет не может считаться живым в обыденном смысле слова. С другой стороны, в понятиях монголов дух-«хозяин» и патронируемый им объект иногда сливались в одно целое, и сознанием и волей наделялись горы, урочища и прочие элементы географической среды. Поэтому, например, к горным системам Алтая или Хангая обращались непосредственно как к могущественным живым существам.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Вместе с тем, известна закономерность, согласно которой право иметь собственного духа-покровителя даровалось народным сознанием не любому, а лишь чем-либо примечательному объекту природы из числа однотипных. Так, если в ствол определенных пород деревьев замуровывали останки шамана, то такие деревья называли «шаманскими» или «деревьями с “хозяином”». Камни тоже осмыслялись в качестве обиталищ духов-«хозяев», а порой считалось, что грозный дух-хранитель целого урочища избирает своим местом жительства неприметный камень, и горе тому человеку, кто случайно или намеренно заденет такой камень ногой, переместит его куда-либо или попытается расколоть.

Объектами почитания в синто становятся все выходящее за рамки обычного, что указывает, по мнению японцев, на повышенную концентрацию духовной энергии. То, что мы могли бы квалифицировать как памятник природы за выдающиеся эстетические или иные достоинства (живописные скалы, водопады, очень старые деревья и пр.), удостоивалось особого внимания и в силу этого оберегалось от уничтожения и хозяйственной активности человека. Однако следует учитывать, что синто почитает не природные феномены как таковые, а связанных с ними божеств. Аналогичным образом, знаменитый бурятский ученый XIX в. Доржи Банзаров полагал, что монгольские народы, воздавая почести божествам и духам, воплотившимся на время в каком-либо предмете, не оказывают никакого уважения самому предмету (Банзаров, 1955, с. 71-72). В Центральной Азии необычные объекты природы персонифицируются и обязательно обретают собственного сверхъестественного покровителя. Последний неусыпно оберегает свою «собственность» и жестоко карает всех, кто на нее посягает. Такие объекты приобретали статус священных, к ним приходили на поклонение люди, чтобы вымолить себе здоровье, детей, богатство и пр. Если объект пользовался славой помогающего в различных жизненных ситуациях, к нему совершались настоящие паломничества. Этот обычай не утратил своей актуальности и поныне.

В японской культуре постулируется отсутствие четких границ между «своим» и «чужим», что делает ее открытой для заимствований, в том числе и в духовной сфере. Пришедшие из других мифологических систем божества включались в японский пантеон. В принципе, Монголия тоже немало заимствовала,

главным образом, из Тибета в общем буддийском контексте, но границы «своего» и «чужого» всегда виделись здесь отчетливо. С понятием «своего» связывалось все позитивное, безопасное, стабильное, ритуально чистое; «чужое», соответственно, вызывало негативные ассоциации. «Своя» земля почиталась священной, чего, разумеется, нельзя было сказать о землях «чужих». Она находилась под протекцией духов предков, которые, наряду с живыми сородичами, внимательно наблюдали за всем на ней происходящим. В этом мы склонны видеть одну из причин бережного обращения кочевников с природой родных степей.

Упомянутая бинарная оппозиция, подобно многим другим («жизнь» – «смерть», «левый» – «правый», «верх» – «низ» и пр.), лежала в фундаменте традиционных культур народов Центральной и Северной Азии, она известна и в других частях земного шара. Для Японии самой яркой оппозицией, пожалуй, можно считать пару «жизнь» – «смерть», от которой отталкивается следующая по значимости: «чистый» – «нечистый». Если первая из них, в принципе, универсальна, то вторая характерна именно для Японии, ибо чистота – обязательный атрибут божественного присутствия. *Ками* более всего любят чистоту, понимаемую, по крайней мере, изначально, вполне материально, а не метафорически. Поэтому в синтоистском святилище царит чистота и свежесть, а перед выполнением ритуалов человек должен совершить омовение.

Монгольские «хозяева» мест (*эдзены*) гораздо менее требовательны к чистоте. По-видимому, в Монголии понятие о чистом и нечистом было не столь натуралистичным. Монгольский, как и вообще центрально-азиатский, быт не отличался чистотой. Грязь и всевозможные отбросы накапливались вокруг постоянных поселений, не исключая буддийские монастыри. Видимо, ввиду нехватки воды практика ритуального омовения в степях Центральной Азии не выработалась. Вместе с тем, некоторые ландшафтные духи нетерпимы к нечистотам. Так, у бурят «хозяин» тайги, представлявшийся в облике белобородого старика огромного роста, обычно благожелателен к людям, но сурово наказывает охотников за несоблюдение чистоты и порядка вокруг места их стоянки, в чем нетрудно видеть рациональное зерно: грубое вторжение в лесную среду может распугать дичь.

Перенимая китайский опыт общения с потусторонним миром, японцы попытались установить иерархию своих божеств по образцу Китая, где боги и духи представлялись чиновниками различных рангов, служащими в нескольких «министерствах» (Яншина, 1977). В Японии привилегией присваивать *ками* ранги обладал император, так как он считался прямым потомком богини Аматаэрасу и, тем самым, весьма значительной фигурой в мире божеств. Для многих *ками* ниже его по рангу, он являлся начальником. Однако этот опыт привился не вполне. Еще менее «обюрокращенными» были монгольские духи и божества, хотя и составлявшие некоторую иерархическую структуру, но весьма далекие от уподобления чиновничеству, что закономерно ввиду слабой оформленности в старой Монголии его земного прототипа. Более того, несмотря на то, что монгольский хаган, подобно верховным правителям других центрально-азиатских государств (хунну, древних тюрков, уйгуров и т.д.), а также Китая, считался рожденным по воле Неба и носил титулы, близкие по смыслу китайскому «Сын Неба», он не был властен даже над мельчайшими духами и нуждался в помощи шаманов. В известном эпизоде из «Сокровенного сказания монголов» о болезни хагана Угэдэя рассказывается, что причиной жестокого недуга было неистовство духов-«хозяев» земель Северного Китая, подвергшихся разорению монгольскими войсками. Излечиться удалось лишь благодаря предоставленному духам выкупу, в лице которого выступил брат Угэдэя Толуй (Козин, 1941, § 272).

Главнейшей и неотъемлемой частью почитания божеств Японии и Монголии является их «кормление». Как правило, в обеих странах им жертвуют «белую пищу»: рис в Японии и молочные продукты в Монголии (можно сказать, то и другое символизировало основу благосостояния народов этих стран). Но если *ками* не приемлют мясо, то на традиционных родовых молебствиях Монголии, Бурятии, Алтае-Саянского региона основу праздничной трапезы составляет именно оно. Буддизму пришлось с этим примириться. Сначала мясо предлагают духам предков, а затем разделяют между участниками праздника и съедают. Это напоминает японский обычай вкушать жертвенную пищу после того, как она была предложена *ками* и зарядилась божественными добродетелями (ср. *прасада* в индуизме).

Манифестацией японских божеств выступает «тело *ками*» (*синтай*) – дерево, роща, гора и т.д., куда, как считается, они могут вселяться, или определенный предмет, хранящийся в синтоистском храме и недоступный взору простых смертных. В Центральной Азии местом, куда обычно нисходят духи, является *обо* – сложенная поколениями людей куча камней, в которую нередко вставляются шесты или ветви деревьев, увешанные лоскутками ткани. Обряд почитания *обо* до сих пор не потерял своего значения в жизни монголов, бурят и ряда других народов. Помимо чествования духов предков на родовых *обо*, путники совершают ритуальный обход вокруг этих сооружений на перевалах и прочих местах и оставляют божествам символические дары: монету, патрон, пуговицу, конфету и пр. В современной Монголии на *обо* кладут также всевозможные субпродукты цивилизации, начиная от пустых водочных бутылок и кончая деталями от машин, из-за чего эти святилища приобретают шокирующий непосвященного вид мусорных куч. При этом категорически запрещается брать с *обо* что-либо, так как возложенные на него предметы становятся собственностью уже не их прежних хозяев, а духов. Оценившие серьезность проблемы ламы пошли против этого запрета и выступили с призывом сначала очищать культовое сооружение от бутылочных осколков и консервных банок, а уже потом начинать ритуал (Ритуал подношения ..., 2002, с. 6).

Со времени официального представления буддизма японскому императорскому двору в 538 г. послами корейского государства Пэкчэ и вплоть до периода Муромати (1392 – 1568 гг.) синто пребывал по отношению к буддизму в несколько подчиненном положении. *Ками* стали рассматриваться как страдающие в сансаре существа, нуждающиеся в просветлении. Они сами порой «обращались» к буддийским проповедникам с просьбой о спасении. Одно из божеств даже утверждало, что «путь богов» был ему воздаянием за греховную карму (Накорчевский, 2000, с. 314). В то же время, они «вставали» на защиту буддийского учения, и позже считались его локальными покровителями. Однако если буддийский храм сооружали без одобрения местного *ками*, а тем более использовали при строительстве дерева из священной рощи или камни со священной горы, он мог наслать бедствия на инициаторов постройки, а ее саму разрушить.

В Монголии картина была лишь отчасти похожей. Монгольские и, вообще, центрально-азиатские, божества отличались, если так можно выразиться, более строптивым нравом, и их во многих случаях приходилось подавлять с помощью магических приемов, которые впервые в Центральной Азии применил в VIII в. Падмасамбхава при обращении в буддизм божеств Тибета. Приняв духовные обеты, они становились «защитниками учения» – *дхармапалами*. Отсюда, иконография северного буддизма перегружена устрашающими деталями, чего, как известно, не было в Японии. Впрочем, это различие может объясняться разными формами буддизма, пришедшими в Монголию и Японию. Насыщенный тантрической символикой иконографический канон ламаизма сложился в Тибете, откуда традиции изображения божеств были перенесены в Монголию.

Вероятно, не без влияния буддизма, *ками* со временем стали «добрее». Но монгольские божества, даже «обращенные» в буддизм, не сделались менее грозными. Их гнев можно легко навлечь нарушением традиционных норм и правил, в том числе норм природопользования. На бытовом уровне духи-«хозяева» остались при исполнении своих прежних обязанностей хранителей природы, подобно тому, как в Японии в период синто-буддийского симбиоза все природные явления остались в «ведении» синтоистских божеств (Мещеряков, 2002, с. 140).

Что касается взаимоотношений буддистов с рядовыми духами, то ламы проводили обряд «испрашивания земли» у местного духа-«хозяина», когда было нужно произвести захоронение или построить храм или *обо*, аналогично японскому обряду *дзинусигами*, до сих пор предваряющему любое строительство. Монахи кочевых монгольских монастырей обращались с молитвами к *эдзэну* того места, где они останавливались, а если нужно было заготовить древесину для построек, то просили у духов разрешение на рубку леса (Позднеев, 1993, с. 22).

В эпоху Хэйан (794 – 1185 гг.) было заявлено, что все *ками* суть ни что иное, как будды. Первыми теоретическую базу под это положение подвели монахи школы Тэндай, исходившие из представления, что все вещи имеют не только явный, но и скрытый смысл. Поэтому будды и бодхисаттвы – истинная сущность того, что внешне проявляется в виде *ками*. В центрально-азиатском религиозном синкретизме тоже существовало представление

о возможности проявления Будды в форме различных божеств и *дхармапал*, но это не распространялось на менее значительных духов. С эпохи Муромати *ками*, напротив, стали считаться «основой», а будды – их «проявлениями». В Монголии ничего подобного мы не найдем.

Дальше культурное различие этих стран продолжает углубляться. В эпоху Эдо (1600 – 1868 гг.) в интеллектуальной сфере Японии ведущее положение занимает неоконфуцианство, и некоторые мыслители даже проводили знак равенства между ним и синто. Напротив, умами монгольской интеллектуальной элиты ни конфуцианство, ни неоконфуцианство никогда не владели. Даже в XIII-XIV вв., когда монголы захватили Китай и основали национальную династию Юань, они в качестве государственной религии приняли тибетский буддизм. Есть мнение, что основатель Юань хан Хубилай находил конфуцианскую идеологию опасной для монгольской империи.

Как известно, буддизм в Японии взял под свой контроль все, что связано со смертью и посмертным существованием человека, поскольку синто дистанцировался от этих явлений, видя в них источник загрязнения. В этих условиях принцип *ахимсы* не акцентировался, как не актуальный для загробного пути людей. В Монголии буддизм буквально пропитал собою все сферы жизни общества, вытеснив конкурентов в лице шаманов даже из тех областей, где они традиционно занимали главенствующее положение: в лечебной и гадательной практике, воздействии на погоду и т.п. Обращение монголов в буддизм сильно изменило их отношение к окружающей среде. Под влиянием проповедей лам, нашедших новые обоснования для старых верований, в целом тоже довольно «экологичных», монголы усвоили важность сохранения жизни любым существам, отказались от рыболовства,² свели до минимума обработку земли, добычу полезных ископаемых, избегали загрязнять или запруживать реки и ручьи, и т.д.

До XI-XII вв. горные вершины Японии были запретным местом для простых людей, так как считались обителями божеств (Накорчевский, 2000, с. 158). В Монголии такой же запрет просуществовал вплоть до XX в., но в отношении не всех гор, а считавшихся священными, как, например, Богдо-ула, вдоль северного

2 Вопреки распространенному предубеждению, древние и средневековые монголы ловили рыбу.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

подножия которой протянулся Улан-Батор. Как в Японии, так и в Центральной Азии традиция освящала места, отличающиеся своими природными качествами от окружающего ландшафта. Так, в Японии «все особо чтимые древнейшие синтоистские святилища находятся в местах, поражающих своей природной красотой» (Накорчевский, 2000, с. 189). К аналогичному заключению пришел знаменитый русский путешественник и этнограф, исследователь Центральной Азии Г.Н. Потанин: «Приглядываясь к буддийским монастырям в течение нескольких лет, я заметил, что они располагаются или в местностях, отмеченных каким-нибудь необыкновенным явлением природы, или в вершинах горных долин, где кончаются человеческие жилища и начинается молчаливая пустыня высоких гор» (Потанин, 1898, с. 210). На эту потребность людей основывать святилища в согласии с законами красоты не мог не обратить внимание также Н.К. Рерих во время своей Центрально-азиатской экспедиции: «Кому ведомы подходы к старым монастырям и городищам Руси с их цветущими холмами и пряно пахучим бором – тот поймет, как чувствуются подходы к монастырям Сиккима. Всегда твердо: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, какое место здесь самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места» (Рерих, 1992, с. 53).

В этой связи необходимо заметить, что такие особые местности, с точки зрения современной экологии, представляют собой места повышенного биологического разнообразия, которое увеличивает устойчивость природных комплексов к действию как естественных, так и антропогенных факторов. Они играют очень важную роль в ландшафтах, занимая в них ключевые биогеохимические позиции или служа рефугиумами (прибежищами) для редких видов растений и животных. По существу, это настоящие микро-заповедники, и в наши дни на базе таких сакральных мест создаются различные категории особо охраняемых природных территорий. Подобный подход к заповеданию используется и в Японии, и в Монголии. Однако нельзя упускать из вида тот важный факт, что привлекательность этих «чудес природы» порой оказывает им самую плохую услугу: толпы паломников, в конце концов, могут довести их до гибели и разрушения.

Определенное сходство в традициях сакрализации пространства Японии и Монголии наблюдается постольку, поскольку речь

идет о традиционных культурах, в которых присутствуют определенные общечеловеческие духовные константы: вера в духов и, шире, в существование особого спиритуального мира, от которого во многом зависит благополучие мира материального.

Сакрализации ландшафтов Центральной Азии традиционно способствовали захоронения верховных правителей – хаганов. Согласно центрально-азиатской концепции власти, важную миростроительную функцию выполняет не только живой правитель, но и его останки, которые было принято погребать в горах, ближе к Вечному Синему Небу – источнику покровительствующей кочевому государству благой силы. Места хаганских захоронений становились запретными для посещения простонародью, не говоря уже о чужеземцах. Они превращались в своеобразные заповедники – *хориги*. В японской культуре останки *тэнну* (императора) не несли сакральных функций и не являлись объектами государственной важности. Духи императоров вливались в сонм духов предков и не служили охранителями государства. В этом отношении, японские политико-философские учения стоят ближе к китайским, где император после смерти тоже не наделялся особыми сакральными свойствами. Несмотря на это, в дальневосточной традиции места погребения императоров тоже могли играть некоторую экологическую роль, так как они окружались парками, куда не допускались посторонние. Сохранившиеся доньше, эти парки представляют собой значительную ценность как живое хранилище уникальных генофондов древесных пород.

Поскольку в наши дни одной из немаловажных причин растущего интереса как к синто, так и к религиозным учениям Центральной Азии является их богатейший опыт сравнительно бесконфликтного взаимоотношения с окружающей средой, естественно стремление исследователей извлечь из него что-либо, пригодное для решения сегодняшних проблем охраны природы.

По мнению вице-президента Международного фонда синто г-на Тошу Фуками, приписывать синто стремление «освятить» все без исключения объекты природы было бы ошибкой. В современном синто есть их четкое разделение на сакральные и не сакральные. Если, например, гора священна, то природопользование на ней исключено, но если это обычная гора, то ее природные богатства будут эксплуатироваться в интересах людей (Fukami, 1998,

р. 33).³ Что касается Центральной Азии и прилегающих районов Южной Сибири, то исследователи иногда высказывают мысль о «всесакральности» бытия в традиционных культурах. Ныне там можно наблюдать, скорее, обратное: ускоренную внедрением рыночной экономики десакрализацию окружающего пространства, что особенно наглядно проявляется на примере горы Богдо-ула, у подножия которой раскинулась монгольская столица. На этой некогда священной вершине сейчас население добывает кедровые орешки, пасет скот, устраивает пикники, имеются случаи браконьерства, гора замусоривается (подробнее об этом см.: Дробышев, 2001). Возможно, эти негативные явления правомерно отнести к «болезням роста» экономики Монголии.

В деле охраны природы на международном уровне синто может сыграть консолидирующую роль, так как он выражает философию компромисса и применим не только в Японии. Он способен сообщить толерантность и другим странам (The Kyoto Protocol ..., 1998, р. 48). Практически о том же говорит Далай-лама XIV, имея в виду буддизм, переживающий период возрождения в Монголии, Бурятии, Калмыкии, Туве. Традиции сакрализации пространства, свойственные культуре народов Центральной Азии, Японского архипелага и многих других областей Земли, имеют немало общего, и в ряде случаев можно надеяться на их возрождение в современных условиях, что представляется не столь уж невероятным, учитывая удивительную живучесть религиозных систем, в рамках которых они зарождались и развивались.

Литература:

Арутюнов С.А., Жуковская Н.Л. Бон-синтоистские параллели (из истории взаимоотношения буддизма с местными религиями) // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973. С. 3-15.

Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов // Собрание сочинений. М., 1955

3 В развернувшейся дискуссии г-н Т. Фуками подчеркнул, что японцы различают священные объекты и территории по наличию в них особой жизненной энергии (The Kyoto Protocol ..., 1998, р. 41-42), что напоминает «места силы» в шаманизме Саяно-Алтая: они тоже приобретают характер сакральных.

Дробышев Ю.И. Некоторые черты десакрализации природы в современной монгольской культуре // Российское монголоведение. Бюллетень. Вып. V. М., 2001. С. 280-300.

Дробышев Ю.И. Горизонты тэнгрианства // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Третьей межрегиональной конференции. Новосибирск, 2006. С. 276-280.

Ермакова Л.М. Культы и верования в раннем периоде японской культуры // Синто – путь японских богов. В 2-х т. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002

Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977

Игнатович А.Н. «Среда обитания» в системе буддийского мироздания // Человек и мир в японской культуре. М., 1985

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. - Л., 1941

Козлов В.И. О некоторых проблемах этнической экологии // Этноэкологические аспекты духовной культуры \ Ред. В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М., 2005

Мещеряков А.Н. Синто и буддизм // Синто – путь японских богов. В 2-х т. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002

Накорчевский А.А. Синто. СПб, 2000

Огудин В.Л. Цаган Эбуген – экологическое божество народов Центральной Азии // Устойчивое развитие континента Азия. Функциональная экология. Устойчивое развитие. Труды VII-го Международного усунурского симпозиума. Кызыл - М., 2002. С. 309-315.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993

Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1898. Т. 1

Рерих Н. Алтай – Гималаи. Рига, 1992

Ритуал подношения хозяевам местности (Обоо тахилга). Верхняя Иволга, 2002

Тендрякова М.В. Тэнгрианство: от государственной религии к забытым культам // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России \ Сост. и отв. ред. Н.Л. Жуковская. М., 2008. С. 133-158.

Тугутов Ч.А. Синтоизм и бурят-монгольский шаманизм // Материалы научной конференции «Цыбиковские чтения-7». Улан-Удэ, 1998

Яншина Э.М. Боги и «чиновники» (по материалам древнекитайских памятников) // Китай: история, культура и историография \ Отв. ред. Н.Ц. Мункуев. М., 1977. С. 124-130.

Fukami, Toshu. Ecology: a Shinto Perspective // The Kyoto Protocol, the Environment and Shinto. International Symposium. New York City, May 13th, 1998.

The Kyoto Protocol, the Environment and Shinto. International Symposium. New York City, May 13th, 1998.

СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ГРАНИЦ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ АБОРИГЕНОВ СЕВЕРА

Этническая территория и культурный ландшафт

Каждый этнос складывается и обычно живет на определенной территории, то есть в определенных (хотя и не всегда однородных) природных условиях, к которым входящие в этнос люди так или иначе адаптируются и часть которых они могут в той или иной степени изменять в ходе развития производительных сил и хозяйственной деятельности (Козлов, 1983, с. 3). Синтез экологических, этнографических и других социально-культурных характеристик применительно к таким территориям в последнюю четверть века проводится в рамках исследований, относящихся к сфере этнической экологии. В гуманитарной географии существует близкое этнической экологии направление культурного ландшафтоведения, которое после длительного перерыва вновь оказалось востребованным. Географический синтез, осуществляемый в исследовании культурных ландшафтов, отражает практическую реализацию идеи единства географии, необходимого для решения комплексных проблем перехода к устойчивому развитию.

Внутри этого направления существуют разные трактовки понятия «культурный ландшафт», в том числе и этнокультурная: подразумевается исторический продукт взаимодействия природы и социума территории. Культурный ландшафт, это культура сообщества людей, сформировавшаяся в определенных природно-географических условиях, взятая в её целостности (Калуцков и др., 2000). Модель культурного ландшафта представляет собой сложную шестикомпонентную систему, которую образуют духовная культура, местное сообщество, местное хозяйство, селенческая и языковая системы и природный ландшафт. Каждый из названных компонентов культурного ландшафта является самоорганизующейся системой. Коэволюционное развитие этих систем делает возможным их взаимную адаптацию, в ходе которой формируются эмерджентные свойства культурного ландшафта, в основе которых лежат многогранные связи человека и природы, закрепленные в характере природопользования, топонимике, структуре и облике селитьбы и т.д.

Традиционные культурные ландшафты Севера России

Для сельского населения Арктики и Субарктики России, представленного в основном коренными малочисленными народами, занятыми в традиционном хозяйстве, до сих пор формирование культурных ландшафтов в значительной степени определяется региональной спецификой природной среды.

Культурный ландшафт коренных малочисленных народов Севера социально обозначен и сконструирован благодаря соединению культуры (духовной, хозяйственной и т.д.) с природной средой в процессе природопользования. Используя образное выражение И.А. Ильина, можно сказать, что природа является колыбелью аборигенных народов, а пространство – их воспитателем. В основе формирования аборигенных культурных ландшафтов лежит традиционное природопользование. Оно транслирует элементы духовной и материальной культуры на природные ландшафты, формирует своеобразие их кодов и текстов. Культурные ландшафты коренных малочисленных народов Севера проявляются в специфической организации пространства, а также в его семиотической упорядоченности.

Культурные ландшафты коренных малочисленных народов Севера России имеют много общих черт. В их основе всегда лежит комплексное традиционное хозяйство, максимально адаптированное к несущей ёмкости природной среды. К общим свойствам культурного ландшафта коренных малочисленных народов Севера относятся:

■ **Полимасштабность** – существование нескольких организационных уровней (от стойбища до всей Арктики).

■ **Вертикальная дифференциация** – наличие двух четко выраженных слоев – природного и культурного, каждый из которых также дифференцирован.

■ **Специфичный хронотоп**, сформированный своеобразием культурной, геополитической, экономической обстановки периода формирования традиционного природопользования и традиционного общества территории.

■ **Динамичность**: наличие переменного-центрированных фокальных объектов, кочевого типа природопользования, сезонной организации пространства и хозяйственного уклада и т.д.

■ **Семиотическая упорядоченность**, отражающая органическое единство человека и природы, одухотворенность природы.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

- Слабая поляризация и природно-детерминированные границы.
- Наличие сформировавшегося образа и символов, вошедших в историческую память народа.

Перечисленные свойства культурного ландшафта раскрывают его код и формируют определенный «ландшафтный текст», состоящий из словесных и визуальных компонентов.

Основу традиционного природопользования, формирующего аборигенные культурные ландшафты, составляет оленеводство. В зависимости от природных условий оно сочетается с промыслом морского зверя, рыболовством, собирательством, охотой. Оленеводство стабильно развивается в Ямало-Ненецком и Ненецком Автономных округах, Мурманской области. На территориях Ханты-Мансийского, Чукотского, Долгано-Ненецкого Автономных округов отмечается спад оленеводства, вызванный разными причинами. Однако синергизм процессов, формирующих аборигенные культурные ландшафты, обеспечивает им определенную устойчивость во времени.

Аборигенные культурные ландшафты подразделяются на три основных типа, различающихся структурно, функционально и организационно: тундровые, таежные и прибрежные (морские и речные). Несмотря на повсеместное наступление инновационных культурных ландшафтов, аборигенные культурные ландшафты продолжают существовать и развиваться, хотя и сократили свои ареалы. Этому в немалой степени способствует развитие индивидуальных, родовых и кооперативных форм хозяйственной деятельности в новых экономических условиях. Так, в Ямало-Ненецком Автономном округе распространенными типами традиционных хозяйств коренных малочисленных народов являются общины и частные хозяйства, а также сельскохозяйственные организации, представленные унитарными предприятиями, кооперативами, товариществами и акционерными обществами. В Ханты-Мансийском Автономном округе семейные (родовые) общины являются основным типом традиционного хозяйства коренных малочисленных народов. В Ненецком Автономном округе в традиционном хозяйстве имеются как родовые (семейные) общины и их объединения, так и сельскохозяйственные предприятия тех же типов, что и в Ямало-Ненецком. В Республике

Саха-Якутии типы традиционных хозяйств коренных малочисленных народов те же, что и в рассмотренных выше субъектах Российской Федерации, однако при этом большая часть законодательных актов, регламентирующих права коренных малочисленных народов в области традиционного природопользования, относится к общинам (Саввинова, 2001).

Данные последней переписи населения свидетельствуют об увеличении численности сельского населения, представленного коренными малочисленными народами. В период с 1926 г. по 2002 г. сельское аборигенное население в автономных округах выросло на 32,5%, в том числе титульных этносов – на 29,8%. Согласно официальным данным, около 100 общин коренных малочисленных народов Севера заняты традиционными видами деятельности (Развитие традиционных видов ..., 2007). Перестроенный спад экономики и безработица способствовали миграции представителей коренных малочисленных народов из городов в сельскую местность и возврат к традиционному природопользованию. Причем этот процесс в значительной мере коснулся и молодежи, не успевшей достаточно адаптироваться к условиям городской жизни.

Инновационные культурные ландшафты этого региона, формирование которых связано главным образом с промышленным природопользованием и пришлым населением, в значительной степени отражают специфику природных ландшафтов. Хозяйственные приемы освоения природной среды слабо связаны с природными особенностями территории, так же как и культура пришлого населения, сформировавшаяся в иных природных и социально-экономических условиях. Короткий период развития инновационных культурных ландшафтов Севера России (менее века) определяет их относительную неустойчивость по сравнению с аборигенными традиционными. Эта неустойчивость проявляется в многочисленных экологических проблемах, трудностях социальной адаптации, экономической нестабильности, а также в тенденции к экстенсивному развитию, во многом определяющему современную динамику границ культурных ландшафтов Севера России. Например, в Ханты-Мансийском Автономном округе 56% площади родовых угодий изъяты для целей недропользования (Новикова, 2008). В Мурманской области разработка новых месторождений полиметаллов центральной части Кольского

полуострова также сопряжена с изъятием саамских оленьих пастбищ. В Чукотском Автономном округе конфликтная ситуация возникла в результате принятия Комитетом по природным ресурсам решения о строительстве поисковой скважины компании «Сибнефть» в заказнике «Туманский» – на территории традиционного природопользования туманских чукчей общины села Аькватваам (Клоков и др., 2006).

Свойства границ аборигенных культурных ландшафтов

К общим свойствам границ аборигенных культурных ландшафтов относится их природная приуроченность, системная многоуровненность, особая динамичность и функции внутренних границ, виртуальная сущность. Природная обусловленность границ проявляется на всех организационных уровнях аборигенных культурных ландшафтов: от стойбища, ограниченного территорией урочищ, или родовой территории, занимающей группы местностей и ландшафты, до Арктики и Субарктики в целом в их зонально-поясных границах. Таким образом, организационно-структурные единицы культурных ландшафтов соответствуют определенным ландшафтным выделам, принятым в традиционной классификационной схеме.

Аборигенные культурные ландшафты пронизаны внутренними частными границами, формирующими многоуровневую семиотическую систему, наложенную на природную иерархическую. Семиотическое единство пространств этой системы, разделенных внутренними границами, проявляется, например, в существовании угодий, «принадлежащих» божествам-покровителям оленей, охотничье-промысловых участков и т.п. Границы этих пространств обозначены природными рубежами (скалами, водоемами), а также сейдами, и виртуально закреплены в исторической памяти коренных народов.

Наличие переменено-центрированных фокальных объектов, обусловленных кочевым типом хозяйства, определяет динамичность границ культурных ландшафтов низких иерархических уровней. Зимние и летние стойбища, как правило, занимают разные урочища. Центр и периферия культурных ландшафтов этого ранга меняются местами. При этом внешние границы аборигенных культурных ландшафтов, во многом виртуальные, имеют

постоянный характер. Переменная центрированность аборигенных культурных ландшафтов обеспечивает им семиотическую практику, охватывающую всё пространство, способность к саморегулированию. В инновационных культурных ландшафтах Севера семиотическая организация постоянного центра оказывается чуждой периферии, что обуславливает появление жестких аллохтонных границ. Эти границы обозначают разбиение мира на внутреннее и внешнее пространство, с которого начинается всякая культура (Лотман, 2000).

Особое функциональное значение имеют внутренние границы, структурирующие тексты аборигенных культурных ландшафтов. Целостные ландшафтные образы «родных» культурных ландшафтов аборигенов формируются не столько набором их элементов (пространственных текстов), сколько метрическими соотношениями между ними, воспроизведение которых и создает иконичность ландшафта (Лотман, 2000; Исаченко, 2003; Стрелецкий, 2002).

Относительная устойчивость аборигенных культурных ландшафтов во времени проявляется не только в их физическом существовании даже в неблагоприятных условиях, но и в виртуальном воспроизведении границ их наиболее важных частей и элементов, хранимых в исторической памяти коренных малочисленных народов Севера. Это объясняется тем, что ментальное освоение географического пространства при формировании культурных ландшафтов шло путем наложения мифологической географии космоса на реальную географию Арктики и Субарктики. Культурный ландшафт представляет собой семиотическую систему с информационными связями между объектами, способными сохраняться даже после исчезновения части этих объектов.

Причины современной динамики границ аборигенных культурных ландшафтов

Современная антропогенная деятельность выступает основной причиной динамики границ аборигенных культурных ландшафтов, определяет повышенную динамичность их внутренних границ, а внешние границы превращает в виртуальные. Традиционные аборигенные культурные ландшафты объемлют всё северное пространство. На Севере нет «пустот», утилитарно либо ментально не освоенных аборигенами. Экспансия инновационных куль-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

турных ландшафтов без учета этого обстоятельства нарушает целостность и континуальность аборигенных культурных ландшафтов, изменяются их коды и тексты, характер границ.

Попытки модернизации традиционного природопользования путем создания постоянных поселений, укрупнения оленьих стад и т.д. также существенно изменяют привычные рубежи внутри аборигенных культурных ландшафтов. Они, хотя и сохраняют определенную природную обусловленность, однако сильно изменяют привычную упорядоченность пространства. Пастбищные ресурсы вокруг постоянных поселков быстро истощаются. В поисках новых пастбищ расширяются эксплуатируемые территории. Меняется код аборигенных культурных ландшафтов: своеобразное восприятие пространства как «Среднего мира» в структуре сакрального мироздания нарушается, так как оно уже не является отражением идеального пространства «Верхнего мира» (Красовская, 2005). Селитьба и связанная с ней инфраструктура формируют новые антропогенные внутренние границы культурного ландшафта, нарушающие его привычный текст.

Фрагментация аборигенных культурных ландшафтов, характерная для районов бурного развития добычи углеводородного и минерального сырья, способствует появлению антропогенно-обусловленных внутренних границ культурных ландшафтов. Эти границы нарушают иконичность аборигенных культурных ландшафтов, разрушают их внутреннюю гармонию, приводя к их деградации и замещению инновационными культурными ландшафтами.

Современные климатические изменения, способствующие повышенной динамичности природных границ региона, влекут за собой изменение внутренних границ культурных ландшафтов, однако пока на локальном, а не на региональном уровне. Этому способствуют перемены в характере традиционного природопользования. Так, в периоды потепления климата оленные чукчи начинают заниматься промыслом морского зверя (Развитие традиционных видов ..., 2007). Неизбежные климатические колебания, сопровождавшие формирование аборигенных культурных ландшафтов, изменяли лишь их внутреннюю структуру (границы угодий). Внешние семантические границы оставались устойчивыми.

Проблема идентификации границ аборигенных культурных ландшафтов

С проблемой определения границ аборигенных культурных ландшафтов напрямую связана возможность их сохранения, необходимость которого обусловлена тремя основными причинами. Аборигенные культурные ландшафты – это материнские ландшафты северных этносов, разрушение которых влечет за собой и исчезновение этносов. Аборигенные культурные ландшафты, отличающиеся большим своеобразием, представляют собой элемент культурного наследия России. Кроме того, они представляют собой относительно мало измененные природные территории, выполняющие роль экологических буферов, регулирующих нормальные биогеохимические круговороты вещества северных территорий, испытывающих в настоящее время все возрастающую антропогенную нагрузку.

Следует признать, что существование аборигенных культурных ландшафтов в прежних границах вряд ли возможно. Скорее речь идет об их крупных фрагментах, что позволит сохранить культурное наследие аборигенов Севера. Появление слоев инновационной культуры значительно преобразует аборигенные культурные ландшафты не только путем изменения характера эксплуатации природных ресурсов, но и заменой пространственно-временной организации использования территории. В связи с этим закономерен вопрос, как идентифицировать такой площадной объект, какие фрагменты аборигенных культурных ландшафтов приоритетны как объекты наследия?

Для идентификации сохранившихся фрагментов традиционных этнокультурных ландшафтов аборигенов Севера внутри территорий традиционного природопользования необходимо найти локальные культурно-природные комплексы. Они соответствуют родовым участкам кочевых общин с традиционным хозяйственным укладом. Ввиду того, что традиционное хозяйство является природно-детерминированным, границы этих фрагментов культурных ландшафтов будут соответствовать определенным природным рубежам, обуславливающим распространение пастбищных и охотничьих угодий, рыбных промыслов и т.д. Выявленные таким образом фрагменты культурных ландшафтов анализируются с позиций сохранения их кодов и текстов при использовании культурно-географических, этнографических,

культурологических, исторических и других методов. Это позволяет выявлять материальные и символические составляющие культурных ландшафтов, которые могут быть отнесены к элементам культурного наследия коренных малочисленных народов Севера разного ранга.

В районах, претерпевших существенные изменения в структуре природопользования, образное раскрытие текстов культурного ландшафта дает изучение фольклорного материала, который нередко помогает актуализировать виртуальные культурные ландшафты и их элементы, сакральные объекты, пространственно-временные характеристики культурных ландшафтов и т.д. на фоне реальных природных выделов. Проведение такой работы необходимо для предупреждения этнокультурных конфликтов в сфере природопользования. Сопряженный анализ особенностей природных ландшафтов, традиционного природопользования и фольклорного материала помог создать карты виртуальных саамских культурных ландшафтов Хибинских гор (Красовская, 2008), а также района озера Гирвас (Бабинские саамы) (рис. 1).

Выделение ареалов культурных ландшафтов при их картографировании может быть осуществлено с использованием алгоритма нечеткой (размытой) классификации (Тигунов, 1997). Она предполагает возможность однозначно относить территориальные единицы не только к одному из классов, но, в случае переходного характера единиц, одновременно к нескольким классам с различными функциями принадлежности. Кластеры различных типов культурных ландшафтов выявляются в результате математического моделирования. Задача мелкомасштабного картографирования культурных ландшафтов с использованием алгоритма нечеткой классификации выполнена нами для территории Ханты-Мансийского Автономного округа (Красовская и др., 2006).

Литература

Исаченко Г.А. Культурный ландшафт и процессы запустения // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М., 2003. С. 93-106.

Калуцков В.Н., Красовская Т.М. Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2000. № 4. С. 3-6.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Клоков К.Б., Красовская Т.М. Международный проект ЭКОРА. Компонент 3 // Разработка планов и стратегий комплексного управления экосистем. Иркутск, 2006.

Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16.

Красовская Т.М. Природопользование Севера России. М., 2008.

Красовская Т.М., Котова О.И., Тикунов В.С. Карта «Культурные ландшафты Ханты-Мансийского АО» // Атлас Ханты-Мансийского АО – Югры. М. – Ханты-Мансийск, 2006.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

Новикова Н.И. (ред.). Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М., 2008.

Развитие традиционных видов деятельности на российском Севере. Рапорт. 2007. <http://aaninhallitus.fi/lappui>

Савинова А.Н. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): картографо-информационное обеспечение. Дисс. канд. геогр. наук. М., 2001.

Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18-28.

Тикунов В.С. Классификации в географии: ренессанс или увядание? (Опыты Формальных классификаций). Москва – Смоленск, 1997.

НАРОДЫ СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРИРОДНО- КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Введение

Изменение климата на Земле и социальные последствия этого глобального явления – одна из основных и наиболее драматичных проблем XXI в., которая полностью еще не осознана человечеством. Особенностью современных климатических трансформаций является то, что все предыдущие изменения климата происходили постепенно, позволяя человеку приспособляться к ним, а нынешнее происходит стремительно.

Климат Земли зависит от сложного взаимодействия основных компонентов климатической системы: наиболее подвижной и ответственной за условия существования жизни – атмосферы, менее подвижных – океана и криосферы, т. е. воды в замерзшем состоянии (континентального и морского льда, снега), а также поверхности суши и биосферы, включающей растительный, животный мир и самого человека. В то же время биосфера, влияя на другие компоненты климатической системы, в свою очередь полностью зависит от них.

Естественные механизмы, влияющие на климат: астрономические – обусловлены процессами, происходящими на Солнце и в Солнечной системе в целом, а также изменениями геометрии земной орбиты; геофизические факторы – связаны со свойствами Земли как планеты (вулканическая, геомагнитная и тектоническая активность); циркуляционные факторы – связаны с процессами внутри самой атмосферы и в меньшей степени – в океане, которые взаимодействуют с другими компонентами климатической системы. На циркуляционные факторы в значительной мере влияют как астрономические, так и геофизические; антропогенный фактор – сжигание органического топлива, промышленность; сельское и лесное хозяйства; гидростроительство, мелиорация (Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 95; Клименко, 2005).

Климат оказывал и оказывает существенное влияние на деятельность человека на протяжении всей истории развития цивилизации. В последние несколько десятилетий все явственнее

проявляются процессы его глобального изменения, которые уже нельзя игнорировать в силу их быстрого развития.

Быстрое и существенное изменение климата более всего дает знать о себе в Арктике. Среднегодовая температура там росла в два раза быстрее, чем в остальном мире, вызывая повсеместное таяние морского льда, вечной мерзлоты и сокращение снежного покрова (Интерфакс-Сибирь, <http://>). На карте температурных аномалий за 2005 г., составленной NASA, отчетливо видно, где тепло отвоевывает новые территории. Максимальные плюсовые отклонения от нормы (а это 3,4°C) – в Конго, Замбии, Анголе и на всем севере России, Канады и Гренландии (<http://content.mail.ru/...>). В год ледники сокращаются на 15–22%, некоторые из них уже исчезли (Интерфакс-Сибирь, <http://>). Семь первых лет XXI в. в Северном полушарии планеты, в т.ч. в России, являются самыми теплыми за последние 20 лет (Акимов, 2008). За столетие температура воздуха на северных территориях стала выше на один градус, но при этом 40% потепления произошло за последние десять лет (МЧС, 2008). Эксперты говорят уже не о глобальном потеплении, а о глобальном изменении климата, которое влечет за собой негативные последствия. Если в 1990-е гг. в России наблюдалось 100–150 опасных гидрометеорологических явлений, то в прошлом (2008) году их было зарегистрировано 446 (Интерфакс-Сибирь, <http://>).

Глобальное потепление вызывает не только изменения в природной среде, разрушая экосистемы, но и порождает экономические, социальные, политические и культурные проблемы (Природные катастрофы..., 2008). В докладе ООН о развитии человека за 2007/2008 гг. подчеркивается: «Изменения климата, с которыми мир сталкивается в наши дни, могут привести к серьезным задержкам в человеческом развитии, – сначала к замедлению, а затем и приостановлению и обращению вспять прогресса» (Доклад о развитии человека..., 2007/2008).

И хотя сегодня человечество обладает намного большими возможностями для преодоления последствий климатических изменений, чем несколько столетий назад, однако ни новейшие технологии, ни совершенная организация производства не могут оградить его от потрясений, обусловленных крупными природными катаклизмами. «Более того, быстрое развитие производительных сил уже привело к тому, что зависимость целого ряда

отраслей экономики от климатических условий в абсолютном выражении не падает, а растет вместе с ростом производства» (Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 4).

Важно успеть использовать имеющиеся знания и новый опыт, если не по искусственной стабилизации климата, то хотя бы по минимизации вреда, наносимого этими изменениями людям, экономическим и социально-культурным аспектам их существования (Берри, <http://...>; 2006, с. 16–21), как это случилось в некоторых островных государствах, где экологические катастрофы повлекли разрушение местных обществ. Эксперты предупреждают, что начавшиеся климатические изменения сулят перемены не только на физической, но и на политической карте мира (Россия вступила..., 2006).

Глобальные изменение климата влекут за собой глобальные проблемы. Одна из них, – будущее этносов, сформировавшихся и существующих в определенных природно-климатических условиях, которые в настоящее время кардинально меняются. И какими бы ни были причины изменений климата, но если международная общественность обеспокоена генетическими изменениями или даже исчезновением множества видов животных, то не менее, а может быть и более значимой задачей является показать, что угроза массированного изменения и даже исчезновения нависла над уникальными культурами и их носителями, коренными малочисленными народами различных регионов Земли.

В российской Арктике еще сильнее, чем на других территориях страны, проявляется весь комплекс негативных последствий потепления, которое, помимо прочих проблем, оказывает неблагоприятное воздействие и на состояние здоровья, и на традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера.

Изменение климата требует долгосрочных стратегий, направленных на предотвращение его последствий, которые сказываются уже на всей планете и во многих сферах человеческой жизнедеятельности, включая сельское хозяйство и продовольственную безопасность, проблему массовых переселений людей, нехватку водных ресурсов и потерю экосистем (Международные конфликты..., 2007).

Если за рубежом активно разрабатываются программы адаптации населения к новым угрозам на территориях, где прогно-

зируются масштабные климатические катаклизмы, то в России – и на государственном уровне, и на местном, и в научных сообществах, хотя уже и есть понимание серьезности этой проблемы, предпринимаются явно недостаточные усилия в изучении этнокультурных последствий глобального изменения климата.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун 1 марта 2007 г., выступая перед участниками конференции по изменению климата, заявил: «Опасность, которую представляют войны для всего человечества и для нашей планеты, как минимум, сравнима с угрозой климатических изменений и глобального потепления...». Он подчеркнул, что последствия изменения климата затронут все страны, однако в большей степени пострадают наименее развитые государства, которые, при этом, несут наименьшую ответственность за происходящие изменения в атмосфере. Пан Ги Мун отметил также важность принятия международных мер по борьбе с последствиями глобального потепления, где ключевую роль здесь должна играть Организация Объединенных Наций. Особое значение имеют исследования в области адаптации к глобальному потеплению и его последствиям (Проблема глобального потепления..., 2007).

В настоящей статье предпринята попытка показать влияние потепления климата на коренные малочисленные народы Севера и обозначить некоторые меры, смягчающие негативные последствия этого явления.

Экосистема и человек

Благоприятные условия для жизни на Земле были и остаются весьма ограниченными. Она развивается лишь в тонком слое воздуха, воды и литосферы, который называют «живой биосферой». В то же время жизнь на Земле – это сложная система взаимодействий и обратных связей, включающая в себя атмосферу, почву, воду, биологическую вариативность и человеческое сообщество, которая развивается в совокупности экосистем. Последние – это непрерывно меняющиеся природные единицы, каждая из которых включает в себя всю множественность биоорганизмов, существующих на определенной территории, и взаимодействующих с окружающей средой, в результате чего создается видовое разнообразие и круговорот «живого вещества» внутри экосистемы (Воздвиженский, Короткова, Костромина, <http://>). Эволюция

«живого вещества» на Земле шла по пути усложнения структуры биологических сообществ, увеличения числа видов и совершенствования их механизмов приспособления к окружающей среде. Появление человека стало новым этапом эволюции жизни на планете Земля.

Развитие человеческой цивилизации приходится на время последнего межледниковья, и в значительной мере было предопределено благоприятными климатическими условиями этого периода. Но именно тогда человечество стало все чаще сталкиваться с воздействием меняющихся климатических условий.

Разные регионы мира в природно-климатическом отношении были и остаются неодинаково благоприятными для здоровья и жизни людей. «Экологическая пригодность» той или иной территории определяется сочетанием множества общегеографических параметров (географической широты, защищенности от ветров, рельефа поверхности и высоты над уровнем моря) и локальных природных особенностей (Комарова, 1991, с. 45).

На первых этапах своей истории люди вели кочевой образ жизни. Изменения климата и чередования сезонов года вынуждали их вслед за животными перемещаться в более благоприятные районы. Овладение огнем, использование топора, копы и лука позволило человеку постепенно расширять ареал своего обитания, продвигаться из субтропиков в лесную зону умеренного пояса и даже в циркумполярные области, где примером такого приспособления даже в наши дни остаются культуры аборигенных народов Севера.

Исследователи подчеркивают сильную зависимость охотничьих коллективов от природы эксплуатируемой ими территории. Как писал Э.С. Маркарян, население, будучи подвижной совокупностью сменяющих друг друга человеческих поколений, является «главной материальной субстанцией всякой этноэкосистемы, а непрерывно идущие процессы его репродукции образуют один из важнейших этноспецифических каналов взаимодействия человека с окружающей средой» (Маркарян, 1988, с. 64).

Климат оказывал и оказывает существенное влияние на деятельность человека на протяжении всей истории цивилизации. Изменения климата влекли за собой преобразования: в политике, экономике, миграционных процессах, социальной сфере (Погода сквозь глубину веков, 2008). С древнейших времен люди об-

рацали внимание на это многогранное воздействие. Уже в эпоху античности некоторые философы (Платон, Аристотель, Теофраст и др.) отмечали влияние климата на общество, причем связывали с ним не только экономические, политические, но и культурные аспекты существования человека. Позже о влиянии климата на социальную историю писали арабский историк Ибн-Хальдун (XIV в.), Монтескье, Гердер и многие другие мыслители.

Проблема влияния экстремальных природных явлений на различные стороны жизни общества изучалась и историками России. Еще в середине XVIII в. В.Н. Татищев зафиксировал данные об экстремальных природных явлениях и наносимом ими ущербе населению. Этому вопросу большое внимание уделил создатель «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзин. Связь природных явлений с социальной жизнью государства привлекала внимание также С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Щапова. В середине XX в. В.Т. Пашуто проанализировал естественно-географические причины и социальные последствия голодных годов в Древней Руси (Пашуто, 1964, с. 263). Нельзя не упомянуть труд Е.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого, в котором авторы описали особенности истории климата Земли, восстановленные по летописным источникам, и их воздействие на различные стороны человеческого существования (Борисенков, Пасецкий, 1988).

Человек – существо коллективное, и люди взаимодействуют с природой не в одиночку, а будучи соединенными в определенные группы или общности, в т. ч. в этносы или народы. Культура (и особенно т. н. материальная) в качестве основного механизма жизнеобеспечения и адаптации человека к природной среде имеет этническую специфику (обычно ее включают в число основных признаков этноса). Человечество постоянно приспосабливалось к изменениям в природе: и в пространстве – от экватора до полярных кругов, и во времени – с первых дней существования человечества до настоящего времени. Результатом этого приспособления стало этнокультурное разнообразие человечества.

Климат – это важнейший этнообразующий фактор, он определяет стереотипы поведения, нормы культуры, морали. В этом смысле климат влияет на все без исключения стороны материальной и духовной жизни человечества, которые и составляют основное содержание исторического процесса. Изменение климата со временем постепенно приводит к изменению ментальности

человека (Жлименко, 2005). Ландшафтно-климатическая специфика отражается как в материальной культуре (конструкции жилищ, видах одежды и орудий труда), так и в духовной (искусство, фольклор). Причем эти стороны этнической культуры взаимопереплетаются, а иногда взаимообуславливаются. Это же относится и к процессам репродукции человеческих популяций, которые определяются не только условиями среды, например, естественной динамикой биоресурсов, но и «способом взаимодействия со средой, спецификой социально-культурной адаптации каждой популяции к конкретным условиям ее существования» (Комарова, 1991, с. 64–65). С окружающей средой и климатом прямо или опосредствовано, связаны и различные традиционные навыки, в т.ч. в отношении употребляемой пищи (ее количества, совместимости видов и компонентов, полезных и вредных свойств). Наиболее своеобразной в этом отношении является материальная культура (одежда, жилище, орудия труда и пр.) у народов Севера (Козлов, 1991, с. 4–6).

Если рассматривать традиционную культуру как основное средство и результат внебиологической адаптации общества к среде обитания, то становится ясной важность изучения этой среды обитания не только в статике, но и в динамике, особенно, если ее изменения происходят быстро, на протяжении жизни одного–двух поколений, и носят порой катастрофический характер. При некоторых обстоятельствах изменение окружающей среды бросает вызов безопасности для целых культур, общин, стран или регионов. Где культурное тождество тесно связано с природными ресурсами (как, напр., в Арктике), социальный конфликт и насилия могут быть непосредственно связаны с разрушением или ухудшением среды обитания.

Дж. Стюард, представитель школы «культурной экологии», еще в середине XX в. объяснял этнокультурное разнообразие человеческих сообществ на Земле различной природной средой обитания (Steward, 1955). В.И. Козлов, развивая эту идею, писал: «В отличие от других существ человек приспосабливается или адаптируется к природной среде своего обитания не только и не столько биологическим путем, т. е. путем изменения физиологических, морфологических и других параметров, сколько посредством изменения своей хозяйственной деятельности и связанной с ней культуры» (Козлов, 1991). При этом он справедливо

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

считает, что главным механизмом адаптации «являлась культура, в первую очередь материальная культура, с помощью которой люди не только приспособивались со временем к той или иной новой природной среде («экологической нише»), но и преобразовывали в большей или меньшей степени саму эту среду» (Козлов, 1991а). К этому мы бы добавили, что культура, в т. ч. и материальная, не только механизм адаптации, а и результат ее. На наш взгляд, этническая культура (ее элементы) зарождается, развивается или деградирует, сохраняется или разрушается на всем протяжении человеческой истории. Во многом, особенно на ранних этапах истории, эти процессы зависели от природных условий, в которых функционировало общество. Со временем, если культура складывалась и усложнялась, зависимость от природных условий становилась не такой определенной, но она сохранялась в виде опосредованных связей. Можем согласиться с мнением И.И. Крупника, что «на определенном этапе развития общества этнос являлся целостной этноэкологической системой, составлявшей динамичное единство человеческого коллектива с используемой им хозяйственной территорией» (Крупник, 1977; Комарова, 1991, с. 44).

В середине 1970-х гг. В.П. Алексеевым была сформулирована концепция «антропогеоценоза», более операциональная, чем концепция хозяйственно-культурных типов, и дающая, в частности, возможность моделировать «пищевые цепи» некоторых экосистем, имеющих более или менее замкнутый характер (см.: Алексеев, 1975, 1984), что было использовано при этноэкологических исследованиях народностей Севера (Крупник, 1989; Козлов, 1991, с. 4–6).

Для охотничьих сообществ, как считал В.П. Алексеев, при кризисах в животном мире «наступает кризисная ситуация и в хозяйственном коллективе: он либо вымирает (собирательство не может восполнить недостаток пищи...), либо должен перейти к иной системе хозяйства и жизнеобеспечения, либо, наконец, вынужден покинуть эту экологическую нишу и занять новую» (Алексеев, 1984, с. 374). Когда в умеренной зоне Евразии на рубеже голоцена сузилась экологическая база высокоразвитой культуры, основанной на высокоспециализированной охоте на крупных млекопитающих, выход был найден, по мнению С.А. Арутюнова, «в так называемой неолитической революции, в ста-

новлении производящего хозяйства» (Арутюнов, 1980, с 93), т.е. культура изменилась кардинальным образом. Последствия периодически возникавших экологических кризисов преодолевались путем миграций, совершенствованием орудий труда, способов охоты, если не заканчивались гибелью людей. Одним из ярких примеров влияния изменения климата на формирование и развитие этносов стал так называемый Берингийский мост, существовавший около 20 тыс. лет назад между Азией и Америкой и через который Америка заселялась предками индейцев, эскимосов и алеутов, формируя в процессе переселения новые этнокультуры.

Другие пути выживания находили жители более южных ареалов. Люди пытались защититься от капризов природы, создавая соответствующую инфраструктуру. Системы защиты от наводнений и дренажа, водохранилищ, водоемов и оросительных каналов – все это объекты инфраструктуры для противостояния климатическим изменениям. Однако, как показывает история, «никакая инфраструктура не может полностью защитить от сил природы» (Доклад о развитии человека..., 2007/2008). Развитие и гибель некоторых цивилизаций в Старом Свете были связаны с изменениями климата. Вот только некоторые примеры.

■ **40 000 лет назад.** Начало последнего оледенения в Евразии. Неандертальцев вытесняет кроманьонец.

■ **13 000 лет назад.** Конец ледникового периода. Отступление льдов привело к вымиранию мамонтов, что, в свою очередь, поставило человечество на грань глобальной демографической катастрофы. Выжившие люди в южных степях осваивают земледелие и скотоводство.

■ **4000 лет назад.** Глобальное потепление. Следствием засухи стало освоение человеком технологии орошаемого земледелия и выплавки металлов. Начинается бронзовый век. В Средиземноморье и Междуречье появляются первые древнейшие государства и письменность.

■ **XIII век до н.э.** Похолодание в Европе. Индоевропейские племена приходят с севера на берега Средиземного моря. Под их ударами гибнут Хеттская держава, многие города Древнего Египта. Финикийцы начинают переселяться в Северную Африку.

■ **X–VI вв. до н.э.** Потепление. Исключительно сухой климат в Азии побуждает многие племена объединяться ради выживания. В долине реки Тигр создается Ассирийское государство,

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

царь Давид объединяет Израиль и Иудею. В южной части Армянского нагорья создается государство Урарту.

■ **III век до н.э.** Похолодание. В Италию через Альпы, спасаясь от снежных бурь, приходят племена кельтов, которые осаждают и грабят Рим. В Китае от заморозков гибнет урожай, и в Циньском царстве начинается гражданская война.

■ **I век н.э.** Потепление. Засуха побуждает Древний Рим завоевывать колонии на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где выращивается зерно. Республика превращается в империю.

■ **IV–V вв.** Похолодание. Леса поползли на юг, уничтожая сухие заволжские степи, и кочевники-гунны приходят в Европу. Их появление сдвинуло с места и другие племена – начинается Великое переселение народов, что привело к падению Рима.

■ **VIII–XII вв.** Малый климатический оптимум. Время теплого и мягкого климата. Викинги заселяют Гренландию, открывают северный речной путь «из варяг в греки». Объем воды в Волге стремительно увеличивается, и река затопляет Хазарский каганат.

■ **XIV – начало XIX века.** Малый ледниковый период. Ледники уничтожили все поселения викингов в Гренландии. В Европе холод и голод спровоцировали религиозные войны, стимулировали массовую эмиграцию в колонии Америки, Азии и Африки. В России в начале XVII века вспыхивает Смута (Погода сквозь глубину веков, 2008).

Климатические условия опосредованно отражались и на самом человеке. Так, например, в период 874–1000 гг. н.э. средний рост молодого мужчины в Исландии составлял 173,2 см; в 1000–1100 гг. – 171, 8 см; в 1100–1503 гг. – 172 см (малый климатический оптимум). В самый неблагоприятный (малый ледниковый) период (1650–1796 гг.) средний рост снизился до 166,8 см. В период 1952–1954 гг. (потепление) он вновь резко вырос до 177,4 см. В период неблагоприятного климата резко падало число браков и увеличивался возраст людей, впервые вступающих в брак. Так, в Центральной Европе между 1425 и 1454 гг. число браков упало с 43–49 до 32–39%. В Англии с 1560 по 1645 г. средний возраст лиц, впервые вступающих в брак, составлял 27 лет, а для женщин этот показатель к 1700 г. возрос до 30 лет. После 1720 г. он стал быстро падать и в 1820–1830 гг. составил 23 года. В Норвегии средний возраст полового созревания девочек в

1847 г. был 17 лет. В 1861 г. он понизился до 16,5 лет, а в 1880, 1908, 1920, 1932, 1948 и 1959 гг. он составил соответственно 16; 16,5; 15; 14,5; 14; 13,5 и 13,06 года. В теплые периоды послеледниковья средняя продолжительность жизни людей была на 10% выше, чем в последующие времена расцвета греческой и римской культур, когда, казалось бы, социальные условия жизни должны были способствовать увеличению продолжительности жизни. Этого, однако, не наблюдалось. Средняя продолжительность жизни в Греции и Риме соответственно составила 35 и 32 года, во время как в предшествующий период бронзового века этот возраст достигал 38 лет. В последующие годы в Англии, по данным на 1276 г., средняя продолжительность жизни составляла уже 48 лет и снизилась к периоду 1376–1400 гг. до 38 лет. И хотя, по словам Борисенко, «все эти данные нельзя связывать только с климатическими изменениями... Тем не менее можно утверждать, что те или иные колебания показателей развития человеческого организма с большей или меньшей детализацией повторяют колебания климата» (Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 73).

В каждом обществе культура во многом находится под влиянием определенных отношений между людьми и окружающей средой, включая различные ценности, знания и методы, связанные с биологическим разнообразием. Культурные знания и методы часто приносились в жертву определенным стратегиям для сохранения жизнеспособности и управления биологической вариативностью. Разнообразие культур, которое развилось повсеместно, обеспечивает множество вариантов приспособления к различным экосистемам, реагируя определенным образом на изменения внутри них. Это культурное разнообразие участвует в формировании и способствует сохранению биологической вариативности. Однако и культурное разнообразие и биологическая вариативность быстро исчезают, и в значительной степени в результате одних и тех же природных процессов. Так, например, если использовать лингвистическое разнообразие населения Земли как индикатор культурного разнообразия, то известно, что более 50% из 7 000 языков в мире подвергаются в настоящее время опасности исчезновения, и это приводит к выводам, что около 90% существующих языков не сохранится к 2100 г. (Краусс, 1992, р. 4–10). С потерей языков будут утеряны и культурные ценности, знания, новации и ме-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

тоды, включая те, которые имели отношение к биологическому многообразию.

Д.Д. Андерсон, исследовав «доисторические» модели жизнеобеспечения эскимосов, сделал заключение, что традиционная культура эскимосов стала результатом их социального и технологического приспособления к крайне суровым условиям существования. Реакцией эскимосов в периоды длительной нехватки природных ресурсов были глубокие изменения как в демографической структуре, так и в системах жизнеобеспечения, а при возвращении к прежним, более благоприятным природным условиям, они, как правило, располагали новым типом технологии и общественного устройства (Андерсон, 1981, с. 67–82).

Периодические потепления и похолодания климата на Севере в исторический период имели своим следствием циклические изменения в численности морского зверя и рыбы у западных берегов Гренландии. Это, в свою очередь, вело к преобладанию в промысловом хозяйстве местного населения то морского зверобойного, промысла, то рыболовства. В центрально-канадской Арктике изменение гидрографической обстановки, а точнее повышение уровня морского дна в конце XVII – начале XVIII в., привело к исчезновению в водах этого района китов и как результат этого – к переориентации части местных эскимосов на промысел исключительно сухопутных животных, прежде всего оленей-карибу. Южнее, в зоне Субарктики, крупные лесные пожары, уничтожившие растительность на значительных площадях, привели к вынужденным изменениям в распространении промысловых животных, а, следовательно, и расселении индейцев, чьей добычей они служили (Feit, 1973, p. 115–125; Waisberg, 1975, p. 176–183). Резкое сокращение численности карибу в результате перепромысла в первые десятилетия XX в. означало обеднение экосистем восточно-канадской Арктики, изменение связей и взаимозависимостей коренного населения с природной средой его обитания.

В работе И.И. Крупника, посвященной этнической экологии оленеводов и морских охотников арктической зоны, показано, как две главные модели аборигенного жизнеобеспечения на Севере по-разному реагировали на сходные изменения экологической обстановки. Для оседлого населения, осваивающего приморские экомкомплексы, периоды потеплений оказывались

в целом более благоприятными, т. к. были связаны с расширением промысловых угодий и сокращением продолжительности малопродуктивного зимнего сезона. Холодные же фазы приводили к резкому ухудшению условий охоты, голодовкам и обнищанию населения, сокращению его численности. Напротив, для обитателей тундры – кочевых охотников и оленеводов – периоды потеплений совпадали с «минимумами» популяционных циклов дикого оленя, вспышками эпизоотии, усложнением выпаса и восстановления оленьих пастбищ, тогда как похолодания способствовали увеличению поголовья оленей, а значит, и росту благосостояния кочевников, а, в конечном счете, и их численному росту (Крупник, 1989).

Экологические кризисы в традиционных обществах были вызваны изменением климата, стихийными бедствиями, неумелым природопользованием и в процессе саморегуляции последствия этих кризисов могли смягчаться, а со временем исчезать вовсе (этносы возвращались в исходное состояние) (Бабаков, 1993, с. 77). С другой стороны, экологические кризисы могли стимулировать поиск альтернативных форм жизнеобеспечения и переход к новым, более продуктивным формам хозяйства. Добавим, – если это было возможно в силу специфики природных условий. Те, которые смогли это сделать, стали, скорее всего, другими этносами. Известно мнение, что экологические кризисы, вызванные перенаселенностью или истощенностью ресурсов, с глубокой древности сопровождают каждый шаг на пути развития человечества, будучи важным фактором миграций и своеобразным стимулятором исторического прогресса (см.: Теория и методика..., 1974, с. 11). Однако, по словам В.Г. Бабакова, признать благотворную роль экологических кризисов в развитии традиционных этносов можно лишь в самом общем, глобально-историческом плане (Бабаков, 1993, с. 75–76). Как показывает опыт традиционных этносов, для каждого конкретного малочисленного народа экологический кризис означает не прогресс, а голод, тяжелые демографические потрясения, нарушение устоявшихся социальных, хозяйственных связей. Там, где кризисы повторялись регулярно и с большой силой, они неминуемо тормозили развитие этнической культуры.

Смягчению последствий этноэкологического кризиса, вызванного воздействием на традиционные этносы государственной

или иной организованной макросистемы, могут способствовать адаптационные механизмы жизнеобеспечения традиционных этносов. Аборигены находили выход из кризисных экологических ситуаций, переключаясь на другие формы жизнедеятельности. Эту способность к «переключению» отмечали А.М. Обухов и И.И. Крупник. Последний, в частности изучая экосистемы арктических народов, пришел к выводу, что климатические колебания с высокой амплитудой в Арктике способствовали «выработке особой стратегии природопользования, которая заключалась в параллельном развитии двух (или нескольких) моделей жизнеобеспечения с противофазной реакцией на изменение условий существования». Любые экологические сдвиги оказывались неблагоприятными для одной из этих моделей, но одновременно резко повышали продуктивность другой. Историю природопользования аборигенов Арктики, по мнению И.И. Крупника, можно представить как постоянный «перелив» населения от кочевой формы жизнеобеспечения к оседлой, т. е. от охоты и оленеводства к морскому промыслу или рыболовству и обратно в зависимости от конкретной динамики экологической или социальной обстановки (Крупник, 1989, с. 186, 187). Надо учитывать, что такое «переключение» возможно было только у тех групп аборигенов, которые имели развитое комплексное, а не специализированное хозяйство. Подобного рода «переключения» в кризисных ситуациях, вызванных разными причинами, характерны и для других народов. Следует при этом заметить, что эти «переключения» происходили в пределах привычной среды обитания и не вели к потере этнических свойств популяции, т. к. не нарушали традиционных способов ведения хозяйства и жизнеобеспечения (Бабаков, 1993, с. 81–83).

Основные законы природы не потеряли своей значимости с ростом численности народонаселения нашей планеты, с увеличением потребления и научно-техническим прогрессом, который расширил возможности человека воздействовать на окружающую среду. Однако, несмотря на это, человек остается небольшой и зависимой от природы частицей.

Окружающая среда и вызовы современного развития сопряжены между собой, не взирая на географические границы, через сети социальных связей и экологические процессы. Население, городское или сельское, имущее или неимущее, зависит непосредственно от состояния окружающей среды.

редственно или опосредованно от природных ресурсов через сложнейшую сеть взаимосвязей и взаимозависимостей, включая природные, производственные, социальные и культурные факторы. Как заметил А.В. Бялко, «до сих пор не столько интеллект, традиции или идеология, сколько климат и ресурсы, возобновимые и невозобновимые, во многом определяют достаток страны» (Бялко, 2002).

Вторжение в этническую жизнедеятельность техногенной цивилизации, во-первых, изменяет природную среду, очень часто подрывая при этом основные формы традиционного жизнеобеспечения, что лишает традиционные этносы экологической основы их социокультурной специфики. Кроме того, глобальные экологические изменения нашего времени, вызванные уменьшением озонового слоя в атмосфере, возникновением «парникового» эффекта и другими техногенными влияниями на природу, а также локальные экологические проблемы, затрагивающие разные регионы, по-разному влияют на культуры аборигенных народов. Эти изменения воздействуют, прежде всего, на традиционные системы жизнеобеспечения этнических общностей, изменяя природные и социально-экономические условия их обитания, а также влияют на здоровье людей, ослабляя их адаптационные механизмы, сформировавшиеся и функционировавшие в материнской экосистеме. Резко усиливаются кризисные явления в среде обитания этносов, ведущих преимущественно традиционный образ жизни. Такие общества уже находятся в ситуации этноэкологического кризиса (Бабаков, 1993, с. 84–85). Особенно остро проблемы этноэкологии встали на российском Севере, где природная среда наиболее ранима, а жизнеобеспечение и жизнедеятельность коренного населения в большей степени, чем в других регионах, зависит от экологической среды. Аборигены Севера России находятся сейчас в условиях новой адаптационной стратегии. У них почти утерян механизм приспособления, выработанный прошлыми веками, поэтому они, как бы на перепутье, – старыми методами приспособления они уже не могут адаптироваться к новым климатическим изменениям, а новыми механизмами, включая технологические, они еще не владеют. К тому же это – бедные общины, как и те, которые ведут традиционный образ жизни на основе природных ресурсов в условиях устойчивого и благоприятного климата в других регионах мира, однако

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

продолжают глубоко зависеть от него и наиболее уязвимы для чрезвычайных погодных проявлений. Такие уязвимые общины уже начинают страдать от климатических изменений, например, из-за увеличивающейся частоты засух в Африке.

Поскольку традиционная культура все еще теснейшим образом связана с локальной окружающей средой, то при перемещении ее носителей в другие регионы (как предлагают некоторые исследователи), чтобы избежать негативных последствий изменения климата, например, повышения уровня моря для прибрежных жителей, неизбежна потеря или полное разрушение адаптивных механизмов, вложенных в такие культуры. Это делает представителей традиционных обществ менее гибкими в приспособлении к другим природным или социально-культурным явлениям, с которыми они будут контактировать и к которым они должны будут адаптироваться.

В дополнение к идее важности сохранения жизнеспособности культур малочисленных народов, следует подчеркнуть, что человеческие сообщества повсюду зависят от разнообразных природно-климатических условий, получая не только средства к существованию, но и вырабатывая свою культурную идентичность. Потеря этой адаптивной вариативности затрагивает и материальное, и духовное благосостояние человека. Хотя общества в промышленных странах более защищены от угроз традиционным элементам культуры, на них также может неблагоприятно сказаться утрата привычной экосистемы или даже простое сокращение возможностей ее использования.

Природные изменения в Арктике

Климат Земли менялся постоянно в течение доисторических и исторических периодов. Теплые периоды чередовались с ледниковыми, длительность некоторых из них достигала 90 тыс. лет, когда северные материки покрывались ледниками толщиной до 2–3 км, а уровень океанов понижался на 100 м и более. Благоприятное для животных и растительности время составляло примерно 10% от длительности последней холодной плейстоценовой эпохи, т. е. последний теплый межледниковый период длился всего около 10 тыс. лет. Геологический период, в который мы живем, называется голоцен, ему примерно 10 тыс. лет, прошедших с момента окончания последнего ледникового периода. За это

время произошло, по сути, два–три крупнейших климатических события, первым из которых был выход из ледникового периода. Для этих последних тысячелетий была характерна относительная климатическая стабилизация (Клименко, 2005).

Отличительная особенность климата последнего тысячелетия – наличие сравнительно теплого периода – малого климатического оптимума в VIII–XIII вв. и наступление вслед за ним в XIII–XIV вв. очередного похолодания, которое с некоторыми флюктуациями продолжалось до середины XIX в. и задержало процесс таяния льдов. Вслед за малым ледниковым периодом во второй половине XIX в. наступило очередное потепление, которое достигло максимума в 30–40-е гг. XX столетия, а за ним – очередное похолодание, которое, по прогнозам, «должно было бы продолжаться с некоторыми флюктуациями и поныне» (Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 4).

Однако поверхность Земли нагревается. Это очевидно из наблюдений за повышением средних глобальных температур атмосферы и океана, повсеместного таяния снегового и ледяного покрова, а также повышения среднего уровня мирового океана (Глобальная экологическая перспектива, 2007).

По оценкам Национального центра климатических данных США (National Climatic Data Center), за последнее столетие средняя температура земной поверхности выросла примерно на 0,7°C. Последняя декада XX в. стала самой теплой за время проведения систематических температурных измерений (с середины XIX в.). 1990-е гг. вошли в число самых теплых 15-ти лет (Досье, Inopressa.ru). Летом 2006 г. жара достигла экстремально высоких температур почти по всему миру (Голубчиков, 2006, С. 54–59).

В мире уменьшаются количество и размеры горных ледников и снегов. В последние 20 лет континентальные ледяные поля и горные ледники тают и отступают. Так, на территории гористого штата Монтана (США) в 1910 г. насчитывалось 150 ледников и глетчеров, а в 2007 г. их осталось только 27. Площадь альпийских ледников с 1850 по 1980 гг. сократилась на треть, с 1980 по 2004 гг. исчезло еще 30% льда. К 2100 г. альпийские ледники прекратят свое существование (Досье, Inopressa.ru; Новые известия, <http://>).

Площадь канадских шельфовых ледников уменьшилась по сравнению с 1906 г. на 90%. Ученые утверждают, что ледники

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

становятся с каждым годом все более хрупкими из-за повышения среднегодовой температуры. Потепление несет угрозу того, что множество ледников начнут откалываться от арктической массы льдов и дрейфовать (От побережья..., 2006). Изучение ледяного покрова Гренландии показывает, что лед тает быстрее, чем формируется, и рождение айсбергов встречается там теперь гораздо чаще (Luthcke, 2006; Hanna et al, 2005). Степень таяния ледяного щита была рекордно высока в 2005 г.

Скорость течений и схода некоторых ледников Гренландии и Антарктики увеличилась. Это вместе с таянием горных ледников и снежных шапок уже привело к тому, что уровень мирового океана поднялся на 20 см в период между 1870 и 2001 гг. А в период начала 1990-х – 2006 гг. уровень океана поднимался ежегодно на 3 мм (Досье, 2007). Толщина морского льда также значительно изменилась. Модели прогнозов говорят о том, что через 20 лет скорость сокращения количества арктических льдов увеличится в четыре раза (Curry, 2005, p. 1772–1774; Hanna et al, 2005). Открытая водная поверхность поглощает больше солнечного света, чем лед. Это значит, что участки океана, освободившиеся от ледяного покрова, еще больше стимулируют процесс потепления климата (Ученые предупреждают..., 2006). Исследования показывают, что обращение глубокой, холодной воды в северной части Атлантического океана за прошедшие 50 лет замедлилось в целом на 30% (GEO-4, 2007; Bryden et al, 2005, p. 438; 655–657; Chapin et al., 2005), то же происходит и в южной части Тихого океана (Эль-Ниньо). Всего через несколько десятилетий баланс пресной и соленой воды в мировом океане будет нарушен настолько, что Гольфстрим вновь изменит свое направление (Новые Известия, <http://>).

Изменения климата происходят и в России. Средняя годовая температура с 1886 по 2007 гг. повысилась на 2,10°C (Доклад об особенностях..., 2008). Об усилении тенденции к потеплению, особенно в последние годы, говорит тот факт, что если за все предыдущее столетие прирост температуры на территории России составил всего 1°C, то за десять лет – с 1990 г. по 2000 г. – среднегодовая температура приземного воздуха возросла на 0,4°C (Акимов, 2008).

Последствия, вызванные глобальным потеплением, могут стать необратимыми: от неурожаев и истощения рыбных ресур-

сов, до гуманитарных катастроф, вызванных ураганами и наводнениями, или борьбы за сами энергоносители – нефть и газ. Международный совет по изменению климата (объединяет 2,5 тыс. ученых из 130 стран) выдал в 2007 г. прогноз: если мировая температура повысится на 1,5–2,5°C, то под угрозой исчезновения окажутся 30% животных и растений; к 2020 г. в жарких частях планеты площадь сельскохозяйственных угодий сократится наполовину, а к 2050 г. – более 1 млрд. чел. будет страдать от хронической нехватки питьевой воды (Досье, Inopressa.ru). Таяние арктических льдов приведет к тому, что климат нашей планеты станет более теплым и влажным; количество штормов, наводнений и ураганов увеличится многократно (если сейчас они угрожают 1 млрд. чел., а ежегодно уносят из жизни по 25 тыс. чел., то к середине XXI в., по данным Токийского университета, их число возрастет вдвое) (Новые известия, <http://>); изменение климата и деградация окружающей среды увеличат частоту таких природных катаклизмов, как засуха, наводнение, оползни и лесные пожары, которые часто ведут к потере земель, к нарушениям в снабжении продовольствием, к увеличению числа и продолжительности эпидемий, голода и миграциям населения. Потепление климата влияет на рождаемость, которая уменьшается, т.к. вследствие изменений климата нарушаются естественные биологические ритмы. По всему миру в крайней близости от моря проживают около 150 млн. человек. При дальнейшем повышении уровня воды переселение этих людей, как и строительство защитных береговых сооружений, потребуют огромных финансовых ресурсов (Глобальное потепление разрушает..., <http://>). Изменение климата станет также причиной нового для человечества социального явления – «климатических беженцев». К 2050 г. их количество превысит 150 млн. чел. (Шестаков, 2005). Последствия этих изменений особенно будут тяжелы для наиболее социально незащищенных жителей планеты. Они могут также спровоцировать военные конфликты (Природные катастрофы..., 2008).

Множество причин, по мнению специалистов, способствует глобальному потеплению климата планеты. В последнее столетия эти в общем-то естественные процессы усугубляются человеческим фактором (GEO-4), среди которых значительное увеличение численности населения, индустриализация, расширение сельского хозяйства и сведение лесов, добыча и сжигание

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

нефти и угля – все это привело к катастрофическим изменениям на поверхности Земли и к повышению концентрации CO₂, который поступает в атмосферу в результате процесса сгорания. Повышение концентрации газов способствует возникновению «парникового эффекта». Глобальное потепление связывают также и с утоньшением озонового слоя и появлением озоновых дыр. Этот слой пропускает энергию солнца полезную для жизни и не задерживает губительные ультрафиолетовые лучи.

Нынешнее потепление совпало с бурной производственной и техногенной деятельностью человека, которая усугубляет негативные последствия природных процессов (Жисарев, 2007).

* * *

С середины XX в. в связи с нарастанием индустриального развития началось прогрессирующее загрязнение Севера промышленными выбросами. Мощное воздействие экология Севера испытывает от самой большой и наиболее быстро растущей отрасли промышленного производства – нефтегазовой. Расширение старых и развитие новых месторождений нефти, включая проходы доступа к ним и трубопроводы, происходит по всему Северу, особенно на берегах и шельфах Сибири, Российского Дальнего Востока, на Аляске, в северо-западной Канаде и в Баренцевом море. Прокладка подобных трубопроводов протяженностью в сотни и тысячи километров приводит не только к изъятию из хозяйственного использования обширных и богатых охотничьих угодий, но и к загрязнению почв и местных экосистем из-за утечки из трубопроводов нефти и газа, несмотря на принимаемые меры защиты окружающей среды.

Исследования обнаружили постоянные органические загрязнители и тяжелые металлы, включая ртуть, во всех компонентах арктической экосистемы, в т.ч. у людей. Большинство этих веществ присутствует в экосистемах и пище арктических народов в результате индустриального развития других, расположенных южнее, регионов. Загрязнители со всех континентов достигают Арктики вместе с воздушными и водными потоками и включаются в продовольственную цепь. Так, преобладающее направление атмосферного переноса в Северной Америке таково, что окислы серы и азота, выбрасываемые в атмосферу предприятиями в южной части Канады и сопредельных районах США,

попадают на Север, особенно в Северный Квебек, где выпадают в виде кислотных дождей или со снегом. Попадая в воду, они вызывают гибель рыбы и тем самым отрицательно влияют на экологические основы традиционного хозяйства коренного населения (Файнберг, 1991). В Арктическом и Субарктическом регионах расположены многочисленные населенные пункты, использующие в качестве топлива уголь, при сжигании которого также происходит загрязнение атмосферного воздуха (Международная рабочая встреча..., 2009).

Ядовитые вещества, накопление которых происходит медленно, также ухудшают среду обитания флоры и фауны или разрушают ее. Так, с момента распада советской экономики для коренных жителей российского Севера привозные продукты стали менее доступны, и они переключились на традиционную пищу, состоящую из мяса тюленя, кита и других животных. Эти естественные пищевые источники накапливают токсины, перемещаемые океаническими течениями и ветром из крупных городов на Север (Цыбань, <http://>; Жители российского Крайнего Севера..., 2004).^{*} В результате образ жизни коренного населения, основанный на потреблении местных возобновляемых ресурсов подвергается опасности. Инуитские поселения в арктической восточной Канаде и в Гренландии также сильно подвержены загрязнению постоянными органическими соединениями и ртутью. Эти и другие факторы ставят под угрозу целостность традиционной системы жизнеобеспечения и здоровья аборигенного населения Севера (Doubleday, 1996, p. 169–179; Van Oostdam et al., 2005, p. 351–352, 165–246).

* Во всех компонентах экосистем Чукотского и Берингова морей обнаружен бенз(а)пирен (БП) – индикатор канцерогенных ПАУ. Серьезное опасение вызывает загрязнение экосистем Берингова и Чукотского морей полихлорированными бифенилами (ПХБ), намечается тенденция к дальнейшему повышению концентраций этих веществ. Коэффициенты накопления ПХБ и ПАУ во взвешенном органическом веществе (ВОВ) и морских организмах составляет 102–104. «Уровень двух разновидностей пестицидов – гексахлоробензола и гексахлороциклогексана, а также в некоторых областях полихлорированных бифенилов и ДДТ в организме северных жителей России – один из самых высоких для всего Арктического региона» (Цыбань, <http://>; Жители российского Крайнего Севера..., 2004). Работа проводилась по Программе арктических исследований, в которой приняли участие ученые, финансируемые странами, имеющими северные территории, в т.ч. США, работавшие совместно с российским правительством и Российской ассоциацией коренных народов Севера.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Современные экономисты (Донченко, <http://>) обращают также внимание на то, что промышленное развитие Арктики выявило экономическое несоответствие при оценке преимуществ освоения невозобновляемых природных ресурсов и ущерба, который пока не имеет адекватного научного обоснования.

* * *

В Арктике на протяжении многих тысяч лет постоянно происходят ритмические колебания климата, амплитуда которых только для летнего периода порой достигает 8–90°C. Эти колебания зависят от космических, глобальных и региональных природных факторов. Отмечена асинхронность (разновременность) климатических изменений в разных полярных регионах. Так, наибольшее потепление в европейской части Арктики происходило 5500–6500 лет назад, в азиатской Арктике – 8700–10000 лет назад. За длительный период своего существования население и биота Арктики не раз переживали периоды потепления и похолодания (так называемые малые ледниковые периоды) (Богословская и др., 2007, с.329–332).

И сейчас Арктика остается одним из наиболее чувствительных к изменению климата регионов, «своего рода градусник, который показывает, насколько Земля больна» (Сабов, Комоцкий, 2004). Здесь потепление наиболее заметно зимой, но при этом растет и повторяемость экстремально высоких температур (Международная рабочая встреча..., 2009). Именно здесь его изменения встречаются чаще и происходят быстрее, чем в других регионах, а, по прогнозам, скорость этих изменений и их частота будут только возрастать. Это происходит главным образом из-за механизмов обратной связи, обусловленных сокращением площади ледяного и снежного покрова. Негативные процессы в Арктике, связанные с глобальным потеплением, оказывают большое влияние на остальную планету.

В последние несколько десятилетий среднегодовая температура за счет повышения среднезимних температур в Арктике росла в два раза быстрее, чем в остальном мире, вызывая повсеместное таяние морского льда, вечной мерзлоты и сокращение снежного покрова. В результате этих изменений происходят сокращение площади морских льдов и их средней толщины, таяние вечной мерзлоты, границы лесной зоны перемещаются к

северу, увеличивается риск других изменений, в т. ч. на уровне экосистем.

По наблюдениям российских экологов, изменения климата и ледовых условий в прошлом и теперь значительно варьируют в разных полярных секторах. Порой сравнительно быстрые и резкие региональные изменения температуры воздуха и ледовитости морей по своему размаху намного перекрывают такие же общепланетарные процессы, которые протекают гораздо медленней. Кроме того, колебания температуры воздуха могут иметь противоположно направленные векторы даже в соседних арктических районах (Богословская и др., 2007, с. 329–332).

Наиболее заметные изменения происходят в регионе Берингова пролива. Рост среднегодовых температур усилился здесь в последние два–три десятилетия, – температура поднялась более чем на 2°С. Особенно явственно этот процесс проявляется на Чукотском полуострове и прибрежных территориях Аляски. Соответственно этому заметно понизился уровень ледовитости Берингова и Чукотского морей (Богословская и др., 2007, с. 329–332). На Аляске, в Западной Канаде и Восточной России средняя температура в зимний период за последние 50 лет поднялась на 3–4°С и в ближайшие 100 лет, по прогнозам, увеличится еще на 4–7°С (<http://russian.usinfo...>).

Анализ данных, собранных за долгие годы наблюдений, показывает, что температура, например, в континентальных районах Евразии постепенно растет (прежде всего потому, что менее холодными становятся зимы). За последние 100 лет прирост температуры на территории России составил 1°С, а за последние 10 лет температура воздуха возросла на 0,4°С (О комплексном подходе..., 2008). В северном регионе темпы роста средней температуры вдвое выше (Акимов, 2008). Наблюдается постоянное повышение среднегодовых температур. Средняя температура воздуха в Якутске с 1830 по 1995 гг., увеличилась на 2,4°. Особенно быстро менялся климат в последние десятилетия. В 1965–1995 гг. среднегодовая температура воздуха на севере России возросла на 0,4–1,8°. Скорость повышения температуры составила, например, в Якутии 0,01–0,08° в год, а на севере Западной Сибири – 0,03–0,07° в год (Голяндин, 2006). Важно отметить, что потепление во многих районах российской Севера идет, как правило, за счет зимних температур.

В прогнозах, составленных на XXI в., предполагается, что средние температуры в Арктике возрастут к концу столетия на 4–7°C, а это значит регион прогреется сильнее, чем другие области планеты (Грудинкин, 2006). На северных территориях России 2010 г. средняя годовая температура может подняться от 1,8 до 4°C (Природные катастрофы..., 2008), а к 2015 – ожидается повышение температуры воздуха зимой на 1°C, а летом – на 0,4°C (Акимов, 2008). Изменения летней температуры воздуха в Якутске, Туре и Жиганске к 2020 г. составят от -3,8 до +2,7°C (Влияние глобальных..., 2008).

Общий объем льда в Арктике, равный примерно 3,1 млн. куб. км, с 1960-х гг. начал быстро снижаться. Одновременно увеличилось количество талой воды, текущей в океан. За последние тридцать лет, площадь ледяного покрова Арктики сократилась примерно на 15–20% (Грудинкин, 2006). К середине века прогнозируется уменьшение арктических льдов на треть (Влияние глобальных..., 1988). По прогнозам, к концу нынешнего века арктические летние морские льды уменьшатся как минимум на 50%, причем некоторые модели развития событий показывают почти полное их исчезновение. Относительная скорость сокращения протяженности сентябрьских льдов за 1996–2007 гг., исходя из оценок, сделанных по трендам, составила в Северном полушарии 3,2 % в год, а в сибирских морях – 7,7 % в год (Доклад об особенностях..., 2007).

Натиск океанских вод заставляет отступать береговую линию со средней скоростью 20–60 см в год. Главными факторами, определяющими многолетние вариации темпов разрушения арктических берегов, являются температура летнего сезона и энергия волнового воздействия. Темпы отступления арктических берегов России, протяженность которых – 50 тыс. км, значительно превышают эти показатели. Объяснение можно найти в том, что подавляющая часть береговой линии (до 56%) приходится на моря Северного Ледовитого океана, часть из которых представлена вечномерзлыми ледовыми комплексами, озерами, образовавшимися в результате термокарстовых процессов. Поэтому разрушение таких берегов связано не только с повышением уровня океана, активностью волн и прибоем, но и с оттаиванием мерзлых пород. Таяние ледяных жил и линз, пронизывающих вечномерзлые породы, приводит к развитию обваливания, осыпания и сползания

морских берегов. В Карском море средняя скорость наступления моря доходит до 2 м в год на побережье Югорского п-ова и Зап. Ямала, и около полуметра – в Обской губе и Енисейском заливе. В восточном секторе российской Арктики средняя скорость отступления берегов моря Лаптевых составляет 3,8 м в год, Восточносибирского и Чукотского морей, соответственно, – 3,4 и 2 м год, на отдельных участках – 15 м в год. Максимальные темпы разрушения побережья восточных арктических морей (от 5 до 15 м в год) ожидаются в 2040–2045 гг. (Глобальное потепление разрушает..., <http://>). Эрозия почвы грозит неприятностями для жителей побережья. Эксперты, работающие в канадских парках, говорят о затоплении и эрозии в Нунавутском Национальном парке, которые связаны с юньским наводнением, затронувшим близлежащую деревню Пангниртунг (CBC News, 2008).

Особую тревогу специалистов вызывает состояние вечной мерзлоты, составляющей две трети поверхности суши на российском Севере. Потепление вызывает таяние вечной мерзлоты, в результате чего в атмосферу попадет огромное количество метана (Белым медведям грозит..., 2005), что значительно ускорит глобальное потепление, т. к. является более сильным «катализатором» процесса, чем углекислый газ (МЧС, 2008). Поваленные опоры, разбитые шоссе и стоки – все это видимые признаки таяния вечной мерзлоты. Когда эта замороженная почва оттаивает, она освобождает углекислый газ, метан и другие парниковые газы, поскольку на органическом материале начинают бурно разрастаться микробы, в этом проявляется потенциально мощное изменение климата, не поддающееся контролю (Scientific American, 2008).

Деградация мерзлоты на побережье Карского моря может привести к значительному усилению береговой эрозии, за счет которой берег отступает ежегодно на 2–4 м (Анисимов, Лавров, 2004). Это означает, что существует значительная опасность для населенных пунктов Ямала и Таймыра, расположенных на побережье этого моря и на других прибрежных низменных территориях.

Уже в настоящее время в Западной Сибири отмечается интенсивное оттаивание мерзлых пород (до 4 см/год). В течение 20–25 лет ожидается, что граница криолитозоны в Западной Сибири сдвинется на север на 30–80 км, а на островах – до 200 км. К 2050 г. зона вечной мерзлоты сдвинется на 150–200 км (Акимов, 2008).

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

К середине XXI века приповерхностная температура многолетней мерзлоты возрастет на территории Западной Сибири и Якутии на $1,5-2,0^{\circ}$, на Чукотке и в северных регионах Дальнего Востока на $1,0-2,0^{\circ}$ (Израэль и др., 2006, с. 27–38). В западном секторе российской Арктики также происходит повышение температур, но не столь выраженное, как на востоке (Влияние глобальных..., 1988).

Мерзлотные почвы пропитаны льдом. Иногда лед составляет до 90% объема мерзлых пород. Их оттаивание будет сопровождаться просадками земной поверхности. На месте мерзлоты появятся рытвины, заполненные водой, обширные территории превратятся в болота, непроходимые топи образуются прямо посреди лесов. В условиях уменьшения глубины и сокращения периода промерзания почвы и грунта будут повышаться уровни грунтовых вод, что может привести к подтоплению обширных районов. В городах и поселках начнется массовое разрушение зданий и инженерных сооружений, возведенных на мерзлом грунте (Акимов, 2008; Голяндин, 2006). Индекс геокриологической опасности, используемый для оценки риска повреждения сооружений на вечной мерзлоте, наиболее высок на Чукот-

Рис. 1. Из-за глобального потепления подтаяла вечная мерзлота и грунт не выдержал тяжести здания в российском городе Воркута (Моисеенко, 2007).

ке, побережье Карского моря, Новой Земле, севере европейской части России.

Уже сейчас на всех северных территориях России произошли изменения в объектах инфраструктуры и пятая часть всех аварий, которые происходят в северных территориях, связана с механическим воздействием из-за глобального потепления (Природны катастрофы..., 2008).

Могут появиться «климатические беженцы» из-за невозможности проживания в разрушающемся жилье. Такие прецеденты уже описаны для арктических территорий США (пос. Шишмарев) и Канады (Туктояктук). Разрушение береговой зоны уже стало проблемой и для жителей поселения Инупиат и на о-ве Сарычев (Влияние глобальных..., 2008).

Будут усиливаться различные неблагоприятные и опасные процессы, такие как оползни на оттаивающих склонах и медленное течение талого грунта (солифлюкция), а также значительные просадки поверхности за счет уплотнения грунта и его выноса с тальми водами (термокарст). Колебания почвы приведут к многочисленным авариям на нефтепроводах и буровых установках. Станет невозможным использовать зимники, а значит, северные регионы, например, в России, окажутся отрезанными от Большой земли, – других дорог в этих краях нет (Акимов, 2008).

Ожидается сокращение периода ледостава на сибирских реках до 15–27 суток с одновременным уменьшением максимальной толщины льда на 20–40%, а также значительные изменения в сроках и процессах замерзания и вскрытия рек и водоемов. С одной стороны, эти изменения будут способствовать заметному продлению времени речного судоходства, а с другой – сократят период и возможности доставки грузов в труднодоступные районы по зимним автомобильным трассам, которые прокладываются по замерзшим руслам больших рек. Эти вызывает большие проблемы для Сибирского и Дальневосточного федеральных округов РФ и Якутии, Магаданской области и Чукотского автономного округа (Акимов, 2008).

Ситуация будет усугубляться с увеличением количества атмосферных осадков (на 10–15%), что усилит оттаивание почвы. Увеличение осадков и стока северных рек приведет к повышению мощности весенних паводков, создаст новые проблемы по защите населения и территорий от наводнений, число которых возрастет и они станут сопровождаться разрушениями инфраструктуры по

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

берегам сибирских и северных рек. С потеплением увеличивается влажность климата, соответственно, в зимний период будет быстрее накапливаться масса снега, что также грозит усилением весеннего половодья (Акимов, 200; Голяндин, 2006).

Изменение климата нанесет серьезный вред археологическим памятникам, в частности в Канаде и России, и оказать крайне негативное влияние на состояние 830 заповедников и памятников культуры, объявленных ЮНЕСКО объектами мирового культурного и природного наследия (Последствия изменения климата..., 2007).

Одним из тяжелейших ожидаемых последствий глобального потепления является изменение санитарно-эпидемиологической и санитарно-эпизоотической обстановок в арктическом регионе России (Влияние глобальных..., 2008). Крупные наводнения представляют значительную опасность для систем жизнеобеспечения населенных пунктов, что, соответственно, может создавать угрозу обеспечению эпидемиологической безопасности (Влияние глобальных..., 2008). Продвижение тайги на север, с эпидемиологической точки зрения, означает возможность расширения ареалов ряда видов грызунов, являющихся переносчиками инфекций. Изменения циркуляции воды и увеличение ее температуры создают благоприятные условия для инфицирования морских животных и рыбы (Анисимов и др., 2004). Учащение таких природных явлений, как сильные метели и морозы, снежные лавины, половодье, наводнения, приведут к росту травм, смертельных исходов, посттравматических шоков и др. Кроме того, возможны и длительные психические нарушения у людей, попавших в экстремальные погодные условия. Потепление климата может стать причиной дальнейшего ухудшения качества питьевой воды в Арктическом регионе в т. ч. за счет того, что часть источников питьевой воды может быть залита морской водой (Влияние глобальных..., 2008).

Потепление климата уже оказывает определенное влияние на уровень инфекционной заболеваемости населения. Причины этого явления разнообразны: смещение границы леса к северу, что вызвало расширение ареала возбудителей и переносчиков инфекционных заболеваний, передающихся с укусом клеща; увеличение случаев заболеваний морских млекопитающих, птиц, рыб и моллюсков и дальнейшего заражения людей (Climate Change, 2007; Влияние глобальных..., 2008).

Многие зоонозы в настоящее время распространены среди арктических видов-хозяев (например, бешенство у лисиц, бруцеллез у копытных, лисиц и медведей, эхинококк у грызунов и собак). Распространение этих заболеваний возможно при передвижении популяций животных на север. Другая причина возможного расширения ареала инфекционных заболеваний – это изменение путей миграции птиц. В Арктику стали прилетать «экзотические» азиатские виды, которые могут быть переносчиками тропических лихорадок. Внедрение конкурирующих видов, как и заболевания существующих видов, может стать катастрофическим для рыбаков и местных жителей (Влияние глобальных..., 2008).

В Арктике распространение ботулизма связано с тем, что аборигены Севера хранят оленья мясо в ямах в условиях вечной мерзлоты. При потеплении возможно инфицирование этого мяса и тех, кто его потребляет.

Изменения климата в Арктике могут повышать риск особо опасных инфекций не только за счет расширения ареала носителей инфекционных возбудителей и улучшения условий их перезимовки, благодаря повышению зимних температур и толщине снежного покрова. Большую опасность может представлять возвращение в экосистемы возбудителей особо опасных инфекций XVIII–XIX вв. вследствие оттаивания многолетней мерзлоты в местах захоронений погибших от них людей, а также палеомикроорганизмов, содержащихся в останках мамонтовой фауны в слое многолетнемерзлых грунтов.

Например, в начале 1990-х гг. в районе п. Походск в низовьях р. Колымы были обнаружены обнажения старого кладбища на берегу озера недалеко от протоки Походской, в котором были групповые захоронения людей, умерших в 1884–1885 гг. от натуральной оспы. Известно, что во второй половине XIX в. эпидемия этого заболевания в Колымском округе привела к гибели 2/5 населения. На реке Индигирка почти полностью вымерло население города Зашиверск. Результаты исследований показывают, что в условиях вечной мерзлоты в тканях умерших от оспы людей могут сохраняться жизнеспособные вирусы. Об этом говорит и изучение штаммов вируса, хранившихся в течение 26 лет в Национальной коллекции страны и оказавшихся жизнеспособными (цит. по: Эпидемиологический надзор..., 2000).

Глобальное потепление может вызвать на Севере России необратимые последствия, о которых рассказал на «круглом столе» в Совете Федерации в мае 2008 г. первый замминистра МЧС РФ Р. Цаликов (МЧС, 2008). К 2030 г. разрушения, связанные с глобальным потеплением, могут стать катастрофическими: стране грозит радиоактивное заражение, масштабные выбросы метана и разгерметизация скотомогильников. Происходящие климатические изменения скажутся на распределении и доступности чистой питьевой воды, участятся аварии на объектах инфраструктуры, станут более частыми и сильными наводнения, лесные пожары, усилятся штормовая активность, а также эрозия берегов. Могут проявиться такие погодные явления, которые были не характерны для северных территорий – град, бури и даже торнадо (Амелина, 2008). Чаще станут возникать ураганы и смерчи. Катастрофические масштабы принимает таяние ледников в Арктике и это представляет угрозу для жизни коренных народов. Продолжающийся процесс потепления обусловит и усиление различных опасных явлений, увеличение количества чрезвычайных ситуаций. Как отметил Р. Цаликов, глобальное потепление создает для северных территорий новые ситуации, и новые угрозы, требующие принятия комплексных государственных мер. Арктика – это своего рода система раннего предупреждения для всего остального мира (О комплексном подходе..., [http](#):).

* * *

Арктические экосистемы в силу своей неустойчивости в первую очередь ощущают на себе изменения, проявляющиеся в резких колебаниях численности их обитателей (GEO-4; Report of the Eighth Meeting..., 2006). Этим колебаниям наиболее подвержена земная подсистема, менее – пресноводная и морская из-за различий в характере, функционировании и развитии всех трех арктических экосистем.

Результаты модельных расчетов свидетельствуют, что зона тайги, по большей части, сдвинется к северу на 100–200 км. Продвигаясь дальше на север и выше в горы, тайга будет замещать большую часть существующей тундры, а тундра будет распространяться на территорию полярных пустынь (Энергетика и окружающая среда..., 2005). Фотосъемка со спутников национального парка в западной Арктике, наглядно демонстрирует

постепенное передвижение растительности из южной Канады в тундру в связи с изменением климата, изменяя северную экосистему (CBC News, 2008). Это приведет к тому, что более богатая растительность будет способствовать увеличению поглощения углерода. Однако предполагается, что снижение отражательной способности земной поверхности перекроет этот эффект и приведет к дальнейшему потеплению. Быстрое изменение климата ведет к устойчивым сдвигам параметров термических условий и увлажнения, а также к росту числа лесных пожаров, а их интенсивность и продолжительность возрастет. Площадь северных лесов, сгорающих ежегодно в западной части Северной Америки, уже удвоилась за последние 20 лет (GEO-4; Report of the Eighth Meeting..., 2006). В России к 2015 г. число дней с пожароопасной обстановкой увеличится в среднем на 5 дней, а на юге Ханты-Мансийского автономного округа и в Республике Саха (Якутия) до 7 дней, что приведет к изменению числа и площади лесных пожаров и степени их воздействия на лесные экосистемы. Повышение температуры воздуха и его загрязнение приведут также к деградации растительности и лесов, что может обусловить разрушение водоразделов. Повышение температуры воздуха и влажности увеличат восприимчивость и заражение лесов насекомыми и различными болезнями, что приведет к их значительным потерям (Акимов, 2008).

Северные олени, карibu и лоси, от которых зависит жизнь коренных северных народов, умирают от голода, когда на покрытые снегом земли Скандинавии, Канады или Аляски проливается дождь. Он способствует образованию толстого слоя льда между почвой и снежным покровом, мешая копытным животным добраться до растительности. Кроме того, лед нагревает почву, способствуя росту болезнетворных грибков и плесеней. Животные держатся подальше от зараженных территорий, что меняет направления их миграций, а соответственно и маршруты аборигенов-охотников. Результаты проведенного моделирования показали, что будущие изменения климата способны вызвать распространение более теплых и влажных зим и, соответственно, сделать выпадение дождей на покрытые снегом территории более частым явлением. Причем территория, на которую распространится этот пессимистический прогноз, по всей вероятности, увеличится на 40%, захватив часть Канады, Скандинавии и запада

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

России. А именно эти места являются основным местом обитания северных оленей и карibu (США: глобальное потепление..., 2003). Из-за недостатка пищи, исчезновения привычной среды обитания, уменьшения традиционных территорий размножения и изменения миграционных путей северные олени и другие сухопутные представители арктической фауны окажутся под угрозой исчезновения. Сейчас в тундрах России насчитывается около 2 млн. домашних оленей (80% мирового поголовья) и 1 млн. диких северных оленей (40% мирового поголовья). По биосферной значимости стада российских оленей ни в чем не уступают всемирно известным популяциям крупных травоядных национальных парков Африки (Голубчиков, 2007).

Исследования норвежских и французских ученых подтверждают, что глобальное потепление угрожает популяции леммингов, являющейся важным пищевым звеном всей сухопутной полярной экосистемы. Уменьшение численности леммингов может объяснить резкое сокращение популяций животных, стоящих на более высокой ступени пищевой цепи, в частности, песца и белой совы. Ученые отмечают, что снежный покров обеспечивает леммингов теплом, а также защищает их от хищников, что необходимо при выращивании молодняка, а внесезонный рост температуры и влажности уменьшает снежный покров и угрожает местам обитания леммингов (Потепление климата угрожает... 2008). Исследования в Прадхо Бэй показали, что изменение среды обитания, в частности высыхание некоторых влажных тундр, негативно скажется на популяции гагар, их выживании и размножении (Kertell, 1996, p. 356–366). Ученые обнаружили, что песцы (Arctic foxes) также сталкиваются с трудностями, когда исчезает лед, потому что они зависят от скованной морозом поверхности моря, чтобы пережить суровые зимы (The Guardian, 2008).

Изменения в основе пищевой цепочки будут иметь далеко идущие последствия, влияя на жизнь в озерах и вокруг них. Хотя усиление ультрафиолетового лучевого воздействия затрагивает обе полярные области, в наибольшей опасности – арктическая, – из-за наличия обширных территорий заболоченных земель, пакового льда и прозрачных мелких озер и водоемов, куда проникает больше ультрафиолетового излучения. Исследования показали вредное воздействие этих лучей на пресноводные организмы на всех трофических уровнях, и этот эффект способен передавать-

ся по пищевой цепочке. Повышенный уровень ультрафиолетового излучения может нарушить фотосинтез у растений, а также привести к нарушениям функций организма на ранних стадиях жизненного цикла у рыб и амфибий (Энергетика и окружающая среда..., 2005). Беспозвоночные пресноводные животные Севера, особенно зоопланктон, уже страдают от ультрафиолетового облучения, что затрагивает процесс их воспроизводства. Запасы антарктического криля (*Euphausia superba*) быстро сокращаются. Полагают, что непосредственной причиной этого является чрезмерный коммерческий промысел, однако картина осложняется двумя дополнительными факторами, влияющими на динамику популяций криля, – изменениями в сезонном распространении морских льдов и увеличением интенсивности ультрафиолетовой радиации. Как показали наблюдения в течение нескольких сезонов, снижение запасов криля неблагоприятно отражается на темпах размножения птиц, тюленей и китообразных Арктики, что, в свою очередь, вызывает серьезное беспокойство по поводу выживания популяций хищников, занимающих более высокие уровни пищевых цепей (IMAGE 2.2). Тихоокеанские моллюски – мидии и улитки, – начинают массовое вторжение в Северную Атлантику, поскольку экологические условия обоих океанов изменяются в связи с исчезновением морского льда в высоких широтах в результате потепления климата (San Francisco Chronicle, 2008).

Однако некоторые организмы достаточно терпимы к нему и могут восстанавливать повреждения, нанесенные им, или развивать защитные механизмы (GEO-4; Perin, Lean, 2004, p. 1–70; Zellmer, 1998, p. 55–62). Анализ водорослей в арктических озерах севернее 55-й параллели показал сильные изменения водно-температурного режима во многих из них за прошедшие 150 лет. Озера стали более производительными и наблюдается увеличение числа разновидностей водорослей в мелких водоемах.

Однако из-за опреснения воды, вследствие таяния льдов, могут погибнуть многие виды морских обитателей. Среди них ценные промысловые рыбы – треска, пикша, камбала. А лососевые, которые способны жить и в соленой и в пресной воде, могут размножаться только в чистых, насыщенных кислородом реках. Чем теплей вода, тем меньше в ней кислорода. Повышение температуры приведет к исчезновению семги, горбуши, кеты (Потепление нам поможет?... , 2005).

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Таяние льдов угрожает гибелью 600-м миллионам птиц, которых сейчас кормит Арктика (Нас ждет новый..., <http://>). Численность канадской популяции чайки, которая круглый год живет на кромке льда, снизилась на 80%. Утончение льда может также негативно отразиться на хохлачах и гренландских тюленях, которым лед нужен для разведения потомства (Арктический лед..., 2003).

В связи с потеплением климата произошли резкие и неблагоприятные изменения условий жизни морских животных. Из-за изменения климата страдают киты. Японские ученые, измерив тела более 4500 животных, которые были добыты с конца 1980-х, когда Япония запустила свою программу охоты на китов, установили, что их вес и размеры стали меньше (The Telegraph, 2008).

Особенно катастрофично положение тихоокеанского моржа. Изменение климата приводит к тому, что в летнее время Чукотское и Восточно-Сибирское моря освобождаются ото льда. Моржи на пути от северной кромки дрейфующих льдов к побережью преодолевают сотни километров по открытой воде, не имея возможности отдохнуть на льдинах. Поэтому животные вынуждены пользоваться береговыми лежбищами. Например, впервые за всю историю наблюдений на мысе Кожевникова рядом с пос. Рыркайпий в октябре 2007 г. образовалось крупнейшее на российском арктическом побережье лежбище моржей – 40 тыс. особей ([www.regnum.ru/...](http://www.regnum.ru/)). Однако местное население не было подготовлено к этой ситуации – люди подходили очень близко к моржам, фотографировались на их фоне и в итоге спугивали животных. Появились и браконьеры, которые специально устраивали давки на лежбище и потом вырывали клыки у раздавленных животных (Богословская и др., 2007, с. 329–332).

Кроме моржей в угнетенном состоянии находятся еще два вида животных, взятые под международную охрану и внесенные в Красную книгу России, – белый медведь и сивуч. Белый медведь является особо охраняемым видом уже несколько десятков лет, а сивуч стал таковым сравнительно недавно в связи с резким сокращением численности вида по всему своему ареалу. В еще более тяжелом положении находится полосатый тюлень (крылатка), который является исключительно ледовым видом. Из-за сокращения ледового покрытия в Беринговом море этот зверь лишился южных районов своего ареала, куда откочевывал на зиму (Богословская и др., 2007, с. 329–332).

Белые медведи зависят от морского льда для охоты и используют ледяные коридоры, чтобы двигаться из одной области в другую. Эти животные, живя в основном на морских льдинах, там же и охотятся на тюленей – свою основную добычу. Когда площадь арктического льда уменьшилась до самого низкого уровня за последние сто лет, медведям пришлось проплывать большие расстояния, чтобы добраться до тюленей, которые остаются ближе к берегу, что ведет к потере ими жировых накоплений, необходимых для зимовки (Арктический лед, ..., 2003). Девять белых медведей были обнаружены плывущими на расстоянии от 20 до 100 км от северо-западного побережья Аляски. Это подтверждает, что быстрое отступление льда в Арктике вынуждает медведей осуществлять опасные дальние плавания, чтобы добраться до земли или льда (Edmonton Journal, 2008).

Изменения климата привели к тому, что белые медведи все чаще появляются у прибрежных поселков и чаще сталкиваются с людьми. Отступление морского льда привело к тому, что медведи оказались дальше от естественных источников пищи. «Нормальный ареал обитания белых медведей сокращается <...> Они приходят на берег в поисках еды, а основные источники пищи находятся там, где живут люди» (Майерс, 2007). Потеря медведями естественной среды обитания сделала незаконную охоту на них проще. В то же время, изменение природных условий не только поставило под угрозу выживание медведей, но и значительно повлияло на жизнь коренного населения. С 2003 г. на Чукотке стало больше погибать людей при встрече с ними. Снижение популяции медведей приведет соответственно к уменьшению пищи для тех, кто охотится на этих животных. Проблемы возникнут и у канадских эскимосов, и у народов саами в Скандинавии (Белым медведям грозит... 2005).

В Арктике и субарктических регионах уже происходят и будут ускоряться процессы изменения экосистем (Ветвинский, 2007). Изменяются ареалы, распространение и видовой состав животного мира, а некоторые исчезнут вовсе (Кисарев, 2007). Таяние арктических льдов и потепление климата ведут к полнейшему разрушению морских, земных и пресноводных экосистем и пищевых цепочек. Белые медведи, тюлени и другие обитатели ледяных просторов, видимо, не смогут приспособиться к новым условиям и вымрут (Рим, Париж и Петербург, 2004). Сокраще-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

ние в океанах под воздействием различных факторов количества планктона, служащего базовым элементом в морской пищевой цепочке, также неизбежно коснется и полярных медведей и тюленей (Глобальное потепление уничтожит..., 2007). Таким образом, Арктику ожидает стремительное сокращение популяций видов-эндемиков, нарушение пищевых цепей и ослабление генфонда дикой фауны в результате деградации и фрагментации мест обитания. Есть также сведения о широком распространении таких последствий воздействия потепления на сухопутных животных, как рост частоты иммунодефицита у белых медведей, репродуктивные поломки у полярных птиц, например, исчезновение яичной скорлупы у чаек и утончение ее у сокола-сапсана (Глобальное потепление уничтожит..., 2007; AMAP Assessment, 2004). Освободившиеся экологические ниши будут заполняться видами, чуждыми местным экосистемам, но экологически более агрессивными и более приспособленными к выживанию в условиях климатического потепления. Из-за миграции новых видов появится опасность проникновения новых заболеваний, которые будут передаваться от животных к человеку. Однако из-за загрязнения окружающей среды отходами и новым видам будет трудно приспособиться к новым условиям. Варварская охота станет дополнительным фактором, приводящим к еще большему сокращению популяций некоторых видов животных до экологически неустойчивого уровня (IMAGE 2.2).

* * *

Многие коренные народы зависят от охоты на белых медведей, моржей, тюленей и карibu, разведения северных оленей, рыболовства и собирательства не только как источников пищи, но и как элементов культуры и средств самоидентификации.

Потепление климата и связанное с этим удлинение сезона, в течение которого море не покрывается льдом, уменьшение поверхности и толщи морского льда, изменения миграционных путей диких оленей и их кормовой базы, падение поголовья морских животных может привести к сокращению традиционных промыслов. Это, в свою очередь, приведет к нарушению традиционного питания. Негативные последствия потепления климата, которые проявляются в уменьшении толщины и более раннем вскрытии морского льда затрудняют охоту и ведут к увеличению

числа случаев травматизма, который и без того является причиной значительного числа смертей среди коренных народов Севера (Влияние глобальных..., 2008).

Изменение климата бросает серьезный вызов здоровью и продовольственной безопасности коренных народов Севера, оказывая негативное воздействие на их хозяйство и культурные традиции (Влияние глобальных..., 2008), и ставит под вопрос само выживание этнокультур (<http://russian.usinfo...>). Разрушение традиционной экосистемы, а также изменения в культурном укладе и экономике могут обострить социальную напряженность в северных регионах (Влияние глобальных..., 2008).

Аборигены Севера в меняющейся экосистеме

Глобальное изменение климата стало дополнительной нагрузкой для страдающих от промышленного загрязнения регионов Севера. Индустриальное развитие, особенно растущая потребность в источниках энергии, наряду с изменением климата, загрязнением окружающей среды и другими новыми проблемами – комплексно и агрессивно давит на полярные экосистемы.

У северных народов адаптация всегда осложнялась суровостью природных условий и мйньшим, чем в умеренных широтах, и особенно в тропиках, разнообразием пищевых ресурсов. Поэтому они должны были особенно тщательно приспосабливать свою деятельность к экологическим нишам, которые занимали. В то же время арктические объединения, стремящиеся поддерживать и адаптировать традиционный образ жизни, являются особенно уязвимыми к изменению окружающей среды. Аборигенами Севера было разработано много видов техники охоты, при которых используются детальные знания о местных природных условиях и поведении животных. Отношения с окружающей средой, в которые вступали аборигенные народы, играли важную роль не только в их общем благосостоянии, но и в их идентичности.

Одной из важнейших составных частей социокультурной адаптации эскимосов к природным условиям Севера стало приспособление их хозяйственной деятельности к природным особенностям приполярных тундр и полярных морей (Birch, 1980, p. 275). Традиционными занятиями эскимосов были охота на морского зверя, охота на оленя-карибу и рыболовство – морское, озерное и речное. Основные виды морского зверобойного промыс-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

ла, сухопутной охоты и рыбной ловли были сходны в различных районах Севера – от Чукотки до Гренландии, но предпочтение того или иного приема зверобойного промысла, охоты на карибу и рыболовства, а также распределение типов охоты по временам года и видам животных заметно отличались у отдельных эскимосских групп (Файнберг, 1991).

Для северных индейцев-атапасков также было типично большое разнообразие форм адаптации к микроэкологическим нишам. В соответствии с особенностями природных условий не только технология, но и формы их социальных связей варьировали от района к району, от сезона к сезону (Van Stone, 1974, p.122).

В первой половине XX в. изменения в этноэкологических системах Севера были далеко не столь масштабны и глубоки, как те, чей черед наступил в послевоенные годы и особенно в последние десятилетия (Файнберг, 1991). До первой половины XX в. экологические изменения происходили постепенно и обуславливались преимущественно природными явлениями. В настоящее время в связи с возрастанием загрязнения Арктики и глобальными климатическими изменениями экологические проблемы стали резко обостряться. Возникла серьезная угроза для весьма ранимых и обладающих низкой способностью к самовосстановлению экосистем этого региона.

Деятельность аборигенов Севера почти не вносит изменений в экосистемы их мест обитания. Они уже испытывают его эффект. По существу «экспортируют» условия для изменения климата в Арктике страны, осуществляющие выбросы в атмосферу. От них в первую очередь страдают коренные народы, хотя и составляют незначительную долю населения всего региона, но формирующие основные группы населения во многих его частях.

* * *

Места обитания аборигенов Севера, как правило, мало заселенные и необжитые, а их образ жизни и сегодня в значительной степени зависит от природных ресурсов. В XX в. они пережили серьезные, а главное – быстрые, изменения своих обществ, языков и культур, которые происходят и сегодня, – продолжают попытки использовать современные инфраструктуры и для индивидуального выживания, и для развития своих общин. Между аборигенами Севера и другими жителями метрополий все еще сохраняются значительные расхождения в показателях (и не

в пользу первых) в таких областях, как здоровье, образование, обеспеченность жильем, преступность, занятость и доходы (From impacts to adaptation, 2007, p. 106).

Инуитов Канады приблизительно 53,4 тыс. чел., живут они в пос. Инувиалуит на побережье моря Бьюфорта; Китикмеот, Кивалик и Кикиктани – в Нунавуте; Нунавик – в Северном Квебеке; Нунатсиавут – в Северном Лабрадоре. Инуитская культура имеет свои особенности, которые отличают ее от других аборигенных народов Канады и сильно влияют на их зависимость от изменяющихся природных условий (From impacts to adaptation, 2007, p. 105–106). Большая часть инуитских общин расселена на Арктическом или Атлантическом побережьях в построенных для них в последние 50–60 лет поселках. До переселения в поселки инуиты были в значительной степени кочевниками, следовавшими за мигрирующими животными и жившими по всей Арктике в разбросанных охотничьих лагерях.

На арктической и субарктической территории России проживает четыре десятка небольших этнических общностей (около 160 тыс. чел.), официально называющихся «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока».* Из них примерно 91 тыс. живет севернее Полярного круга и еще около 70 тыс. на субарктических территориях – севернее 60-й широты.

Пока Север страны заселен очень слабо. Плотность населения на огромных территориях, занятых тундрой, лесотундрой и тайгой составляет менее одного человека на квадратный километр. В Корякии и на Чукотке этот показатель равен 0,1–0,2, а в Эвенкии и на Таймыре – 0,03–0,06 чел. на квадратный километр (Голяндин, 2006).

* В России законодательно (Указ Президента РФ от 24.01.1992 № 46) определены районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории. Согласно официальным данным, к районам Крайнего Севера относятся Мурманская область, Ненецкий АО, в Республике Карелия – город Костомукша и 4 района, в республике Коми – города Воркута, Инта и 4 района, Ямало-Ненецкий АО, Таймырский АО (города Норильск и Игарка), Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский АО, 2 района Хабаровского края, 5 северных районов Сахалинской области и 2 района республики Тыва. К субарктическому региону, находящемуся вблизи Арктики, относятся Архангельская область (кроме Ненецкого АО), Республика Коми (кроме города Воркута), Ханты-Мансийский АО, город Енисейск, Енисейский район, Северо-Енисейский район и Туруханский район Красноярского края, Эвенкийский АО, южные районы Республики Саха (Якутия), Охотский район Хабаровского края.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Коренные малочисленные народы Севера почти на три четверти сельские жители (а в Арктической зоне – 80%). Они расселены на огромных территориях и значительно отличаются друг от друга не только своими культурами, но и социально-экономическими и демографическими параметрами.

Таблица 1

**Население коренных малочисленных народов Севера
(по переписи 2002 г.) (**)**

Арктика (А) Субарктика (СА)	Численность коренных малочисленных народов Севера	Арктика (А) Субарктика (СА)	Численность коренных малочисленных народов Севера
Арктика и Субарктика	158 818, в т.ч. в Арктической части: 91 222	Норильск – 3 района	1254
Мурманская область (А)	1995	Таймырский АО (А)	9879
Архангельская область (без НАО) (СА)	625	Эвенкийский АО (А)	4078
Ненецкий АО (А)	7782	Республика Саха 13 северных улусов (А)	33 133 16 556
Республика Коми (СА) Воркута (А)	881 500	Хабаровский край, Охотский р-н (А)	1259
Ямало-Ненецкий АО (А)	37 287	Магаданская область (СА)	4995
Ханты- Мансийский АО (СА)	28 496	Корякский АО (СА)	10 239
		Чукотский АО (А)	16 865

** Цифровой материал, если не оговорено особо, взят из доклада ООН: Влияние глобальных..., 2008.

В последние десятилетия наблюдается прирост численности этой этнической группы за счет лиц смешанного происхождения, а именно между переписями 1979 и 1989 гг. и особенно – между переписями 1989 и 2002 гг., – в отличие от периодов 1959, 1970, 1979 гг., когда у коренных малочисленных народов Севера наблюдалась ассимиляционная убыль. Такие же процессы «дедемографического» прироста отмечены и у других коренных народов: индейцев США, в т.ч. у коренных жителей Аляски, аборигенов Австралии и т.п.

Рождаемость среди коренных малочисленных народов Севера снижается последние сорок лет, хотя пока и остается выше, чем в целом в России. Коэффициент суммарной рождаемости равен 2,2, то есть находится на грани простого воспроизводства (средний показатель по стране – 1,3). Среди разных народов Севера только у ненцев и чукчей этот показатель выше уровня, обеспечивающего простое воспроизводство, – 3,1 и 2,3 соответственно.

Самая большая медико-демографическая проблема – это высокая смертность и, соответственно, низкая ожидаемая продолжительность жизни. Разрыв между смертностью коренных северян и всего населения страны более, чем в 20 лет не сокращается.

Особенно интенсивно сокращается численность малых народов в Алтайском крае, Магаданской, Сахалинской, Томской областях, Чукотском автономном округе. В Чукотском АО численность населения сократилась в три раза по сравнению с 1990 г. Число умерших в 1,5 раза превышает число родившихся, а в некоторых регионах в два и более раз. Младенческая смертность в большинстве районов намного превышает среднероссийский уровень (<http://www.csipn.ru/news/2007/2007...>).

Сравнение причин смертности всего населения России и народов Севера показывает, что сверхвысокая доля смертей от внешних причин у северян составляет 36% при 15% в среднем по стране. Если уровень смертности от травм в России более чем вдвое превышает среднемировой уровень, то у народов Севера он почти вдвое превышает среднероссийский показатель. Уровень самоубийств среди них составил в 1998–2002 гг. более 100 на 100 тыс. (в РФ – 38), убийств – 70 (в РФ – 27). Показатель смертности от инфекционных болезней, в основном от туберкулеза, – 60 на 100 тыс. (в РФ – 23). Такой сверхвысокий уровень смертности у

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

коренных малочисленных народов Севера заставляет считать их демографическую ситуацию кризисной.

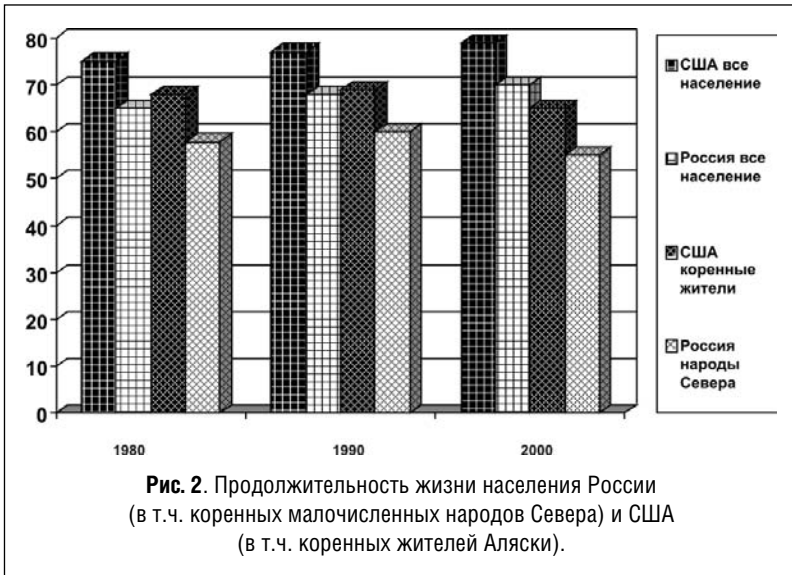
Индикатором, наиболее адекватно отражающим изменения смертности, является ожидаемая продолжительность жизни при рождении или при достижении определенного возраста. Тенденции ожидаемой продолжительности жизни при рождении населения арктических регионов во многом повторяют общероссийские, хотя в отдельные периоды отмечаются и противоположные.

В период с 1989 по 2006 гг. в большинстве арктических регионов, кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО, ожидаемая продолжительность жизни при рождении была ниже, чем по России в целом. Особенно низкие показатели отмечались в 2006 г. и у мужчин, и у женщин в Корякском АО, а также у мужчин – в Чукотском, а у женщин – в Ненецком АО. Напротив, с конца 1990-х гг. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, отличающихся более высоким уровнем социально-экономического развития, отмечался рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении, как у мужчин, так и у женщин. В России ситуация отличалась: в этот период, кроме 2006 г., отмечалось снижение ожидаемой продолжительности жизни. В результате с конца 1990-х гг. в этих округах при рождении ожидаемая продолжительность жизни стала выше, чем в целом по России. Например, в 2006 г. у мужчин – на 2,88–4,35 года, у женщин – на 1,44–0,06 года. Показатели динамики смертности населения в Эвенкийском и Таймырском АО весьма нестабильны, что объясняется малой численностью населения. Рис. 2. Продолжительность жизни населения России (в т.ч. коренных малочисленных народов Севера) и США (в т.ч. коренных жителей Аляски).

Таблица 2

Продолжительность жизни при рождении: все население и коренные малочисленные народы Севера России (КМНС) (лет).

	КМНС			Все население России			Отставание КМНС (лет)		
	1978-1979	1988-1989	1998-2002	1978-1979	1988-1989	1998-2002	1978-1979	1988-1989	1998-2002
Оба пола	49,1	59,4	54,8	67,7	69,3	65,7	18,6	10,0	10,9
Мужчины	44,3	54,0	49,1	61,7	64,5	59,6	17,4	10,5	10,5
Женщины	54,1	65,0	60,5	73,1	74,4	71,4	19,0	9,4	11,4

Смертность коренных малочисленных народов Севера в России больше, а продолжительность жизни меньше, чем у коренного населения зарубежного Севера. Такая ситуация вызвана сверхвысокой смертностью среди взрослых. При сравнении вероятности умереть в отдельных возрастных группах у разных коренных народностей показывает, что у народов Севера России она намного выше. Так, если среди инуитов – коренного населения Гренландии – до 60 лет доживают почти три четверти мужчин (74%) и 82% женщин, то среди коренных малочисленных народов Севера России – чуть более трети мужчин (37,8%) и менее двух третей женщин (62,2%). Те же показатели у всего населения России составляют 54% и 83%, а в Дании – 88% и 94% соответственно.

Одним из основных показателей степени развития региона является уровень младенческой смертности. В период с 1989 по 2007 гг. различные северные территории России довольно сильно различались по этим показателям. Для областей и республик, за исключением Республики Саха (Якутия), коэффициенты младенческой смертности по уровню и динамике изменений были сопоставимы с российскими. Для автономных округов, за исклю-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

чением Ханты-Мансийского, уровень младенческой смертности значительно выше, чем в целом по России. Но в последние годы наметилась тенденция к снижению этого показателя. Динамика показателей младенческой смертности весьма неустойчива, что объясняется относительно малым числом родившихся и умерших в течение года детей.

Таблица 3

Естественное движение КМНС России (на 1000 населения)

Периоды	Родившиеся живыми	Умершие	Естественный прирост	Младенческая смертность
1984–1988	30,2	10,5	19,7	41,1
1989–1993	25,7	10,8	14,8	30,4
1994–1998	19,8	12,6	7,2	32,5
1999–2002	17,6	11,7	5,9	27,6

Для северных регионов характерен повышенный уровень самоубийств. В целом по стране частота завершенных суицидов составляет 30 случаев на 100 тыс. чел. По этому показателю Россия занимает второе место в мире. Критический уровень суицидов, по оценке ВОЗ, составляет 20 случаев на 100 тыс. чел. В группу территорий, где отмечен наиболее высокий уровень самоубийств, из арктических районов входят Ненецкий и Корякский АО, при этом последний является абсолютным «чемпионом» по уровню суицидов – 133,6 случаев на 100 тыс. чел. Эта величина превышает средний показатель по стране почти в 5 раз.

По данным официальной медицинской статистики, в 2005–2006 гг. в большинстве арктических и субарктических территорий общее количество заболеваний взрослого населения превышало средние показатели по стране. Среди этих территорий выделяются Ненецкий и Корякский АО. Так, в Ненецком АО число впервые зарегистрированных заболеваний взрослых в два раза выше среднего уровня по стране, а накопленная заболеваемость – в 1,5 раза. Высокий уровень общей заболеваемости этой возрастной группы характерен и для Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Чукотского АО, Республики Коми, Магаданской области. На этих территориях среди взрослого населения также чаще регистрируются заболевания органов дыхания. В Ненецком, Корякском АО и на Чукотке заболеваемость таким тяжелым

заболеванием, как пневмония, выше среднего уровня по стране (Заболеваемость населения..., 2007), что, по-видимому, связано с недостатками медицинского обслуживания.

Одной из основных групп риска при изменении климата являются дети. В северных регионах до 70% детей имеют отклонения в состоянии здоровья. Показатели заболеваемости детей северных регионов значительно выше средних по стране. За последние 10 лет они имеют тенденцию к росту. Наиболее высокие показатели распространенности заболеваний в 2005–2006 гг. зарегистрированы в Ненецком и Чукотском АО. По сравнению со средними показателями по стране, в эти годы практически во всех арктических регионах была особенно высока заболеваемость органов дыхания детей, в т. ч. пневмонией. Под влиянием неблагоприятных климатических факторов и загрязненной окружающей среды у детей Севера на 2–5 лет происходит отставание возрастного развития иммунной системы. У каждого пятого ребенка отмечается дефицит массы тела, а уровень зараженности гельминтами превышает средние показатели по стране. Большое число детей имеет остаточную неврологическую симптоматику и нарушения психики, что позволяет прогнозировать трудности их полноценной адаптации в полиэтничной среде. У детей-северян отмечено раннее и массовое возникновение близорукости и астигматизма (57% детей в возрасте 8–9 лет). Условия проживания в Арктике обуславливают и особенности состояния здоровья детей. Отмечается высокая распространенность дефицита йода, употребление алкоголя, низкая физическая активность, напряжение психоэмоциональной сферы (повышенный уровень агрессивности проявляют до 65,8%, враждебности – 73,7% и тревожности – 48,3% обследованных детей). С увеличением возраста ребенка и времени его проживания на Севере частота таких показателей психического здоровья детей, как депрессия, высокий уровень агрессии, тревожности и враждебности, нарастает.

Федеральной целевой программой «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 г.» в качестве первоочередной меры для выхода из создавшегося положения определено создание действенной системы медицинского и санитарно-эпидемиологического обслуживания путем формирования оснащенных оборудованием и лекарс-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

твенными препаратами, экспедиционных медицинских отрядов и передвижных медицинских бригад для профилактической диагностики и лечения на местах. Однако указанные формы медицинского обеспечения существуют за счет средств местных бюджетов, и сегодня их эффективность зависит не столько от усилий здравоохранения, сколько от возможности оплачивать транспортные тарифы, доля которых в структуре выездных медицинских услуг доходит до 80% (Информационная записка..., [http:](#)).

Регионы Арктики значительно различаются между собой по показателям социально-экономического развития, что связано в основном с наличием на их территориях запасов углеводородного сырья и других полезных ископаемых. Примерно таким же образом арктические территории разнятся по среднедушевым денежным доходам населения.

На российском Севере средние показатели доходов практически по всем арктическим территориям достаточно благополучны (исключение составляет лишь Архангельская область). Несмотря на это доля населения с денежными доходами ниже уровня прожиточного минимума превышает 20% в Таймырском, Эвенкийском, Корякском АО и в Республике Саха (Якутия). Безработица в республиках Коми и Саха (Якутия) выше, чем на других арктических территориях (Регионы России..., 2007; Регионы России..., 2008; Социальное положение..., 2007). В некоторых арктических регионах социально-экономическое положение коренных малочисленных народов значительно хуже среднестатистического. Выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств этой группы населения показали, что среди них валовой доход на 1 человека в месяц существенно ниже среднего показателя по региону. В 2006 г. это отличие составило: в Таймырском АО – 4,1 раза (3,4 и 13,8 тыс. руб. соответственно), в Эвенкийском АО – 3,4 раза (3,8 и 12,9 тыс. руб.), в Республике Саха (Якутия) – 2,6 раза (5,2 и 13,6 тыс. руб.). Особенно рельефна эта разница на территории наиболее благополучного в социально-экономическом отношении Ханты-Мансийского АО – 4,6 раза (4,9 и 22,4 тыс. руб.) (По данным стат. бюллетеня: «Экономические и социальные показатели..., 2007). Значительной проблемой коренных малочисленных народов Севера является недостаточная оснащенность жилья водопро-

водом и канализацией. Эти необходимые инженерные сооружения отсутствуют в подавляющем большинстве помещений в Республике Коми, Эвенкийском АО, а в Республике Саха (Якутия) снабжено канализацией только 26% жилого фонда.*

* * *

Охота, рыболовство и собирательство все еще занимают важное место в экономике северных общин и необходимы для поддержания социальных связей и культурного тождества среди аборигенов (Nuttall et al, 2005, p. 649–690). И в обозримом будущем промысловое хозяйство для коренного населения Севера будет оставаться важной частью жизнеобеспечения. Такие выводы, основанные на опросах аборигенов в 35 поселках Канадского Севера, сделала специальная комиссия. «Привлечение индейцев и эскимосов к работе в промышленности и на транспорте должно осуществляться в ограниченных размерах, так как при господствующих условиях оно может привести к утере ими этнической самобытности, к их культурной деградации» (Nuttall et al, 2005, p. 649–690).

Наблюдения аборигенов и научные исследования подтверждают, что существенные изменения климата на Крайнем Севере уже происходят. Приведем результаты 30-летних наблюдений за изменениями природной среды Восточной Чукотки (Богословская и др., 2007, с 329–332).

1. Изменилась продолжительность времен года – осень и весна удлинились за счет зимы. Во многих местах полуострова зимой при потеплении наблюдаются грозы, дожди, ураганные ветры. Реки стали более полноводными, некоторые из них практически не замерзают круглый год. Осень продолжается сейчас до середины ноября, а прежде уже в середине сентября наступали морозы.

* В 1970-е гг. государственные социальные пособия у аляскинских аборигенов составляли от трети до половины доходов. Меньший по размеру, но заметный доход большинство семей получало в результате временной, сезонной, иногда постоянной работы мужчин на борьбе с лесными пожарами, на лесоразработках, в строительстве, в промышленном рыболовстве, в горнорудной промышленности, в индустрии туризма и т. п. (Файнберг, 1991). Небольшая часть населения получала доходы от коммерческой деятельности. Покупные продукты питания, привезенные с юга, все более вытесняют в пищевом рационе мясо и рыбу, добытые самими индейцами и эскимосами.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Становление морского льда происходит на месяц позже. Очень мало многолетних (паковых) льдов. В целом, осень длится сейчас на месяц–полтора дольше. Весна начинается раньше на 20–30 дней. В середине мая по проталинам уже цветет тундра, происходят грозы. Многие птицы прилетают на месяц раньше – в конце апреля–начале мая, вместо начала июня.

2. Изменились зимние температуры. Разница температур между поселками, удаленными друг от друга на расстояния 60–120 км, иногда достигает 6–8°C. Зимой часто дуют южные ветры, отрывающие припай на побережье Ледовитого океана.

3. Уменьшилась ледовитость морей. Резко снизилось количество многолетних льдов в Чукотском и Беринговом морях. Время образования морских льдов сдвинулось на более поздние сроки. На востоке Чукотского п-ова повсеместно отмечают не только поздний ледостав, но сокращение площади и истончение припайных льдов. В бухту Провидения паковые льды не заходят с 1997 г. В феврале–марте 2007 г. в ней наблюдался только однолетний лед. Но в это же время Мечигменский залив в районе пос. Лорино был настолько забит новым и старым льдом, что охотники не могли спустить на воду лодки.

4. Береговая линия полуострова приобрела иные очертания из-за позднего ледостава и отсутствия паковых льдов, которые сдерживали осенние штормы. В некоторых местах (Лорино и др.) осенними штормами полностью смыло песчаные пляжи, разрушены многие намывные косы. Есть районы, где суша за последние 3–4 года отступила на 150–250 м. Интенсивно размывается коса, на которой построен пос. Уэлен, вода стоит уже в подвалах ближайших к морю домов.

5. На южном побережье полуострова, в районе поселка Сирики, усилились накаты, которые могут длиться очень долго из-за преобладания южных ветров. Если лет 40–50 назад накат длился 3–4 дня, то теперь он держится до 20 дней и более (Богословская и др., 2007, с 329–332).

6. Предсказать погоду, считают местные жители, сейчас стало особенно трудно – произошло очень много изменений, и теперь «море и облака не соответствуют друг другу» (Богословская и др., 2007, с 329–332), а погода меняется слишком быстро.

7. Осложнилась сейсмическая обстановка. Чукотский полуостров, особенно его восточная часть – тектонически активная

зона, берега здесь погружаются в море. За последние 30–40 лет отступление береговой линии на некоторых участках составило от 3 до 10 м (о. Ыттыгран, район «Китовой аллеи»; о. Аракамчен, мыс Кыгынин; и другие места на побережье). Для восточной части полуострова характерны частые землетрясения с эпицентром в Колючинской губе. В последние годы толчки стали чаще, продолжительней и сильнее, их отмечают теперь не только жители Нешкана и Энурмино, но и Лорино.

8. Потепление привело к проникновению в экосистемы Чукотского п-ова более южных видов растений и животных. В Уэлене ловят небольших акул, на всем полуострове отмечены встречи с лосями и рысями; на о. Ратманова участились залеты колибри из Британской Колумбии.

9. Заметно ухудшилось здоровье холодолюбивых морских животных, прежде всего, ластоногих. У них отмечено увеличение количества эктопаразитов, облысение. В конце 1980-х гг. охотники Лорино отмечали за сезон 3–5 лысых нерп, в настоящее время – до 20–30 таких животных. До 1980-х гг. среди добытых серых китов не встречались «вонючие киты», а в 1990–2000-е гг. охотники убивают до 5 таких животных за промысловый сезон (Богословская и др., 2007, с 329–332).

Локальные климатические изменения воздействуют на окружающую среду – флору и фауну, меняются ареалы распространения животных и растений, цикл воспроизводства у сухопутных и морских животных, что особенно заметно на южных границах их распространения. Все это ведет к изменениям в доступе к традиционным видам пищи, что имеет для северян существенное значение в смысле пищевой безопасности (Furgal, Martin, Gosselin, 2002, p. 266–299; Ford, Smith, Wandell, 2006, p. 145–160; Guyot et al., 2006, p. 403–415).

Со всех сторон из общин Севера уже поступают сообщения о неблагоприятных воздействиях на население окружающей среды в связи с изменением климата и его вариабильностью (The Earth is Faster Now..., 2002). Проявления экономических, медицинских, культурных и социальных последствий такого воздействия различаются по регионам и по группам населения (Arctic Climate..., 2004, 2005).

Жители малых аборигенных общин во всех регионах Канадской Арктики сообщают, что погода стала менее предсказуемой и

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

более мягкой, что штормы происходят чаще, чем это было ранее (Huntington et al., 2005, p. 61–98; Ford, Smith, Wandell, 2006, p. 145–160; Nickels et al., 2006). Последний раз, когда Игах Калук из Клайд Ривер провел всю зиму в снежном доме, был в 1956 г. С тех пор стало слишком тепло для иглу, чтобы прожить в нем всю зиму (Nunatsiaq News, 2008). Эта непредсказуемость ограничивает деятельность, основанную на традиционном природопользовании и кочевании, возрастают риски несчастных случаев (Ford, Smith, 2004, p. 389–400; Ford, Smith, Wandell, 2006; Nickels et al., 2006). Жители Арктик-Бэй сообщают, что «возрастание штормистости» увеличивает опасность летнего передвижения на лодках и делает недоступными некоторые охотничьи угодья. Предварительный анализ показывает возрастание ежедневной вариабильности погоды в Нунавут, и климатические модели проектируют увеличение частоты и серьезности чрезвычайных ситуаций (штормы, наводнения, обледенение и др.) на этой территории (Noonan et al., 2005). Эти изменения также имеют экономические последствия для аборигенов из-за невозможности занятий традиционной хозяйственной деятельностью и повреждения снаряжения.

По мнению старейшин якутских улусов, изменение климата уже напрямую коснулось их жизни. В северном регионе уменьшилась толщина снежного покрова. Из тайги в тундру началась миграция диких животных. Изменился не только температурный режим воздуха, но и сам характер погоды – «она стала нестабильной и непредсказуемой» («Снежный покров»..., <http://>).

Самым серьезным рискам подвергаются инуитские поселения в Гренландии и в северо-восточной Канаде, поскольку они связаны с потреблением морской фауны как частью традиционной диеты. Изменились сроки вскрытия льда на море, что влияет на поведение промысловых животных. Инуиты, жители поселка среди ледников и фиордов в 600 км к северу от Полярного круга, обсуждая изменения климата, говорили: «Этой зимой океан замерз лишь в конце января... Обычно в декабре уже можно было отправляться на охоту»; «Все стало непредсказуемым... Погода все время меняется. К весне потепления не наступает, изменились морские течения, ветры, даже поведение животных...» (<http://www.inopressa.ru>).

Учет изменений ледовой обстановки важен для многих аспектов традиционного способа добывания средств к существованию

у северных народов. Морской лед обеспечивает устойчивый промысел, а также является важным фактором воспроизводства и выживания нескольких видов арктических морских животных.

Другая угроза для жизни охотников, занимающихся промыслом морских животных, – это изменение толщины льда. Увеличение площадей открытой воды в приполярных морях ведет к сокращению традиционной охоты со льда на моржей и тюленей (Geo-4; Arctic Climate..., 2005; Cleaner Production..., 2007). Инuitы сообщают о недавних изменениях ледяных характеристик, которые увеличивают опасность охоты и сокращают возможности доступа к традиционным охотничьим местам по всем территориям Севера (Эскимосы против Буша..., 2005; Riedlinger, Berkes, 2001, p. 315–328; Huntington et al., 2005, p. 61–98; Ford, Smith, Wandell, 2006; Nickels et al, 2006). Экономические последствия изменений в ледовой обстановке включают потерянный доход от сокращения добычи тюленей или китов, повреждение снаряжения, а в целом – утерю доступа к природным пищевым ресурсам (Ford, Smith, Wandell, 2006). Подобные явления наблюдались и в случаях с пресноводными водоемами, когда сокращаются возможности доступа к рыбным ресурсам, которые остаются важными для многих туземных и не туземных популяций Севера (From impacts to adaptation..., 2007, p. 102).

Возрастание числа несчастных случаев и утопления, связанных с ледовой обстановкой (Lafortune et al, 2004; Barron, 2006), отражается в статистике, которая показывает более высокую цифру случайной гибели людей и травматизма в маленьких поселениях СЗТ (From impacts to adaptation..., 2007, p. 101).

Вызванное потеплением климата значительное снижение ледовитости Восточносибирского и Чукотского морей, северной части Берингова моря и моря Бофорта представляет значительную проблему для коренных малочисленных народов Севера. Отсутствие льдов в летне-осенний период ухудшило условия нагула тихоокеанского моржа – традиционного промыслового зверя коренных народов. Это привело к снижению численности популяции моржа в целом, исчезновению южных лежбищ, повышенной гибели молодняка, плохому физическому состоянию взрослых животных. В связи со снижением ледовитости Берингова моря исчезли южные лежбища моржей в Беринговом районе. Эти звери, предпочитающие держаться на льдах,

вынуждены теперь ложиться на берегу даже у посёлков (лежбище у пос. Ванкарем). Как показала видеосъёмка Ванкаремского лежбища, на берегу слишком мало удобных и спокойных мест для кормящих самок с детёнышами. У всех ластоногих отмечено увеличение количества эктопаразитов, облысение (Богословская и др., 2007, с. 329–332).

Ухудшение здоровья морских промысловых животных непосредственно влияет на качество традиционной пищи коренных жителей в береговых поселках Восточной Чукотки, т. к. основу их рациона до сих пор составляют мясо и жир этих морских животных (Bogoslovskaya, 1996).

Низменные прибрежные общины, находящиеся в областях высокой степени риска от таяния вечной мерзлоты, наиболее уязвимы из-за повреждения инфраструктуры. Некоторые из них уже сообщают о разрушениях от прибрежной эрозии и деградации вечной мерзлоты (From impacts to adaptation..., 2007, p. 104). Деградация вечной мерзлоты и прибрежная эрозия, нанося ущерб важным традиционным местам обитания (Colette, 2007), могут потребовать частичного или полного перемещения общин на новое место в будущем. Хотя береговая линия в некоторых общинах, типа Туктояктук, была укреплена, чтобы ослабить прибрежную эрозию, связанную с усилением штормовых нагонов, это – временное решение. В Туктояктук жители уже провели консультации о потенциальных возможностях релокации части общины. Во многих общинах, жители переносят строения дальше от береговой линии в связи с эрозией берега (From impacts to adaptation..., 2007, p. 104).

В некоторых северных районах уже отмечается заболачивание и подтопление населенных пунктов. Водоемы заражены личинками малярийных комаров, и площадь их постоянно увеличивается (Ревич, 2004). «Под угрозой все, – говорит вождь Совета индейцев атабасков Гари Харрисон, – наши дома – из-за штормов и таяния вечной мерзлоты, наша еда – из-за изменений растительного и животного мира, наша жизнь – потому что традиционные туристические маршруты станут опасными» (Народы Крайнего Севера..., 2004; Браун, 2007).

Жителями в основном восточных арктических областей отмечено, что в последние годы увеличилась частота оттепелей среди зимы, что создает условия, способствующие обледенениям и об-

разованию снежных лавин (Nickels et al, 2006). Сход лавин был зарегистрирован в Нунавике (Арктический Квебек), Нунавуте, СЗТ и на Юконе, еще чаще они случаются в Британской Колумбии и в Альберте. Событие 1999 г. в Kangiqsualujjuaq, Нунавик, когда снежная лавина убила 9 чел. и ранила 25, демонстрирует уязвимость северных жителей. Особенно опасными стали некоторые районы западной Арктики (например, общины Территории Юкон), где существенное повышение зимних температур также способствует образованию снежных лавин. В то же время сильные ливни и таяние вечной мерзлоты вызывают другое, связанное с изменением климата, опасное природное явление – оползни. Впервые в последнее десятилетие такие события произошли в Инувиалуйтском регионе и в Арктик-Бэй (Ford, Smith, Wandell, 2006; Nickels et al, 2006). Все такие явления ведут к возрастанию рисков для охотников и туристов (From impacts to adaptation..., 2007, p. 101; Ford, Smith, 2004, p. 389–400). Кроме того, увеличение скорости и объема весенних паводков от таяния льда и снега создают опасные условия для детей в северных общинах.

Эрозия почвы также грозит неприятностями для жителей побережья и, возможно, потребует переселения прибрежных общин, как напр., пос. Шишмарев на Аляске (GEO-4; Human and Economic Indicators..., 2004). Горные сосны, зараженные жуками в Британской Колумбии (Канада), изменяют жизнь сельских аборигенов в течение одного поколения. Благополучию более чем 100 племен угрожает пожар из-за сухих, инфицированных деревьев, которые окружают их общины (Canadian Press, 2008).

Если говорить о населении российской Арктики, то оно немногочисленно, однако поселки северных народов, как правило, располагаются в непосредственной близости от воды. Поэтому береговая эрозия и подтопление уже сегодня доставляют немало проблем, например, на Чукотском п-ове (Глобальное потепление разрушает..., [http](#):).

Существует и много косвенных воздействий. Более частое обледенение тундры вследствие неожиданного таяния снега и впоследствии его замораживания, что делает ягель менее доступным для карibu и северного оленя. Это, в свою очередь, разрушающе воздействует на хозяйство и культуру аборигенов – пастухов и охотников – и, в конечном итоге, на их культурную идентичность.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Согревание Арктики создает проблемы для пастухов и охотников при передвижении по замерзшим рекам и болотам.

Увеличение аномальных погодных явлений может привести к затруднениям в обеспечении транспортных связей. В условиях, когда воздушная связь с небольшими населенными пунктами во многих районах нерегулярна, каждую осень и весну население на длительное время оказывается изолированным. Это вызвано тем, что в воде слишком много льда, чтобы плыть на лодке, но недостаточно для того, чтобы ехать на собачей упряжке или на снегоходе.

Морское рыболовство, имеющее общемировое значение и в то же время играющее важную роль в экономике арктических стран, возможно станет более продуктивным. Однако речное рыболовство, являющееся одним из основных источников питания для некоторых групп коренного населения, скорее всего, пострадает.

Некоторые поселки зависят от питьевой воды, которую получают в результате таяния ледников, а площадь ледников в условиях глобального потепления климата постоянно сокращается. Глобальные климатические изменения могут привести к тому, что поселки в Арктике будут испытывать нехватку питьевой воды. С таким предупреждением выступил на конференции по проблемам климата в Икалуите (столица канадской территории Нунавут) эксперт канадского Министерства природных ресурсов Пол Будкевич. Сокращение толщины снежного покрова зимой, меньшее количество осадков в летние месяцы в сочетании с повышением температуры воздуха и усилением испарения под воздействием ветра – все эти факторы, считает он, дают повод для того, чтобы задаться вопросом о том, насколько хватит запасов питьевой воды в высоких широтах. В качестве примера он привел поселок Гризе-Фьорд, где жители с начала года испытывали нехватку питьевой воды и вынуждены были брать лед с оказавшегося на отмели айсберга. Канадский эксперт настоятельно рекомендовал жителям арктических поселков готовиться заранее к ожидаемым в будущем «сухим» сезонам и создавать резервуары, способные хранить запасы питьевой воды на несколько лет (В связи с глобальным..., 2008).

* * *

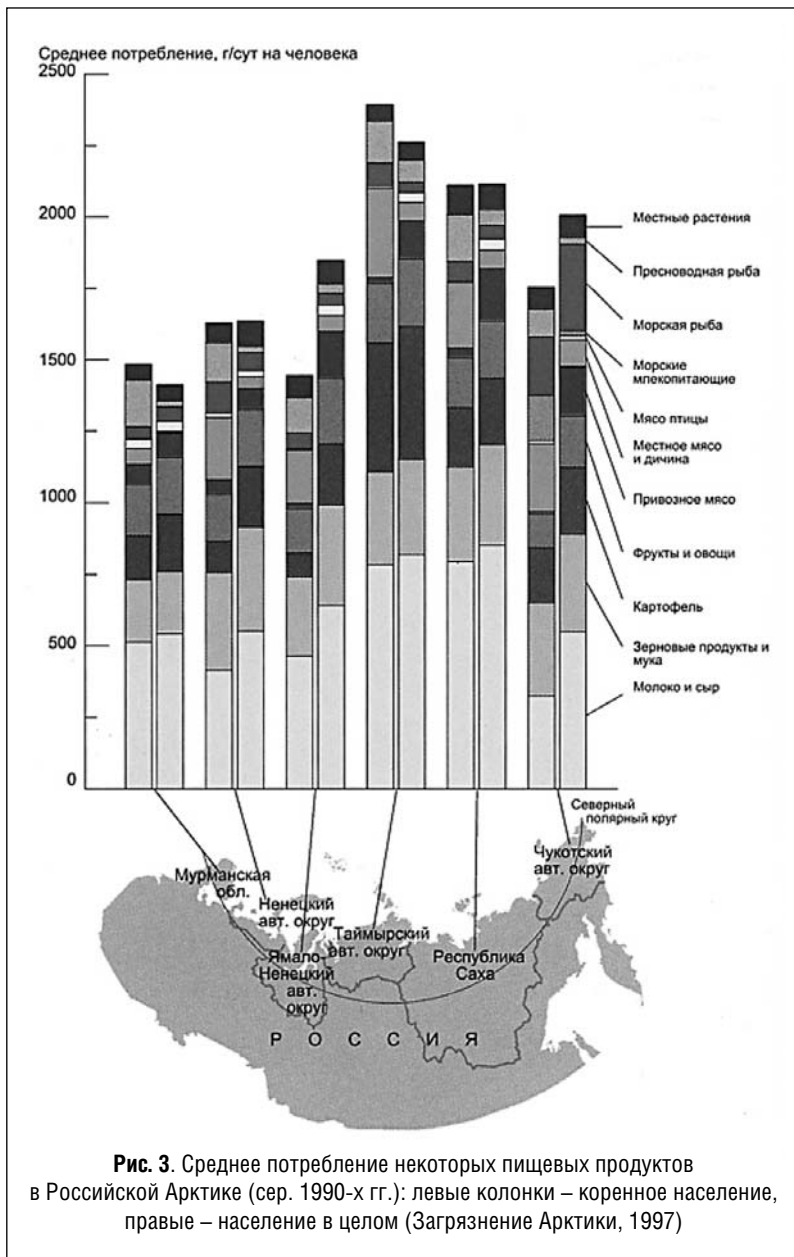
С середины XX в. зависимость коренных жителей Севера от биологических возобновляемых ресурсов, по сравнению с предшествующими периодами, значительно уменьшилась. В настоящее время охота на карибу, пушного зверя, морской зверобойный промысел и рыболовство, по мнению большинства специалистов, уже не являются исключительной основой существования аборигенов Севера. Биологические возобновляемые ресурсы уже во многом подорваны.

Современное питание большинства северных жителей – это комбинация покупных пищевых продуктов и традиционных (плоды охоты, рыболовства и собирательства). Зависимость от традиционной пищи тем больше, чем отдаленнее община, где доступ к новому рыночному питанию значительно хуже. И хотя в диете северных общин произошел сдвиг от традиционной пищи к росту употребления покупных продуктов, особенно среди более молодых возрастов и жителей тех общин, где магазины более доступны (From impacts to adaptation..., 2007, p. 103), традиционная пища остается существенным добавлением к общему количеству энергии и белка и обеспечивает защиту от некоторых форм сердечно-сосудистых заболеваний.* Доля традиционной пищи значительно выше у аборигенов старших возрастных групп (From impacts to adaptation..., 2007, p. 103; Van Oostdam et al, 2005, p. 165–246).

Исследования хозяйства и пищевого рациона индейцев и инуитов нижнего течения р. Макензи и ее притоков показали, что хотя большинство этих людей периодически работало по найму, но еще в 60–70-е гг. XX в. около 75% протеина, который они получали, обеспечивала охота и в меньшей степени – рыболовство. Вылов рыбы за этот период несколько сократился, т. к. с распространением снегоходов у коренных жителей стало меньше собак, которых кормили в основном рыбой, а не мясом. Напротив, охота с целью получения мяса даже увеличилась. Так, в районе Коппермайн (Северо-Западные территории) охота и рыболовство в 1980 г. давали в натуральном виде продуктов питания (в пересчете на количество протеина, потреблявшегося местными инуитами) вдвое больше, чем покупные продукты. Такое соотношение местных и покупных продуктов питания,

* В настоящее время эти дополнения зачастую токсичны.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

содержащих протеин, было типично для структуры потребления большинства инуитов и атапасков Канадского Севера (Asch, 1984, p. 19). В пищевом рационе коренного населения более южных районов доля местных продуктов была несколько меньшей, от 29 до 39% (Nowak, 1977, p. 225).

Исследования последних лет в Якутии показали, что характер питания северных народов республики претерпел существенные изменения. Его структура приближается к европейскому типу за счет увеличения углеводного компонента. Доказано также, что такая трансформация привела к росту болезней обмена веществ, крови и кровообращения, к патологическим изменениям органов плодношения и высокой заболеваемости детей.

Из рисунка видно, что доля традиционных продуктов питания у всех групп аборигенов Севера занимает до трети ежедневного пищевого рациона. Можно сделать вывод, что рацион, состоящий из традиционных пищевых продуктов, все еще играет важную роль в жизни коренных народов Севера (Geo-4; Donaldson, 2002). Охота, ловля рыбы и сбор дикоросов остаются важными традиционными ценностями, в том числе – основой их самоидентичности. Благодаря этим видам деятельности жизнь аборигенов продолжает быть тесно связанной с суровой природной средой, которая до недавнего времени не только обеспечивала их пищей, материалом для одежды и постройки жилища, но удовлетворяла и другие потребности. Фактически она являлась той основой, на которой воспроизводились и развивались культуры аборигенов Севера, включая особый психотип охотников, оленеводов и рыболовов.

Интересно отметить такое явление. Если до конца 1980-х гг. изменения в питании коренного населения российской Арктики с некоторым отставанием повторяли процессы, происходившие в общинах аборигенов зарубежной, то с конца 1990-х гг. потребление покупной пищи российскими северянами резко сократилось, доля более доступных местных продуктов значительно увеличилась (Kozlov, Vershubsky, Kozlova, 2007).

Однако загрязнение окружающей среды и последствия, связанные с изменением климата, сокращают возможности использования привычных методов охоты и рыбной ловли для добычи пропитания, приводят к перебоям в получении традиционных продуктов, обеспечение аборигенов пищей нарушается, что затрагивает уровень их благосостояния (Doubleday, 2005).

Например, жители Инувиалуита сообщили о переменах в поведении рыбы и животных, что вместе с серьезными штормами, изменениями характеристик морского льда и нестабильностью вечной мерзлоты делает добычу продуктов питания более трудной (Riedlinger, 2001, p. 96–98; Berkes, Jolly, 2002, p. 18–33; Huntington et al., p. 61–98; Ford, Smith, Wandell, 2006, p. 145–160; Nickels et al., 2006). Такие трансформации происходят не только в прибрежных общинах, о них сообщают, в частности, и жители Бивер-Крик (Юкон), и Форта Провиденс (СЗТ) и др. (Guyot et al., 2006, p. 103; Nuttall, 2005, p. 649–690). Таким образом, потепление климата приводит к трудностям традиционного добывания пищи и к необходимости замещения ее другими видами продуктов.

Отход коренного населения некоторых регионов от традиционного питания и способов ведения хозяйства и переход к нетрадиционной (более западной) пище и оседлому образу жизни приводит к повышению частоты сердечно-сосудистых заболеваний, развитию диабета, кариеса и ожирения. Устоявшиеся системы питания являются основой не только физического здоровья, но и традиций, социально-экономического и культурного благополучия. Более того, охота, рыболовство, собирательство и разведение северных оленей не только обеспечивают пищей, но и являются важными источниками дохода для местных домохозяйств и сообществ. Эти виды деятельности тесно связывают коренные народы с окружающей средой, что отличает их от некоренного населения и, несомненно, оказывают влияние на сохранение самоидентификации народа и территории его проживания. В сообществах малочисленных коренных народов Севера использование традиционных ресурсов важно не только для развития экономических видов деятельности, обеспечения питанием, но и для поддержания социальных взаимосвязей и культурной идентичности (Влияние глобальных..., 2008). Отрицательные последствия климатических изменений, разрушающих связи между людьми и их пищевыми ресурсами, таит угрозу необратимых социальных изменений.

* * *

Климат – только один из многих факторов, чье влияние воздействует на жизнь населения северных территорий. Взаимодействие экономических и биофизических систем, усиленное измене-

ниями глобального и локального климата, ведет к изменениям в человеческих популяциях и отрицательно влияет на здоровье и благосостояние северных жителей (From impacts to adaptation..., 2007 p. 99; Chapin et al, 2005, p. 717–743).

Ученые уделяют пристальное внимание связи заболеваемости на Севере с непрямым воздействием климатических изменений (From impacts to adaptation..., 2007, p. 101). Так, Чапин и др. (Chapin et al, 2005, p. 717–743) сообщают, что утеря связей с традиционной системой жизнеобеспечения и всем, что она включает, является сегодня наиболее серьезной причиной хронических заболеваний среди аборигенов в циркумполярной Арктике (From impacts to adaptation..., 2007, p. 105; Chapin et al, 2005, p. 717–743). Эти природные изменения, разрушая цикл традиционных практик, отрицательно воздействуют также на социальные связи и психическое здоровье людей (Furgal, Martin, Gosselin, 2002, p. 266–299; Berner et al, 2005, p. 863–906). Мало говорят о том, что изменения климата могут поставить северные народности на грань выживания. Замечено, что те из северян, кто переселяется в более южные районы, много болеют. Их организмы не адаптированы к теплему климату.

Косвенное воздействие изменяющегося климата на северные общины, на здоровье и благосостояние их жителей, проявляется и в незащищенности их от новых болезней: увеличение риска раковых образований кожи, ожогов, инфекционных болезней, повреждений глаз (катаракты), иммунодефицит. Кроме того, как прогнозируют исследователи, на Крайний Север придут вирусы и болезни, которых там прежде не было. Для северных народов новые вирусы и эпидемии станут настоящим бедствием (Потепление нам поможет?..., 2005). На северных территориях из-за потепления климата также возникают проблемы с сохранностью продуктов питания, в результате чего возможно увеличение числа кишечных инфекционных заболеваний (Влияние глобальных..., 2008).

Экстремальные температуры, и низкие, и высокие, непосредственно влияют на здоровье населения. Наиболее детально это явление изучено в северной Канаде, где в периоды экстремально высоких температур воздуха (до 30°C) у пожилых людей наблюдались изменения функции дыхания. Жители некоторых районов Арктики отмечают респираторную напряженность, свя-

занную с чрезвычайно теплыми летними днями, чего ранее не наблюдалось (Furgal, Seguin, 2006). На севере Швеции повышение температуры на 1°C привело к резкому увеличению числа случаев такого типа сердечного приступа, как не смертельный острый инфаркт миокарда (Влияние глобальных..., 2008). А Совет первых наций Юкона сообщил, что 7% травм среди молодежи связан с холодом (гипотермия и обморожение) (Council of Yukon, 2006). Зафиксированы также сообщения из ряда областей о связи стрессов у пожилых людей с более высокой температурой. Исследования подтверждают, что распространение несчастных случаев, связанных с травмами, вызванных погодными условиями, возрастает в малых прибрежных общинах по всему Северу (Nickels et al, 2006). Поэтому люди стараются не рисковать, что ведет к некоторому сокращению числа охотников.

Увеличение частоты опасных гидрометеорологических явлений в российской Арктике, связанных с глобальным изменением климата, таких как сильные метели и морозы, летняя жара, иногда засухи, выраженные суточные перепады температур и атмосферного давления, гололед и наводнения – все это представляет опасность для здоровья населения (Влияние глобальных..., 2008).

Истощение озонового слоя в стратосфере над полярными регионами ведет к сезонному увеличению ультрафиолетовой радиации, воздействующей на экосистемы и приводящей к увеличению рисков для здоровья. Более всего этот риск для некоторых арктических экосистем проявляется весной, поскольку повышение уровня ультрафиолетового излучения происходит именно в этот период, а из-за изменения климата снеговой и ледовой покровы, обеспечивающие защиту животных, сокращается. У людей повышенный уровень ультрафиолетового излучения может вызвать и нарушения в иммунной системе (Энергетика и окружающая среда, 2005). Сегодняшнее поколение молодых людей на Севере в течение жизни получит дозу ультрафиолетового излучения, которая на 30% выше дозы, полученной предыдущими поколениями. Дети наиболее восприимчивы к таким изменениям (GEO-4; AMAP Assessment, 2003).

Изменения окружающих условий влияют также на психическое здоровье многих северных жителей, чьи средства к существованию и образ жизни тесно связаны с местной природной средой.

Это особенно характерно для почти половины жителей Арктики, чьи культура, язык и идентичность неразрывно связаны с землей и морем.

Коренные жители чувствуют свою беспомощность перед стремительными природными изменениями. Проблемой является практически полное отсутствие у местного населения достоверной экологической информации, что порождает страх и неуверенность в завтрашнем дне. Усилившееся ощущение изолированности приводит к увеличению числа случаев межличностных конфликтов, депрессии и других форм социального стресса (Влияние глобальных..., 2008).

Нарушение традиционных охотничьих циклов и моделей (Ford, Smith, Wandell, 2006, p. 145–160; Nickels et al., 2006), ослабление возможностей старшего поколения в прогнозировании погоды и передачи информации другим членам общины, озабоченность утерей кладбищ и жилищ из-за прибрежной эрозии, стрессы, являющиеся результатом многочисленных изменений, также ведет к социальной дезорганизации общин, уже испытывающих существенные изменения в результате и внутренних и внешних воздействий (From impacts to adaptation..., 2007, p. 104), которая, в свою очередь, связана с симптомами психосоциального, умственного и социального напряжений, таких как алкоголизм, насилия и самоубийства (From impacts to adaptation..., 2007, p. 105; Berner et al., 2005, p. 863–906; Curtis, Kvernmo, Bjerregaard, 2005, p. 442–450).

Перемены, угрожающие поселениям (например, эрозия и таяние вечной мерзлоты) и приводящие к вынужденному переселению части или всех членов общин, или постоянные изменения численности популяций диких животных, лишаящие аборигенов возможности охотиться на традиционные виды животных (например, на белого медведя у эскимосов), могут вызывать быстрые и долговременные культурные изменения и утрату традиций и, в свою очередь, быть причиной психических расстройств. Вместе с исчезновением растений и животных, исчезают и традиционные знания, связанные с собирательством, традиционной медициной, обработкой шкур и т.п. Изменение климата, вызывая быстрые перемены в окружающей природной среде, нарушает тем самым тысячелетнюю взаимосвязь с ней отдельных людей и этносов, которая лежит в основе само-

определения, культуры, социального и психологического благополучия коренных малочисленных народов Севера (Дегай, 2008; Влияние глобальных..., 2008).

Стратегии адаптации к изменяющимся природным условиям

Арктика уже переживала значительные климатические изменения в прошлом. Археологические исследования, этноисторические отчеты и воспоминания аборигенов старшего поколения подтверждают, что изменения в экосистеме, вызванные периодами потепления или похолодания, а также экстремальными погодными явлениями, заметно меняли жизнь людей в Арктике. История перепадов климата хорошо запечатлена в легендах и преданиях, рассказывающих о жизни и приспособлении исконных народов в течение многих тысячелетий. Но в отличие от современного периода, в прошлые века деятельность людей не имела столь губительного воздействия на окружающую среду.

Длительное и успешное обитание аборигенов в Арктике стало возможным из-за адаптивных особенностей их социальных, экономических и культурных институтов, которые помогали им приспосабливаться к климатическим изменениям на протяжении многих столетий. Северные народы адаптировались к постепенным или быстрым природным трансформациям, находя наиболее благоприятные природные условия, используя пути миграции животных (Nuttall et al, 2005, p. 649–690). Серьезные социальные, культурные и экономические перемены произошли с середины XX столетия, когда произошло их оседание и селение коренных жителей в постоянные поселки, что значительно нарушило традиционные аспекты их культуры – социальную гибкость и экологическую адаптивность (Berkes, Jolly, 2002, p. 18–33). В новых условиях возросло значение денежной экономики, возможности которой могут быть использованы в современных условиях глобального изменения климата. Однако, с другой стороны, в дальнейшем это может ускорить процесс исчезновения традиционных навыков и знаний, все еще важных для сохранения идентичности. Поэтому трудно прогнозировать, смогут ли новые экономические возможности обеспечить существенные преимущества для таких общин.

Вновь подвергаются испытаниям те особенности традиционной жизни, на которых основана система жизнеобеспечения, особенно отдаленных северных общин, поскольку способность приспосабливаться к изменяющимся природным условиям нарушена вследствие социальных, культурных, политических и экономических изменений. Кроме того, северные общины, в т. ч. отдаленные и маленькие, «привязаны» экономически и политически к государству. Торговые ограничения, режимы регулирования живой природы, глобализация, политические, юридические и охранные интересы – все это ограничивает адаптивные возможности северян, столкнувшихся с новыми испытаниями в виде климатических изменений. Решение северных проблем усложнено разнообразием типов аборигенных сообществ, а факторы, которые могут уменьшить уязвимость общин аборигенов, сильно различаются в маленьких, отдаленных поселениях и в крупных населенных пунктах, где есть возможности современного экономического развития (From impacts to adaptation..., 2007, p. 60).

Общины, столкнувшиеся с новыми проблемами в виде изменения окружающей среды, реагируют на них по-разному. Так, жители больших муниципалитетных образований менее уязвимы от воздействий, связанных с климатом, чем маленькие, отдаленные общины. Первые вообще меньше подвергаются климатическим рискам и имеют большие возможности для адаптации, поскольку у них лучший доступ к экономическим ресурсам, технологиям, инфраструктуре и медицинскому обслуживанию. В то же время они зависимы от муниципальной инфраструктуры, которая очень чувствительна к климатическим изменениям. В малых поселениях, – «срабатывают» факторы, повышающие адаптивную способность: традиционные социальные институты, многовековые знания и навыки. Уязвимость от воздействия внешней среды и способность адаптироваться проявляются по-разному и из-за специфики климата в каждом регионе. Подход при исследовании уровня защищенности аборигенных общин от последствий изменения климата должен быть дифференцирован в зависимости от адаптивных возможностей и способностей каждой конкретной общины.

Принципиально различно отношение к окружающей среде коренных жителей – с одной стороны, и пришлого населения – с

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

другой. Как писал американский исследователь У. Бауэр, имея в виду Арктическую Аляску, для эскимосов Арктика – источник пищи, а для «белых» – прежде всего источник нефти для нужд национальной энергетики. У эскимосов есть чувство тесной связи с природным окружением. Они убеждены, что местное социально-экономическое развитие должно быть ограничено целями защиты культур аборигенов. «Белые», наоборот, полагают, что сохранять природную среду и глубоко адаптированную к ней культуру аборигенов можно и нужно лишь в той мере, в какой это не мешает промышленному развитию Севера. Если «белые» выступают за консервацию природной среды, то и в этом случае они ограничиваются требованиями защиты флоры и фауны и не распространяют свою политику на этническую часть этноэкологических систем Севера. Образ жизни коренного населения Аляски обычно рассматривается «белыми» как «потребительский», «безвозвратно уходящий в прошлое и не подлежащий защите» (Brower, 1985; Файнберг, 1991).

Индивидуальный и общинный уровень

Жители из всех северных областей сообщают, что те виды животных, которые стало труднее обнаружить и добыть, они заменяют более доступными. Из общины Кугаарук жители сообщают, что когда лед опасен для передвижений, люди идут удить рыбу вместо охоты на тюленя. Из некоторых областей поступают сообщения о возрастающей необходимости программы обеспечения общин морозильниками или развитии межобщинных программ торговли. Последствия изменения климата выражаются также в росте денежных затрат (т.е. приобретение большего размера лодок, большего количества топлива, чтобы путешествовать на более длинные расстояния, поскольку миграционные пути карibu изменились), что влияет на домашние бюджеты (From impacts to adaptation..., 2007, p. 103). Индивидуальная адаптация к изменениям в доступе к традиционной пище включает смещение времени охоты и использования различных форм транспортировки (т.е. скорее вездеходов чем снегоходов) для охоты и рыбной ловли.

Адаптация к изменениям в ледовой обстановке включает сдвиги как в индивидуальном поведении, так и восприятии новых технологий. В Арктик-Бэе часть квоты на китов для этой общины была передвинута с весны на лето, чтобы уменьшить

риски, связанные с более ранними и менее предсказуемыми условиями разрушения льда, и увеличить шансы успешной охоты (Armitage, 2005, p. 715–731). Некоторые охотники теперь берут маленькие лодки с собой в случае, если они окажутся на дрейфующем льду (Ford, Smith, Wandell, 2006, p. 145–160). Инуитские охотники прибрежных общин используют новые наземные маршруты, чтобы попасть на территории, куда раньше они добирались по морскому льду (Tremblay, 2006). Жители нунавутских общин Рипалс-Бэй и Арктик-Бэй сообщили, что им приходится брать большее количество запасов продуктов и снаряжения, чем это было раньше (дополнительную теплую одежду, средства для отопления и освещения и большой запас продовольствия), чтобы быть лучше подготовленными к нетипичным погодным условиям. Некоторые жители теперь консультируются по интернету, привлекая спутниковые данные о морской ледовой обстановке, прежде чем отправиться к плавучей льдине, а многие из них используют переносные приборы GPS для увеличения эффективности охотничьей экспедиции и уменьшения ее рисков. Однако, такая адаптация, т.е. возрастающее использование систем безопасности среди охотников, могут привести к увеличению рискованных ситуаций, увеличивая число поездок в опасных условиях. В ответ на изменяющиеся погодные условия, северные жители считают необходимым улучшение инфраструктуры, включая сотовую связь и радиобслуживание для получения вовремя информации о погоде, создание постоянных укрытий на земле в качестве убежища от штормов и непогоды. Кроме того, сами аборигены говорят о возрастающем значении лучшего укомплектования и обучения поисково-спасательного персонала из-за увеличивающейся возможности стихийных бедствий.

Уровень этнических сообществ

Угрозы, возникшие в связи с потеплением климата и загрязнением окружающей среды потребовали от коренного населения большей включенности в политическую жизнь. Шейла Уотт-Клутьер (Ассоциации приполярных инуитов) назвала Арктику «системой раннего предупреждения» для всего остального мира. «Если мы защитим Арктику, мы спасем всю планету», – говорила она, требуя помощи в адаптации коренного

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

населения к последствиям изменения климата и принятия мер с целью замедления этого процесса (Коренные народы Крайнего Севера могут..., 2007).

Еще в 2000 г. Арктический совет (Arctic Council)* заказал научное исследование «Оценка климатических воздействий на Арктику (ОКВА)» на своем заседании на уровне министров в Пойнт-Барроу (шт. Аляска) в качестве совместного проекта Программы арктического мониторинга и оценки (ПАМО) и Рабочих групп по сохранению арктической флоры и фауны (РГСДФФ) Арктического совета и Международного арктического научного комитета. Как определено в Барроуской декларации, целью ОКВА было оценить и синтезировать знания об изменчивости и изменении климата и росте ультрафиолетового излучения и поддержать процессы выработки политики и работу Межправительственной группы по изменению климата (МГИК). Арктический совет поручил ОКВА изучить не только влияние природно-климатических факторов на окружающую среду, здоровье человека, но также «социальные, культурные и экономические воздействия и последствия, включая разработку политических рекомендаций» (<http://russian.usinfo.state.gov...>). Это исследование показало, что последствия повышения температуры серьезно скажутся на жизни населения Арктики, особенно коренного, чье пропитание зачастую непосредственно зависит от природы (Коренные народы Крайнего Севера могут..., 2007; Браун, 2007).

Для того чтобы провести полную оценку влияния изменения климата на Арктику, Арктический совет и Международный арктический научный комитет (International Arctic Science Committee) опубликовали большой научный отчет «Оценка воздействия изменения климата на Арктику» (Arctic Climate Impact Assess-

* Арктический совет – международная научная организация, основанная 18-ю академиями наук, межправительственный форум высокого уровня, состоящий из представителей 8 стран, расположенных в Арктическом регионе (Дания/Гренландия/Фарерские о-ва, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция), и 6 организаций, объединяющих коренные народы. Это – Ассоциация алеутов (США), Совет атабасков Арктики (Северной Канада и на Аляска), Совет индейцев-гвичин (Северная Канада и Аляска), Ассоциация приполярных инуитов (Гренландия, Канада, Аляска и Россия), Ассоциация коренных народов российского Севера и Совет саамов Норвегии, Швеции, Финляндии и России. С 2004 по 2006 г. председателем Арктического Совета являлась Россия.

ment). Готовили отчет две рабочие группы: Программа по мониторингу и оценке Арктики (Arctic Monitoring and Assessment Program – АМАР) и Комитет по сохранению арктической флоры и фауны (Conservation of Arctic Flora and Fauna – САFF) (Энергетика и окружающая среда, 2005).

Местные организации коренных жителей, обеспокоенные проблемами, касающимися традиционных пищевых продуктов, активно сотрудничают в исследованиях и обеспечивают информацию о рисках и выгодах использования традиционных пищевых продуктов (Ballewet all, 2004; Effects on Human Health, 2005). Организации арктических коренных народов, работающие с арктическим научным сообществом и АМАР (Arctic monitoring and Assessment Programme), стремятся к международному взаимодействию, и непосредственно участвуют в осуществлении международного Стокгольмского соглашения по постоянным органическим загрязнителям, которое вступило в силу в 2004 г. Этот успех циркумполярного сотрудничества между представителями коренных народов и учеными (GEO-4; Northern Lights..., 2003) теперь рассматривается как модель международного сотрудничества в деле реагирования на изменение климата.

Самоопределение и самоуправление через собственность и управление земельными и природными ресурсами являются важными условиями уверенности коренных народов Севера в их противостоянии с последствиями изменения климата (GEO-4; Arctic Climate..., 2005). Способствуют этому и специальные организационные формы, которые облегчают взаимодействие всех уровней управления, например, компании по природным ресурсам (GEO-4; Berkes, 2002).

Изменение климата, постоянное накопление ядовитых веществ и загрязнителей, повреждение стратосферного озонового слоя и развитие коммерческой деятельности – основные проблемы глобализации, которые неблагоприятно воздействуют на полярные регионы, напрямую вовлекая в свои процессы арктических жителей, и прежде всего коренные народы. Новейшие полярные исследования способствовали пониманию негативных воздействий на природу и привлекли к ним внимание международной общественности.

Коренные народы Крайнего Севера предложили ООН провести конференцию, посвященную защите традиционных культур от

последствий глобального потепления. «Изменение климата угрожает нашему образу жизни», – говорится в заявлении от имени северных народов России, Гренландии, Канады и Аляски. «Мы просим действий, а не симпатии или денег», – сказал вице-президент организации, объединяющей оленеводов скандинавских стран и России Олаф Матис Эйра. Организации народов Севера призывают ООН включить Арктику в число районов, особенно уязвимых для климатических изменений (Народы Крайнего Севера просят..., 2005).

Политическая активность коренного населения Севера вдохновляется, в частности, разработкой на международном уровне концепции прав человека. На уровне Северных регионов она включает передачу некоторых управленческих полномочий коренным жителям Финляндии и Скандинавии, расширение местного самоуправления в Канаде и Гренландии (GEO-4; Arctic Human Development Report, 2004), урегулирование требований на земли, и введение связанных с ними изменений в управление ресурсами и собственностью, как это было в 1971 г. у туземцев Аляски в связи с принятием Закона США об удовлетворении их исков. Все это – важные политические тенденции в жизни аборигенов Зарубежного Севера.

Эскимосы обратились в Межамериканскую комиссию по правам человека с жалобой на США. По их мнению, Соединенные Штаты, которые являются одним из самых крупных виновников глобального потепления, ставят существование эскимосов под угрозу. Межамериканская комиссия была создана Организацией Американских государств и не имеет властных полномочий. Но декларация о том, что Соединенные Штаты нарушили права эскимосов, может стать основанием для судебного иска либо в международном суде против США, либо в федеральном суде против американских компаний. Представители эскимосов сообщили, что они вместе с юристами изучали проблему глобального потепления в течение нескольких лет, и теперь решили начать процесс сбора доказательств для подачи иска. Доказательствами станут видеосъемки охотников и рассказы старейшин о том, как потепление климата повлияло на уклад их жизни. Возмущенные жители Севера, напоминают, что США занимает первое место в мире по объему выброса углекислого газа в атмосферу. Они считают также, что глобальное потепление, уже отрицательно

сказавшееся на традиционном образе жизни коренных народов Севера, – является нарушением прав человека. Эксперты по вопросам права считают, что если эскимосы добьются успеха в суде, то последует целый поток подобных исков со стороны других малочисленных народов.

Вызванное потеплением изменение климата отрицательно сказалось на традиционном образе жизни коренных народов Севера и является примером нарушения прав человека, считает глава конференции. «Это вопрос не только экологии, но также здоровья и выживания», – подчеркнула Уотт-Клотьер, добавив, что на протяжении последних десяти лет изменение климата все больше сказывается на привычной для инуитов среде (Орлов, 2005).

Петиция об изменении климата, принятая на Инуитской циркумполярной конференции в 2006 г. и зачитанная Шейлой Уотт-Клотьер на Межамериканской комиссии по правам человека.

«В течение более 20 лет инуитские охотники и старики сообщают об изменениях в окружающей среде. Наука и традиционные знания говорят о том же: таяние вечной мерзлоты, утончение и таяние морского льда, разрушение ледников, “вторжение” таких видов животных, которых не было ранее в Арктике, увеличение эрозии прибрежной полосы, удлинение и более теплые лето и более короткие зимы. Величина этих изменений варьирует на разных территориях, но постоянна по всей Арктике.

То, что происходит, воздействует фактически на каждый аспект жизни инуитов, людей “земли, льда, снега и диких животных”. Наша охотничья культура буйно расцветает на холоде. Нам необходим холод, чтобы поддерживать нашу культуру и образ жизни. Изменение климата становится окончательным приговором для инуитской культуры.

Для инуитов, потепление, вероятно, нарушит или даже уничтожит их охоту и пищу, поддерживающие культуру, когда сокращение морского льда повлияет на животных, от которых они зависят, которые станут менее доступными, или возможно вообще исчезнут.

Инуиты находчивы и умеют приспосабливаться. Мы должны выжить в Арктике. Но АСИА предвидит время, что в период жизни поколения наших внуков изменение окружающей среды будет настолько сильное, что инуиты больше не будут способны подде-

рживать свою охотничью культуру. Инуиты уже борются, чтобы адаптироваться к воздействию климатических изменений.

После больше чем двух лет подготовки мы представили сегодня петицию Межамериканской комиссии по правам человека, ... чтобы в Арктику прибыла комиссия, для выяснения, как влияет изменение климата на окружающую среду и инуитов. Мы находим, что ... Соединенные Штаты – всемирный источник более чем 25 % парниковых газов – нарушает наши права человека как провозглашено в Американской декларации о правах и обязанностях человека от 1948 г. Как мы видим в последние несколько дней, Соединенные Штаты продолжают отказываться сотрудничать с объединением народов для уменьшения выбросов парниковых газов.

...мы хотим, чтобы Соединенные Штаты прекратили нарушать наши права. Для этого Соединенные Штаты должны участвовать в международном сотрудничестве по сокращению эмиссии парниковых газов. Без такого абсолютного сокращения инуитские культура не выживет.

Арктика может помочь нам всем смотреть вне узко определенных национальных интересов, чтобы создать глобальную перспективу. Это – то, что необходимо, если мы должны противостоять изменению климата. “Голос с Севера” может помочь определить глобальный уровень сокращения выброса парниковых газов, необходимый для достижения цели» (Выступление Шейлы Уотт-Клотьер..., 2006). Та же тревога прозвучала в оглашенной тогда же «Декларации молодежи Арктики об изменении климата» (Declaration on climate change..., <http://>).

«Мы, молодежь циркумполярного Севера, понимаем, что мир стоит перед угрозой, не переживаемой когда-либо прежде в человеческой истории. Здесь в Арктике, где воздействия изменения климата происходят в ускоренном темпе, мы чувствуем, что наше разрушаются наше физическое окружение, наша культура и наша духовность.

Морской лед тает, береговые линии подвергаются разрушению, и человеческий род подвергается рискам. Общины вынуждены покидать земли, на которых основаны традиции и традиционные знания исчезнут. “Путь” аборигенных народов – под угрозой исчезновения. Наши экосистемы нарушены; мы уязвимы.

Мы обеспокоены тем, что научные исследования не встречаются понимания, и планы не осуществляются. Необходимо больше усилий вкладывать и отдельным лицам, и общинам, и правительствам, если мировое сообщество хочет уменьшить или полностью изменить воздействия климатических изменений. Мы заинтересованы, чтобы люди в целом все еще не подозревают или сомневаются об угрозе климатических изменений. Как люди могут мотивированы на положительные действия, если они не понимают безотлагательности ситуации?

Экономика больше не должна стоять перед здоровьем и благополучием.

Мы будем учиться, чтобы адаптироваться к климатическим изменениям, чтобы учитывать воздействия наших решений... Наши прошлые и будущие поколения связаны также, как Арктика связана с остальной частью мира. Выбор, сделанный в настоящее время показательно затронет будущее.

Мы обращаемся к Вам, чтобы вы помогли нам построить экономическую, политическую, и культурную инфраструктуру, необходимую для жизнеспособного будущего.

Если вы защищаете Арктику, Вы защищаете мир».

Инновационные политические и административные институты, появившиеся у инуитов, – четыре соглашения по урегулированию прав на традиционные инуитские территории, играют ключевую роль в выборе способов и возможностей, связанных с изменением климата. Предмет соглашения – это почти 40 % территории континентальной Канады и большая доля морских ареалов. Она включает почти половину береговых линий Канады, фактически всю территорию Нунавут и части территорий СЗТ, Юкона и двух провинций – Квебек и Ньюфаундленд и Лабрадор. Как земельные собственники регионов, наиболее уязвимых к воздействию меняющегося климата, инуиты играют ключевую роль в решении этой важной проблемы.

Соглашение о партнерстве, подписанное инуитами Канады и федеральным правительством 31 мая 2005 г., включает Инуитский план действия на три года. Одна из наиболее важных проблем в этом плане – вариабельность климата и его изменение. План предлагает: 1) предпринять меры, сочетающие достижения науки с инуитскими традиционными знаниями; 2) организовать управление инуитами процессов, связанных с их специфичес-

кими проблемами; 3) активизировать сотрудничество инуитов с правительством Канады в сфере миграции и адаптации; 4) следовать рекомендациям Арктической оценки воздействия климата (Arctic Climate Impact Assessment); 5) развивать исследования и проекты, поддерживающие инуитские усилия в адаптации; и 6) принять Канадскую арктическую стратегию, связанную с изменением климата, направленную на смягчение его последствий и адаптацию населения. В плане отмечена необходимость сотрудничества на ключевых международных направлениях по проблемам, связанным с изменением климата – Рамочной конвенцией по климатическим изменениям ООН (United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC)), Соглашением по биологическому разнообразию (Convention on Biological Diversity (CBD)), Североамериканской комиссией по сотрудничеству по проблемам окружающей среды (North American Commission for Environmental Cooperation), и Арктическим советом (From impacts to adaptation..., 2007, p. 106).

Через свои региональные, национальные и международные организации инуиты уже предприняли шаги, чтобы определить те последствия изменения климата, которые могут проявиться во многих областях жизни и деятельности инуитов. Среди них:

В сфере живой природы. Живая природа – больше чем средство к существованию и пропитанию для инуитов. Она играет роль сохранения и поддержания языка, культуры и традиционных знаний. Охота – это все еще социальный процесс обучения и передачи знаний в общинах. В отношении некоторых видов животных, имеющих жизненно важное значение для инуитов, (например, белого медведя) необходима сбалансированность интересов между их сохранением и охотой на них инуитами в будущем.

В сфере инфраструктуры. Инуитские общины расположены главным образом в низменных прибрежных зонах, и многие из них должны уже теперь предпринимать меры и для защиты береговых линий и строений, и для возможных в будущем перемещений из-за серьезного ущерба, наносимого эрозией берегов.

В сфере здравоохранения. Состояние здоровья инуитов уже подвергается угрозам под воздействием меняющегося климата. Возможность же их адаптации ограничена тем, что в инуитских общинах медицинская и аварийная службы менее доступны, чем в других частях страны.

В сфере традиционных знаний. Традиционные знания о природе (сезонные ритмы, предсказание погоды, миграции животных, количество и качество морского льда и т. п.) – все это важная часть инуитской культуры. Эти знания играют важную роль в развитии северной политики по охране живой природы и сохранения вымирающих видов животных. Новые климатические условия, наряду с другими факторами, негативно воздействующими на инуитские общины, несут угрозу утраты инуитских традиционных знаний. Однако осознание их важности для адаптивной стратегии инуитов, способствует росту понимания их огромного значения в будущем.

В сфере экономики. Изменение климата создает трудности для участия инуитов в рыночной экономике и в то же время требует увеличения их расходов. Инуиты уже начали адаптироваться к современной экономике через свои индивидуальные домохозяйства, находящиеся под ее сильным воздействием, которое, как ожидается, будет только усиливаться.

Неотложное управление. Подготовленность к чрезвычайным ситуациям – наиболее уязвимая сфера деятельности в небольших отдаленных общинах, в которых живут инуиты. Возрастание экологических опасностей подвергает инуитскую молодежь новым рискам. Чаще приходится предпринимать поисково-спасательные работы, которые становятся и более опасными. Возрастание потенциальных рисков для жизни и здоровья требует усовершенствования возможностей чрезвычайной помощи, планов и стратегий эвакуации в условиях стихийного бедствия.

Безопасность и независимость. Традиционные земли инуитов включают обширную арктическую береговую линию, и почти все их общины являются прибрежными. Возрастание судоходства и открытие арктических портов будут означать существенные перемены, среди которых – потенциальные риски, связанные с экологическими катастрофами (в т. ч. разливами нефти), социокультурные изменения, а также возрастание возможностей для развития рыночной экономики (From impacts to adaptation..., 2007, p. 106).

Совет первых наций Юкона также подготовил документ, представляющий перспективы аборигенов в связи с изменением климата и адаптации общин:

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Совет первых наций Юкона (CYFN) представляет 11 из 14 первых наций Юкона, также как четыре первые нации гвичин из региона дельты реки Макензи. Совету переданы полномочия по содействию ответственному управлению человеческими и природными ресурсами в пределах всей традиционной территории первых наций. Результат воздействия изменения климата на экосистемы уже очевиден. Он включает такие вещи, как изменение сезонного стока рек, инфекции, распространяемые насекомыми, и изменения в лесных массивах. Вместе с Советом атабасков Арктики, CYFN принимал участие в разработке «Оценки влияния изменения климата в Арктике» (Arctic Climate Impact Assessment) и поддерживает выполнение его основных рекомендаций. CYFN построил свою собственную стратегию относительно изменения климата, которая включает три основные проблемы:

- координация и управление деятельностью, предпринимаемой в ответ на климатические изменения;
- поддержка специальных исследований общин;
- поддержка коммуникаций, общего образования и развития партнерства (From impacts to adaptation..., 2007, p. 106).

Политическая организация народа дене, насчитывающего более 25 000 человек, живущих в 29 общинах в пяти культурно и географически отличающихся ареалах, также предпринимает действия в связи с изменением климата. Рабочая группа по окружающей среде (Denendeh Environmental Working Group – DEWG) при этой организации объединяет дене и представителей правительства, университетов и неправительственных организаций. Она провела семинары по изучению изменения климата и его влиянию на окружающую природную среду и человека. На них обсуждались вопросы изменения климата и воздействие этого процесса на леса, воду и рыболовство. Наблюдения дене за необычными изменениями климата и окружающей природной среды и его последствиями для индейцев опубликованы в документах Arctic Climate Impact Assessment (Оценка климатического воздействия в Арктике), в которых выделены четыре основные проблемы, включающие большинство из обсужденных вопросов:

Происходят ли сегодня перемены в жизни дене, и какую роль в этом процессе играет изменение климата роль? Что еще может порождать их?

Какие программы в связи с изменением климата уже существуют и какие возможности есть у наших общин для более активного участия как в исследованиях этих изменений, так и получения информации?

Осознавая важность этой проблемы, как мы должны сообщать информацию о происходящих процессах друг другу и директивным органам, правительству и другим заинтересованным лицам вне Севера?

Действительно ли Рабочая группа по окружающей среде (DEWG) – подходящий механизм для обсуждения изменения климата? Какие еще вопросы должны мы обсуждать в ее рамках, и что еще мы должны делать? (From impacts to adaptation..., 2007, p. 106).

Исследования и рекомендации

Влияние на малые народы агрессивного промышленного развития на их территориях активно исследуется. Потепление климата вносит свои коррективы в эту проблему, поскольку оно влечет глобальные и необратимые последствия, усугубляя ситуацию.

Как заявил еще в 2003 г. на открытии Всемирной конференции по изменению климата министр окружающей среды Канады Дэвид Андерсон, таяние снегов в Арктике из-за глобального потепления климата может создать угрозу для населения северных районов Канады. «Климатические изменения уже являются реальной угрозой в Арктике, в том числе это непосредственно касается Канады», – отметил он и подчеркнул, что вопрос о выселении народностей, обитающих на севере страны, в частности, эскимосов, может быть рассмотрен правительством Канады в ближайшее время. «Доклады ученых звучат устрашающе, но сидеть сложа руки – это рискованная политика, мы должны этого избегать», – добавил министр (Мурашев, 2003). Канадские власти не исключают возможности выселения народов северных районов страны в связи с угрозой подтопления суши из-за глобального потепления климата.

Пример переселения коренного народа на новые места обитания уже есть. Так, в 1953 г. эскимосы из провинции Квебек переселились на острова Канадского арктического архипелага, когда в районах их прежнего обитания почти исчезли карибу. В

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

настоящее время сложность их ситуации в том, что численность карибу из-за взрывов во время сейсмической разведки на новой территории стала быстро сокращаться. Эскимосы, не желающие отказываться от промыслового хозяйства как важного источника жизнеобеспечения, снова вынуждены думать о новом переселении (Hackman, Freeman, 1978, p. 235–249; Агранат, 1984, с. 154; Van Stone, 1974, p. 10–11; Motyka, Reichardt, 1979, p. 6–11; Файнберг, 1991).

Но это – единичные случаи локального масштаба. Если же возникнет проблема глобального переселения многих народов, то оно станет дополнительной угрозой существования этносов, поскольку процессы адаптации усложняются в тех случаях, когда одновременно с перемещением на новую территорию этнические группы попадают в незнакомую этнокультурную среду. Исследователи таких процессов пришли к выводу, что «как правило, в данной ситуации перед всякой этнической группой поначалу встает задача, порой даже не вполне осознаваемая, сохранения своей целостности и этнокультурного единства, основой чего является, прежде всего, обеспечение нормального, а по возможности расширенного воспроизводства населения. Лимитирующими факторами данного процесса могут служить, с одной стороны, численность и демографическая структура самих мигрантов, поскольку от этого в первую очередь зависят репродуктивные возможности популяции, а с другой – влияние на здоровье непривычных природно-экологических и социальных условий. Важность именно этого аспекта доказывается многими историческими примерами, когда неполноценная биологическая и демографическая адаптация оказывались причиной последующей деградации хозяйства переселенческой группы и ее ассимиляции местным населением» (Комарова, 1991).

Имеется немного исследований, которые рассматривают риски, связанные с меняющимся климатом по зональному распределению опасностей и адаптации к ним северных общин. Ньютон и др. (Newton, Paci, Ogden, 2005, p. 541–571) считают, что такие прикладные исследования должны проводиться в сотрудничестве с северными общинами и группами аборигенов, для того, чтобы использовать местные знания таких условий. Многие исследователи отмечали и важность сочетания научного познания и традиционных знаний, при анализе всех аспектов воздействия

изменения климата и локальной реакции на него (Parlee, Manseau, Lutsel, 2005, p. 26–37; Gearheard et al, 2006, p. 203–211; Laidler, 2006, p. 407–444).

Форд и др. (Ford, Smith, Wandell, 2006) исследовали значение традиционных навыков и знаний, сетей социальных связей и адаптационной гибкости инуитов, прежде всего среди охотников, применительно к их уязвимости в связи с изменением климата. Традиционные системы знания и навыки – основные компоненты индивидуальной реакции северян на социальные и природные изменения (Nuttall et al, 2006, p. 649–690; Ford, Smith, Wandell, 2006, p. 145–160). Однако из-за утраты этих сведений и умений, (вследствие возрастания возможностей доступа к современным экономическим ресурсам и технологиям, особенно у молодежи), адаптивные возможности аборигенов снижаются (From impacts to adaptation, 2007, p. 109).

Рекомендации Чапина и Форда сводятся к такой политике адаптации, которая нацелена на поддержание приспособительных возможностей в разных областях жизни северных общин и включает в себя такие меры, как вариабельность в управлении ресурсами, поддержка формализованного обучения навыкам и знаниям для участия в традиционной экономике. Они также обращают внимание на обучение молодых северян таким навыкам, которые помогли бы им получать выгоды от быстро изменяющейся социальной, экономической и природной среды Севера (Chapin et al, 2006, p. 198–202; Ford et al, 2007, p. 150–166; From impacts to adaptation, 2007, p. 109).

Изменение качества естественной среды, сказывающееся на количественных характеристиках в рыболовстве и лесоводстве, требует разработки адаптационных мер широкого спектра – от пересмотра методов управления до совершенствования используемого снаряжения. Такие же действия необходимо будет предпринимать и в других секторах хозяйства, связанных с изменениями в биоразнообразии, например, пересмотреть режимы регулирования и границы ареалов распространения защищаемых животных. Мероприятия по защите тех видов животных, которым угрожают новые климатические условия, например, стадам карибу в центральной и западной Арктике, опосредованно помогут сохранить здоровье аборигенов и поддержать их культуры. В одном из немногих исследований были разработаны

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

оценки затрат на адаптацию инфраструктуры в шести общинах СЗТ. Предварительная стоимость адаптации оценивалась в 420 млн. дол. (From impacts to adaptation, 2007, p. 104). Эти разработки были представлены другим общинам в СЗТ.

Доступ к рыночной экономике обеспечивает средствами для адаптации через закупку охотничьего снаряжения (например, лодок, мобильной связи, снегоходов), что, в то время, позволяет отдельным лицам охотиться на большее количество животных и на большей территории. Изменение климата действует разнонаправлено на основные движущие силы развития в любой общине или регионе, которые, в свою очередь, могут быть усилены, ослаблены или перенаправлены. Однако многие из этих общин испытывают недостаток денежных средств, чтобы купить новое и более мощное охотничье снаряжение и транспортные средства, что препятствует адаптации к изменяющимся природным условиям. Мерами адаптации в таких случаях могут стать межобщинные торговые программы по закупке мощных морозильных камер, что уже было поддержано некоторыми общинами.

Отдельной проблемой в новых условиях на Севере становятся взаимоотношения ресурсных секторов экономики и аборигенов. Именно в них, включая гидроэнергетику, нефть и газ, горную промышленность, лесоводство и рыбную ловлю, ожидаются главные изменения. На локальном уровне мероприятия, проводимые в этих секторах, должны способствовать адаптации аборигенов к новым природным условиям, например, к изменениям, связанным с новыми по времени и по объемам таяния снегов. Необходимо учесть будущих паводков и даже затопления новых территорий, что может способствовать получению дополнительного объема получаемой энергии, особенно к северу от системы реки Макензи. Там, где старая инфраструктура расположена поверх тающей вечной мерзлоты, некоторые адаптивные меры уже принимаются, например, в горнодобывающей промышленности. Однако начавшееся и прогнозируемое усиление таяния вечной мерзлоты требует корректировок. В нефтегазовой промышленности изменение климата затронет разработку месторождений, производство и доставку продукта. Например, сокращение паковых льдов, будет благом для эксплуатации и развития этой отрасли, а в энергетике и добывающих секторах оно может способствовать более эффективному производству.

Некоторые адаптационные программы основаны на эксплуатации природных ресурсов. Поэтому жители регионов, обладающих ими, имеют достаточно большие возможности для адаптации в ближайшей перспективе, если смогут извлечь выгоду из такой деятельности. Однако, как отмечено судьей Бергером (From impacts to adaptation, 2007, p. 109), инуиты (и в этом отношении – все северяне) должны обучаться, чтобы быть готовыми принять участие в экономических возможностях, которые будут созданы на Севере (например, усовершенствование и развитие нефтегазового комплекса, интенсивная эксплуатация минеральных ресурсов, расширение транспортных возможностей и др.). К сожалению, современные требования квалифицированного труда и формального образования часто ограничивают возможности северян в использовании этого преимущества.

Реализация такой политики требует включения в нее государственных институтов. Особая важность придается способам взаимодействия организаций и отдельных лиц с государственным сектором, в частности, через правительственные и неправительственные организации. Уже наработаны некоторые подходы к участию государства в решение проблем Севера, в т. ч. связанных с новыми природными явлениями. В таких случаях планы адаптации реализовывали либо ведомства и организации, либо объединения, где были представлены аборигенные организации, представители правительства и широкая общественность. Таким образом определялись общие направления в решении этих проблем, осуществлялась мобилизация имеющихся локальных, территориальных и региональных возможностей. Успешность таких действий, несомненно, зависит от эффективной экспертизы климатических изменений, а также от проведения организационных мероприятий по общественной безопасности и экономическому развитию. Таким образом достигается использование существующих институционных возможностей для сближения интересов, связанных и с климатом, и с уже проводимой политикой развития Севера.

Международный уровень

Глобальное потепление вызывает тревогу не только у ученых специалистов. Озабоченность проявляет и общественность, и правительства во всем мире. В 1988 г. Всемирная метеорологическая

организация и Программа ООН по окружающей среде создали Межправительственную группу экспертов по изменению климата (МГЭИК, или IPCC, от Intergovernmental Panel on Climate Change), которая каждые 5–6 лет публикует доклады о будущих переменах в климате и возможном их влиянии на различные виды хозяйственной деятельности. Сегодня МГЭИК – наиболее авторитетная организация в этой области (Мелешко, 2004).

С 1997 г. ЮНЕП (UNEP – United Nations Environment Programme) публикует отчеты «Глобальная экологическая перспектива» (ГЕО), в которых дается оценка взаимодействию общества и окружающей среды. В составлении этих отчетов, как правило, принимает участие большое количество специалистов в разных областях знания, которые дают научные оценки происходящим в мире процессам, связанным с окружающей средой. Отчеты ГЕО публиковались в 1997, 1999 и 2002 гг.

Наиболее масштабным проектом стал четвертый отчет «Глобальная экологическая перспектива: окружающая среда для развития человека» (ГЕО-4), опубликованный в 2007 г. В нем представлены как научные, так и политические аспекты проблемы, в том числе оценка прогресса, достигнутого при решении важнейших проблем окружающей среды и развития; подчеркнута ключевая роль окружающей среды в развитии и благосостоянии человека. Подготовка отчета началась в 2004 г. с крупномасштабных совещаний. Так, в феврале 2004 г. состоялось межправительственное совещание, на котором рассматривался вопрос об укреплении научной базы ЮНЕП. В этом совещании участвовало более 100 правительств и 50 партнерских организаций. В сентябре–октябре 2004 г. последовали региональные совещания, на которых были определены важнейшие проблемы окружающей среды на глобальном и региональном уровнях. Над отчетом работало десять групп экспертов (по числу глав отчета), результаты работы которых многократно обсуждались на специальных совещаниях, рассматривались независимыми и правительственными экспертами. В результате в 10 главах доклада ГЕО-4 представлен обзор проблем окружающей среды; ее состояние и тенденции в период с 1987 по 2007 гг.; человеческий аспект изменений окружающей среды; прогноз на будущее в рамках четырех сценариев; возможные курсы для обеспечения устойчивого будущего.

В докладе ООН о развитии человека за 2007/2008 год отмечалось, что в международном сотрудничестве по борьбе с последствиями климатических изменений необходим двусторонний подход. Приоритетная цель – смягчение последствий, которые можно контролировать, и разработка мер адаптации, которые контролировать нельзя. Адаптация частично является инвестицией в «климатическую защиту» основной инфраструктуры. Но в тоже время меры адаптации должны давать возможность людям управлять рисками, связанными с трансформацией климата изменениями, без ущерба человеческому развитию. Климатические изменения создают очень серьезную угрозу, поскольку подвергают уязвимые группы населения постепенно возрастающим рискам. Людям необходимо дать возможность управлять этими рисками, и для этого требуется государственная политика, гарантирующая стабильность, которая достигается инвестированием в развитие инфраструктуры, социальное страхование и совершенствование мер борьбы со стихийными бедствиями (Доклад о развитии человека 2007/2008).

Однако универсальных планов успешной адаптации к климатическим изменениям не существует. Во-первых, они по-разному проявляются в разных частях света. Во-вторых, страны, страдающие от их последствий находятся на разных уровнях экономического развития. В-третьих, государства не равны по своим технологическим и финансовым возможностям.

Во многих странах мира проводятся исследования воздействий климатических изменений на различные сектора экономики и население, для чего разрабатываются специальные отраслевые программы и осуществляются региональные проекты. Адаптация к изменению климата становится неотъемлемым элементом стратегии устойчивого социально-экономического развития любого государства.

Руководящие принципы Многостороннего соглашения по окружающей среде (Multilateral environmental agreement – МЕА) и международная политика в этой сфере играют все большую роль в законодательных системах приполярных стран. Концепция жизнеспособного развития и принципы соглашения имеют особенно важное значение для ранимой Арктики. Объединение проблем устойчивого развития северных общин и сохранения естественной окружающей среды – ключевые ком-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

поненты циркумполярных соглашений и программ (GEO-4; AC Declaration..., 1996).

Контроль и проектирование научных моделей демонстрируют, что они могут быть эффективны. Однако это станет возможным только при вовлеченности МЕА в принятия решений. К сожалению, МЕА не в состоянии адекватно отвечать на вызовы и угрозы изменения климата и загрязнения окружающей среды, поскольку те остаются неурегулированными в международном аспекте. Прогресс в осуществлении этих действий происходит относительно медленно, несмотря на институционализацию принципов устойчивого жизнеобеспечения (Harding, 2006, p. 229–239).

В четвертом докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC) (Climate Change, 2007) особое внимание было уделено последствиям климатических изменений для здоровья населения, наблюдаемых уже повсеместно. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун считает, что данные, приводимые IPCC, звучат как прямой призыв к действию. Этой проблеме посвящен и доклад Программы развития ООН (ПРООН) о развитии человека 2007/2008 «Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире» (Доклад о развитии человека 2007/2008).

Некоторые страны, обеспокоенные потеплением климата, уже подготовили планы действий по снижению локальных рисков, связанных с изменениями климата, в т. ч. и для здоровья населения. Однако, по мнению разработчиков доклада ООН о развитии человека, «время уже упущено, поскольку меры по адаптации только начинают разрабатываться».

Там же замечено, что «адаптация становится эвфемизмом для социальной несправедливости на глобальном уровне». В то время как жители богатых государств защищены от влияния климата, люди, страдающие от бедности и голода, уязвимые перед стихийными бедствиями, сталкиваются с ужасающими реалиями климатических изменений в повседневной жизни.

Богатые страны могут использовать свои огромные финансовые и технологические ресурсы, чтобы защититься от изменений климата хотя бы на краткосрочную перспективу. Однако по мере того как климатические изменения будут уничтожать средства существования, вытеснять людей с их территорий и

подрывать целостность экономических и социальных систем, ни одна страна, даже самая богатая и влиятельная, не останется в стороне от последствий изменения климата.

Правительства северных стран подписали в 1992 г. Рамочную конвенцию ООН по изменению климата (РКИК ООН). Эти государства приняли решение оказывать помощь «развивающимся странам, которые наиболее подвержены неблагоприятному воздействию климатических изменений, в покрытии расходов на адаптацию к этому неблагоприятному воздействию». Однако в течении последующих 15 лет это обязательство не было принято никаких конкретных действий.

Необходимые условия поддержки мер адаптации к климатическим изменениям: рост финансирования, интеграция в применении мер адаптации, создание согласованной многосторонней структуры для оказания поддержки. До настоящего времени международное сотрудничество в разработке мер адаптации характеризуется хроническим недофинансированием, слабой координацией и неспособностью перейти к упреждающим действиям взамен реагирования на уже произошедший катаклизмы.

Такие европейские страны, как Франция, Германия и Великобритания, создали национальные государственные структуры для планирования мер адаптации. Европейская комиссия призвала членов союза включить такие меры в программы по развитию инфраструктуры. При строительстве объектов инфраструктуры со сроком действия 80–100 лет (например, мостов, портов и скоростных дорог) необходимо учитывать потенциальные изменения климатических условий. Такие отрасли, как сельское хозяйство и лесная промышленность, гораздо раньше столкнутся с последствиями изменений климата, чем общество в целом.

Многие развитые страны уже провели детальные исследования последствий изменений климата. Некоторые государства переходят к осуществлению стратегий адаптации к изменениям климата:

Великобритания. «Программа противодействия климатическим осложнениям» (UKCIP) содержит детальные региональные и секторальные исследования по проблемам адаптации к изменениям климата. В Великобритании правительственные

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

организации подсчитали, что каждый доллар, вложенный в средства защиты от наводнений, экономит около 5 долл., потерянных от наводнений.

Япония. Здесь внимание к разработке мер адаптации к изменению климата усилилось в 2004 г., когда страна подверглась разрушительному влиянию десяти тропических циклонов. Ввиду прогнозируемого роста уровня моря на 1 м в течение XXI в. разрабатывается программа более эффективных систем защиты от наводнений.

Германия. После крупных наводнений в 2002 и 2003 гг. Германия приняла Закон о контроле за наводнениями, включающий оценку климатических изменений в процесс национального планирования и наложивший строгие ограничения на использование затопляемых областей и поселений.

В Египте повышение уровня моря на 0,5 м может привести к экономическим потерям свыше 35 млрд. долл. и перемещению 2 млн. жителей. В стране под руководством Министерства окружающей среды разрабатываются государственные меры адаптации к климатическим изменениям.

Во Вьетнаме агентства ООН при содействии Министерства сельского хозяйства и развития сельских районов разработали всеобъемлющую стратегию снижения риска наводнения в устье р. Меконг. Стратегия включает привлечение инвестиций, направленных на укрепление систем дренажа, дамб и траншей вокруг поселений и сельскохозяйственных угодий, а также оказание поддержки для восстановления мангровых лесов.

В докладе ООН подчеркнуто, что «деятельность по планированию мер адаптации к изменениям климата должна рассматриваться не как новое направление государственной политики, а как неотъемлемая часть стратегии сокращения бедности и развития человека» (Доклад о развитии человека 2007/2008).

Международные ответные меры реализуются через такие механизмы, как Глобальный экологический фонд (ГЭФ), но они скудно финансируются, плохо скоординированы и плохо управляемы (Доклад о развитии человека 2007/2008).

Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) также содержит грандиозные планы действий по обеспечению мер адаптации к климатическим изменениям. Она призывает к международному сотрудничеству в сфере подготовки и

борьбы с последствиями климатических изменений в самых различных областях: от сельского хозяйства и надзора за береговой линией до расположенных на низменных территориях городов, подверженных риску наводнений. В рамках этой широкой стратегии богатые государства должны оказывать помощь особенно уязвимым перед воздействием климатических изменений развивающимся странам, предоставляя финансовую поддержку.

Многосторонние механизмы адаптации к климатическим изменениям разрабатывались в рамках ряда инициатив. Под эгидой ГЭФ были созданы два фонда РКИК ООН: Фонд наименее развитых стран (ФНРС) и Специальный фонд по изменению климата (СФИК). Оба фонда финансируются за счет добровольных взносов. В 2006 г. был создан еще один механизм – Специальный приоритет адаптации (СПА), предназначенный для финансирования пилотных проектов из ресурсов ГЭФ на трехлетний период. Основная задача фондов ГЭФ – снижение уровня уязвимости стран перед климатическими изменениями путем поддержки проектов, расширяющих возможности адаптации к изменениям климата. После вступления в силу Киотского протокола в 2005 г. был создан еще один потенциальный источник финансирования – Адаптационный фонд, финансируемый за счет операций в рамках Механизма чистого развития (МЧР). Результаты выполнения обязательств можно обобщить следующим образом (Доклад о развитии человека 2007/2008):

Фонд наименее развитых стран. Созданный в 2001 г., ФНРС на настоящий момент собрал взносы от 17 доноров в размере чуть менее 157 млн. долл. Менее половины этой суммы было перечислено на счета ГЭФ. Фактические расходы на оказание помощи через осуществление различных проектов составило 9,8 млн. долл. Самым значимым результатом существования ФНРС на сегодняшний день стала реализация 20 проектов НПАД. Многие из них включали полезную аналитическую работу, дающую представление о приоритетах деятельности.

Специальный фонд по изменению климата. С момента основания в 2005 г. Фонд накопил взносы в размере 67,3 млн. долл., из которых 56,7 млн. долл. предназначены именно для разработки мер адаптации к климатическим изменениям. Фонд был создан с целью удовлетворения долгосрочных потребностей развивающихся стран при адаптации к изменениям климата в сфе-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

рах здравоохранения, сельского хозяйства, сохранения водных ресурсов и защиты экосистем. Фактические расходы в рамках проекта на настоящий момент составляют 1,4 млн. долл.

Специальный приоритет адаптации. Этот фонд был создан в 2004 г. В рамках данного проекта планировалось направить 50 млн. долл. на пилотные проекты в различных сферах деятельности, особенно контроля за экосистемами. Обязательства включали расходы в размере 28 млн. долл., из которых 14,8 млн. долл. уже были выплачены.

Адаптационный фонд. Этот фонд был создан для поддержки «конкретных действий», и должен финансироваться за счет 2%-го сбора с кредитов, выделяемых через проекты МЧР. В случае успешной реализации эти сборы к 2012 г. принесут общий доход в размере 160–950 млн. долл. в зависимости от объемов торговли и уровня цен. Однако Фонд адаптации пока не выполняет поставленные задачи из-за противоречий по вопросу управления Фондом.

К середине 2007 г. фактические объемы финансирования различных инициатив под эгидой РКИК достигли 26 млн. долл. Эта сумма равна еженедельным расходам на защиту от наводнений в Великобритании. Между тем, в рамках плана защиты Венеции от повышения уровня моря планируется потратить 3,8 млрд. долл. в течение ближайших 8 лет. Недостаточное финансирование – не единственное препятствие мешающее разработке эффективных стратегий адаптации к климатическим изменениям. Во многих странах адаптация не рассматривается как важное направление в рамках национальных программ. Национальные правительства решают задачи, связанные с адаптацией к климатическим изменениям, в основном вне бюджетного планирования и проектов борьбы с бедностью (Доклад о развитии человека 2007/2008).

«Международное сообщество сейчас осознает, что изменение климата станет одной из основных проблем XXI столетия», – заявил генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, в своем докладе (Последствия изменения климата..., 2007), который должен был привлечь внимание международного сообщества к этой проблеме и обеспечить всеобщую поддержку усилий по сохранению и защите объектов мирового культурного и природного наследия в связи с глобальным изменением климата.

Таким образом, все страны вынуждены адаптироваться к климатическим изменениям. В богатых странах разрабатывается система государственных капиталовложений и масштабные стратегии для защиты своих граждан. Некоторые из уязвимых групп, живущих в условиях риска засухи, наводнений и тропических штормов, вынуждены бороться со стихией с использованием крайне ограниченных ресурсов. Неравенство в средствах адаптации к климатическим изменениям становится потенциальным движущим фактором усиления неравенства в благосостоянии, безопасности и возможностях развития человеческого потенциала. Как предостерегает Дэмонд Тугу, бывший архиепископ Кейптауна, «мы дрейфуем к ситуации глобального адаптационного апартеида» (Доклад о развитии человека, 2007/2008).

Недостаточное внимание к проблеме адаптации к глобальным климатическим изменениям подорвет перспективы человеческого развития. Необходимы срочные меры по смягчению негативных последствий климатических изменений, поскольку само по себе планирование мер адаптации, независимо от объемов финансирования или тщательности разработки, не поможет защитить бедных во всем мире при сохранении нынешней тенденции к изменению климата. Адаптация – единственная альтернатива.

Стратегия адаптации в России

В северном регионе России социальные последствия климатических изменений, в т. ч. для здоровья населения, наиболее ощутимы. Назрел вопрос о социально-экономическом развитии северных территорий России в тесной увязке с решением проблемы их комплексной безопасности. Особое место занимают проблемы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые испытывают серьезный экологический «прессинг» из-за продолжающегося загрязнения и нарушений природной среды. Надежная оценка климатических изменений, выработка рекомендаций и своевременных мер, способствующих адаптации малочисленных народов Севера к новым природным реалиям в условиях экономического развития их территорий, приобретают немаловажное значение.

Закон РФ «О безопасности» определяет безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности,

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

общества и государства от внутренних и внешних угроз»; признает основными объектами безопасности «личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность».

В утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.01.2000 №24 Концепции национальной безопасности Российской Федерации одним из направлений обеспечения национальной безопасности является разработка механизмов поддержки жизнедеятельности и экономического развития особо кризисных регионов и районов Крайнего Севера.

Данная цель предполагает решение двух взаимосвязанных задач с учетом основных направлений реформирования системы государственной поддержки районов Севера, определенных постановлением Правительства Российской Федерации от 31.12.1997 №1664, в т. ч. касающихся непосредственно народов Севера: создание эффективной системы социальной поддержки коренных малочисленных народов Севера; совершенствование механизма сезонного завоза продукции для гарантированного обеспечения продовольственной и энергетической безопасности северных населенных пунктов.

Особое место в нормативной правовой базе, регулирующей различные аспекты обеспечения безопасности северных регионов, занимает Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера, утвержденная постановлением Правительства РФ от 07.03.2000 №198. В Концепции определено, что «Север – это высокоширотная часть территории России, характеризующаяся суровыми природно-климатическими условиями, обуславливающими повышенные затраты на производство продукции и жизнеобеспечение населения. К районам Севера относятся полностью или частично территории 6 республик, 3 краев, 10 областей и 8 автономных округов. Здесь проживает свыше 11,7 млн. человек, из них более 200 тыс. человек – представители 30 коренных малочисленных народов Севера» (Акимов, 2008).

При разработке государственных программ по раннему выявлению, профилактике и минимизации негативного влияния климатических изменений на здоровье населения российской Арктики необходимы совместные усилия климатологов, мете-

орологов, гидрологов, ветеринаров, зоологов, микробиологов и вирусологов, врачей, специалистов в области моделирования и прогнозирования природных и социальных процессов. В основу таких программ федерального и регионального уровней должны быть положены три основных принципа (Влияние глобальных..., 2008):

■ принцип предупреждающих действий, заключающийся в применении своевременных мер по оповещению ответственных органов власти и других заинтересованных сторон о возможных последствиях влияния климатических изменений на здоровье населения и по ликвидации имеющихся источников/причин этого влияния;

■ принцип предосторожности (предупредительности), направленный на предупреждение негативного влияния климатических изменений на здоровье населения путем проведения оценки и превентивных эпидемиологических мероприятий;

■ принципы медицинской этики, принятые Всемирной медицинской ассоциацией (Амелина, 2008).

По словам заместителя председателя комитета по проблеме Севера и Дальнего Востока Госдумы Р. Гольдштейна, в этой ситуации для решения назревающих проблем нужно объединить усилия ученых, политиков и промышленников. «Нужен государственный подход к решению этой проблемы. Он должен включать в себя комплекс мероприятий по прогнозированию ситуации, разработку стратегии комплексной безопасности северных территорий, комплекс нормативных актов по законодательному обеспечению безопасности населения», – считает он (Стратегия безопасности Севера..., 2008). Во-первых, нужна не просто информация, а детальная, квалифицированная оценка метеорологической ситуации на территории. Во-вторых, – описание факторов риска, характерных для этого региона. Так, для территорий Крайнего Севера, где коренные народы традиционно выходят на охоту, рыбалку, нужно просчитать, как это на них отразится. Если зона вечной мерзлоты, – нужно знать, что произойдет с инженерными сетями. Возможно, такой план будет реализован на одной из арктических территорий (Ревич, 2008).

С целью анализа и оценки влияния глобальных изменений климата на здоровье населения, проживающего в российской

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Арктике, а также для выработки рекомендаций по основным направлениям политики в области здравоохранения и климата в России Арктическая инициатива ООН под эгидой Постоянного координатора ООН в РФ и при участии представительств Программы развития ООН (ПРООН), Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), а также Арктической программы по мониторингу и оценке Арктического совета (АМАР) провела первую рабочую международную встречу экспертов «Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики» (май 2008 г.). В работе семинара приняло участие более 80 ведущих российских и зарубежных специалистов. Материалы представленных на ней докладов использованы при подготовке настоящей публикации (Влияние глобальных..., 2008).

В 2007 г. в Москве прошел круглый стол «Обеспечение прав коренных малочисленных народов России на традиционный образ жизни и защиту среды обитания при разработке и применении природоресурсного законодательства», организованного комитетом по проблемам Севера и Дальнего Востока Госдумы. Он был посвящен вопросам обеспечения безопасности населения северных регионов РФ. Участники встречи высказали, что угроза для безопасности жизни населения северных районов усиливается с каждым годом. Одной из причин этого являются природно-климатические изменения (О комплексном подходе..., 2008).

Уже в 2005 г. Центр содействия коренным малочисленным народам Севера России (ЦСКМНС/РИТЦ) приглашал к сотрудничеству экспертов по проблемам изменения климата (глобальное потепление) и его влияния на жизнедеятельность КМНС (<http://www.csipn.ru/news/csipn...>).

Проблемам адаптации коренного населения Крайнего Севера к меняющейся окружающей среде и условиям жизни был посвящен международный семинар «Снежный покров», прошедший с 7 по 10 апреля в Республике Саха (Якутия) («Снежный покров»..., <http://>).

В мае 2008 г. в Министерстве внешних связей Республики Саха состоялась встреча с членами международной экспедиции, прибывшими в Якутию из Финляндии. Цель визита финской делегации – сбор материала по международному проекту

«Экологические традиции коренных малочисленных народов Севера в контексте глобального потепления климата». Ученые рассказали о своих изысканиях в этой области и сотрудничестве по проблемам коренных малочисленных народов Арктики с Мурманской областью и зарубежными странами: Норвегией, Канадой, США. Обсуждены проблемы сохранения традиций и уклада жизни коренных малочисленных народов Якутии в условиях глобального потепления климата (Информационный центр..., 2008).

Результаты российских и международных исследований в области воздействия климатических изменений на ключевые сектора экономики Арктического региона и Мурманской области, включая рекреационный потенциал территорий, здоровье населения и образ жизни коренных народов Севера были представлены на международной конференции «Адаптация к изменению климата и ее роль в обеспечении устойчивого развития регионов», организованная Программой развития ООН и Российским региональным экологическим центром при поддержке Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, администрации Мурманской области и Института промышленной экологии Севера Кольского научного центра РАН. Участники конференции согласились, что последствия климатических изменений уже проявляются и наносят значительный экономический ущерб, угрожают стабильному существованию экосистем, а также здоровью и жизни людей. Выработана адаптационная стратегия для Мурманской области (Мурманская область..., [http](#):).

Глобальное потепление создает для северных территорий новые ситуации и новые угрозы, требующие принятия комплексных государственных мер. В апреле 2008 г. в Москве состоялась Научно-практическая конференция «Обеспечение комплексной безопасности северных регионов Российской Федерации» прошла в Национальном центре управления в кризисных ситуациях МЧС России. Последствия изменения климата несут в себе особую угрозу для выживания коренных малочисленных народов Севера, уклад жизни которых основан на традиционных видах хозяйственной деятельности, теснейшим образом связанных с природой. «МЧС как ведомство, ответственное за безопасность, не может не принимать этого во внимание, нас интересует ши-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

рокий круг вопросов, связанных с Севером, с жизнедеятельностью проживающего там населения», – подчеркнул заместитель министра Р. Цаликов (Амелина, 2008).

По словам Цаликова, «задача обеспечения безопасности коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока становится одной из приоритетных для МЧС России на ближайшие годы» (Глобальное потепление накроет..., <http://>). Главное – найти пути противодействия рискам. А для этого необходима комплексная программа, которую и предполагается выработать совместными усилиями МЧС, Федерального собрания, научного сообщества. «Уже сейчас необходимо на государственном уровне осознать новые угрозы и провести адекватную политику в районе Крайнего Севера». Решить проблемы защиты северных территорий возможно в рамках Федеральной целевой программы по экономическому и социальному развитию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (Глобальное потепление уничтожит..., 2008).

Человечество объединяется с целью приспособления к жизни в новых условиях. Глобальное изменение климата неизбежно и будет сопровождаться природными катаклизмами, к предотвращению последствий которых должны быть готовы как национальные государства, так и международные организации. Необходимо вкладывать ресурсы в разработки долгосрочных климатических прогнозов для конкретных регионов, на основании которых можно было бы предсказывать вероятность природных катастроф и заблаговременно принимать меры по защите населения и инфраструктурных комплексов. В этом случае человечество спокойно переживет «глобальное потепление», – с минимальными потерями. Необходимо, пока еще не поздно, приступить к разработке социальных и технологических проектов, обеспечивающих существование человечества в новых условиях, разработать научно обоснованную стратегию формирования системы комплексной безопасности северных регионов (Житнюк, 2007).

Заключение

На экосистемы и население Севера оказывают комбинированное воздействие разные факторы: изменение климата, загрязнение окружающей среды, истощение рыбных запасов, инновации в землепользовании, разрушение или фрагментация

среды обитания, увеличение роста численности населения, экономические и культурные преобразования. Эти множественные факторы могут усугубить воздействие изменения климата на состояние экосистем и здоровье людей. Степень негативного влияния каждого из них и характер их совокупного воздействия в большой мере будет определяться конкретными условиями в различных регионах Севера.

Несмотря на изменения, происшедшие в культурах коренных народов вследствие массивированного промышленного развития их территорий в XX в., они остаются во многом зависимыми от экосистем, в которых формировались их культуры. И не только в культурном отношении, но и биологически, и психически (Алексеева, 1986, с. 150, 159).

Однако беспрецедентная быстрота, с которой в последнее время происходят климатические перемены, по мнению экспертов, может поставить под угрозу само существование коренных народов Севера, жизнь которых неразрывно связана с природной средой. Потепление может привести к дальнейшей деградации окружающей среды, катастрофическому нарушению природного баланса, необратимо нарушить условия ведения традиционного хозяйства и поставить под вопрос сохранение этих народов как культурного феномена человечества.

В докладе ООН отмечается, что в отсутствие согласованных национальных действий, подкреплённых международной поддержкой, климатические изменения могут превратиться во все более мощный фактор распространения бедности и неравенства (Доклад о развитии человека 2007/2008).

Проблема обостряется также из-за недостатка доступных, культурно приемлемых альтернатив. Глобальные экологические изменения в наше время, когда человечество неразумно расходует невозобновимые ресурсы в целях промышленного развития и комфортного проживания, а ныне и мировой кризис, усложняют процессы адаптации малочисленных народов к переменам. По-видимому, многое из всего того, что человечество получило в процессе «покорения Природы», ему нужно будет потратить на приспособление к новым условиям. Не только в целях своего выживания, но и в целях сохранения культурного многообразия человечества. Долгосрочные решения требуют, чтобы арктический образ жизни и опыт учитывался при выборе коренными народа-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

ми способов их адаптации в индустриальных и сельскохозяйственных ареалах. Между тем, такие упреждающие долгосрочные программы в Российской Федерации еще не разработаны.

Но совершенно очевидно, что время для принятия комплексных программ по изучению влияния изменения климата на сообщества людей, особенно живущих в зонах риска, назрело. Необходимо выявление этих зон риска, исследование их особенностей, для учета их при промышленном развитии и строительстве инфраструктуры, с тем чтобы быть готовыми к принятию решений еще до того, когда изменения окружающей среды станут необратимыми и неуправляемыми.

В древности природные катаклизмы и в особенности быстрое изменение климата приводили к исчезновению народов и государств, и даже цивилизаций. Сейчас, в эпоху новационных технологий и возможностей организации мирового сообщества, человечество не только может, но и должно противостоять экологическим вызовам и их последствиям, таящим в себе угрозу существования, если не для всего человечества, то для множества малочисленных этнокультурных сообществ, разбросанных в основном по периферии индустриально развитых регионов. Необходимость принятия заблаговременных мер по их спасению очевидна. Промедление с осуществлением таких мер только неизмеримо увеличит неизбежные в будущем расходы на адаптацию к климатическим изменениям.

Литература

Агранат Г.А. Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. М., 1984.

Акимов В.А. О комплексном подходе к вопросам обеспечения безопасности населения северных регионов Российской Федерации // Пожарное и спасательное дело. 2008. № 3 // <http://www.securpress.ru/issue.php?m=50&art=793>

Алексеев В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. N 7.

Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984.

Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.

Амелина А. Безопасность Севера – дело государственной важности / ИА «Север-Пресс». 24.04.2008 // <http://www.yamal.org/tema/index.htm>

Андерсон Д.Д. Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов: Предварительная разработка // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 67–82.

Анисимов О.А., Величко А.А., Демченко П.Ф., Елисеев А.В., Мохов И.И., Нечаев В.П. Влияние изменений климата на вечную мерзлоту в прошлом, настоящем и будущем // Физика атмосферы и океана. 2004. Т. 38. № 1. С. 25–39.

Анисимов О.А., Лавров С.А. Глобальное потепление и таяние вечной мерзлоты: оценка рисков для производственных объектов ТЭК. 2004 // Технологии ТЭК. 2004. №3. С. 78–83.

Арктический лед растает к концу века // NEWSru.com. 11.3.2003 // http://www.newsru.com/world/11mar2003/earth_collaspse_print.html

Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестн. АН СССР. 1980. № 12.

Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М., 1993.

Белым медведям грозит вымирание, а народам Севера – голод. 30.01.2005 // <http://grani.ru/Society/ecology/m.83746.html>

Берри Б. Живём по законам похолодания // Знание–Сила. № 3 (945). 2006. С. 16–21.

Берри Б. Жить в тепле и уюте нам осталось недолго // <http://www.epochtimes.ru/content/view/8960/5/>

Богословская Л., Слугин И., Загребин И. Крупник И. Основы морского зверобойного промысла: научно-методическое пособие. М.; Анадырь, 2007. С. 329–332.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Браун Г. Что будет с эскимосами? // InoPressa. 25.4.2007 // <http://www.inopressa.ru/print/diepresse/2004/11/12/11:22:23/escimosi>

Бялко А.В. Климат и народонаселение – причинные связи // Природа. Январь 2002 // http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/01_02/BYALKO.HTM

В связи с глобальным потеплением климата поселкам в Арктике грозит нехватка питьевой воды. Оттава. 25.07.2008 // <http://www.ami-tass.ru/article/38587.html>

Ветвинский А. Проблемы изменения климата и Россия (06 июня 2007 г.) http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/russia/newsid_6714000/6714389.stm

Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения Российской Арктики. Доклад ООН / Под. рук. Б.А. Ревича. М., 2008 // www.unrussia.ru

Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения Российской Арктики / Резолюция международного семинара. 5.06.2008. Москва // <http://www.undp.ru/index.phtml?iso=RU&lid=2&cmd=news&id=505>

Воздвиженский Ю.М., Короткова Н.А., Костромина Е.Н. Экология: проблемы и решения // <http://www.dvo.sut.ru/libr/eibzd/i154vzde/index.htm>

Выступление Шейлы Уотт-Клотьер на Межамериканской комиссии по правам человека / Петиция об изменении климата, принятая на Инуитской циркумполярной конференции в 2006 г. // http://taiga.net/nce/resources/newsletters/NCE_Newsletter_Summer2006.html

Глобальная экологическая перспектива. Окружающая среда для развития человека. Краткий обзор для лиц, принимающих решения. United Nations Environment Programme, 2007.

Глобальное потепление разрушает берега Арктики // <http://news.mail.ru/society/1575592>

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Глобальное потепление накроеет Россию к 2030 г. // <http://www.volonter-greenpeace.ru/viewtopic.php?f=12&t=3498>

Глобальное потепление уничтожит Север России. Информационный центр «Лач» г. Петропавловск-Камчатский. 24.06.2008 // <http://www.lach-kamchatka.ru/?r=news&pr=2&id=346>

Глобальное потепление уничтожит часть животных на планете (02.04.2007) // <http://www.cybersecurity.ru/prognoz/22376.html>

Голубчиков С.Н. И вновь о глобальном потеплении // Энергия. 2006. № 12. С. 54–59 // <http://courier.com.ru/energy/en1206golubchikov.htm>

Голубчиков Ю.Н. При любых сюрпризах климата у нас всегда останутся значительные площади, комфортные для проживания // http://www.ng.ru/science/2007-01-24/15_movement.html

Голяндин А. Мерзлота уступает позиции // Знание – сила. 2006. №3 // http://www.znanie-sila.ru/online/issue_3608.html

Грудинкин А. Арктика без белых пятен // Знание – сила. 2006. № 3. // http://www.znanie-sila.ru/online/issue_3608.html

Дегай Т. Изменение климата вызывает особую тревогу у женщин представительниц коренных народов. 17 мая 2008 // <http://www.raipon.org/>

Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире. М., 2008.

Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2007 год. М., Росгидромет, 2008.

Донченко В.К. Проблемы международной экологической безопасности стран Арктического региона // <http://alphais.inep.ksc.ru/tezis3.html>

Досье // Washington ProFile // Inopressa.ru

Жители российского Крайнего Севера питаются мясом тюленей, отравленных пестицидами // NEWSru.com. 19.11.2004 // http://www.newsru.com/russia/19nov2004/poison_print.html

Житнюк П. Пар костей не ломит // <http://www.rosbalt.ru/2007/08/20/406918.html> // “Росбалт”

Заболеваемость населения в 2006 году. Статистические материалы. Часть 1–3. Минздравсоцразвития. ФГУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения». Москва. 2007 г.

Загрязнение Арктики. Доклад о состоянии окружающей среды Арктики. 1997 г.

Израэль Ю.А., Павлов А.В., Анохин Ю. А., Мяч Л.Т., Шерстюков Б.Г. Статистические оценки динамики изменения элементов климата в районах вечной мерзлоты на территории Российской Федерации // Метеорология и гидрология, 2006(5). С.27–38.

Интерфакс-Сибирь // http://www.interfax-russia.ru/r/B/siberia/270.html?menu=7&id_issue=12109921

Информационная записка аппарата Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, www.severcom.ru/files/upload/analytics

Информационный центр «Норд Пипл» Якутия. 13.05.08 // <http://www.np2006.ucoz.ru/news/2006-02-09-29>

Клименко В. Глобальный климат: вчера, сегодня, завтра. М., 2005 // <http://www.polit.ru/lectures/2005/11/02/climate.html>

Кисарев В. Мы – бессовестные мутанты. Ч. 8. Эволюция. Интервью с заведующим кафедрой общей экологии УдГУ, доктором биологических наук Виктором Туганаевым. М., 2007 // <http://www.soverkon.ru/2007/23/1.php>

Козлов В.И. Введение // Этническая экология: теория и практика. М., 1991. С. 4–6.

Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М., 1991а.

Комарова О.Д. Демографические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М., 1991.

Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: (К методике изучения этноэкологических систем): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1977.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

Майерс С.Л. Россия пытается спасти белых медведей // InoPressa. 25.4. 2007 // <http://www.inopressa.ru/print/nytimes/2007/04/16/15:28:04/medved>

Маркарян Э.С. Экология общества и культура // Экология человека: Основные проблемы. М., 1988.

Международная рабочая встреча «Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики» в Москве, 2009 // <http://www.erh.ru/konfer/konfer029.php>

Межнациональные конфликты – одно из последствий изменения климата / Информационный центр ООН. 19.04.2007 // <http://accord.cis.lead.org/news2007/0423.htm>

Мелешко В.П. Потепление климата: причины и последствия // Химия и жизнь. 2007. №4

Моисеенко А. Ужасы глобального потепления. Альберт Гор получил Нобелевскую премию за климатические страшилки и борьбу с нефтяными корпорациями 27.11.2007 // <http://www.kp.ru/daily/24008/84095/print/>

Мурашев Д. Глобальное потепление угрожает канадским эскимосам // <http://www.compulenta.ru/2003/9/30/42264/>

Мурманская область нуждается в адаптации к изменениям климата // <http://www.raipon.org/>

МЧС: потепление климата грозит масштабной утечкой радиоактивных отходов в России. 19.06.2008 // http://www.factnews.ru/article/19Jun2008_klimat

Народы Крайнего Севера просят ООН активнее бороться с потеплением // <http://uator.com.ua/?id=41789&part=all&action=1010&day=3&month=12&year=2005>

Народы Крайнего Севера могут погибнуть из-за потепления климата // Новости мира 12 ноября 2004 г. // <http://www.newsru.com/world/12nov2004/narodi.html>

Нас ждёт новый всемирный потоп? // <http://egiptologiya.narod.ru/simple11.html>

Новые Известия // http://www.imcl.ru/news/041112_ice.php

О комплексном подходе к вопросам обеспечения безопасности населения северных регионов РФ / Пресс-служба Совета Федерации РФ. 20.06.2008 // <http://accord.cis.lead.org/news2008/0627.htm>

Орлов А. Эскимосы подадут в суд на США за глобальное потепление. РИА-новости. 4.02.2005 // <http://pda.rian.ru/society/20050204/19064632.html>

От побережья канадской Арктики откололся гигантский кусок шельфового ледника // NEWSru.com. 29.12. 2006 // http://www.newsru.com/world/29dec2006/kanadaice-break_print.html

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Пашуто В.Т. Голодные годы Древней Руси // Аграрный ежегодник Восточной Европы. Минск, 1964.

Погода сквозь глубину веков // Парламентская газета № 004-5(2256-7). 03.02.2008.

Последствия изменения климата для памятников культурных и природных объектов / Информцентр ООН. 16.04.2007 // <http://accord.cis.lead.org/news2007/0413.htm>

Потепление климата угрожает леммингам и всей арктической экосистеме // РИА Новости. 5.11.2008 // <http://eco.rian.ru/danger/20081105/154465387.html>

Потепление нам поможет? Интервью директора Ин-та проблем экологии и эволюции им. Северцева, д. биол. н. Дгебуадзе Ю. // Труд № 090 за 21.05.2005 // <http://www.trud.ru/search/>

Природные катастрофы нанесли ущерб экономике в \$2 трлн. // www.k2kapital.com 03.07.2008

Проблема глобального потепления сравнима с угрозой войны: Выступление Пан Ги Муна // <http://www.un.org/apps/sg/sgstats.asp?nid=2462>; <http://www.rusrec.ru/ru/news/1177>

Ревич Б.А. Изменения климата и здоровье населения России в XXI веке // <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/nauka01.php>

Ревич Б. Чем грозит Дальнему Востоку глобальное потепление. 31.05.2008 // <http://www.ptr-vlad.ru/news/society/3587-jekspert-boris-revich-chem-grozit-dalnemu-vostoku.html>

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. Сб./Росстат. М., 2007 г.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. Сб./ Росстат. М., 2008 г.

РИМ, ПАРИЖИ ПЕТЕРБУРГ ЗАТОНУТ ЕЩЕ ДО КОНЦА ВЕКА // [Lenta.ru. 12.11.2004](http://www.rokf.ru/oddities/2528.html) // <http://www.rokf.ru/oddities/2528.html>

Россия вступила в борьбу за передел территорий на Южном и Северном полюсах // NEWSru.com. 13.3. 2006 // http://www.newsru.com/russia/13mar2006/artik_print.html

Сабов Д., Комоцкий О. Проживем без Арктики? // Новые Известия. 10.11.2004 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0179/gazeta028.php>

«Снежный покров»: взаимосвязь экологии и традиций Севера // <http://www.wwf.ru/news/article/2955>

Социальное положение и уровень жизни населения России 2007: Стат. Сб. Росстат. М., 2007 г.

Стратегия безопасности Севера поможет спасти население от изменений климата / 23.06.2008. «КомиОнлайн» // <http://www.rambler.ru/news/russia/0/12967828.html?print=1>

США: глобальное потепление добралось до северных оленей. М., 2003 // http://greenbell.by.com/news/120303_003.htm

Теория и методика географических исследований экологии человека. М., 1974.

Ученые предупреждают, что к 2040 году «вечные» арктические льды растают почти полностью // NEWSru.com. 12.12. 2006 // http://www.newsru.com/world/12dec2006/melting_print.html

Файнберг Л.А. Современные проблемы этнической экологии Американского Севера // Этническая экология: теория и практика. М., 1991.

Цыбань А.В. Антропогенная экология морей Восточной Арктики // <http://alphais.inep.ksc.ru/tezis3.html>

Шестаков Е. Глобальное потепление приведет к появлению в России миллионов «климатических беженцев» // Российская газета. 5.2.2005 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0189/gazeta030.php#1>

Экономические и социальные показатели районов проживания коренных малочисленных народов Севера-2007. Стат. бюллетень». Росстат. М., 2007.

Энергетика и окружающая среда. Электронный бюллетень. 2005. №2 // www.seu.ru/arc-aa-files/energy/items/bullet2_sep2005.doc

Эпидемиологический надзор за особо опасными и природно-очаговыми инфекциями в условиях Крайнего Севера / Под ред. И.Я. Егорова и А.Д. Ботвинкина. Якутск, 2000.

Эскимосы против Буша // <http://www.comfort-city.ni/cgi-bin/index.cgi?r=10&s=0&seepnews=89507> февраля 2005.

AC Declaration on the Establishment of the AC. Arctic Council Archive. 1996 // <http://www.arctic-council.org>.

AMAP (Arctic Monitoring and Assessment Programme) Assessment 2002: Persistent Organic Pollutants in the Arctic. Oslo, 2003, 2004, 2005.

Arctic Climate Impact Assessment. Arctic Council and the International Arctic Science Committee. Cambridge, 2004, 2005 // <http://www.acia.uaf.edu/pages/scientific.html>; Cleaner Production – Key Elements.

Arctic Human Development Report. Stefansson Arctic Institute. 2004.

Armitage D.R. Community-based narwhal management in Nunavut, Canada: change, uncertainty and adaptation // *Society and Natural Resources*. 2005. V. 18. N 8. P. 715–731.

Asch M. Home and Native Land. Toronto, 1984.

Ballew C. and all. Final Report on the Alaska Traditional Diet Survey. Alaska Native Health Board and Alaska Native Epidemiology Center, 2004 // http://www.anthc.org/cs/chs/epi/upload/traditional_diet.pdf

Barron M. A summary of health related effects of climate change in four Arctic regions. 2006.

Berkes F. Cross-Scale Institutional Linkages: Perspectives from the Bottom Up // *The Drama of the Commons* / Ostrom E. and all. (eds.). Washington, DC, 2002.

Berkes F., Jolly D. Adapting to climate change: socio-ecological resilience in a Canadian western Arctic community // *Conservation Ecology*. 2002. V. 5. N 2. P. 18–33.

Berner J. et all. Human health // Arctic Climate Impact Assessment. Cambridge, UK, 2005. P. 863–906.

Bogoslovskaya L.S. Role of Whaling in the modern Life of Eskimos and Chukchi in Eastern Chukotka. Report to Inuit Circumpolar Conference (ICC). 1996. Preprint.

Brower W. Alaska: The Conflict between Environmental Orientations in Arctic Alaska // *IWGIA Newsletter*. 1985. N 41. P. 3–12.

Bryden H.L. and all. Slowing of the Atlantic meridional overturning circulation at 25.N. // *Nature*. 2005.

Burch E. Traditional Eskimo Societies in North-West Alaska // *Alaska Native Culture and History*. Osaka, 1980. 438:655–657.

Canadian Press, 14 июля, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

CBC News, 6 августа, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

CBC News, 19 августа, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

Chapin F.S. and all. Polar systems // R. Scholes (ed). *Millennium Ecosystem Assessment*. Island Press, Washington, DC, 2005.

Chapin F.S. et all. Building resilience and adaptation to manage arctic change // *Ambio*. 2006. V. 35. N 4. P. 198–202.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Working Group II Contribution to the Intergovernmental Panel on Climate Change Fourth Assessment Report. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2007.

Colette A. Case studies on climate change and world heritage // UNESCO World Heritage Centre. Paris, 2007.

Council of Yukon First Nations: Health status of Yukon First Nations. Whitehorse, Yukon, 2006.

Curry R., Mauritzen C. Dilution of the northern North Atlantic Ocean in recent decades // Science. 2005. N 308 (5729). P. 1772–1774; Hanna E. and all. Runoff and mass balance.

Curtis T., Kvernmo S., Bjerregaard P. Changing living conditions, lifestyle and health // International Journal of Circumpolar Health. 2005. V. 64. N 5. P. 442–450.

Declaration on climate change from youth of the Arctic // <http://www.taiga.net/ayn>

Donaldson S. Re-Thinking the Mercury Contamination Issue in Arctic Canada: M.A. Thesis. Ottawa, ON, 2002.

Doubleday N. «Commons» concerns in search of uncommon solutions: Arctic contaminants, catalyst of change? // The Science of the Total Environment. 1996. 186:169–179.

Doubleday N. Sustaining Arctic Visions, Values and Ecosystems: Writing Inuit Identity, Reading Inuit Art // Cape Dorset, Nunavut' in Presenting and Representing Environments: Cross-Cultural and Cross-Disciplinary Perspectives / Williams M. and Humphrys G. (eds.). Springer, Dordrecht, 2005.

Edmonton Journal, 23 августа, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

The Earth is Faster Now: Indigenous Observations of Arctic Environmental Change \ Eds. Krupnik I., Jolly D. Wash., 2002.

Feit H. The Ethno-Ecology of the Waswanipi cree // Cultural Ecology: Readings on the Canadian Indians and Eskimos. Toronto, 1973. P. 115–125.

Ford J. et al. Reducing vulnerability to climate change in the Arctic: the case of Nunavut, Canada // Arctic. 2007. V. 60. P. 150–166.

Ford J., Smith B. A framework for assessing the vulnerability of communities in the Canadian Arctic to risks associated with climate change // Arctic. 2004. V. 57. P. 389–400.

Ford J., Smith B., Wandell J. Vulnerability to climate change in the Arctic: a case study from Arctic Bay, Nunavut // Global Environmental Change. 2006. V. 16. P. 145–160.

From impacts to adaptation: Canada in a changing climate \ Ed. by D.S. Lemmen, F.J. Warren, J. Lakroix and E. Bush. Ottawa, 2007.

Furgal C., Martin D., Gosselin D. Climate change and health in Nunavik and Labrador // The Earth is Faster Now: Indigenous Observations of Arctic Environmental Change. Fairbanks, 2002. P. 266–299.

Furgal C., Seguin J. Climate Change, Health, and Vulnerability in Canadian Northern Aboriginal Communities. Environm. Health Perspectives. 2006. V. 114. № 12.

Gearheard S. et al. «It's, not that simple»: a comparison of sea ice environments, uses of sea ice, and vulnerability to change in Barrow, Alaska // Ambio. 2006. V. 35. N 4. P. 203–211.

GEO-4. Global Environment Outlook. Environment for development. United Nations Environment Programme. Vallette, Malta, 2007.

The Guardian, 15 июля, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

Guidance for promoting synergy among activities addressing biological diversity, desertification, land degradation and climate change. CBD Technical Series. No. 25. Montreal,

2006 // <http://www.biodiv.org/doc/publications/cbd-ts-25.pdf> Scientific American, 26 абрь-та, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

Guyot M. et al. Local observations of climate change and impacts on traditional food security in two northern Aboriginal communities // *International Journal of Circumpolar Health*. 2006. V. 65. N 5. P. 403–415.

Hackman L., Freeman M. A Land Use Conflict on Bathurst Island // *Pap. of the 34th Annu. Meet. of Social Applied Anthr.* Edmonton, 1978. P. 235–249.

Hanna E. et al. Runoff and mass balance of the Greenland ice sheet // *Journal of Geophysical Research*. 2005. 110 (D13108):1958–2003.

Harding R. Ecologically Sustainable Development: Origins, Implementation and Challenges // *Desalination*. 2006. V. 187. P. 229–239.

<http://capital.trendaz.com/print.shtml?newsid=1236962&lang=RU>

<http://content.mail.ru/arch/17273/1387847.html>

<http://russian.usinfo.state.gov/utills/printpage.html>

http://www.csipn.ru/news/2007/2007_4/index.htm webmaster@cci.glasnet.ru;

<http://www.csipn.ru/news/csipn/2005/2005-07-12.htm>

<http://www.inopressa.ru/print/liberation/2004/04/13/12:26:30/inuits>

<http://www.regnum.ru/news/897591.html>

Human and Economic Indicators – Shishmaref. National Oceanic and Atmospheric Administration. 2006. <http://www.arctic.noaa.gov/detect/human-shishmaref.shtml>

Huntington et al. The changing Arctic: indigenous perspectives // *Arctic Climate Impact Assessment*. Cambridge, UK, 2005. P. 61–98.

IMAGE 2.2. Imager for Magnetopause-to-Aurora Global Exploration. Science Center // http://image.gsfc.nasa.gov/publication/document/nssdc_image_mou/

Kertell K. Response of Pacific loons (*Gavia Pacified*) to impoundments at Prudhoe Bay, Alaska // *Arctic*. V. 49. N. 4. 1996. P. 356–366.

Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous People of Northern Russia: Anthropology and Health. *Circumpolar Health/ Supplements*. 2007. № 1.

Krauss M. The world's languages in crisis // *Language*. 1992. V. 68. P. 4–10.

Lafortune V. et al. Climate change in northern Quebec – access to land and recourse issues. *Kativik Regional Government*, 2004.

Laidler G. Inuit and scientific perspectives on the relationship between sea ice and climate change // *Climatic Change*. 2006. V. 78. P. 407–444.

Luthcke S.B. and all. Recent Greenland ice mass loss by drainage system from satellite gravity observations // *Express Reports /American Association for the Advancement of Science* 2006. 1130776v1.

Motyka R., Reichardt T. Concerns about the Susitna hidroproject // *Alaska Conserv. Rev.* 1979. Vol. 20. N 1. P. 6–11.

Newton J., Paci C.D.J., Ogden A. Climate change and natural hazards in northern Canada: integrating indigenous perspectives with government policy // *Migration and Adaptation Strategies for Global Change*. 2005. V. 10. P. 541–571.

Nickels S., Furgal C., Buell M., Moquin H. Unikkaaqatigiit: putting the human face on climate change – perspectives from Inuit in Canada. *Ottawa*, 2006.

Noonan G., Weatherhead E.C., Gearheard S., Barry R.G. Arctic weather change: linking indigenous (Inuit) observations with the surface temperature record // *American Geophysical Union Annual Meeting*. 2005.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Northern Lights Against POPs: Combating Toxic Threats in the Arctic / Downie D.L. and Fenge T. (eds.). Montreal and Kingston, 2003.

Nowak M. The Economics of Native Subsistence Activities in a Village of the Southwestern Alaska // *Arctic*. 1977. Vol. 30. N 4.

Nunatsiaq News, July 25, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

Nuttall M. et al. Hunting, herding, fishing and gathering: Indigenous peoples and renewable resource use in the Arctic // *Arctic climate Impacts Assessment*. Cambridge, 2005. P. 649–690.

Parlee B., Manseau M., Lutsel K. Using traditional ecological knowledge to adapt to ecological change // *Arctic*. 2005. V. 58. N 1. P. 26–37.

Perin S., Lean D.R.S. The effects of ultraviolet-B radiation on freshwater ecosystems of the Arctic: Influence from stratospheric ozone depletion and climate change // *Environment Reviews*. 2004. 12:1–70.

Persistent Toxic Substances, Food Security and Indigenous Peoples of the Russian North. Arctic Monitoring and Assessment Programme. Oslo, 2004; Effects on Human Health. Inuit Tapariit Kanatami. 2005 // <http://www.itk.ca/environment/contaminants-health-risks.php>

Riedlinger D. Responding to climate change in northern communities: impacts and adaptations // *Arctic (InfoNorth)*. 2001. V. 54. P. 96–98.

Riedlinger D., Berkes F. Contributions of traditional knowledge to understanding climate change in the Canadian Arctic // *Polar Record*. 2001. V. 37. N 203. P. 315–328.

Report of the Eighth Meeting of the Parties to the Convention on Biological Diversity. UNEP/CBD/COP/8/31. Convention on Biological Diversity. 2006. // <http://www.cbd.int/doc/meeting.aspx?mtg=cop-08>

San Francisco Chronicle, 10 августа, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

Steward J. Theory of cultural change. The methodology of multilineal evolution. Urbana, 1955.

The Telegraph, 26 августа, 2008 // <http://taiga.net/nce/archives/news.html>

Tremblay M. et al. Climate change, communities and ice: bringing together traditional and scientific knowledge for adaptation in the North // *Climate Change: Linking Traditional and Scientific Knowledge*. Winnipeg, 2006.

Van Oostdam J. and all. Human health implications of environmental contaminants in Arctic Canada: A review // *Science of the Total Environment* 2005. 351–352:165–246.

Van Stone J. Athapaskan Adaptations. Chicago, 1974.

UNEP Division of Technology, Industry and Economics, Paris, 2007 // http://www.unep.fr/pc/cp/understanding_cp/home.htm

Waisberg L. Boreal Forest Subsistence and the Windigo // *Anthropologica*. 1975. Vol. 17. N 2. P. 176–183.

Zellmer I.D. The effect of solar UVA and UVB on subarctic *Daphnia pulex* in its natural habitat // *Hydrobiologia*. 1998. 379:55–62.

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
И РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ:
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АБХАЗИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Юго-Восточная часть Абхазии – район Самурзакано – это зона абхазо-грузинского пограничья, где в течение долгого времени происходило этнокультурное взаимодействие двух соседних народов – абхазов и грузин (в основном мегрелов). Формирование в Самурзакано этнически смешанного населения, что в значительной степени было обусловлено волнами миграций с территории соседней Мегрелии (Соловьева, 2009), оказывало значительное влияние практически на все стороны местной традиционно-бытовой культуры – как материальной, так и духовной. Изучение культуры населения Самурзакано позволяет наглядно увидеть, как осуществлялись взаимовлияния этих этносов, в том числе и в сфере религиозных представлений.

Ислам и христианство

В XVIII – первой половине XIX вв. ислам в Самурзакано, как и повсеместно в Абхазии в тот период, был распространен довольно широко, главным образом в силу определенного влияния Турции. До 1850-х годов многие самурзаканские дворяне были мусульманами. В архивных материалах первой половины XIX в. зафиксированы факты, когда даже мегрельские крестьяне (христиане), переселившиеся сюда, принимали ислам (ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 652. Л. 12 об.).

В 1850–1860-е годы происходит быстрая и окончательная христианизация населения Самурзакано. Этому, безусловно, способствовало и соседство с христианской Мегрелией, связи с которой были постоянными и разносторонними, а также более ранее утверждение здесь российской власти, придававшей распространению и укреплению христианства на подвластных территориях огромное политическое значение.

Темпы христианизации местного населения, указывают на то, что жители Самурзакано фактически лишь «числились» мусульманами и не были фанатичными приверженцами этой религии. «Вероотступниками» считали их и правители соседней Мег-

релии. Так, отправляясь в поход в Самурзакано в 1813 г., князь Дадвани целью этого мероприятия объявлял свое стремление «вернуть в лоно христианства самурзаканцев», для чего он взял с собой двух митрополитов (Дадвани, 1902, с. 90). Мегрельские священники продолжали здесь миссионерскую деятельность и в 1820-е годы, и позже (АКАК. Т. 6, с. 492). Тем не менее, к 1850 г. здесь было всего пять церквей и ни одного постоянно живущего священника: всего раз в год они приходили сюда из Мегрелии и крестили по несколько человек. С 1850 г. в Самурзакано стали назначать постоянных священников (Мачавариани, Бартоломей, 1864, с. 79). Результаты их деятельности были впечатляющими: уже к 1857 г. из 2964 дворов только 20 считались мусульманскими, а из 535 местных князей и дворян лишь 52 не были крещены (Бакрадзе, 1860).

Распространение христианства в этом районе облегчалось и тем, что здешние дворяне часто женились на мегрелках, которые «твердо держались своей христианской веры», а также обычаем господствующих классов воспитывать одного из сыновей «в правилах христианства», для чего его отправляли в Мегрелию, Гурию или Имерети (Мачавариани, 1909, с. 53). Активной христианизации содействовала и энергичная деятельность Д. Мачавариани, с 1850 г. управлявшего самурзаканскими церквями. В 1851 г. он открыл в сел. Окуми первую в Абхазии школу, затем начали работать школы в селениях Бедия, Дихазурга, Гудава, Саберио. Окумская школа пользовалась такой популярностью, что в нее приходили учиться дети даже из Мегрелии (Мачавариани, 1889, № 24).

Священниками в Самурзакано были почти всегда выходцы из Западной Грузии, поскольку она относилась вначале к Имеретинской епархии; в дальнейшем же священники Абхазской епархии, куда входила область Самурзакано, получали образование в Мегрельском духовном училище (ЦГАА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6390. Л. 121, Д. 121. Л. 1; Оп. 2. Д. 127. Л. 19 об.).

По данным на 1864 г., уже все самурзаканцы были крещены, но Д. Мачавариани тем не менее с сожалением признавал, что местные жители «не имеют никакой положительной веры». Различия в религиозной принадлежности, по представлениям самурзаканцев, не служили препятствием для брака: даже в 1860-е годы местные жители нередко выдавали своих дочерей замуж

за абхазов-мусульман (Мачавариани, Бартоломей, 1864, с. 80). Следует отметить, что подобное же отношение к межконфессиональным различиям было характерно для абхазов и на всем протяжении XIX–XX вв.; подтверждают это и современные полевые материалы.

Заключение брака отмечалось соответствующими свадебными обрядами, но зачастую не сопровождалось венчанием. Дети оставались без крещения порой до четырех-шести лет, а нередко и дольше. Так, в сел. Саберио в 1912 г. было 67 некрещеных детей до шестилетнего возраста. Были случаи, когда детей крестили в 12–13 лет (Освящение, 1913, № 10. С. 156; № 21, с. 330).

Однако в некоторых ситуациях, видимо, когда это соответствовало народным верованиям, население довольно часто обращалось к помощи церкви и особо почитаемых икон. Так, перед иконой пострадавшие проклинали своих врагов или неизвестных преступников, которые нанесли им тот или иной урон, перед иконой принимали присягу те, кто желал оправдаться в случае обвинения их в каком-то тяжком проступке. Большим уважением пользовалась икона св. Георгия из сел. Набакеви: до 1869 г., за небольшую плату священнику, перед ней принимали присягу (Введенский, 1870, с. 37). Когда в 1891 г. в сел. Отобая кто-то поджог школу, сельчане проклинали неизвестного преступника на чудотворной иконе (ЦГАА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 683. Л. 17).

Самой влиятельной на территории Самурзакано считалась знаменитая церковь св. Георгия в сел. Илори. Она пользовалась широкой известностью и глубоким почитанием у жителей всей Западной Грузии. По свидетельству итальянского католического миссионера Арканджело Ламберти, и в XVII в. к св.Георгию Илорскому приходили не только одишцы (мегрелы), но и абхазы и сваны (Ламберти, 1913, с. 153). Проклятие перед образом Илорского св. Георгия считалось настолько опасным, что обидчика, которого собирались проклясть, заранее предупреждали о задуманном деле, а если совершивший воровство или другое преступление был неизвестен, то предварительно делали объявление на сходе, чтобы преступник имел возможность одуматься и явиться с повинной и таким образом избежать страшной кары св. Георгия (Макалатия, 1948, л. 150–151).

В Самурзакано в народе отмечали лишь основные христианские праздники: Рождество (*Кирса*), Пасху (мегр. *Танапа*, абх.

Мушаны), Петров день (*Петроба*), Успенье (*Марашина*). Следующее воскресенье после Пасхи (т.е. неделя жен-мироносиц) считалось своеобразным «женским праздником» и называлось «Женской Пасхой» (мегр. *Осурепиштанапа*, абх. *Апсарымшапа*). В этот день женщины имели право собраться в своем кругу, устроить угощение. Определенной известностью у жителей этого региона пользовались и христианские святые, находившиеся на территории Мегрелии. Так, некоторые ходили на праздник Алертоба в честь св. Георгия в с. Алерти в Мегрелии (Макалатия, 1948, с. 160). В честь Алерти (так называли в народе образ св. Георгия Алертского) совершали также специальное моление: резали петуха, пекли два пирога с сыром и, зажигая восковые свечи, просили у Алерти помощи во всех делах (Мачавариани, 1899, № 21; Моления, 1913 с. 137). В Абжуйской Абхазии это моление было известно под названием *асалерти*, или *агырдзы-ныхва* (абх. мегрельская молитва) (Джанашиа, 1960, с. 59).

Христианство в Самурзакано во многом оставалось даже к началу XX в. довольно поверхностным явлением. Исполняемые христианские обряды и праздники зачастую наполнялись языческим содержанием (святые посвящали животных, приносили кровавые жертвы и др.). Часть прихожане не выполняли основных требований церкви (регулярное посещение церкви, своевременное исполнение таинств венчания и крещения и др.). Форма бытования христианства в Самурзакано была близка к народным традициям христианства в других частях Абхазии, но там позиции традиционных верований («язычества») были еще прочнее. В Мегрелии, в отличие от Самурзакано, христианство существовало в более ортодоксальной форме, хотя и там сохранились многочисленные реликты местных верований.

Традиционные религиозные верования

Значительную роль в религиозной жизни населения Самурзакано XIX – начала XX вв. продолжали играть многочисленные традиционные («языческие») обряды и верования.

Одним из главных культовых мест самурзаканцев была кузница. По народным представлениям, по святости она равнялась церкви. В Самурзакано уже в 1880-е годы абхазский бог кузнечного дела Шашвы был частично вытеснен аналогичным мегрельским персонажем – Соломоном, «мастером 363 ремесел» (Мача-

вариани, 1889, № 16). Однако и в конце XIX в. это божество было известно в Самурзакано не менее широко, чем в других частях Абхазии (Альбов, 1893, с. 324). Так, в сел. Бедия именно Шашвы считался божественным покровителем кузнецов (Аджинджал, 1969, с. 247). Сами кузнецы были уважаемыми людьми в селе: их считали всемогущими колдунами, к ним обращались с просьбой узнать причину болезни и излечить недуг. После выздоровления человек обязан был прослужить в кузнице от одного до трех месяцев (Мачавариани, 1889, № 16).

Желая отомстить врагу, пресли кузнеца проклясть обидчика и напустить на него все возможные несчастья. Проклятие или присяга, принесенные на наковальне, считались самыми крепкими. В других районах Абхазии кузни также служили для подобных целей. Как свидетельствуют полевые материалы автора последних лет, эта традиция прочно сохраняется и поныне.

Почти в каждом селении Самурзакано имелась кузница, где можно было принести присягу или клятву. Так, в одном только селении Копита в начале XX в. насчитывалось пять «авторитетных» кузниц: у К. Гонджаладзе, М. Алан, К. Гварамия, Н. Чкадуа, П. Джинджолия (Аджинджал, 1969, с. 251). Воров обычно проклинали в самой «сильной» кузнице: например, в кузницу К. Гонджаладзе приезжали с этой целью даже из селения Гудава. Если после этой церемонии вора или его близких постигало несчастье, он спешил возместить убытки потерпевшему и отныне ежегодно совершал моления и жертвоприношения в той кузнице, чье наказание его постигло (Аджинджал, 1969, с. 263).

В «жертву наковальне» (по выражению источников XIX в.) приносили быков, козлов, деньги. Кузнецы, как правило, жили довольно богато, поэтому в 1870-е годы многие самурзаканцы отдавали к ним сыновей для обучения этому ремеслу (Эмухвари, 1873). До начала XX в. сохранялся обычай посвящения ребенка богу кузни: после проведения этого ритуала детям запрещалось ходить в школу и вообще учиться чему-либо кроме кузнечного дела. Например, по данным начала XX в., у одного крестьянина из селения Копита заболел сын, посвященный Шашвы. По совету знахарки мальчику запретили учиться, и он остался неграмотным (Аджинджал, 1969, с. 248). В Мегрелии такого обычая не отмечено, но в Абхазии он существовал; детям при этом также запрещалось учиться в школе (Векуа, 19126).

Под Новый год кузнец и его семья устраивали моление богу кузни. Судя по имеющимся материалам, это происходило одинаково и у самурзаканцев, и у жителей других районов Абхазии, но в Самурзакано этот обряд именовали по-мегрельски *очкадуре* (Мачавариани, 1889, № 16). В жертву приносили козла, резали по одному петуху на каждого члена семьи, пекли лепешки, зажигали свечи во время молитвы. В кузницу шла молиться вся семья (исключая невесток); в молении могли участвовать и другие семьи этой же фамилии (Аджинджал, 1969, с. 238).

В Мегрелии моление Соломону (*хехунджоба*) устраивалось также под Новый год, но происходило несколько иначе, причем даже не обязательно в кузнице. В жертву приносили обязательно свинью, на молитву в кузницу или *марани* (винохранилище, считавшееся у грузин святым местом) шли только мужчины, женщины же оставались дома (Макалатия, 1948, л. 122). В начале XX в. некоторые семьи в Самурзакано также стали приносить в жертву Соломону свинью (особенно характерно это было для селения Илори). Видимо, это было влиянием мегрельской культуры – в Мегрелии свинья считалась одним из основных жертвенных животных. Так, голова свиньи была главной частью новогоднего угощения, свинью приносили в жертву во время обрядов *мир-соба*, *капуноба*, *сагмрто-саохоро*, *саоцодинаро*, *шквитули* и др. (Макалатия, 1948, л. 95–121)

В начале XX в. кузница во многих семьях нередко сохраняла только культовое значение, поэтому ее строили в виде небольшого плетеного сооружения, внутри которого находились наковальня, молот, щипцы. В землю там же был зарыт специальный кувшин с вином. Подобные культовые кузницы встречались и в Абжуйской Абхазии, и в Самурзакано (Аджинджал, 1969, с. 211).

Интересны верования самурзаканцев, связанные с Жини – божеством грома и молнии (в переводе с мегрельского – «высший», «небесный» (Кипшидзе, 1914, с. 300). По его приказу, как полагали местные жители, св. Георгий Илорский поражал дьявола своей раздвоенной стрелой. Если молния убивала человека или животное, считалось необходимым совершить обряд *Жинишхвама* (мегр. «моление Всевышнему»): брали специально предназначенный для этого котел с цепью, серебряный шнурок и лучшего козла из стада, за селением строили помост, покрывали его листьями, окружали серебряным шнуром. Жертвенное мясо

клали поверх листьев. Затем следовала круговая пляска и молитва Жини, с просьбой, чтобы он в другой раз пощадил жителей селения. Подобный обряд был известен повсеместно в Абхазии и у соседних адыгских народов; в Мегрелии он не зафиксирован. В Абжуйской Абхазии, по данным Н. Альбова, обряд Жинишхвама был известен под названием *Афулыпха* (моление Афу) (Альбов, 1893, с. 319, 323). По свидетельству С. Званба, в середине XIX в. на такой же помост клали и тело погибшего от удара молнии человека; хоронили его только после исполнения кругового танца и песни в честь Афы (Званба, 1955, с. 67–68).

Видимо, это было отголоском обряда воздушного погребения, некогда существовавшего у абхазов. По сведениям авторов XVII–XVIII вв. (Ж. Лукка, Э. Челеби, А. Ламберти, Вахушти), воинов и представителей высших сословий абхазы хоронили на деревьях, поднимая их туда в бычьих шкурах или гробах (Инал-ипа, 1976, с. 82–83). По данным XIX в., так поступали только в случае гибели человека или животного от молнии. Например, в 1860 г. церковные власти отмечали, что в Абхазии «человека или скота, убитого громом, не хоронят, а поднимают в корзине на дерево» (ЦГАА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 15). Позже, в конце XIX в., тело человека до похорон поднимали на помост лишь символически, а иногда обходились и без этого: только приносили жертву и исполняли священный танец. Однако трупы животных, убитых молнией, на помосте оставляли до полного разложения; такие случаи отмечены даже в начале XX в. в селении Отхара, в Самурзакано – в селении Окуми (Векуа, 1912а, с. 104; Чурсин, 1957, с. 56). В 1920-е годы этот обряд еще выполняли в Бзыбской и частично в Абжуйской Абхазии, но в Самурзакано он уже был оставлен, и убитую молнией скотину просто выбрасывали.

Молились Жини и в том случае, если у больного был бред, припадки. Для жертвоприношения выбирали козленка и барашка белой масти, в лесу заранее строили шалаш, где резали животных; приглашали соседей. Присутствие женщины при этом не допускалось. На выбранном месте строили помост, куда клали мясо. Старик начинал произносить молитву, а остальные пели песню Жини. Мясо полагалось съесть в лесу, а помост, котел и шкуры оставляли на месте, и никто не смел к ним прикоснуться. Семья больного давала Жини обет «праздновать» один из дней недели: в этот день нельзя было выполнять какую-то работу по хозяйству

или по дому (рубить дрова, подметать пол и т.п.), нельзя было отдавать что-то из дома или продавать, оплакивать умерших, даже родственников. Совершившему это моление запрещалось носить в случае траура черное, и он надевал белую одежду (Моления, 1913, с. 316; Мачавариани, 1889, № 14).

Белый цвет считался любимым цветом Жини. Комнату больного после этой молитвы завешивали белой тканью, к больному можно было подходить, только надев все белое. Около очага ставили стол, покрытый белой скатертью, а в углу постоянно висело козье мясо. Вплоть до выздоровления родственники в комнате больного пели и играли на чонгури (Мачавариани, 1889, № 14). В других районах Абхазии над психически больными совершали такое же моление, посвященное Афы. Больного одевали во все белое (Чукбар, 1912). В Мегрелии, по данным С. Макалатия, молитва Жини (Жинишхвама) отличалась от исполняемой в Самурзакано (Макалатия, 1948, с. 120). Здесь удары молнии и психические болезни считались наказанием, посылаемым Жини. Жертвы по обету *жиниши* несли в церковь св. Георгия в Илори.

Во многом самурзаканский Жини был близок Афы, но между ними имеются и различия. В Мегрелии с Жини не было связано обычая носить белый траур, не отмечено и обряда во время похорон убитого молнией. Видимо, в Самурзакано бог грома и молнии лишь сменил абхазское имя на мегрельское, но сохранил присущие его культу обряды. Об этом говорит и тот факт, что в 1880-е годы молитву Жини в Самурзакано мог читать лишь старик, знавший абхазский язык, т.е. молитва произносилась по-абхазски (Мачавариани, 1889, № 14).

Одно из самых распространенных молений было посвящено Мкамгариа/Микамгари: в начале XX в. почти каждая семья обязана была раз в год совершить его. Моление *Самгариа-хвама* обычно считали посвященным архангелам Михаилу и Гавриилу. Священники с негодованием писали, что для самурзаканцев эти архангелы стали самыми всемогущими властителями мира, и чтут их здесь «едва ли не более, чем бога» (Алферов, 1912, с. 94).

Специально для моления выделялись корова, теленка от которой резали для Мкамгариа, и особый кувшин вина. Обряд совершали по понедельникам. Хозяин приглашал соседей (только мужчин). Взяв мясо теленка, члены семьи (исключая женщин) и гости шли к зарытому в землю кувшину, предназначенному для

данного моления. Там старший в семье зажигал свечу, бросал в огонь ладан, молил Мкамгариа о здоровье семьи. Жертвенное мясо мужчины должны были съесть в тот же день, оставшееся выбрасывали; женщинам давать это мясо не разрешалось (Моления, 1913, с. 313; Альбов, 1893, с. 322; Саберийский приход, 1912, с. 316).

В некоторых селениях были особые священные места, связанные с именем Мкамгари. Например, по нашим полевым материалам, у селения Чхортоли это был большой камень. К нему приходили по понедельникам и четвергам; зажигая свечи, просили о выздоровлении или проклинали недругов и обидчиков.

Особым почетом это божество пользовалось у пастухов: Мкамгари считался хозяином гор и вод, определял погоду в горах. Отправляясь в горы, пастухи приносили ему жертву (Сахокиа, 1950 с. 289). Пастухи, питая по отношению к нему исключительное почтение и уважение, остерегались даже умываться в горных реках и озерах, так как существовало поверье, что Мкамгари ходит туда купаться. В горах во время дождя пастухи разводили большой костер, садились вокруг и пели песню в честь Мкамгари, просили его пощадить их стада. Песня эта называлась *Эргеашва* (абх. «песня Эрге»), так как в Самурзакано Мкамгари был известен также и под именем Эрге. В двух днях ходьбы от селения Окуми находилось озеро, принадлежавшее, как считалось, этому божеству и носившее название *Эргедзашра* (абх. «озеро Айерги») (Сахокиа, 1950, с. 289, 292).

Г.Ф. Чурсин считал, что культ Мкамгари был занесен в Абхазию из Мегрелии. Но, как можно полагать, в Самурзакано он имел и прочные местные традиции, связанные с Айерги – абхазским богом охоты, покровителем скотоводства, гор, лесов, всех сил природы (Акаба, 1976, с. 10; Бжания, 1973, с. 261). В других районах Абхазии песню Айергашва пели охотники, возвращаясь домой с добычей; ее исполняли также, когда поднимали с земли убитую молнией скотину (Чурсин, 1957, с. 56).

В начале XX в. у скотоводов Самурзакано сохранялся обычай отпускать в лес известное количество животных из стада как долю, причитающуюся божеству (например, так было в сел. Окуми). В Абхазии это называлось «долей Айжвепшаа» (Айжвепшаа – бог леса). По народным представлениям, обычай отпускать в лес сотню голов мелкого рогатого скота из каждой

тысячи приписывался еще нартским богатырям (Инал-ипа, 1965, с. 218).

Божеством, охранявшим от дурного глаза, считался в Самурзакано Галениши (от мегрельского *галени* – наружный, внешний, дикий). Ему молилась женщина после рождения ребенка, молодая невестка после 15 дней жизни в доме мужа, а также всякий, причиной нездоровья которого считался «сглаз» (Мачавариани, 1889, № 14). В сел. Илори моление *галениши* совершали в том случае, если считали, что болезнь послана разгневанной душой покойника. В субботу ночью резали козла, во дворе готовили угощение, предназначенное душам умерших: на стол, покрытый белой скатертью, клали мясо и другие кушанья, деньги, свечи, ладан, вино. Больного в белой одежде ставили на колени около стола. Невидимым душам подавали кувшин с водой и полотенце – чтобы они омыли руки перед трапезой. Старик читал молитву, и затем все долго в молчании ожидали, пока души «насытятся». После этого стол вносили в дом и там ужинали (Моления, 1913, с. 317). В Мегрелии также существовал обряд *галениши*: так называлось празднование в честь умерших членов семьи, устраивавшееся, когда в доме кто-то болел (Кипшидзе, 1914, с. 213).

Если ребенок простужался около воды, совершали моление, называвшееся *гекуло*. Во вторник, четверг или пятницу набирали воды из реки и в каком-нибудь сосуде вешали ее над очагом. Затем брали золу и, рассыпая ее по направлению к дверям, молились, чтобы болезнь исчезла из дома. Это повторяли три раза, а детей после заката солнца не оставляли во дворе (Мачавариани, 1889, № 16). В Мегрелии аналогичный обряд назывался *цкариш гочопуа*: в посуду, сделанную из тыквы, наливали воду с лезвия топора и вешали ее над очагом, чтобы болезнь испарилась, подобно воде (Макалатия, 1948, л. 126).

Хозяйка дома ежегодно совершала моление (*адгилиши хвама*) божеству очага: пекла большой кукурузный пирог с сыром и, обращаясь к очагу, молила о благополучии семьи. Считалось: если этот обряд совершали с опозданием, то в доме могла заболеть невестка или ее сын (Мачавариани, 1889, № 16).

Заболевание оспой в Самурзакано (так же как в Абхазии и Мегрелии) воспринималось как посещение божества. В лице заболевшего оспой этому божеству полагалось оказывать всяческие почести. Каждый входивший в комнату, где находился боль-

ной, кланялся ему и приветствовал «великого господина». На стол клали сахар, яблоки, сладости, в углу вешали козлятину и чонгури. В комнате день и ночь горели свечи. Около больного за-прещалось разводиться огонь, вносить к нему свинину и кипяток. Умершего от оспы никто не смел оплакивать (считалось, что, на-против, следует радоваться тому, что божество оспы забрало его к себе) – иначе болезнь могла перейти к нему (Мачавариани, 1889, № 16).

В Самурзакано была известна и богиня пчел – Джара-Гуна (в Абхазии – Анана-Гунда). Моления ей устраивали два раза в год: в день Вознесения и в день Успения. В Мегрелии ее именовали Джгерагуна или Джгерегуна. По мнению некоторых исследова-телей, это имя нельзя было объяснить на основе мегрельского языка и его (а также имя самурзаканской Джара-Гуна) считали производным от имени абхазской Анана-Гунда (Кобалия, 1903, с. 107; Чурсин, 1957, с. 92).

Специальное моление совершали с целью сохранения и раз-множения лошадей. В назначенный день пастух приносил в дом вино, капусту, фасоль, мякиш пшеничного хлеба. Из последнего делали фигурки жеребят и кобылиц, бросали их в чашу с вином. Пастух молился о размножении и благоденствии лошадей, а по-том каждый из членов семьи, встав на колени, губами пытался схватить одну из фигур в чаше (Мачавариани, 1889, № 16). В Мегрелии существовал подобный же обряд, называвшийся *тер-доба* (по имени св. Федора / Тедоре), который исполняли владель-цы лошадей; при этом пекли лепешки с изображениями лошадей и молились св. Федору (Макалатия, 1948, л. 110).

Некоторые обряды, исполнявшиеся жителями Самурзакано, были связаны с верой в «нечистую силу». Временем особого разгу-ла ведьм (мегр. *менцари*) и колдунов считалась ночь 14 августа по ст. ст. (канун Успения). В это время, по народным представлени-ям, ведьмы отовсюду собирались на гору Табакона (она находится в Мегрелии) и каждая должна была принести какую-нибудь похи-щенную у человека вещь. Поэтому в эту ночь люди повсеместно старались не смыкать глаз: стреляли, жгли костры из сухих стеб-лей льна, перепрыгивали через огонь. По представлениям самур-заканцев, через огонь прыгали, чтобы защититься от нечистых сил. Молодежь в эту ночь отправлялась к пересечению трех дорог, там жгли костры, танцевали и гадали (Иоакимов, 1874; Мачава-

риани, 1889, № 16). В Мегрелии и Самурзакано эти обряды были известны как *чечетоба*, в Абжуйской Абхазии они именовались и по-абхазски (в переводе на русский – «отыскивание чертей»), и по-мегрельски (*чинчатоба*). В Мегрелии под названием *чечетоба* были известны две ночи: канун Успения и канун Ильина дня (20 июля по ст. ст.). В отличие от этого в Самурзакано и Абжуа – только ночь 14 августа (Гвасалия, 1894, с. 152).

Виноградные лозы в Самурзакано вились по деревьям, и чтобы сборщики винограда не упали с высоты, 15 августа совершали специальный обряд *джашкечени*: выпекали лепешки по числу членов семьи, каждый брал лепешку, подходил к дереву, где вилась лоза, приставлял к дереву правую ногу и просил Богородицу защитить от падения. Затем, приложив лепешку к груди, съедал ее. По свидетельству С. Макалатия, в Мегрелии этот обряд не выполнялся; в Абжуйской Абхазии он был известен как *атцланыхва*; молились при этом духу дерева и просили «долю божества дерева» предохранить от падения и головокружения (Макалатия, 1948, л. 121; Джанашиа, 1960, с. 51).

До начала XX в. у жителей Самурзакано сохранялась традиция соблюдения семейных запретных дней (абх. *амишар*), как это было и в других районах Абхазии. Обычно семья «праздновала» один из дней недели, изредка – несколько. Так, фамилия Ходжаа в сел. Бедия праздновала пятницу, фамилия Какуба – среду (Чурсин, 1957, с. 115). В этот день все члены семьи не занимались хозяйственными работами, ничего не продавали и не покупали, не шили и не пряли (Третий Саберийский приход, 1912). Запретные дни переходили по наследству от предков (как правило, в семье сохранялось предание, по какому поводу они были установлены), но могли появиться и вновь – в случае обета, данного божеству Жини, и т.д.

В Самурзакано были известны обряды вызывания дождя в случае долгой засухи. Один из подобных обрядов состоял в следующем. Девушки делали из соломы куклу, одевали ее в женское платье, сажали на осла, покрытого белой простыней, и везли к реке, где был приготовлен плот. По данным 1890-х годов, во время этого шествия пели по-абхазски специальную песню, в которой просили воды («Дзиау дзиау дзари...»). Куклу сажали на плот и поджигали, пуская по течению. После этого старались перегнать осла через реку и слушали, закричит он или нет. В пер-

вом случае ожидали скорого дождя, во втором – необходимым считалось повторить все сначала. Этот обряд существовал и в других районах Абхазии; в Мегрелии он не отмечен. Г.Ф. Чурсин наблюдал этот обряд в Самурзакано в 1920-е годы, причем кукла, по его словам, называлась Дзивава – вероятно, по начальным словам абхазской песни (Чурсин, 1957, с. 65).

Иногда в случае засухи целое селение совершало следующий обряд: на берегу реки вбивали две палки, на одну надевали башлык, на другую – женское платье. Эти фигуры изображали мужчину и женщину, обращавшихся к богу с просьбой о дожде. Все собравшиеся веселились, пели, плясали, а затем бросались в реку, обливая друг друга водой (Мачавариани, 1889, № 16).

По данным начала XX в. известен также обряд вызывания дождя, который исполняли только мужчины (абх. *ацуныхва*, мегр. *темишхвама*). На берегу реки резали бычка. Затем старший мужчина, держа на палочке сердце и печень животного, молился о дожде богу скотоводства Айтару (в Абхазии он считался покровителем скота и «главной седмицы богов»). Все остальные в это время стояли на коленях с зажженными свечами. Затем обливали друг друга водой, устраивали угощение, танцевали и пели. Считалось, что через два-три дня должен пойти дождь. Причиной засухи жители Самурзакано часто считали гнев св. Георгия Илорского за разведение шелковичных червей (как полагали некоторые исследователи, именно в силу этого суеверия шелководство никогда не занимало видного места в хозяйстве абхазов). По мнению самурзаканцев, это занятие было «неприятно» святому, оно считалось не особо «благочестивым» делом. Те, кто все же занимался шелководством, приносили в жертву св. Георгию в его храм в сел. Илори пучки шелковых нитей. В Илори во время засухи знахарки нередко советовали, чтобы гнев святого смягчился и дождь прошел, выбрасывать шелковичных червей и коконы в реку или море (Джанашиа, 1960, с. 27; Чурсин, 1957, с. 100–101).

Новый год у самурзаканцев назывался, как и в Мегрелии, *каланда* (Мачавариани, 1889, № 24). К этому празднику был приурочен особый цикл обрядов. Вечером 31 декабря в каждой семье гадали о судьбе родных и знакомых в наступающем году: разбивали для каждого орех, пустой означал смерть, полный – здоровье. На другой день вечером готовили тесто из кукуруз-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

ной муки и брызгали им на стены дома: если шарики теста целиком приставали к стене – это означало, что в грядущем году будет много кур. После этого начинали мазать тестом друг друга и всех, кто случайно заходил в дом. На второй день Нового года происходил обряд *кучха* (от мегр. «нога»; в данном случае переводится как «нарочитый посетитель» – Кипшидзе, 1914, с. 263). Для этого специально выбирали человека (из своей или чужой семьи) со «счастливой ногой». Тот готовил заранее кувшин воды и шел ночевать к соседу. Утром до его прихода никто не мог выйти из дома. «Посетитель» (*кучха*) подходил к дверям, стучал, и на вопрос «Что несешь?» отвечал: «Несу милость и добро Всевышнего». Входя, он обрызгивал водой все комнаты, затем конюшню, амбар, *мараниш*, а после этого садился за стол, накрытый для угощения. В этот день до вечера запрещено было выходить из дома (считалось, что от этого люди могут сойти с ума, а домашние птицы – одичать (Мачавариани, 1889, № 20).

В новогоднем цикле обрядов в Самурзакано явно прослеживается влияние мегрельской культуры. В то же время по сравнению с мегрельской новогодней обрядностью прослеживаются и значительные отличия. Так, в Мегрелии к этому празднику обязательно готовили *чичилаки* (ветка орешника со стружками, украшенная зеленью и сладостями), жарили кабана, а голову его клали на особый поднос; на свином сале пекли кукурузную лепешку *басила* (в честь св. Василия), и т.д. Обряд *кучха*, или *мокучхури*, выполнялся в Мегрелии дважды: 1 января – когда роль «посетителя» выполнял сам хозяин дома, и 2 января – когда в качестве «посетителя» выступал посторонний человек (Макалатия, 1948, л. 94–98).

По данным 1880-х годов, обязательным для каждой семьи в Самурзакано было моление *Напра*, для которого предназначался специальный кувшин вина. Глава семьи брал два пирога с сыром (из пшеничной муки), шел в кукурузник, вставал лицом к западу и молился об урожае (на запад обращались только во время этой молитвы). Считалось: если этот обряд вовремя не справляли, то глава семьи мог заболеть. В таком случае в жертву Напра приносили неостриженного барашка. В начале XX в. к Напра обращались за помощью, если маленькие дети часто болели: резали барашка в лесу и молились, стоя лицом на запад (Мачавариани, 1889, № 16; Моления, 1913). В Абжуйской Абхазии к духу анапра

обращался тот, кто страдал желудочными заболеваниями: Джанашиа, 1960, с. 60).

Судя по всему, в Самурзакано этот культ проник из Мегрелии. В Мегрелии моление Напра совершали ежегодно, в июле. В жертву приносили ржаной хлеб с сыром (сыр в этом случае следовало приготовить на свином сычуге); молились в лесу или на кукурузном поле, встав лицом к западу. Если Напра молились в случае болезни, то в жертву приносили барашка, сваренного в молоке, и лепешки, также сваренные в молоке (Кобалия, 1903, с. 108–109; Макалатия, 1948, л. 121).

В приморской полосе Самурзакано (сел. Илори и др.), где влияние мегрельской культуры было особенно сильным, в начале XX в. исполняли многие традиционные мегрельские «языческие» обряды: *Сакапуно (Капуноба)*, *Цачхури*, *Саододио*, *Садабадо*, «*Счастливый понедельник*» и др. При этих молениях в жертву приносили поросенка, что для Самурзакано и в целом для Абхазии было не характерно. Так, по данным 1890-х годов, в Самурзакано для жертвоприношений в основном использовали мелкий рогатый скот: многие пастухи продавали его на убой для этих целей в большом количестве (доход от этого составлял до 200 рублей в год), так как почти в каждой семье было два-три ежегодных моления (Моления, 1913, с. 317; Сахокиа, 1950, с. 288).

* * *

В заключение отметим, что своеобразие религиозной ситуации в Самурзакано во многом определялось пограничным расположением этого региона и этнически смешанным составом его населения, что, в свою очередь, обусловило длительные процессы взаимовлияния на данной территории абхазской и грузинской (в основном мегрельской) традиционно-бытовой культуры.

Несомненно, именно влияние соседней Мегрелии стало причиной более стремительной и полной «христианизации» населения Самурзакано (точнее, возвращения перешедших в ислам самурзаканцев в лоно православия), где уже к середине XIX в. практически все местное население – как высшие сословия, так и крестьяне – исповедовало православие, тогда как даже в соседней Абжуйской Абхазии среди абхазов сохранялось немало приверженцев ислама (например, об увеличении числа мусульман в Джгердинской общине с тревогой писал Д.И. Гулиа – Гулиа, 2003,

с.351). Конечно, следует отметить также, что очень важную роль в религиозных представлениях местных жителей (это касалось и абхазов, и мегрелов) продолжали играть традиционные верования и обряды, посвященные местно чтимым божествам.

Чиновники, наблюдатели, исследователи XIX в., на свидетельства которых мы опираемся, отметили тенденцию усиления с течением времени в Самурзакано влияния мегрельской культуры. Так, авторы середины XIX в. писали о том, что самурзаканцы исполняют многие абхазские языческие обряды (Лаврентьев, 1858, с. 263). Бытописатели 1860-х годов также считали, что «нравы самурзаканцев более подходят к Абхазским, чем к Мингрельским» (Мачавариани, Бартоломей, 1864, с. 78). Во второй половине XIX в. влияние мегрельской культуры усилилось, поскольку расширились хозяйственные связи, более массовыми стали миграции из Мегрелии. Судя по всему, это оказывало влияние даже на такую интимную сферу культуры, как религиозные верования. В частности, по данным 1860-х годов, многие божества в Самурзакано уже зачастую носили мегрельские имена (Жини, Галениши, Напра, Соломон, Джгара-Гуна), но сохранялись и божества традиционного абхазского пантеона (Айерг, Айтар, Шашвы).

Нередко мегрельское влияние проявлялось в том, что то или иное «божество» обретало новое, мегрельское имя, хотя связанная с ним обрядовая сторона оставалась прежней, основанной на местной традиции. Например, самурзаканский Жини сохранил многие черты культа абхазского Афы и значительно отличался от своего мегрельского тезки; с божественным покровителем кузнечного дела Соломоном стали связывать обряды, относившиеся к культу Шашвы. Многие обряды и ритуалы, сохраняя свой прежний облик, получили новые мегрельские названия, что было связано прежде всего с распространением в Самурзакано мегрельского языка. Это отмечал еще К. Мачавариани в 1889 г., подчеркнув, что «в нравах и обычаях» абхазы и самурзаканцы «ничуть не отличаются друг от друга, но в названии божеств и в их веровании есть значительная разница» (Мачавариани, 1889, № 12).

Отметим также и такой результат мегрельского культурного влияния как появление новых молений, например, упоминавшиеся выше Напра, Саалерто и др.

Как показывают представленные материалы, та часть духовной культуры населения Самурзакано, которая была связана с религиозными представлениями, во многом отражала длительные и разносторонние этнокультурные контакты на данной территории абхазского и грузинского (мегрельского) населения. Это можно отнести не только к своеобразным формам бытования христианства, но и к традиционным («языческим») представлениям и обрядам, что, видимо, еще раз подтверждает не только хронологическую глубину абхазо-мегрельского культурного взаимодействия в районе этнического пограничья, но и его интенсивность.

Литература

- Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии: Материалы и исследования. Сухуми, 1969.
- Акаба Л.Х. Из мифологии абхазов. Сухуми, 1976.
- Алферов С. Нужды населения Сухумской епархии // СЗМ. Сухум, 1912. № 6.
- Альбов Н. Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. Вып. III. 1893.
- Бакрадзе Д. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Кавказ. 1860. № 49.
- Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973.
- Введенский А. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. 1870.
- Векуа А. Влияние сельских знахарок на абхазов // СЗМ. 1912а. № 7.
- Векуа А. Из жизни и обычаев абхазцев // Закавказье. 1912б. № 133.
- Гвасалия С. Селение Цаленджиха // СМОМПК. Вып. 19. 1894.
- Гулиа 2003 – Гулиа Д.И. Что нужно Абхазии // Гулиа Д.И. Сочинения. Сухум, 2003.
- Дадиани Н. История Грузии // СМОМПК. Вып. 31. 1902.
- Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.
- Званба С. Этнографические этюды. Сухуми, 1955.
- Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
- Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
- Иоакимов И. Абхазцы // Кавказ. 1877. № 39, 47.
- Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914.
- Кобалия И. Из мифической Колхиды // СМОМПК. Вып. 32. 1903.
- Лаврентьев И.А. Кутаисское генерал-губернаторство // Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. 16. Ч. 5. СПб., 1858.
- Ламберти А. Описание Колхиды, ныне называемой Мингрелией // СМОМПК. Вып. 43. 1913.
- Макалатия С.И. Этнография Мегрелии. Дис... д.и.н. М., 1948 / Архив Института этнологии и антропологии РАН. Д. 77. Ч. 1.
- Мачавариани Д., Бартоломей И. Нечто о Самурзакани // Записки Кавказского отдела ИРГО. Вып. 6. 1864.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Мачавариани К. Очерки и рассказы. Батум, 1909.

Мачавариани К. Религиозное состояние Абхазии // Кутаисские губернские ведомости. 1889. № 11–13, 16, 20, 21, 23, 24, 26, 28, 29.

Моления в Илорском приходе // СЗМ. 1913. № 20.

Освящение храмов в с. Чхортоли // СЗМ. 1913. № 10, 21.

Саберийский (1-й) приход // СЗМ. 1912. № 20.

Сахокиа Т. Путешествия. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).

Соловьева Л.Т. Миграционные процессы в юго-восточной Абхазии и их влияние на этнокультурное развитие региона (XIX – начало XX в.) // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 34. М., 2009.

Третий Саберийский приход // СЗМ. 1912. № 22.

Чукбар А. В глубине народной жизни // СЗМ. 1912. № 2.

Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.

Эмухвари М. Самурзаканские поверья // Кавказ. 1873. № 5.

**ЕВРАЗИЙСКИЕ СКОТОВОДЫ ПЕРЕД ВЫБОРОМ.
ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО
СКОТОВОДСТВА КИРГИЗОВ¹**

В своей кандидатской диссертации, посвященной современному состоянию традиционных отраслей сельского хозяйства киргизов (Ситнянский, 1998), автор пришел к выводу, что традиционное экстенсивное киргизское скотоводство, основанное на отгонном выпасе скота с сезонной сменой пастбищ, к XX в. зашло в тупик, из которого на путях сохранения традиционного способа производства нет выхода.

В самом деле, после присоединения Киргизии (и Казахстана; здесь и далее, говоря о проблемах киргизского скотоводства, мы будем подразумевать и казахское, которое также является отгонным и экстенсивным и находится примерно в таком же положении) к России прекратились губительные межплеменные войны, и население стало устойчиво и быстро расти. Однако подобный рост населения при сохранении экстенсивного отгонного скотоводства как основного способа производства неминуемо должен был привести к увеличению поголовья скота, поскольку одной скотоводческой семье для нормального существования необходимо не менее 100, а то и 150-200 одних только овец (Алтымышбаев, 1959, с. 160; Нураков, 1975). Между тем, возможности пастбищ Киргизии, территория которой составляет всего около 200 тыс. км², не безграничны, при экстенсивном кочевом скотоводстве они могут прокормить примерно 8 млн. голов в пересчете на овец (Айтбаев, 1962, с. 14), так что рост населения неминуемо должен был привести к снижению обеспеченности каждого отдельного хозяйства скотом.

Этот процесс и начался уже в конце XIX – начале XX вв. Так, за последнюю треть XIX в. поголовье скота в Пржевальском уез-

¹ В основу работы положен доклад на I Всероссийском конгрессе этнографов и антропологов (г. Рязань, 30 мая 1995 г.), с добавлением полевых материалов автора 1997 и 2007 гг. Доклад никогда не публиковался, но отдельные его положения освещались в других работах (Ситнянский, 1997; Ситнянский, 1998, с. 76-88). Данная работа посвящена рассмотрению некоторых конкретных вопросов, связанных с осуществлением интенсификации кочевого и полукочевого отгонного скотоводства.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

де уменьшилось на 44%, в Пишпекском – на 17,1%, в Верненском – на 80,5% (Айтбаев, 1962, с. 16). За 1870-1902 гг., т.е. еще до начала столыпинской реформы и связанных с ней массовых переселений в регион «русскоязычного» населения, количество скота на одно киргизское хозяйство в Пишпекском уезде сократилось с 12,3 до 10,5 условных голов, а в Пржевальском – с 22,4 до 16 (Усенбаев, 1972) – и это при том, что еще и в 1917 г. у коренного населения Семиреченской области оставалось 87% земли, а у переселенцев – только 13% (Усубалиев, 1972, с. 54).

Трагические события 1916-1934 гг. (восстание 1916 г., гражданская война, коллективизация) привели к резкому сокращению поголовья скота: если в 1913 г. на территории нынешнего Киргизстана имелось 4,2 млн. голов, то в 1934 г. в Киргизской АССР насчитывалось только 1,6 млн. голов (Алтымышбаев, 1959, с. 49-51; Белоусов В.Я. и др., 1935, с. 29).

За этими событиями последовала (при Хрущеве) фактическая ликвидация подсобного хозяйства колхозников («вторая коллективизация»). Если еще в 1930-х гг. колхозникам разрешалось иметь в пользовании до 100 овец и 3-5 коров и лошадей, то с 1964 по 1988 гг. киргизским колхозникам запрещалось иметь более 10 овец. В результате доля частного скота в общереспубликанском поголовье упала за 1940-1960 гг. с 27,23% до 6,46% (Народное хозяйство ..., 1987, с. 103).

Таблица 1

**Количество скота у населения (на одно хозяйство),
1990-1991 гг.**

Виды скота	Нарынская область	Иссык-Кульская область
КРС	1,24	0,95
Лошадей	0,8	0,36
Овец	8	6,01
Коз	0,5	0,09

Все эти события на некоторое время сделали вопрос нехватки пастбищ неактуальным, но это было лишь отсрочкой решения проблемы – по двум причинам.

Во-первых, сокращение частного сектора сопровождалось ростом общественного поголовья, в результате чего в 1962 г. критический рубеж в 8 млн. голов был наконец пройден (Сит-

нянский, 1998, с. 161). К 1990 г. в республике было 10,6 млн. одних только овец и 18,36 млн. голов в пересчете на овец (по наиболее часто применяемой методике, по которой одна лошадь приравнивается к шести овцам, а одна корова – к пяти) по официальным данным (Народное хозяйство СССР ..., 1991), и 13-14 млн. одних только овец – по неофициальным. Последнее подсчитано автором по материалам полевых работ 1990-1997 гг. на основе анализа отчетов по отдельным хозяйствам, десятки которых за эти годы были обследованы в четырех областях, и бесед с информантами (таблицы 2, 3).

Разница между официальными и неофициальными показателями, очевидно, была связана с тем, что частники укрывали скот от налогов. Во всяком случае, подсчеты автора, полученные в 1990-1992 гг. путем просмотра похозяйственных книг сельских советов северокиргизских областей, давали совершенно ничтожные цифры количества скота у населения, расходившиеся даже с тем, что было видно «простым глазом». Так, по Нарынской области в 1990 г., если верить этим официальным данным, на одно частное хозяйство приходилось 8 овец, 1,24 головы крупного рогатого скота, 0,8 лошади и 0,5 козы. В Иссык-Кульской и Таласской областях ситуация была еще хуже (табл. 1) (Ситнянский, 1993).

Во-вторых, сам путь развития скотоводства по пути обобществления скота был тупиковым, так как если земля в тех или иных обществах могла быть общинной или государственной (а при отгонном скотоводстве пастбищная земля просто не могла не находиться в общем пользовании), то скот в докоммунистические времена всегда и везде находился в частном владении; рано или поздно должен был встать вопрос о возврате к частной собственности на скот.

Между тем, за период нахождения Киргизстана в составе Российской Империи и СССР (начало 1860-х – 1991 гг.) численность киргизов увеличилась в четыре раза и достигла, по данным переписи 1989 г., более чем 2,5 млн. человек. Учитывая, что по той же переписи средняя численность киргизской семьи составляла 5,8 чел. и что, следовательно, в республике насчитывалось более 400.000 семей, легко подсчитать, что при возврате к традиционному кочевому скотоводству только поголовье овец должно было бы вырасти до 40-80 млн. голов при том, что, как уже говорилось,

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

предельно допустимая норма для пастбищ Киргизии – 8 млн. овец. С тех пор киргизов стало уже свыше 3 млн. – при том, что средняя численность семьи постепенно уменьшается в связи со снижением рождаемости, иными словами, семей стало больше и количество необходимого скота возросло еще больше, чем численность населения.

Таблица 2

**Перевыпас общественного скота, Нарынская обл., 1990 г.
(в числителе – необходимое количество из расчета 50 овец и 5 лошадей
на двор,² в знаменателе – реальное количество)**

		Число дворов	Овец	Лошадей
Ат-Башинский р-н	Совхоз имени 50 лет СССР	643	$\frac{32.150}{71.500}$	$\frac{3.215}{1.364}$
	Колхоз «Коммунизм»	670	$\frac{33.500}{58.700}$	$\frac{3.350}{1.300}$
	Колхоз «Пограничник»	500	$\frac{25.000}{54.500}$	$\frac{2.500}{1.320}$
	Колхоз им. Куйбышева	300	$\frac{15.000}{48.000}$	$\frac{1.500}{1.198}$
Кочкорский район	Колхоз «Шамши»	330	$\frac{16.500}{29.700}$	$\frac{1.650}{367}$
	Колхоз им. Фрунзе	500	$\frac{25.000}{36.815}$	$\frac{2.500}{609}$
	Совхоз «Комсомол»	450	$\frac{22.500}{42.204}$	$\frac{2.250}{774}$
Тянь-Шаньский район	Колхоз «Уч-Нура»	726	$\frac{36.300}{44.340}$	$\frac{3.630}{1.767}$
	Колхоз «Куланак»	826	$\frac{41.300}{70.287}$	$\frac{4.130}{589}$
	Колхоз «Эмгекчил»	520	$\frac{26.000}{34.059}$	$\frac{2.600}{981}$
Ак-Талинский район	Колхоз им. Тоголок Молдо	521	$\frac{26.050}{48.000}$	$\frac{2.605}{750}$

2 Подсчитано по: Белоусов и др., 1935, с. 50.

**Перевыпас в Иссык-Кульской области
(1991 г., голов в пересчете на овец на 100 га пастбищ)**

Район	Весенне-осенние пастбища, норма	Весенне-осенние пастбища, факт.	Летние, норма	Летние, факт.
Ак-Суйский	126	771	178	502
Джеты-Огузский	107	409	112	308
Иссык-Кульский	72	794	123	600
Тонский	85	742	112	415
Тюпский	167	1.229	225	500
Область в целом	107	682	142	435

Очевидно, что сохранение экстенсивного скотоводства могло иметь одно из двух возможных последствий. Либо обеспечение каждой семьи потребным количеством скота привело бы к быстрой и непоправимой экологической катастрофе, особенно если учесть, что за 1950-е – 1980-е гг. пастбищам республики был и без того нанесен серьезный ущерб, что урожайность пастбищ за эти годы уже упала с 10-15 ц/га до 5-8 ц/га в менее пострадавшей от перевыпаса горной Нарынской области и до 3-6 ц/га в северных Иссык-Кульской и Таласской областях (табл. 4) и что к 1990 г. уже просматривалась угроза непоправимой экологической катастрофы в ближайшем будущем (Ситнянский, 1998, с. 160-164). Либо стремление сохранить пастбища от перевыпаса и как следствие – отсутствие роста поголовья привело бы к социальному взрыву.

Одно время автор и сам полагал, что оптимальным выходом был бы возврат к традиционному отгонному скотоводству и что приватизация общественного скота сама по себе решит все проблемы. Об этом я писал в 1993 г., основываясь на материалах первой поездки как раз в менее пострадавшую от перевыпаса Нарынскую область в 1990 г. (Ситнянский, 1993). Но уже к середине 1990-х гг., однако, стало очевидно, что возврат к традиционному экстенсивному скотоводству невозможен по изложенным выше причинам.

Из сложившейся ситуации, по нашему мнению, есть два выхода.

Первый – резкое сокращение численности населения. К сожалению, такая перспектива не исключена, если произойдет, например, социальный взрыв и начнется гражданская война.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Впрочем, возможен и «мягкий» вариант этого сценария – отток «лишнего» населения за пределы Киргизстана. Собственно, так сейчас и происходит – на сегодня насчитывается примерно 700-800 тыс. киргизов, выехавших в поисках лучшей доли на заработки в страны СНГ, в основном в Казахстан – 500 тыс. человек и Россию – 250 тыс. человек (Сушкова, 2007), однако и оставшиеся два с лишним миллиона представителей титульной нации необходимым количеством скота при существующих реалиях обеспечить невозможно.

Таблица 4

Урожайность пастбищ и обеспеченность ими (Иссык-Кульская обл., 1991 г.)

Район	Урожайность пастбищ (ц/га)		Обеспеченность пастбищами (%)		
	Весенне-осенние	Летние	Весенне-осенние	Летние	Зимние
Ак-Суйский	4	6,5	36	79	100
Джеты-Огузский	3,4	4,1	30	56	44
Иссык-Кульский	2,3	4,5	10	30	28
Тонский	2,7	4,1	15	48	40
Тюпский	5,3	8,2	19	60	6
Область в целом	3,4	5,2	22	54	43

А ведь в Киргизстане имеются еще сотни тысяч «русскоязычных» жителей. Численность «русскоязычного» населения сократилась с 1,2 млн. в 1989 до 510 тыс. человек в начале 2007 гг. (Демографический ежегодник ..., 2007, с. 103-107), но и полмиллиона – это немало. Допустим, что европейское население выедет полностью, но и это, с учетом сказанного выше о численности самих киргизов, проблему не решит. О перспективах дальнейшего проживания «русскоязычного» населения здесь и о необходимости такого проживания нужно говорить отдельно, здесь я скажу только, что отъезд европейцев (как, впрочем, и выезд на заработки киргизов – уезжают-то ведь не самые худшие) уже приводит и при продолжении его будет приводить еще в большей степени к крайне негативным явлениям во всех или почти во всех отраслях киргизской экономики.

Происходит гигантский, выходящий далеко за рамки границ этого маленького государства, процесс – переток населения с юга на север: «русскоязычное» население уезжает из Киргизстана, сами киргизы едут с юга своей страны на север, а также сотнями тысяч едут на заработки в Россию и Казахстан, при этом узбеки и таджики в еще больших количествах едут зарабатывать в Россию, Казахстан и в тот же Киргизстан и т.д.

Работы, предупреждавшие о последствиях подобных процессов, появлялись уже более 10 лет назад, правда, тогда эти процессы носили несколько иной характер: сельское население Северной Киргизии (в основном – горной Нарынской области) переселялось в города. Так, за 1991 г. в города переселилось 45 тыс. человек, из них 17 тыс. в Бишкек, а только за первый квартал 1993 г. – 30 тыс., в основном в Бишкек. Это была, по словам занимавшегося проблемой исследователя, «деорганизованная и агрессивная часть общества, которая легко вовлекается в разного рода политические движения, особенно националистического толка, выдвигающая лозунги передела собственности» и т.д. Уже тогда эти процессы вели, в частности, к ухудшению криминогенной обстановки (см., например: Брусина, 1995; Костюкова, 1993, с. 84-85). Однако нынешние тенденции неизмеримо опаснее.

Помимо всего прочего, подобные процессы – в сочетании с деятельностью радикальных исламских группировок вроде «Хизб ат-Тахрир» (которая в последние три-четыре года действует уже не только на Юге, но и все больше на Севере страны) и с политикой некоторых среднеазиатских режимов, в первую очередь каримовского в Узбекистане, толкающих свои народы в объятия этих самых радикалов – стимулируют и настоящую, глубокую исламизацию населения Казахстана, Киргизстана и прилегающих к ним регионов России.³ Учитывая же то обстоятельство, что Россия, по моему убеждению, образует с Казахстаном и Киргизстаном так называемую славянско-степную Евразийскую целостность и что Россия и Казахстан незаметно переходят друг в друга, не имея четко выраженной естественной границы, это чревато негативными последствиями и для нашей страны.

3 Об этом процессе подробнее см. работы автора: Ситнянский, 2007 г.; 2007а, 2007б; 2007с; а также: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20077/1021.htm> (Единое отечество. 10 июля 2007).

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Добавлю еще, что и экологическая катастрофа, если она все-таки начнется, усилит подобные тенденции.

Главное же – такой вариант развития событий (выезд из Киргизстана как «русскоязычного», так и во все большей степени титульного населения) мог бы привести к крайне негативным экологическим последствиям для Киргизстана, а к демографическим и геополитическим – отнюдь не только для этой страны. Впрочем, отнюдь не исключено, что и экология соседей пострадает, как, например, пострадала она от использования химических удобрений в сельском хозяйстве в советское время.

Таблица 5

Динамика поголовья скота в Киргизии (1986-2007 гг.)

	1986	1991	1996	2000	2007
Села, входившие в колхоз «Россия»		60.000	2.000	10.000	40.000
Шекер		30.000		5.000	13.000
Кара-Бууринский район в целом			Примерно 20.000		116.337
Ак-Дөбө (Орловка)			Менее 5.000		15.000
Бакай-Атинский район в целом			Примерно 90.000		111.942
Таласская область в целом	903.000	871.321	365.647	284.370	338.089
Киргизстан в целом		От 10,6 млн. до 14 млн.		Чуть более 1 млн.	4 млн.
Киргизстан в целом (всего голов в пересчете на овец)		От 18,36 до 22,36 млн.	8,2 млн.	Около 2 млн.	6,4–7,2 млн.

Чтобы предотвратить катастрофические (включая «взлотекущие», вроде массовых миграций населения на заработки) тенденции, необходимо проводить экономические преобразования в сельском хозяйстве – менять систему, основанную на экстенсивном росте поголовья скота.

Вариант экстремального развития ситуации – резкое сокращение поголовья скота при сохранении экстенсивного скотоводс-

тва. Такой вариант начал реализовываться в 1990-х гг., когда – еще при существовании СССР – огромный перевыпас вынудил местное руководство сокращать поголовье скота. Так, в Таласской области поголовье овец сократилось с 871.321 в 1991 г. до 365.647 в 1996 г., при этом в 1996 г. оно сократилось также и в личных подсобных хозяйствах (с 252.418 в 1995 г. до 239.948), и в крестьянских и фермерских (со 114.031 до 97.907). Впрочем, Таласская область нетипична: наибольший рост поголовья скота там имел место не в 1990 г., как по всей Киргизии, а в 1981 г., после чего к 1991 г. поголовье, например, овец сократилось на 28,4% (данные Таласского областного статистического управления, обработанные автором в 1992 и 1997 гг.).

Однако с 1991 г. сокращение началось по всей республике. А после начала экономических реформ, уже в 1993 г., оставалось всего 8,2 млн. голов в пересчете на овец (Государственное статистическое ..., 1993, с. 18), а к концу XX - началу XXI вв., по некоторым данным, в Киргизии осталось всего чуть более миллиона овец (табл. 5). Таким образом, непродуманные рыночные реформы вторично за последнее столетие на некоторое время сняли остроту проблемы. Перевыпас на киргизских пастбищах сменился огромным недовыпасом, дальние летние пастбища – «джайлоо» – на некоторое время оказались совсем заброшенными. Однако это опять-таки была лишь отсрочка, а не решение проблемы, поскольку состояние такой бедности скотоводческого по преимуществу населения было явлением ненормальным и не могло продолжаться долго.

И действительно, в последние годы поголовье скота вновь начало расти. На осень 2007 г. поголовье овец достигло 4 млн. (в том числе в Таласской области, например, 338 тыс.), крупного рогатого скота – 300-400 тыс., лошадей – 150-200 тыс., итого – 6,4-7,2 млн. голов в пересчете на овец. В 2006-2007 гг. в Иссык-Кульской и Таласской областях, например, после многолетнего перерыва возобновилось использование летних пастбищ («джайлоо») для откочевок.

Кроме того, известные экономические события осени 2007 г., когда страна испытала шок от роста цен, заставили наконец признать ту очевидную истину, что Киргизия как аграрная страна без развития сельского хозяйства постоянно будет зависеть и от инфляции в соседних странах, и от скачков цен на продовольствие.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Основной статьей киргизского экспорта еще в начале 1990-х гг. была натуральная шерсть (Статистический бюллетень ..., 1993), а с тех пор ее роль еще более возросла ввиду, как уже говорилось, вызванных массовым отъездом «русскоязычного» населения негативных явлений в промышленности.

Помимо шерсти, есть еще два-три вида продукции, по которым киргизстанская экономика могла бы быть конкурентоспособной. В первую очередь, речь идет о мясо-молочной продукции. Киргизстан всегда на ней специализировался, но сейчас, по признанию нового премьера И. Чудинова, «мы ... забросили эту сферу, надо вернуться к этому», пусть «не через огромные мясо-комбинаты, а через небольшие цеха по переработке, по два-три в области. Сейчас скот уходит живыми головами в Казахстан». Далее премьер говорит о зерноводстве, выращивании табака, садоводстве и т.д. (Чудинов, 2008). И действительно, в Таласской области, где автор после десятилетнего перерыва побывал осенью 2007 г., зерноводство и особенно табаководство, ранее очень развитые, пришли в упадок. Однако очевидно все же, что главный упор в программе развития киргизского сельского хозяйства снова делается на скотоводство и что, следовательно, есть все основания думать, что поголовье скота будет расти и дальше.

В связи с этим возникает вопрос: что будет, когда поголовье скота снова перейдет 8-миллионный рубеж? Ответ очевиден: опять-таки к угрозе непоправимой экологической катастрофы и/или социального взрыва (учитывая нынешние реалии Средней Азии – весьма вероятно, что с радикально-исламским подтекстом) либо к новым волнам оттока титульного и нетитульного населения в северном направлении, или к тому и другому вместе.

Второй вариант, который мог бы стать реальным выходом из создавшейся ситуации – модернизация традиционного скотоводства, перестройка его по интенсивному образцу.

Попробуем вкратце перечислить отдельные способы и приемы интенсификации, которые, на наш взгляд, могли бы привести к положительным результатам в условиях Киргизии.

Так, необходимо исследовать критические и некритические периоды в годичном цикле кормления овец. В Новой Зеландии, которая всего на 35% больше Киргизии – 269 тыс. км² подобный подход дал возможность увеличить поголовье овец с 33 млн. в 1950 г. до 70 млн. в 1982 г. (Соколов, Куц, 1994, с. 106).

Необходимо как можно больше выпасать овец не на естественных пастбищах, а по стерне: в Австралии этот метод дал двойное увеличение продуктивности овец и сверхприбыль (Даулетбаев, 1986, с. 11). При пастьбе овцы только на естественных пастбищах она за зиму снижает свой вес на 320 г, падеж скота составляет 22%, настриг шерсти – 1,6 кг с овцы, а хозяйство является убыточным, но при пастьбе на посевах хотя бы половину времени – три дня в неделю – за зиму овцы прибавляют по три, а при постоянной пастьбе на посевах – по 8 кг, настриг шерсти увеличивается в три-четыре раза, а хозяйство становится прибыльным и даже сверхприбыльным. Кроме того, эффективна не равномерная подкормка овец, а два-три раза в неделю (Есаулов, 1967, с. 235-238).

Увеличение продуктивности пастбищ достигается в Австралии за счет регулирования пастьбы и подсева на пастбищах злаковых и бобовых. Так, в Новой Зеландии в 1994 г. многолетние сеяные пастбища составляли 90% всех обрабатываемых земель (Соколов, Куц, 1994, с. 106).

Применительно к условиям Киргизии надо было бы подсеивать (на богарных пастбищах) суданскую траву, рожь, эспарцет, житняк, костер безостый, люцерну - для кратковременного использования, и типчак, прутняк и волоснянец ситниковый – для долговременного (Рекомендации по интенсификации ..., 1982, с. 33). В Таласской области, кроме того, неплохо было бы использовать для пастьбы скота по стерне фасоль, которая в последние 10-12 лет получила там широкое распространение.

Вот несколько примеров того, как надо чередовать культуры на сеяных пастбищах, разработанных учеными Казахстана как для поливных, так и для богарных пастбищ; приведем по одному примеру для тех и других.

На поливных пастбищах первый год полагается сеять люцерну под покровом ячменя, второй-четвертый – люцерну, пятый – кукурузу, шестой – многолетние травы; на богарных: первый год – ячмень или зерно, второй – суданскую траву, третий – силосные, четвертый – ячмень с подсевом многолетних трав, с пятого по восьмой – многолетние травы (Джубаев, 1991, с. 18).

Что же касается Киргизии, то тут в сухостепной зоне надо сеять люцерну, эспарцет, житняк узкоколосовый, в полупустыне (занимающей, в частности, север Чуйской области) – смесь прут-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

няка простертого с житняком и ломкоколосником. Злаки и бобовые надо сеять рано весной, рожь многолетнюю – в сентябре, а там, где зимой устанавливается стабильный снежный покров – на зиму (Абдыраимов, Асанакунов, 1991, с. 9-10). Урожайность сеяных пастбищ в 6-8 раз превышает аналогичный показатель на пастбищах естественных (Рекомендации по интенсификации ..., 1982, с. 34).

Наконец, необходимо обратить внимание и на такую культуру, как амарант. Амарант колосистый (другое название – щирица) привлёк внимание людей ещё 8 тысяч лет назад. Он был пищей, например, для майя и инков. Из толчёных семян амаранта ацтеки пекли лепёшки, эти же семена применялись и для приготовления мясных блюд.

Семена этого растения очень малы, число их огромно – до 550 тысяч у одного растения, что является важным достоинством: для посева на одном гектаре земли достаточно 0,5 кг семян. При этом амарант – культура очень продуктивная, одно растение даёт 3-4 кг биомассы. Метёлка с зёрнами весит около килограмма, что даёт 20-40 центнеров (2-4 тонны) зерна с гектара посева.

Вегетационный период составляет 60-70 дней, если использовать его на зелень, и 90-150 дней, если на семена. В открытый грунт амарант сеют в середине мая, когда почва прогреется до 10⁰ - 12⁰С. Перед посевом семена лучше смешать с песком в соотношении 1:5, поскольку они очень мелкие. Норма высева – 0,5 г/м². Глубина заделки 0,5-1 см.

Вначале растения развиваются медленно, формируя корневую систему, поэтому нуждаются в прополках и прореживании, которое делают в два приёма, по мере роста растений: первый раз в фазе 1-2 настоящих листьев, оставляя в ряду расстояние 3-5 см, второе прореживание через 2 недели после первого (25-30 см между растениями). После прореживания желательно подкормить растения коровяком, разбавленным водой в соотношении 1:10. Листья и молодые веточки амаранта срезают по мере необходимости.

Питательная ценность этого злака приравнивается к молоку и превосходит все другие зерновые из-за высокого содержания растительного белка высшего качества (16%–18% в семенах и листьях – значительно выше, чем в других зерновых культурах), хорошо сбалансированного, легко усвояемого, одинаково годно-

го и на корм скоту, и в пищу человеку, а также из-за необычного сочетания аминокислот. Кроме того, амарант содержит 5% – 8% жира и 3,7% – 5,7% клетчатки, что превышает эти показатели у большинства зерновых культур. Для сравнения: зёрна кукурузы содержат белка 10% – 12,6%, жира 4,6% – 6,7%; зёрна риса содержат белка 8%, жира 1,1%; зёрна пшеницы содержат белка 9% – 14%, жира 1,1% – 3,4%.

Кроме того, амарант сбалансирован по незаменимым аминокислотам. Из-за значительного содержания аминокислоты лизина, которого в белке амаранта в два раза больше, чем у пшеницы, и в три раза больше, чем у кукурузы, и даже сопоставимо по количеству с соей и коровьим молоком, качество белка амаранта считается очень высоким. Аминокислота лизин является незаменимой, так как не синтезируется в животных тканях: и человек, и животные получают её только из растений.

Белок амаранта оценивается в 100 баллов по принятой шкале качества, все остальные белки – животные и растительные – оцениваются значительно ниже. Содержание важнейшей аминокислоты лизина в амаранте в 3-3,5 раза выше, чем в пшенице. Амарант – более ценный диетический продукт, чем пшеница, кукуруза, рис или соя. Листья амаранта, в отличие от пшеницы, риса или кукурузы, можно также использовать как зеленую овощную массу в дополнение к белковому концентрату из семян этого растения.

Еще один важный фактор повышения эффективности использования пастбищ – их огораживание. Вообще, есть два метода использования пастбища – экстенсивный, когда используется сразу все пастбище, и интенсивный, когда скот последовательно перегоняют с одного участка на другой. Второй способ более эффективен, так как съедание молодых побегов стимулирует их рост (Аболин, 1934, с. 25). Так вот, австралийские фермеры делят свои пастбища на 12 участков и ежегодно подсевают на двух из них клевер или люцерну. Каждое пастбище разбивается на большое количество участков для стравливания с таким расчетом, чтобы участок стравливался четыре раза в год (Есаулов, 1967, с. 282-290).

В Киргизии специалисты рекомендовали менять загон для скота каждые 4-5 дней и переходить на новое место после того, как скот оставит траву высотой в 5-6 см (на альпийских лугах

– 3-4 см). Пастбище рекомендовалось менять каждые два-четыре дня. И при этом необходимо ежегодно менять очередность использования загонов, иначе снизится урожайность и ухудшится состав трав (Выходцев, 1936, с. 6, 10-12; Масанов, 1995, с. 31-33). Участок стравливается за 3-4 дня, а через 15-20 дней на него вновь пригоняют отару (Аболин, 1934, с. 25). Впрочем, чабаны говорили автору, что на одном месте надо оставаться десять дней. Главное, однако, не в этих сроках, а в самом принципе.

В условиях же Казахстана подобное деление на участки – огораживание – повышает отдачу пастбищ в полтора-два раза (Метлицкий, Сейфулин, 1989). При этом, конечно, необходимо бороться с сорняками, так как иначе они станут доминировать на пастбищах; этот процесс имел место в Киргизии в 1980-х – начале 1990-х гг. в условиях перевыпаса (Ситнянский, 1993).

Здесь возникает еще одна проблема – размер овечьей отары. В Киргизии в конце 1980-х гг. отары насчитывали по 600-700, иногда по 800 овец, но уже в начале 1990-х гг. в связи с общим сокращением поголовья скота таких отар становилось все меньше. Сейчас их число снова растет, некоторые фермеры имеют отары до 1.000 овец (далеко не всегда, есть немало сел, например, в Таласской области, где владелец отары в 300-400 голов считается «очень богатым», а 30-40 – «средняком»), но вообще у киргизов нет традиции содержания больших отар. По крайней мере, в XIX – первой трети XX вв. у киргизов практически не было отар больше 3.000 голов (Валиханов, 1961, с. 325).

Отара овец в Австралии насчитывает 5-6 тыс. голов. При пастбе такой отары овцы поедают все съедобные травы, а не только лучшие, так что состав трав не ухудшается (Рекомендации по интенсификации ..., 1982, с. 34). Отсюда можно сделать вывод: киргизским животноводам разумнее было бы объединяться в товарищества для доведения отар до нужного размера. Отчасти это в последние годы уже делается, в том числе и путем стимулирования и даже принуждения сверху, для доведения отар до необходимого для дальних перекочетов размера (Сущкова, 2007). Чтобы позволить себе полный цикл кочевания, крестьянское хозяйство должно иметь (по разным данным) от 150 до 450 овец. Конечно, это не 5-6 тыс., однако подавляющее большинство и этого не имеет.

Орошение пастбищ в условиях Австралии также увеличивает их отдачу в два-три раза (Есаулов, 1967, с. 267). В условиях Киргизии орошение еще более необходимо, поскольку естественное орошение пастбищ здесь существенно ниже, чем в Австралии или тем более в Новой Зеландии. Искусственное орошение требуется: на Верхне-Нарынских сыртах – 5-6 раз за сезон, в Ак-Сае (крайний юг Нарынской области) – 4 раза, в Арпе (там же) – 3-4 раза, на остальных летних пастбищах – 2-3 раза за сезон (Рекомендации по интенсификации ..., 1982, с. 33). Однако орошение горных пастбищ – проблема для Киргизии, причем не из-за нехватки воды как таковой, а из-за трудностей ее доставки на высокогорные участки. В начале 1990-х гг. дождевальные установки в Киргизии имелись только в Чуйской долине. Но это – проблема материально-техническая.

Проблема орошения и вообще проблема более суровых, чем в Австралии и Новой Зеландии, природных условий в Киргизстане опять-таки заставляет обратиться к упоминавшемуся нами амаранту, который устойчивее к погодным колебаниям, чем кукуруза и пшеница, может выращиваться в высокогорных районах, противостоять засухе и другим экстремальным погодным условиям.

Большую пользу приносит и внесение органических удобрений, тогда как применение минеральных удобрений, как показал опыт 1980-х – начала 1990-х гг., когда минеральные удобрения применялись в огромных количествах, негативно отражается на экологическом состоянии Киргизии.

Необходима также термомеханическая обработка кормов. Если их не обрабатывать, особенно грубые, то они поедаются скотом не полностью: сено – на 65% – 75%, силос – на 80% – 85%, солома же – только на 30% – 40%. Кроме того, при поедании необработанных кормов животные тратят дополнительную энергию на их переваривание, что отрицательно сказывается на их продуктивности, причем чем продуктивнее животное, тем выше затраты на переваривание корма (Кисюк и др., 1991).

Важной проблемой киргизского животноводства является перегон овец с летних пастбищ на зимние и обратно. В настоящее время в Киргизии зачастую приходится перегонять овец по асфальтированным дорогам, проложенным по традиционным маршрутам кочевания, которые в целом остаются неизменными

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

с IX-VIII вв. до н.э. (Акишев, 1972). Кроме того, из-за перевыпаса ближних пастбищ не хватает, и приходится гонять скот на дальние расстояния, что увеличивает скорость кочевания. Во многих случаях скорость кочевания, по крайней мере судя по личным наблюдениям автора, определялась в начале 1990-х гг. просто тем, насколько быстро скот физически в состоянии передвигаться. Естественно, что и то и другое мешает животным полноценно питаться в пути. Думается, в этом отношении тоже есть чему поучиться у австралийских овцеводов. В Австралии существуют специальные скотопрогонные трассы, оборудованные кормушками и водопоями. Чтобы овцеводы не задерживались на трассах слишком долго, для них составляются графики перекочевков, а за пользование трассами взимается определенная плата.

К сожалению, автор книги об австралийском овцеводстве не уточняет, какова скорость перегона по этим трассам. Вообще, оптимальная скорость кочевания овец составляет 0,6-1,2 км/час при пастьбе и 1-1,5 км/час при перегоне со стравливанием травостоя (Чогдон, 1980). Так или иначе, этой проблеме надо уделить особое внимание. Думается, именно из-за того, что скот быстро гнать нельзя, в Австралии практикуется и автоперевозка овец на большие расстояния (Овцеводство Австралии, 1968, с. 27). Против такого способа часто возражают, мотивируя это тем, что в условиях Киргизии с ее высотной поясностью разных видов растительности в таком случае сразу резко будет меняться характер подножного корма, что вредно для овец. Если это так, то один из возможных способов решения вопроса – подкармливать (накануне или после перевозки) овец травой, скошенной по трассе перегона, постепенно меняя траву, как если бы овцы передвигались своим ходом.

Однако, проводя интенсификацию киргизского животноводства, необходимо учесть, что тонкорунные овцы, в том числе и австралийские, плохо приживались и приживаются на территории Киргизии. Так, в 1989 г. в Киргизию завезли шесть австралийских баранов-производителей, но их гибриды с местными овцами оказались не приспособлены к местным условиям: среди их потомства вырос падеж овец, упала продуктивность и т.д. Аналогичная ситуация имела место и при разведении других породистых овец, которых заводили в основном ради шерсти (Ситнянский, 1998, с. 142-143).

О том, что «вряд ли какая-либо другая из культурных пород сможет заменить (киргизскую овцу – Г.С.) при соответствующих условиях содержания и ухода за животным», что «метисация может принести понижение мясных и сальных качеств, способности противостоять суровым условиям и т.д., хотя и повысит шерстяные качества», специалисты предупреждали еще в начале 1930-х гг. (Домашние животные ..., 1930, с. 227).

Кстати, в последние годы поголовье породистых овец начало восстанавливаться именно ввиду высокого промышленного спроса на их шерсть. Вообще, натуральная шерсть, как уже говорилось, была основной статьей киргизского экспорта еще в начале 1990-х гг., а с тех пор ее роль еще более возросла. Однако и тут за прошедшее пятнадцатилетие произошли изменения не в лучшую сторону: ввиду лучшей приспособленности черных курдючных овец к местным условиям и лучшего качества их мяса киргизские овцеводы резко сократили поголовье породистых овец, и только в последние годы – опять-таки из-за шерсти – началось их восстановление.

Однако тут речь идет не о привозных овцах, а о так называемых киргизских тонкорунных, выведенных академиком Луцкихим. Кстати, государственное племенное хозяйство, созданное этим ученым, сохранилось до сих пор (Кара-Бууринский район Таласской области), в нем сейчас около 2.000 овец. При этом настриг шерсти с овцы составляет 3,5-3,6 кг у частных хозяев и 3,1 кг в государственных хозяйствах Таласской области, и вообще, в целом продуктивность частного скота намного превышает государственную – например, по молоку в 3-4 раза (Материалы..., 2007). Однако в «луцкихинском» хозяйстве за счет сохранения породистых овец настриг шерсти составляет 4,4 кг с головы.

Так вот, сохранившиеся породистые овцы из «луцкихинского» госхоза используются теперь для улучшения породы у частных. Здесь проводится как «улучшение в себе», так и улучшение путем завоза породистых баранов-производителей. Дело в том, что все же имели место и случаи завоза подходящих для местных условий пород. Хорошо приспособляются к любым, в том числе и к горным и степным, пастбищам шропширские овцы. При этом их бараны весят 88-104 кг, матки – по 64-80, дают по 3,6-4,4 кг шерсти и по 150-175 ягнят от 100 маток. Однако для того, чтобы так было, необходимы кормовые условия «не ниже сред-

них» (Иванов, 1925, с. 150). Шевичоты (горные английские овцы) привычны к горным условиям, на пастбище они откармливаются даже лучше, чем в стойле (Иванов, 1925, с. 164). Вюртембергские овцы не только хорошо приспосабливаются к местным условиям, но и дают хорошие результаты при скрещивании с местными породами – их гибриды приносят больше мяса и шерсти, чем оба родителя (Румянцев, 1934).

Но все же предпочтение надо отдавать местным овцам, тем более, что приспособляемость мериносовых овец к условиям Киргизии относительная. Так, шевичоты хорошо себя чувствуют только на пастбищах высотой не более 800 м (Иванов, 1925, с. 165). Сейчас, когда поголовье овец резко сократилось, можно позволить себе выпас этих пород на такой высоте, но что будет, когда поголовье снова возрастет?

Поэтому выход видится не в том, чтобы завозить породистых овец при сохранении экстенсивного скотоводства, как это делалось с 1930-х по 1980-е гг., а, наоборот, в интенсификации скотоводства с упором на местные породы, тем более что киргизские овцы, отправленные еще в начале XX в. на выставки на Запад, встретили там самые лучшие отзывы (Иванов, 1925, с. 428). А в 1985 г. ФАО, советуя экстенсивным скотоводам проводить интенсификацию заготовки кормов, одновременно рекомендовала для горных и пустынных пастбищ местных овец как основной вид скота (Даулетбаев, 1986, с. 9-10).

В пользу интенсификации киргизского (и казахского) скотоводства говорит и австралийский опыт: там этот процесс начался каких-нибудь 30-40 лет назад. Еще в 1960-х гг. австралийское овцеводство было экстенсивным, интенсификация только началась в пригородах и в районах молочного скотоводства. Однако к указанному времени экстенсивный путь развития исчерпал себя (Есаулов, 1967, с. 263). К настоящему времени австралийское животноводство по большей части интенсифицировано.

При проведении интенсификации, однако, необходимо помнить и о различиях между Киргизией и Австралией. О большей необходимости искусственного орошения уже говорилось, но это не все. В Австралии нет волков, а по климатическим условиям в Киргизии невозможно, как в Австралии, растягивать стрижку овец на 6-9 месяцев (Есаулов, 1967, с. 226-227). Вообще, по киргизским условиям тонкорунных овец полагается стричь раз в год,

в июне, а киргизских – дважды, весной и осенью (Иванов, 1925, с. 72-73). Кстати, если в начале 1990-х гг. преобладала поздневесенняя стрижка, то в 2007 г., по крайней мере в Таласской области – осенняя. В начале 1990-х гг. в связи с отсутствием в горах стригальных пунктов зачастую всех овец приходилось стричь в конце апреля – начале мая, если не удавалось ненадолго пригнать их на стрижку вниз в конце июня. Так или иначе, стрижка не растягивается у киргизов больше чем на два месяца. Да и пасти овец круглый год в Киргизии трудно, хотя местные породы – можно. Еще и в 1950-х гг. в Иссык-Кульской области, например, зимой паслось минимум до 40-50% скота, чаще – 70-80%, а то и 90% (Рязанцев, 1951, с. 336). Столетием раньше в Киргизии на стойловом содержании зимой находилось максимум 20% скота (Симаков, 1978, с. 14-27). А вот в начале 1990-х гг. выпасалось зимой в той же Иссык-Кульской области только 5,83% овец, 9,7% крупного рогатого скота и 10,83% лошадей (подсчеты автора по данным Иссык-Кульского областного статистического управления 1991 г). Впрочем, при большом поголовье скота, если оно будет восстановлено, зимняя пастьба едва ли станет возможна для большей части скота; это – еще один довод в пользу интенсификации киргизского скотоводства со значительным ростом зимней заготовки кормов.

Собственно, в Киргизии есть место с климатом, близким к Новой Зеландии – Чуйская долина. Именно там, в Кеминском и Кантском районах, интенсивный откорм овец уже 20 лет назад давал положительные результаты (Назаркулов, Голубев, 1986). Но такие благоприятные места составляют лишь небольшую часть Северной Киргизии.

Зато таких мест немало в соседних областях Юго-восточного Казахстана. И тут встает вопрос о необходимости экономической интеграции Киргизии и Казахстана. В этом случае благодатный климат Семиречья мог бы на основе интенсивного овцеводства обеспечить благосостояние миллионам казахов и киргизов, а на основе промышленности и земледелия – и миллионам европейцев.

Впрочем, возможно, разработка таких новых кормовых растений, как уже упоминавшийся амарант, возможно, позволит решить эту проблему и в рамках отдельно взятой Киргизии. Амарант обладает в связи с природно-климатическим и социально-экономическим факторами по меньшей мере четырьмя преимуществами.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Во-первых, он более устойчив к температурным колебаниям, чем кукуруза и пшеница, почему это растение может выращиваться в высокогорных (Горная Киргизия) и холодных степных (Центральный и Северный Казахстан, например) районах.

Во-вторых, амарант хорошо способен противостоять засухе и другим экстремальным погодным условиям. Потому эта культура много обещает тем районам, где есть проблемы с орошением, к каковым относятся опять-таки и киргизское высокогорье, и казахские степи.

В-третьих, амарант непривередлив к почве: растёт на любой, в том числе на кислой, песчаной, солонцеватой. Легко приспосабливается к различным условиям выращивания.

В-четвертых, при желании амарант можно вырастить даже на дачном участке – семена его есть в продаже. Это тоже очень важно с учетом того, что в Киргизии, как уже было сказано, преобладают мелкие крестьянские хозяйства.

Сохранение экстенсивного скотоводства в силу причин, указанных в начале статьи (нехватка пастбищ для того поголовья скота, которое в этом случае будет необходимо местному населению), неизбежно приведет к резкому усилению социальной напряженности.

В случае же успешной интенсификации овцеводства будут созданы предпосылки для прорыва Киргизии в будущее, для ее превращения в относительно стабильное и благополучное государство, где и «титульная» нация сможет намного повысить свой уровень жизни, и для сотен тысяч «русскоязычных» место найдется, и экологической катастрофы удастся избежать. Повышение уровня жизни быстро и резко снизит рождаемость среди киргизов и казахов, что само по себе намного уменьшит опасность социального взрыва.

Литература

Абдыраимов А.К., Асанакуннов А.А. Создание сеяных богарных пастбищ для овец в засушливой зоне Республики Кыргызстан // Тезисы конференции «Современные достижения науки и практики в области селекции овец и коз, технологии производства шерсти, баранины, пуха, мохера и их применение в новых экономических условиях хозяйствования». Ставрополь, 1991. Ч. 1

Аболин Р.И. Горные пастбища Киргизии и их распространение. Л., 1934

- Айтбаев М.Т. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX века. Фрунзе, 1962.
- Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 31-46.
- Алтымышбаев А. О некоторых особенностях перехода народов Средней Азии к социализму. Фрунзе, 1959.
- Белоусов В.Я. и др. К вопросу о социалистическом расселении в Киргизской АССР. М.-Л., 1935.
- Брусина О.И. Киргизия: социальные последствия аграрного перенаселения // ЭО. 1995. № 4. С. 96-106.
- Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль (1856 г.) // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1961. Т. 1.
- Выходцев И.В. Улучшение сенокосов и пастбищ Киргизии. Фрунзе, 1936.
- Государственное статистическое агентство при правительстве Кыргызской Республики. Бишкек, 1993.
- Даулетбаев Б.С. Основные тенденции и проблемы развития овцеводства и козоводства в зарубежных странах. Алма-Ата, 1986.
- Демографический ежегодник Кыргызской Республики. Бишкек, 2007.
- Джубаев С.Ш. Интенсивные технологии в кормопроизводстве. Алма-Ата, 1991.
- Домашние животные Киргизии. Л., 1930. Т. 2.
- Есаулов П.А. Методы повышения продуктивности овец в Австралии. М., 1967.
- Иванов М.Ф. Овцеводство. М., 1925.
- Кисюк В.А. и др. Приготовление кормов путем термомеханической обработки // Выращивание и откорм овец и коз. Ставрополь, 1991. С. 28-36.
- Костюкова И. Сельско-городские мигранты в Бишкеке: социальные проблемы и участие национально-политическом движении // Этносоциальные процессы в Кыргызстане. М., 1993.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алма-Ата, 1995.
- Материалы Таласского областного статистического управления за 2007 г.
- Метлицкий А.В., Сейфулин Ж.Т. Состояние и перспективы интенсификации овцеводства Казахстана // Пути увеличения производства продукции овцеводства. Алма-Ата, 1989. С. 3-12.
- Назаркулов А.Н., Голубев Л.И. Выращивание и откорм молодняка овец на механизированных комплексах // Интенсификация горного животноводства. Фрунзе, 1986. С. 121-128.
- Народное хозяйство Киргизской ССР за годы Советской власти. Фрунзе, 1987.
- Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991.
- Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой (аульной) общине у киргизов конца XIX – начала XX века // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 65-73.
- Овцеводство Австралии. М., 1968.
- Рекомендации по интенсификации производства продукции овцеводства в Киргизской ССР. Фрунзе, 1982.
- Румянцев Б.Ф. Тонкорунные овцы в Киргизии и результаты их гибридизации с местной курдючной овцой // Проблемы животноводства Киргизии. Л., 1934. С. 7-62.
- Рязанцев С.Н. Киргизия. М., 1951.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Симаков Г.Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов // СЭ. 1978. № 6. С. 14-27.

Ситнянский Г.Ю. Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства в Горной Киргизии // ЭО. 1993. № 1. С. 37-51.

Ситнянский Г.Ю. Хозяйственный год современного киргизского животноводства // ЭО. 1997. № 5. С. 76-88.

Ситнянский Г.Ю. Сельское хозяйство киргизов: традиции и современность. М., 1998.

Ситнянский Г.Ю. Причины киргизского кризиса – переселение народов // <http://www.comprostat.kg> (7 января 2007).

Ситнянский Г.Ю. Для чего нужны российские пограничники в Киргизстане // <http://fondsk.ru/article.php?id=761> (30 мая 2007а).

Ситнянский Г.Ю. Южные киргизы не так уж сильно отличаются от северных. Интервью // <http://www.ia-ctntr.ru/public.details.php?id=641> (Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 19 июня 2007 б).

Ситнянский Г.Ю. Среднеазиатский радикальный ислам: устремленность на север // http://www.fondsk.ru/articlelist.php&author_id=30 (ФСК. 5 июля 2007с).

Соколов В.В., Куц Г.А. Мировое овцеводство. Ижевск, 1994.

Статистический бюллетень. Статистический комитет СНГ. 1993, № 17 (35). Сентябрь.

Сушкова Ю. Маркус Мюллер: границы исчезают // Моя столица – новости. 2 ноября 2007 г.

Сушкова Ю. Мобилизация сельчан // Моя столица – новости. 9 ноября 2007 г.

Усенбаев К.У. Общественно-экономические уклады в Киргизии в конце XIX – начале XX века // К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Фрунзе, 1972. С. 5-23.

Усубалиев Т.У. Ленинизм – великий источник дружбы и братства народов. М., 1972.

Чогдон Ж. Обводнение пастбищ: на примере МНР. М., 1980. С. 187-195.

Чудинов И. Нам нужен прорыв в экономике (газетное интервью) // Московский комсомолец, 28 января 2008 г.

**КУЛЬТУРА ЗАГОТОВКИ СЕНА
В СЛОВАЦКИХ И УКРАИНСКИХ КАРПАТАХ¹
(ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)².**

Модернизация неуклонно удаляет человека от природы, нивелирует этнокультурное многообразие людей, однако, как показывает опыт, до полной «кибернизации» человечества еще достаточно далеко. Этническая культура не может исчезнуть полностью, она постоянно трансформируется под давлением научно-технического прогресса и природных изменений. Видоизменения культуры происходили и происходят всегда, ибо они, также как и мутации в генах, являются основным механизмом формирования разнообразия. Можно даже сказать, что трансформации, равно как и мутации, стали в наши дни лишь более интенсивными, чем прежде. Соответственно предмет исследования этнографии не только не исчезает, но и приобретает новые формы, на наших глазах идет процесс появления новаций, их эволюция, исчезновения, превращения в элементы традиционной культуры.

- 1 Под Украинскими Карпатами в данной статье мы имеем в виду земли, населенные украинцами, которые находятся в пределах Украины, Словакии, Польши и Румынии. Словацкие Карпаты, напротив, рассматриваем в политико-административном аспекте
- 2 Данная статья, написана по материалам индивидуальных экспедиционных выездов автора в Украинские Карпаты: 1998-2000, 2005-2008 гг. в Рожнятовский, Долинский, Богородчанский, Верховинский, Косовский районы, м. Болехов, м. Яремча Ивано-Франковской обл.; Старосамборский, Турковский, Сколевский, Стрыйский, Дрогобычский районы Львовской обл., Межгорский, Воловетский, Великоберезнянский, Раховский районы Закарпатской обл., Путильский, Вижицкий районы Черновицкой обл.; в Словакии Карпаты: 2005 г.: Жилинский край (окресы: Чадца, Кисуцке Нове Место, Дольный Кубин, Твердошин, Наместово, Липтовский Микулаш, Ружемберок, Мартин, Жилина), Пряшिवский край (окресы: Попрад, Кежмарок, Стара Любовня, Бардейов, Сабинув, Свидник, Стропков, Межилаборце, Снина, Гуменне). В ряде экспедиций автор использовал метод включенного наблюдения (Большинство полевых выездов было осуществлено нами в качестве аспиранта Сектора этнической экологии ИЭА РАН, а позже – научного сотрудника Отдела зарубежной Европы того же Института). Отсутствие полевых данных из Марамурешского и Снинского жудцов Румынии частично компенсируется материалом, который получен во время опроса автором граждан Румынии – студентов и преподавателей Львовских вузов. Информация из лемковских сел Польши получена автором во время интервьюирования переселенцев – жителей Львовской обл.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Для рассмотрения сложных этнокультурных процессов, в стремительно меняющихся природных, социально-экономических, информационных и пр. условиях довольно трудно использовать традиционные методы этнографии. Дифференциация истории на отдельные науки, в том числе на этнографию, была необходима на определенной стадии человеческой мысли, однако, по прошествии времени стала вновь ощущаться необходимость в интеграции данных разных дисциплин.

Наиболее удачной моделью интегрированных знаний гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, на наш взгляд, является этническая экология, которая, по словам В.И. Козлова: *... расположенная на стыке этнографии с экологией человека и имеющая зоны перекрытия с этнической географией, этнической антропологией и этнической демографией.... ставит своей задачей изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияние сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей; изучение специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем* (Козлов, 1983, с. 8).

Весьма интересны с точки зрения этноэкологии горные территории, которые отличаются архаикой и значительной культурной гетерогенностью на сравнительно ограниченной площади.

Словацкие и Украинские Карпаты входят в ареалы распространения словаков, гуралов, украинцев. Есть там и территории со смешанным населением. На востоке Словакии живут разные этнографические группы восточных словаков-выходняк, которые по самосознанию, особенностям языка, этнической культуры и этногенеза некоторыми этнографами (Lazorik, 2004, s. 8.), в том числе и автором данной статьи, рассматриваются вне словацкого этноса. Кроме славян в исследуемом регионе до середины 1940-х гг. проживало многочисленное немецкое население,³

3 До 1940 гг. немцы были основным населением Попрадской, Любовнянской, Раецкой котловин, Ружбахского предгорья. После Второй мировой войны большинство из них было насильственно переселено в Германию. Осталось несколько немецких сел, в некоторых бывших немецких селах осталось по несколько семей.

в Тячевском и Раховском районах Закарпатской обл. компактно до сих пор живут румыны.

Славянские этносы Карпат весьма гетерогенны. Только среди украинцев различают пять крупных этнографических групп. В бассейнах рек Сучава, Молдова, Молдовица, Золотая Быстрица, Сухая, Русковая, Вишеу, в верховьях Черемоша (до Выжницы), Прута (до Делятина), Рыбницы, Пистинки, Тисы (до Великого Бычкова), Быстрицы Надворнянской живут *гуцулы*. В горной части Сана, Днестра, Стрыя, Свечи, Чечвы, Ломницы, в бассейне Опора, в верховьях Ужа, Латорицы, Реки – *бойки*. В бассейнах Топли, Каменца, Ондавы, Лаборца, Цирохи, вместе из выходнярами – *лемки*.⁴ В бассейнах Попрада, Горнада, Дунайца вместе с поляками (*гуралами*), *немцами* и *выходнярами* – *спишские русины*.⁵ В среднем течении Ужа, Латорицы, Реки, в бассейнах Боржавы, Тербли, Тересвы, на средней Тисе – *закарпатцы-дольняне*. Кроме основных групп существуют, по нашему мнению, еще ряд переходных этнокультурных полос: в верховьях Тербли, на средней Реке (на отрезке Лозянский-Подчумань) – *бойковско-дольнянская*; в бассейне Сану – *бойковско-лемковская*; в бассейне Верхнего Ужа (до с. Улич и с. Соль) – *бойковско-лемковско-дольнянская*; в бассейне Быстрицы Солотвинской – *бойковско-подгорско-гуцульская*, в долинах Лючки, Ославы, Сопивки – *покутско-гуцульская*, в долинах Выженки, Серета и Малого Серета – *буковинско-гуцульская*, в долине Шопурки и Апшицы – *дольнянско-гуцульская* (Бойко, 2008, с. 32-38; Лаврук, 2005, с. 114-115). Не менее гетерогенны словаки и выходняры, однако из-за специфики исторического развития Словакии, а также из-за особенностей классификации, которая принята словацкими учеными, их этнокультурная гетерогенность рассматривается преимущественно в рамках прежнего историко-административного деления. В пределах северной и северо-восточной Словакии принято выделять следующие основные историко-культурные районы: Яворники, Верхнее Поважье, Нижнее Поважье, Турец,

4 До насильственного переселения украинцев из их этнических земель на территорию Польши лемки проживали также в бассейнах Попрада, Ропы, Вислоки, Яселки, Вислока, Ославы, на левобережье верхнего Сану.

5 Принципиальные черты культуры и языка спишских украинцев позволяют автору рассматривать их вне лемковской группы или выделять их среди других этнографических районов лемков.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

Верхняя Нитра, Нижняя Нитра, Нижняя Орава, Верхняя Орава, Нижний Липтов, Верхний Липтов, Тековско (Нижнее Погронье), Зволен (Среднее Погронье), Верхнее Погронье, Гонт, Новоград, Гемер (словаки и словацко-моравское пограничье); Спиш, Шариш, Земплин, Аба (выходняры). Гуралы представлены тремя основными группами: *чадецькими, оравськими, спишьськими гуралами*, а также рассеянными малочисленными группами, которые заселяют Липтов и внутренние районы Словакии.

Карпаты являют собой горную страну с разными формами рельефа от холмогорья и плоскогорья до крутосклонового высокогорья с типичными альпийскими формами (крутые склоны, каньонообразные речные долины, обнаженные скалы). Абсолютные высоты колеблются от 500 до 2655 м в словацкой и до 2061 м в украинской частях. Отличаются направления, формы и объемы хребтов, речных долин и котловин, крутизна и характер симметрии склонов. Климатические показатели в разных природно-территориальных комплексах (ПТК) тоже весьма отличаются. Например, годовое количество осадков в Словакии может составлять от 620 мм (Попрадская котловина) до 2130 мм (Высокие Татры); на Украине от 750 мм (северо-восточные склоны Верхнеднепровских Бескид) до 1700 мм (верховья Тересвы).⁶ В разных областях Карпат преобладают различные формы древесной растительности и травянистых биоценозов, различаются состав высотных поясов, структура и характер почвенного покрова и др. В то же время, для всей территории Карпат характерен ряд особенностей, которые отличают этот район от прилегающих равнин: выражен рельеф, относительно прохладный климат, бедные почвы с незначительным почвенным горизонтом, большая залесенность. Яркой иллюстрацией сказанному может служить разница в среднегодовом выпадении осадков, которая между Словацкими Карпатами (Збойницка Хижа) и прилегающими равнинами (Гурбаново) может составлять до 1045 мм (то есть различия в 6,6 раз!), между Украинскими Карпатами (верховья Тересвы) и Прибескидским Предкарпатьем – до 1000 мм (в 2,8 раза) (Vlastivedny slovník, 1977, s. 34; Лаврук, 2005, с. 55-56).

6 За основу географического деления мы берем общепринятые в словацкой и украинской науках схемы геоморфологического и ландшафтного районирования, которые представлены в: Mazúr, 1986; Кравчук, 2005, 2008; Сливка, 2001; Мельник, 1999.

Природные особенности не могли не отразиться на хозяйственно-культурной специфике. В разных ПТК сформировались разные хозяйственно-культурные зоны. В то же время, везде в Карпатах в жизни населения животноводство играло большую роль, а в ряде районов оно доминировало над земледелием и лесными промыслами. Овцеводство имело молочную направленность. После отмены колхозно-совхозной системы начались процессы натурализации хозяйства, результатами которой стало увеличение поголовья скота в личных хозяйствах и передача части сельскохозяйственных угодий селянам.⁷ Поэтому урожайность травянистого биоценоза, качественный покос, правильная сушка травы и хранение сена до сих пор играют большую роль в жизни горцев.

Под посевные площади отдавали более плодородные земли на более мягком рельефе, под выпасы и сенокосы, напротив, неровные делянки, размещенные вдалеке от усадьбы, часто на крутых склонах. На Гуцульщине было распространено трехчленное деление сенокосных угодий. Около дома находились небольшие луга-*цáринки*,⁸ которые щедро занаваживались и давали качественную траву на сено, иногда – отаву. На них скот выпасали до Троицы и после покоса. Кроме того, траву могли высеивать непосредственно на огородах. Вдалеке от усадьбы, обычно на высшем гипсометрическом уровне в пределах села были расположены *поля*, которые не занаваживались, выпас на них осуществлялся «до Юрия» (6 мая) и после сенокосов. За селом на расстоянии несколько километров от двора, посреди леса, или на искусственных полонинах⁹ размещались огороженные *кiшнiцi*, куда скот допускали только после косовицы (Шухевич, 1997, с. 196).

На большей части Бойковщины, Лемковщины, Долянянщины, в ареалах расселения словаков, выходняр и гуралов, преобладало двучленное деление. То есть отсутствовали *цáрынки*. В тех районах Карпат, где основной системой хо-

7 В социалистической Румынии не было коллективизации сельскохозяйственного производства.

8 Для передачи словацких, выходнярских и гуральских названий, а также некоторых украинских слов, если кириллический вариант не передает точно звук, мы применяем словацкий вариант латинского алфавита, в котором, при необходимости, используем также польские буквы (*ś, ć*).

9 Субальпийские и альпийские луга.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

зяйства было *толоко-царинне* двуполье (большая часть Бойковщины и Прикарпатская Лемковщина), сенокосы вместе с пашней размещались на одном склоне, а общинное пастбище – на втором. Через год (реже через 2-3) угодья менялись местами. При классическом трехполье и многополье сенокосы чередовались с пашней, реже с пастбищем. При Карпатском трехполье – лишь с пастбищами.¹⁰ Часто на кишныцах ставили шалаши или избушки, а также хозяйственные строения. Впоследствии там могли возникать целые филиалы усадеб, которые при благоприятных природно-климатических условиях перерастали в самостоятельные хозяйства. В некоторых районах Бойковщины (Горганы), Лемковщины (Сондецкие Бескиды), Гуцульщине (Горганы, некоторые подрайоны Полонинско-Черногорских Карпат), Словакии (Фатранско-Татранская область), Долянянщины (села бассейнов Ужа, Латорицы, Реки, Тербли, Тересвы, в пределах Полонинского массива и Свидовца) все сенокосные луга, из-за того, что село лежит в узкой долине, реже на небольшом плато, удалены от села и представляют собой кишницы. Ярким примером может служить бойковское с. Липовиця, лемковское село Верхомля Великая, словацкое село Влколинец. Кроме того такая ситуация существует и в селах, которые лежат в низкогорных ландшафтах в широких речных долинах вблизи среднегорных массивов. После расширения пашни на всю площадь *экстравилану*¹¹ такие села покупали целые урочища в соседних горах, в государственном или частном лесничестве, и превращали их в сенокосы. Примером могут служить южно-лемковские села Ливов и Луков (Ондавская верховина), жители которого 1928 г. купили сенокосные луга на хребте Чергов.¹²

Повсеместно в Украинских и Словацких Карпатах на огородах господствующей системой земледелия было многополье, где зерновые и пропашные культуры чередовались с сенокосами. По качеству травы сенокосные угодья населением Карпат разделя-

10 Термин введен автором в статье: Бойко, 2004.

11 Экстравилан – вся территория чьего-либо хозяйства без усадьбы (пастбища, луга, пашня, лес).

12 До 1920 гг. жители этих сел совсем не имели собственные луга, они зарабатывали сено в барском лесничестве (косили за каждую третью копну).

ются преимущественно на три группы: заболоченные¹³, хорошие¹⁴, из *псячкою*¹⁵.

Следует отметить, что луга с *псячкой* и большинство заболоченных лугов являются следствием антропогенного влияния и являются деградированными биоценозами.

Время для заготовки сена определяется погодными условиями. Обычно сначала косят приусадебные луга, где климатические показатели более благоприятны. До середины XX в. на них после сенокоса до заморозков выпасали скот. В тех районах, где функционировало классическое трехполье, а также многополье (большая часть ареала словаков, выходня, словацких лемков, спишских русинов, долинян) до середины XX в. стерня, которая осталась после сбора травы, могла перепаживаться под озимые зерновые культуры. Заготовка незначительных объемов отавы,¹⁶ из-за небольшого количества земли, а в ряде районов и из-за прохладного климата, во всех Западных и Восточных Карпатах была редкой. Преимущество зимне-весеннего окоту скота вынуждало заготавливать в небольших объемах отаву на огородах.¹⁷ Только в последние 20-40 лет из-за потепления климата и уменьшение зависимости крестьян от земли широко стала использоваться повторная косовица и на лугах.¹⁸

На восточных экспозициях в низкогорье, а также в котловинах, широких речных долинах, на плоскогорьях, холмогорьях и повсеместно на огородах и *царынках* первые покосы начинаются еще в конце (в некоторых районах – в середине) июня. Обычно та-

13 Гуцул. *луки із гершками*; бойк. *млаки, млаковиті луки*; лемк. *мочари*; словак., выход. *тоčару*; гурал. *Моčариска*.

14 Укр., пол. *файні*, словак., выход. *Рекне*.

15 Белоус торчащий (*Nardus strikta* L.): гуцул. *псєнка, псинка, псюка, псярка, псянка, щітка*; бойк. *пся(є)чка, псяічка, пся(є)нка, псях, псюг(х)а, псю(я)ка, псяра, псьоха, кострьця, сивушка, сіроха*; долин. *псяйка, псянка, псяра, пся(є)чка, псьоха, мичка, тимофійка, кухта, мишій, кустріця*; лемк. *псярка, рšarka, псюрка, свинніця, свивіця*; выход. *psjurka, словак. psik, psička, psiarka, ostrá; гурал. pšarka* (ПМА; Кобів, 2004, с. 284).

16 Укр., словак., выход. *отава*; гурал. *mladza, mlodza* – молодая трава первого и второго покоса.

17 *Отава* является необходимым компонентом рациона лактирующих животных и молодняка.

18 В условиях малоземелья при натуральном и полунатуральном хозяйстве крестьяне были вынуждены на лугах с подростшей на них отавой или по стерне, которая осталась после первого покоса, выпасать скот.

кую траву скашивают самостоятельно, без посторонней помощи соседей и родственников.

Массовая заготовка сена начинается позже, после Петрова дня (12 июля), и продолжается обычно до Ильи Пророка (2 августа). Если в травостое преобладают растения, которые размножаются только генеративным путем, такой луг скашивают позже, во время семяобразования.¹⁹ В с. Шепот Долишский Вижницкого района Черновицкой области (пограничье Шурдинского и Баниловского ландшафтов) в середине XX в. на таких угодьях косовица начиналась от Ильи Пророка (2 августа) и длилась до середины августа. Аналогично распоряжались и с лугами, засеянными тимофеевкой, которую широко используют с 1930-х гг. В последние десятилетия на это нечасто обращают внимание. Снижение производительности луговых биоценозов за счет упрощения их видового многообразия компенсируется травосеянием.

Немцы Попрадской, Горнадской и Любовнянской котловин, чьи земли располагались непосредственно в плодородных долинах Попрада и Горнада, пытались как можно раньше закончить сенокос, чтоб успела подрасти отава. В с. Хмельница (*Majehuschtin*) в 1930-1940 гг. сенокосы при благоприятной погоде заканчивали до 1 июля.²⁰

Даты начала и завершения сенокосов зависели не только от климатических условий ландшафтов, но также микроклимата конкретного угодья, в частности от особенностей их инсоляции²¹ и инспирации.²² По воспоминаниям Попюка Юрия Васильевича 1920 г.р., в с. Подзахарычи Путильского района Черновицкой обл. в 1930-х гг. луга, расположенные на южных экспозициях (*к солнцу*) скашивались еще до Ивана (7 июля), расположенные на северных экспозициях (*от солнца*) – после Преображения Господнего (19 августа).

Накопленный веками эмпирический опыт безошибочно определяет наилучший период для начала косовицы. При определении «спелости» луга ориентируются на траву, которая имеет

19 Необходимость позднего покоса определялось поредением луга и снижением в травостое удельной доли продуктивных трав.

20 Согласно нашим полевым материалам немцы данных ПТК, в отличие от своих соседей: гуралов, украинцев и выходняр-спишаков, широко употребляли повторный покос.

21 Освещенность солнцем.

22 Проветривание.

средние (относительно растений данного биоценоза) сроки созревания. Косовицу стараются начать в период бутонизации или выхода в трубку (у злаковых) этого растения. Считается, что из травы, скошенной в это время наиболее питательное сено. Оно, также как и отава, скармливается молодняку, лактирующим и рабочим животным. Такое сено содержит максимальное количество протеина, аминокислот, безазотистых экстрактивных веществ, каротина, и т.п. (Петров, 2000). Хорошим периодом считается также время раннего цветения и молочной спелости колосковых трав, когда общий объем сена выходит максимальным, а его усвояемость удовлетворительна – для лактирующих и молодняка, и хорошая – для тяглогового и ялового скота. При сборе недозрелой травы возникают трудности с ее хранением (быстро гниет), кроме того, она не достаточно питательна. Перестоявшая трава вылегает, в результате чего ее трудно косить, сено из нее выходит жестким, малопитательным, содержит большое количество тяжелоусвояемых клетчатки и лигнина; потери при сборе такого сена максимальны. Необходимость заготовки большого объема кормов, постоянная угроза ненастья, препятствуют строгому соблюдению оптимального периода для сенозаготовки.

Время для кошения трав определяется также иррациональными причинами. По представлениям лемков, до Ивана Купалы – Ивана *Зелевого* нельзя срезать косой разноцветные цветы на лугах (Мадзелян, 1993, с. 41). Также нельзя косить в громовые праздники, которые идут после Петра (Ильи, Палия, Маковия, Гавриила). По представлениям гуцулов, за нарушение запрета Ильи мог громом побить скотину, а Палий сжечь сена. В то же время в условиях влажного климата табу часто не распространялось на другие трудовые операции, которые были связаны с сеном.

Технология заготовки и хранения сена зависит от объема осадков, температурного режима, особенностей травостоя, характера поверхности.²³

Сбор *постной* травы осуществляется утром – пока не высохла роса. Сочные посевные травы косят в любое время.

Валки свежескошенной травы²⁴ после того, как взошла роса, разбиваются. Этим, в отличие от кошения, которое считается

23 Под характером поверхности мы понимаем рельеф поверхности, склоновую крутизну, экспозицию, степень увлажненности.

24 Укр., пол., словак. *валок, вал, рядок, ряд.*

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

мужским трудом, занимаются женщины, старшие люди и дети. Основные орудия для разбивания валка – грабли,²⁵ реже используется палка, вила²⁶ или *суло* (нерабочая часть граблей, вил). Из-за широкого распространения на деградированных лугах низкорослой растительности, а также с целью более тщательного сбора травы²⁷ у карпатских граблей небольшое расстояние между зубцами (3-4 см). Использование таких граблей экономит силы, не требуя дополнительных замахов. Эта особенность четко закреплена в традиции, которой придерживаются народные умельцы, изготавливающие сельскохозяйственные орудия. Недорогие пластмассовые грабли фабричного производства так и не смогли окончательно вытеснить традиционные грабли на большинстве территории Карпат. Использование органических и минеральных удобрений, а также изменения в травостое лугов путем подсева бобовых (клевер луговой (*Trifolium pratense* L.), люцерна посевная (*Medicago sativa* L.), люпин (*Lupinus*), вика посевная (*Vicia sativa* L.) и злаковых (тимopheевка луговая – *Phleum pratense* L.) и др.²⁸, которая началось в большинстве районов после. Первой мировой войны в зажиточных крестьянских и шляхтинских хозяйствах и массово – со второй половины 1920 гг., постепенно привело к тому, что традиционные грабли оказались достаточно неудобными при сборе густой высокой травы (трава набивается между зубцами, что вынуждает делать холостые замахи).²⁹ При этом чаще стала использоваться ручная раструска валка. В этом случае уместное детское труд. По той же причине вырос спрос на

25 словак. *hrable*, пол. *Grably*.

26 Укр. *гралі*.

27 Для уборки поломанных частей травы (гуцул. *трена*) карпатские грабли имеют небольшое расстояние между зубцами (3-4 см).

28 Клевер луговой: гуцул. *конюшина, горішок, клевер, команиця, лугерá, лещок, трифóй*; бойк. *команиця, конюшина, команка*; долын. *команиця, комониця, лугер, лугерá, люцерна, лящок, лещок, лещок*; лемк. *кониц, конюч, конічина, требіч, требіч, тройчатка*; спиш. *русин. конючіна, конючина, коїусуна, команіца*; виход. *коїусіна, требіч*; словак. *diatelina*; гур. *коїусуна, коїусіна, коїусуна*. Люцерна посівна: укр. *люцерка*; словак. *lucerka*. Люпин: бойк. *любін, любін, любі(и)нь*; словак. *lupin*. Віка посівна: бойк. *горох мишачий, лядник*; лемк. *лядник*; словак. *ľartuk*. Тимофіївка лугова: бойк. *травка*; долын. *жітниця*; лемк. *матіювка* (Кобів, 2004: С. 261, 271, 309, 412; 432; ПМА).

29 В конце XX в., не смотря на денатурализацию хозяйства, еще одной причиной изменения травостоя стало снижение нагрузки на луга из-за широкого распространения паровых земель.

фабричные пластмассовые грабли, которые имеют более редкие и длинные зубцы, в них за образец взяли равнинный вариант. Это, в свою очередь, пагубно отобразилось на местных промыслах.

После разбивки валка и частичного провяливания, скошенную траву после обеда вновь переворачивают.³⁰ Чтобы уменьшить вредное влияние росы или ночного дождя, скошенную траву сгребают в небольшие кучки,³¹ а утром опять растрясают, причем не так старательно, как в первый день. Кучку растягивают в центробежному направлению, так что сверху она напоминает круг.³²

Осуществление тех или других операций зависит от погоды, особенностей травостоя, характера поверхности, трудовых ресурсов, технологии кошения. Если во время косовицы падает дождь, то валки не разбивают до тех пор, пока влага не высохнет. Таким образом снижают всасывающий и вымывающий эффекты. Как свидетельствует сельскохозяйственная наука, дождь может снизить пищевую ценность сена до 20%. Углеводы, витамины и некоторые водорастворимые минеральные вещества легко вымываются из скошенной травы. А если она находится в валках, а тем более в копнах, то вымытые вещества из верхнего слоя всасываются в нижние слои, не попадая в почву (Петров, 2000).

В сухую погоду (если трава редкая и низкая) валок может и не разбиваться, ведь при переворачивании травы с помощью граблей отламываются нежные части растения – листки, бутоны и цветы, в результате чего сено теряет белковые вещества, оставляя древесину, становится менее перевариваемым в сравнении с травой. Особенно это важно при заготовке сена на лугах, где доминируют разнотравные (*Prata variaherbosae*) и разнотравно-злаковые (*Prata herbo-graminosae*) формации, с преобладанием растений богатых на листья (напр., мотыльковых). Такую траву редко собирают на ночь в кучи. Мы наблюдали это на Гуцульщине в Покутском низкогорье – в бассейнах Рибницы и Черемоша на отрезке Белоберезка-Межброды, а также на Бойковщине (в селах Воловецкой верховины) на деградированных лугах.

30 Гуцул. *перевернути поліг*.

31 Гуцул. *копiця, наволок*, бойк. *копiця, пласт, пласток, пластiвниця, купка*; дольн. *пласт*; лемк. *купка, копа, коруца, навілок*, спиш. русин. *кóрка; виход. корка; kopica*; словак. *kórka, petrepec, korepec, navidl'a, kozák, babiak*; гурал. *korica* – ПМА; серб. *навiьке, пласт, копа* (ПМА, 2007; Вечански, 2004: С 585).

32 Словак. *postel', násad, bl'ach, okolica* (ПМА, 2005).

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

В Сукельском природном районе на Бойковщине (в горной части долины р. Сукель), где значительные площади лугов находятся под плотнoderнистыми крупнозлаковыми (*Prata panograminosa-caespitosae*) формациями, наоборот скошенную траву стараются чаще переворачивать, там бытует пословица *сено на граблях сохнет*.³³

В тех хозяйственно-культурных зонах, где традиционно доминирует или субдоминирует животноводство (например, на Гуцульщине, в словацких и гуральских областях: Орава, Липтов, Погрон'е, Гемер) и, соответственно, существует необходимость заготовки большого количества сена, даже в условиях взаимопомощи, которая собирала еще в 1960-х гг. порой 30-50 чел., тщательная обработка скошенной травы часто затруднена. Разбитый валок только вечером (к вечерней росе) повторно переворачивается. Там редко сгребают скошенную траву в кучи на ночь. Зато, если сенокос небольшой, или достаточно рабочей силы (в большинстве это касается приусадебных лугов и повторных покосов), тщательная обработка травы гарантирована.

Так делают до тех пор, пока трава окончательно не высохнет. Известно несколько способов определения готовности сена, которые главным образом зависят от специфики травостоя и способов хранения. На Бойковщине, например, основным индикатором готовности являются толстые жирные стебли, которые должны хорошо ломаться. Гуцулы кроме этого используют жгут из небольшого количества сена, который в готовом виде при скручивании не должен ломаться и не содержать избыточную влагу. При хорошей, ясной погоде не очень жирное сено высыхает на земле за 1-2 дня.

В большинстве природных районов косовица происходит в условиях максимального количества осадков.³⁴ Поэтому трава может сохнуть или на земле до полного высыхания, или в подвяленном состоянии на разных подставках. Бобовые культуры всегда, а тимофеевку и отаву преимущественно досушивают на подставках. Почти обязательным сушение травы в подвяленном

33 ПМА, 2005: с. Тисов Долинского р-на Ивано-Франковской обл.: Синьгурин Степан Андреевич, 1922 г.р.; Зацимин Николай Иванович, 1922 г.р.

34 В Украинских и частично Словацких Карпатах самыми влажными месяцами являются июнь и июль.

состоянии во всей Низкогорно-Скибовой области Карпат,³⁵ а также в прилегающему предгорью что, по нашему мнению, обусловлено распространением там жирных и многолетних трав.

Достаточно интересна география и историческая динамика подставок в Карпатах. Везде распространенной и, по-видимому, самой древней подставкой на всей исследуемой территории вкопана в землю сучковатая молодая ель реже пихта, сосна, бук, ольха, береза или другая лиственная порода, очищенная от коры.³⁶ В районах, где древесных пород (особенно ели) было недостаточно, во второй половине XX в. на месте обломанных сучков вбивали колышки или длинные гвозди. В некоторых выходнярских селах Спишско-Шаришского межгорья (природные районы Гроновець и Шаришское Подолья) из-за недостатка природного материала уже в 1930-х годах широко бытовали искусственные подставки (*острыви*).

Размеры подставок, как свидетельствуют наши полевые материалы, колеблются в разных ПТК, и зависят от характера древостоя в данном ландшафте, а также от особенностей применения. Самые высокие *острывы* встречаются там, где преобладают еловые леса. *Острывы* и их производные в тех районах могут достигать 3-4 м, где преобладают другие породы: бук, дуб, ольха, береза, нередко высота подставок не превышает 2 м не в зависимости от породы использованного дерева.³⁷

По мнению информаторов, трава, высушенная на *острыве*, душиста, с наибольшим количеством витаминов, ее с удовольствием поедает любое травоядное животное. В большинстве природных районов на *острыве* сушат только клевер, люцерну, люпин, вику, иногда тимофеевку и отаву (если она достаточно высока). В

35 За исключением Трухановского, Синевидновского, Поляницкого, Кальнивского ландшафтных подрайонов, а также Роженковского и Виженковского, где этот способ используется лишь на некоторых переувлажненных лугах.

36 Гуцул. *острева́, острива́, остерва́, островениця*; бойк. *острова́, острива́, востирва́, зубачка, драпачка, вишинка, лабáня, драпа́н, стропáк*; лемк. *остри́ва, остерка, осту́рва, со́ха, рогáля, о́стрив*; долын.-лемк.-бойк. пограничья (район Буковские верхи) *ostròvka, костряба, драпа́к, костри́ца*; бойк.-долын.-лемк. пограничья (басейн верхнего Ужа) *зубачка, зубначка, стропачка*; мармарош. долин. *каландяк*; спиш. русин. *ostròvka*; выход. *osterha, kostrak, rozsocha, socha*; словак. *oserna, sušiak*; гурал. *ostrovka, ostrevka, ostervka* – ПМА; словен. *ostrvy, ostrnicy* (Melik, 1935. S. 595)

37 Размер закреплён в традиции, которая сформировалась на основе доминирующей породы деревьев

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

гуральському с. Ждяр (пограниччя Ждярської Бразди і Реписко), а також в долинянських селах Німецька Мокра, Руска Мокра, Лопухов, Усть-Чорна (Каменко-Буштинський підрайон Внутрішніх Горган, підрайон Пра-Тересви Воловецько-Межгородської верховини), гуцульських селах Бистриця (природний підрайон Быстрицько-Ворохтянське низькогір'є району Ворохто-Путильське ерозійне низькогір'є) і Завула (Чорногорський ландшафт Полонинсько-Чорногорської області) всю траву сушать виключительно на підставках.³⁸

В тих районах, де домінує (або субдомінує) в лесостепі ель,³⁹ подвялена трава накладається на сучки⁴⁰ *остриви* тонким рыхлим шаром, щоб вітер провів її. Перед набрасуванням траву легка підсушують. Свіжі рослини сливаються, занадто щільно прилягають до зубів, з чого можуть плісняветь. Правильна накладка на *остриву* заключається в тому, щоб трава не касалась ні стволу ні поверхні землі, тільки держалась на кінцях зубців (фото 1). При цьому всередині *остриви* утворюється вільне простір, яке відкривається в її нижній частині. За словами П. Дутки з с. Конятин Путильського району Чернівецької обл. (Ворохто-Путильське

1. Копна – с. Дихтинець,
Путильський район, Чернівецька обл.
Фото автора в 2006 г.

38 В с. Ждяр в липні в середньому випадає до 160 мм (на деяких ділянках – до 180 мм), в с. Быстриця – до 190 мм, с. Завула – 174, с. Усть-Чорна – 160. (Atlas krajiny..., 2002, s. 99; Мара 57; Лаврук, 2005, с. 56).

39 Большая часть Сколевских Бескид и Скибовых Горган, Покутского и Буковинского среднегорья, на большей части Водороздельно-Верховинской области, горной группы Гриняви-Лосовой (Украина); в Средних Бескидах, Восточных Бескидах, Фатранско-Татранской области, в округе Спишская Магура Подгольно-Магурской области (Словакия) и частично в других природных районах.

40 Буков. и галицк. гуцул. *чопи*; закарп. гуцул. *клиенчи*; бойк. лемк. *зуби*.

низькогорье) в хорошую погоду трава на *острыву* кладется на пять сторон, а в дождевую – на четыре. Бобовые накручивают на *острыву*; толщина их слоя зависит от степени сухости. Для большей стойкости на участках, которые продуваются ветрами, *копицу*⁴¹ подпирают 1-3 *острывами*. В теплую бездождевую погоду трава высыхает за 3-4 дня; в дождевую пору, а также при сушении (вылеживании) жирного сена, период может увеличиваться до 2-3 недель.

2. Копна – с. Марочный,
Богородчанский район, Ивано-
Франковская обл.
Фото автора в 2007 г.

В районах, где преобладают лиственные породы, сформировалась другая технология просушки травы на *острыве*. Подвяленную на стерне жирную траву (приблизительно на 60% от общей готовности) накладывают на *острыву* плотным грубым слоем. Из-за большой массы (до 70 кг) *острыва* преимущественно более короткая (в среднем приблизительно 2 м), а трава касается земли. Во избежание контакта с влажной поверхностью на заливных и заболоченных лугах, под такую *острыву* перед наложением травы стелют ветви, доски, или слой кольев, то есть делают *подину*. На открытых участках (полонинах, полях) для того, чтобы ветер не разтряс копну, ее перевязывают *перевяслом* из травы или ветками лещины⁴² (позже стали использовать провода и синтетические бечевки) вдоль, поперек или комбинировано (фото 2). При таком варианте трава сохнет обычно дольше: в зависимости от качества жирные травы будут вылеживаться до 3 недель, постные – от 3 – до 7 дней. Ярким примером такого варианта являются горные села Сучави (подрайоны Буковинское низькогорье и Буковинское среднегорье). Такая технология распространена также в подбеластях Пригорганского, Покутско-Буковинского подгорья (откуда, вероятно и пришла в процессе колонизации горных районов),

41 *Острыва* с сеном: укр. *копиця, копіца*, словак. *корка*.

42 с. Шепот Долишний – *Пузиня, курмей*.

однако там *острыва* преимущественно гладкая. Подобный способ сушения встречается рядом с другими на Гуцульщине: в бассейнах Белой и Черной Тиссы, в верховьях Прута (сс. Ворохта, Яблуница), на Бойковщине – почти повсеместно в области Краевого низкогорья за исключением Синевидновского, Трухановского, Поляницкого, Кальнивского ландшафтных подрайонов, а также в некоторых низкогорных ландшафтах восточной Словакии (например, в подрайонах Попрадской котловины). Там, где нет жирных трав (напр. верховье Тиссы), слой травы меньше и трава сохнет несколько дней.

Следует отметить, что и в некоторых районах распространения хвойных пород существует традиция использования толстых копн на основе *острыв*, как напр. на Верхней Ораве. Но, как свидетельствуют наши полевые материалы, она сравнительно недавняя и связанная с использованием посевных трав.

В ландшафтах, где преобладают елово-буковые или буково-еловые леса, а в травостое господствуют постные однолетние травы (напр. Каменка-Буштульский подрайон Приводороздельных Горган на бойковско-долынянском пограничье) *острыви* делают из елей или бука, причем для подставки из бука берутся 2-3 дерева, которые ставят вместе и связываются между собой таким образом, чтобы сучья создавали ряды, как на ели. Накладка и сушка травы на таких подставках происходит по первому принципу, то есть трава помещается на кончики *острыви* тонким слоем и ее используют лишь в ненастье.

В некоторых районах, где климат относительно сухой и теплый, *острыва* не используется вовсе. Наши экспедиционные данные указывают лишь на ряд ландшафтов Попрадской и Горнадской котловины, где годовая сумма осадков не превышает 650 мм (Atlas krajiny..., 2002, s. 99, карта 54).

Чтобы не возить подставки на подворье на зиму складывают их на лугах в конусы или пирамиды, которых во время следующей заготовки сена или разбирают на отдельные *острыви*, или используют в качестве готовых подставок. Иногда *острывы* доставляются к оградкам-плотам, таким образом выполняя роль их временных сегментов. Из лугов, которые лежат неподалеку от усадьбы *острывы* сносят и прислоняют к хозяйственным сооружениям, подвешивают на фруктовые деревья, либо делают из них кучи, ставя их верхушками на землю, а там где бытует суше-

ние снопов зерновых на ко-
льях и *острывах*,⁴³ их еще
складируют горизонтально
на специальных подстав-
ках (фото 3).

Сушение травы на *ост-
риве* нуждается в большой
затрате времени и сил,
кроме того, короткая тра-
ва (например, отава) не де-
ржится на зубах,⁴⁴ в неко-
торых районах отсутствует
в достаточном количестве
соответствующий матери-
ал. Поэтому во многих ландшафтах Карпат в процессе культур-
ной адаптивной эволюции было найдено еще несколько форм
подставок. Наиболее старыми, по нашему мнению, являются те,
в основе которых лежит *острыва*.

На большей части Воловецко-Межгорской верховины и при-
легающих районах Полонины Боржави и Руны, а именно от сс.
Стужица, Вышка в бассейне Ужа и до с. Стригальня в бассейне
р. Река, где преобладает сочный травостой (главным образом
многолетние травы или отава), такая трава вылеживается в *коп-
ляке*.⁴⁵ *Копляк* представляет собой вбитые вертикально в землю
два – пять (реже семь) *острыв* на расстоянии около пятидесяти
сантиметров друг от друга. Немного подсушенную на стерне тра-
ву накладывают на зубцы всех *острыв* на расстоянии 30-40 см от
земли. Промежуток между *острывами* создает дополнительную
полость, соединенную с пустотами стволов *острыв*. Внешне *коп-
ляк* напоминает копну, овальную в сечении. Трава в *копляке* вы-

3. Складирование *острыв* – с. Зубриця,
Туркивский район, Львовская обл.

43 На большей части Бойковщины, в ряде районов Лемковщины и на бойковскому пограничью. Там на острывах, на которых сушат снопы преимущественно лишь 2-3 ряда зубов в нижней части.

44 Для отавы в основном используются другие подставки, лишь кое-где отаву специально сушат на острове, в частности это некоторые подрайоны Раховско-Чивчинского массива (гуцульские села Румынии) и района низкогорного рельефа Покутско-Буковинских Карпат (напр. села бассейна Черемоша на отрезке Росток-Вижница).

45 *Копляк* – бассейны рр. Репинка, Голятинка, *Козліки* – бойк. села Реки; *стропаки*, *зубачки*, *зубначки* – верховья Ужа; *драпачки* – бойк. села бассейна Латорицы.

леживается (около 2 недели), при этом проветриваясь. Подобная подставка бытует в большинстве районов Гуцульщине, за исключением тех ландшафтов, где ель встречается редко:⁴⁶ на гуцульско-буковинском (сс. Лопушна, Шепот Долишний), а также на бойковско-подгорско-гуцульском пограничье (Маняво-Бытковский подрайон низкогорного рельефа Скибових Горган). На

4. *Ширак* – с. Довгопилля, Путильский район, Черновицкая обл.
Фото автора в 2006 г.

Буковинской Гуцульщине используют другую подставку, в которой в отличие от *копляка* используется ряд из 5-10 *острыв*. Сушат на ней исключительно отаву. Такую подставку называют *ширак*, *ширан*, *ширам*, у марамурешских гуцулов – *жеряда*⁴⁷ (фото 4). На такие *шираки* ставили и поперечные слегы-*вблици*, что позволяло сушить не только отаву, но и траву первого покоса.

В Славской верховине на Бойковщине тоже используется ряд из остыв (*плав*), однако они небольшие (в среднем 50-80 см) и сохнут там не только отава, но и обычная трава.

В ряде районов Украинских Карпат, в частности на большей части Украинской Гуцульщины, повсеместно у гуцулов Румынии, а также в крайних восточных селах Славской верховины на Бойковщине, распространена и другая модель *ширака*,⁴⁸ которая, на наш взгляд, является следующей эволюционной формой. По нашим данным, она появилась в межвоенное время (1920-1930 гг.). Две (реже несколько) *острывы*, вкопанные в землю на расстоянии 2-4 м друг от друга, соединяют поперечными слегами или рейками (1-3, реже больше), которые кладутся на зубцы. Трава

46 Вся Гуцульщина кроме средней Черной Тиссы (Стог-Плаивский природный подрайон), а также Рожанковского и Виженковского ландшафтных районов низкогорных Покутско-Буковинских Карпат.

47 Все формы слов очевидно происходят от румын. *șirág* – шеренга, строй, связка (Bolocan, Medvedev, Voronțova, 1980, s. 1392)

48 В Верховинском районе Ивано-Франковской области называется *дідо*, *шор*.

накладывается и на *остривы*, и на перекладыны, причем основная масса – на *остривы*. Последующая эволюция такого *ширака* шла путем освобождения *остривы* и перенесения всей функции на перекладыны.

Начиная с 1960-х гг., с развитием коллективного хозяйства и лесной промышленности, вместо *острив* стали использовать гладкие столбы небольшого диаметра, к которым прибивали слеги (фото 5). Иногда используются телеграфные или электропроводные столбы, которые стоят на сенокосах. В таких *шираках* сохнет уже преимущественно не отава, а жирная длинная трава. География этих *шираков* указывает на четкую зависимость ее от природно-климатических условий. В частности на Буковинской Гуцульщине они доминируют у так называемых *бурников*,⁴⁹ название которых имеет прямое отношение к преобладающему в травостое жирных трав главным образом семейства Cruciferae.⁵⁰ Следует отметить, что в досоветское время это население, живущее под самыми высокими полонинами Буковинских Карпат, занималось в равной мере и лесозаготовкой и животноводством. Позднее оно стало заниматься преимущественно лесозаготовкой и лесотранспортировкой. В результате уменьшения нагрузки на луговые биоценозы, на них происходили сукцессионные изменения, которые выражались увеличением удельного веса жирных трав. На *остривах* такие травы преют, тогда как в *шираках* скорее высыхают, сохраняя зеленый цвет и ароматный запах. В Путильском подрайоне Ворохта-Путильского эрозийного низкогорья в бассейнах Путилки и Сучавы *шираки* доминируют на

5. *Ширак* – х. Гробища,
Путильский район, Черновицкая обл.
Фото автора в 2006 г.

49 Так называют соседи жителей с. Царата Путильского р-на Черновицкой обл. Шире – название микрогруппы буковинских гуцулов, которая расположена в подрайоне Пневе-Яровица (села и хутора подчинения Шепота Верхнего, кроме с. Перкалаб.

50 То есть бурьяна.

отрезке Селятин-Рипень. Причем уже вместе с *шираками* значительный удельный вес имеют и классические еловые *остривы*; среди *шираков* (особенно в Рипени) преобладают таковые на основе *острив*. В Плоской на приусадебных участках уже доминируют сложные *шираки*, которые сверху имеют вид треугольной или четырехугольной свастики, буквы **Ц** или **Щ**. Информаторы объясняют необходимость в этих формах экономией площади. В Сергиях уже преимущество на стороне *острив*, хотя много и *шираков*. От пгг. Путилы и до с. Марыничи *шираки*, которые представляют собой столбы с перекладинами, встречаются уже не часто, а далее и совсем неизвестны,⁵¹ хотя, по нашими наблюдения, из года в год они постепенно продвигаются ниже по течению Путилки и Черемоша. В условиях доминирующих луговых биоценозов Путильского подрайона Ворохто-Путильского низкогорья в таких *шираках*, как заметил наш информатор из с. Дихтинец Труфин Михаил Филипович 1924 г.р.: «сено *постит-ся, дождь его мочит, когда хорошая погода – скоро сохнет, и оно не качественно для молока*». Интересным мы считаем объяснение информатора из того же села Фокшека Василия Федоровича 1922 г.р., который считал, что *распространение ширака от бурыльников к плисакам (сусам, плесунам)*⁵² и дальше является следствием постепенного увеличения в луговых биоценозах *больших* трав, что обусловлено уменьшением поголовья скота и упадком овцеводства в частности. Обитатели так называемых горбов, чьи усадьбы расположены на вершинах и в пригребневой зоне (особенно хребта Плоский Гребень-Рита-Гробыще-Семакова – 850-1115 м над у/м, – который тянется от с. Плоская до с. Конятин) объясняют распространение у них *шираков* на основе столбов и поперечных лат сильными ветрами, которых *боятся остривы*. В то же время на тех же горбах практически не увидишь другие, менее стойкие подставки, ибо, по словам респондентов, «их ветер разнесет, тогда как в селе»⁵³ они стоят

51 Данные актуальные на 2006 г., когда автором были проведены обследования бассейна Черемоша.

52 Преимущественно так называют жителей с. Дихтинец соседние села, но когда идет противопоставление обитателей верховья и низовья Путилки, то жители верховья так могут называть все села на отрезке Путила – Усть-Путила.

53 *Селом* на Гуцульщине преимущественно называют ту часть населенного пункта, который лежит в речной долине в противовес так называемым горбам.

фест (хорошо, очень, сильно)». ⁵⁴

Промежуточная форма между *шираком* (копляком), где *острывы* стоят рядом друг с другом и *шираком*, где *острывы*-столбы поставлены на значительном расстоянии друг от друга и имеют поперечные слегы, бытует в Лютянской долине. Там *стропачки* (чаще их 5-7), вбиваются на расстоянии приблизительно 120 см друг от друга и перекрываются несколькими рядами слег.

6. *Дідо* – с. Красноилля, Верховинский район, Ивано-Франковская обл. Фото автора в 2006 г.

В бассейнах Прута, Быстрицы Надворнянской, Черного Черемоша (на Гуцульщине), Ломницы, Чечвы, Свечи, в верховьях Ужа, ⁵⁵ (на Бойковщине и на бойковско-долинанско-лемковском пограничье), пограничных селах Прикарпатской Бойковщины (напр., В. Гусное), Быстрицы Солотвинской (на бойковско-подгорскому пограничье) эволюция подставок на основе *острывы* шла другим путем. Острывы не соединялись поперечными слегами, как описано выше, а формировали пирамиду-*дідо* из 3 (иногда 4) *острыв*. ⁵⁶ Если зубцы были не достаточно длинные, то на параллельные *острывы* могли класть короткие палки. С развитием лесной промышленности с 1960-х гг. постепенно происходила замена всех компонентов на бруски (доски, рейки), которая завершилась до конца XX в. в гуцульской части ареала (фото 6).

В бассейне Черного Черемоша – на Гуцульщине бытуют обе описанные эволюционные формы подставок на основе *острывы* – и пирамида-*дідо*, и линейная подставка-*ширак*.

Четырехгранная пирамида ⁵⁷ бытует также в ряде районов северо-восточной Словакии – у немцев, выходня, гуралов, спишских

54 Анич Параскевия Николаевна 1929 г.р. с. Конятин Путильского района Черновицкой обл.

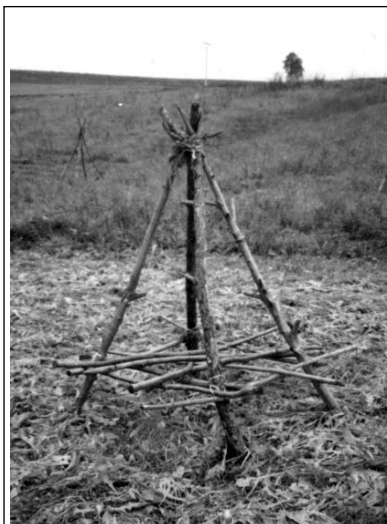
55 Лютянская долина, долина Ужа выше Ставного.

56 Гуцул. *дідо*; бойк. *драпаки*, бойк. и подгорск. *вішавки*, *вішинки*, бойк.-долин. *коліба*.

57 Лемк. *костряби*, выход. *piramida*; гурал. *stavanci*.

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

русинов, лемков. В 2005 г. мы зафиксировали такую подставку на Спише: в Попрадской, Горнадской котловинах, Браниско, в населенных пунктах Спишской Магуры, которые расположены вдоль большака на отрезке Спишска Бела, – Спишска Стара Весь – Лехница, а также в долине Попрада (Спишская Магура, Спишско-Шаришское междугорье) до польской границы; на Шарише: в Шаришской, Ондавской верховине, Кошицкой котловине, на Бусове; на Земплене – в Лаборецкой верховине. До 1930-х гг. ареал распространения такой подставки ограничивался только Попрадской котловиной, откуда практика

7. Osterhy – с. Тарнов, окрес Бардейов, Пряшівський край, Словаччина.
Фото автора в 2005 г.

ее использования постепенно распространялась на север и восток, вдоль транспортных артерий. Эта новация почти не коснулась Пеннин, Любювнянской котловины, Чергова, Подтатранской Бразды, Буковских верхов, Выгорлатских верхов, большей части Спишской Магуры и Спишско-Шаришского междугорья.⁵⁸ Высота данной подставки не превышает 1,6 м. В отличие от «гуцульско-бойковско-подгорско-покутского» варианта параллельные зубцы *острыв* соединяются одним рядом палок в нижней части. На *острывах* оставляют небольшие зубцы, потому не обязательно использовать ель, более того как раз в нееловых ландшафтах преимущественно и распространены такие подставки. Для большей надежности готовую пирамиду с травой подпирают четырьмя жердями, которые соединяются в верхней части (фото 7). На таких подставках сохнет ботва, отава, в дождевой год и обычная трава. Из-за небольшой высоты и значительной плотности наложения травы, данная подставка уступает своему бойковско-гуцульскому аналогу. В ряде райо-

58 Новация очевидно шла из Спиша на Шариш и Земплин долиной Горнада и Свинки

нов восточной Словакии, например, на Вигорлатских и Буковских верхах, где годовой объем осадков может превышать 1200 мм, эта подставка не эффективна. На ней, по данным информаторов, трава прееет.

Во влажных районах Фатранско-Татранской области,⁵⁹ в Подтатранской Бразде, в области Средних Бескид, и спорадически в Украинских Карпатах (ряд сел верховьев Ужа и Латорицы) издавна бытует подставка из многих еловых *острив*, создающих конус.⁶⁰ Иногда, в основе конуса стоит одна *острива*, вбитая в землю (в украинском варианте она отсутствует).

8. *Korica* – с. Кривая, окрес Твердошин, Жилинский край, Словакия.
Фото автора в 2005 г.

Высота такой подставки может достигать 3-3,5 м (фото 8). Необходимым условием ее бытования является большое количество елового леса, поэтому исторической динамики ее пространственного распространения в рассматриваемое время мы не обнаружили. «Продвижению» конуса дальше на восток препятствуют снижения удельной доли ели европейской в лесных биоценозах, а также смягчение рельефа и, соответственно, климата, которые усиливаются с запада на восток. Украинский вариант конуса, очевидно, следует рассматривать как разновидность пирамиды или промежуточную между конусом и пирамидой форму, потому что она бытует там же, где и пирамиды под тем же названием – *коліба*, *колиба*.

Достаточно распространенными подставками на всей территории Словацких и Украинских Карпат являются так называемые

59 Главным образом: Горегронске Подолье, Низкие и Высокие Татры, Хочские Верха

60 Отдельного названия данной подставки мы не зафиксировали; к ней применяют множественное число от слова *острива* (напр. *ostrivky*, *osítvky*, *osrevky*), лишь в Украинских Карпатах бытует наряду с *зубачками* название *колиба*

коники и козлики.⁶¹ Коники (фото 9) представляют собой два прямоугольника рамной конструкции, которые соединяются в верхней части, создавая двускатный шатер, козлы – шатер из двух треугольников (фото 10, 11). На территории Словакии козлы наиболее распространены в Яворниках, Кисуцах, Ораве, Поважье, Нижнем Спише; в Украинских Карпатах – на Гуцульщине, Покутском подгорье, спорадически на прикарпатской и закарпатской Бойковщине, у долинян.

9. Шор (дiдо) – с. Краснопилля, Верховинский район, Ивано-Франковская обл. Фото автора в 2006 г.

И коньки и козлы стараются ставить таким образом, чтобы полуденный ветер проходил сквозь подставку между двумя скастами. Такой принцип чаще всего используется в узких речных долинах. На более широких участках принцип действия заключается в том, чтобы подставлять один из скатов к солнцу. Через несколько дней, для равномерного высыхания травы, подставку переставляют другой стороной.

На Гуцульщине, главным образом в бассейнах Прута и Бистрицы Надвирнянской (то есть в Скибових Горганах) и частично в Ворохто-путильском низкогорье, в условиях крутых склонов, козлы потеряли одну половину и эволюционировали в так называемое *пресло*,⁶² которое опирается на палку или небольшое деревце (фото 12). В последнее десятилетие *пресло* распространилось на юг и юго-восток и достигло Ясеня и Кривополя, вытесняя другие подставки. *Пресло* не исключительное явление и встречается повсеместно на Гуцульщине, где бытует козлик (то есть кроме до-

61 *Konik, kozlik* – названия которые употребляются в бассейне Вага, откуда они, по нашему мнению, и распространились дальше на восток. Названия *Кiзлик* и *коник* – употребляется также в бассейне Белого Черемоша; в бассейне Черного Черемоша бытует относительно коника название – *шора*; гуцули Верховинского района все подставки могут называть – *дiдо, шуру, Путильского - ширак*

62 *Драбина, пресло* – верховье Тисы; *драба* – верховье Прута, Бистрицы Надвирнянской

лины Путилки, и в селах, которые лежат ниже по течению от с. Ясеня), но там оно не доминирует. Основной принцип сушения на этой подставке заключается в том, чтоб поставить ее «лицом» к солнцу, максимально приближая угол до 90. При этом спустя некоторое время, чтоб не переносить подставку, по ходу движения солнца меняют положение ее ската на противоположный. На крутых склонах положения лишь одно – параллельно самому склону.

Коники так же имеют разновидность – половинка коника, который действует по тому же принципу, что и *пресло*. Из-за большие размеры коники (1,5-2,5 м высотой, 2-3 м длинной) менее распространены. По нашим полевым данным они бытуют в Кисуцах, Яворниках, частично на Ораве и Поважье. В Украинских Карпатах они распространены на Гуцульщине почти в тех же районах, где и козлики. Наибольшую популярность они имеют в сс.

Ровна и Красноиля Верховинского района Ивано-Франковской обл. (Ворохто-Путильское низкогорье).

Производными от *пресла* и полуконика можно считать небольшие щиты из досок треугольной или четырехугольной формы

10, 11, 12. *Ширак* – с. Довгопилля,
Путильский район, Черновицкая обл.
Фото автора в 2006 г.

(*призма*), что подпираются одной палкой. Такие призмы встречаются в бассейнах Прута и Черного Черемоша на Гуцульщине и служат преимущественно для проявливания отавы.

О давности коников и козлик на территории Словакии может свидетельствовать то, что в середине XX в. данные подставки делались из *острыв*. Наоборот бытование этих подставок в украинских селах недавнее. Самые ранние сведения о них относятся к 1930-м гг. и преимущественно касаются Закарпатья, которое находилось в то время в составе Чехословакии. Культурная инвазия шла через сельскую интеллигенцию: лесничих, ветеринаров, учителей, дорожников и др., которые были преимущественно чехами, карпатскими немцами, реже словаками и венграми. Например, в с. Лубня (верховье Ужа), по рассказам информаторов, козлики в их селе в 1930 г. были лишь у пришлого немцалесничего Тумерера. Возможно, козлики и коники попадали и в Прикарпатье, особенно к восточным бойкам и гуцулам, которые рубили леса в Татрах. Однако, как свидетельствуют наши полевые материалы, впервые данные подставки появились там в конце 1950 гг., а в широкий быт вошли лишь в 1990 г. Также привлекает к себе внимание существование козлов, коньков и треугольных или четырехугольных пирамид в равнинных районах Прикарпатья и кое-где в области Краевого низкогорья на Бойковщине, где их используют для просушки кукурузных снопов, ботвы, а полуконьков – как подставку для лозы. Поэтому не исключена культурная инвазия со стороны подгорян, покутян и буковинцев.

Главным образом на гуцульщине во влажную погоду скошенная около двора или на огороде трава наматается не только на специальные подставки, но и на изгороди (*плоти*,⁶³ *штахети*). Кроме того для этого используются *острыви*, реже слегы, которые подставляются к разным подставкам, заборам, зданиям. Наиболее давними перекладинами можно считать те, которые соединяли рядом стоящие *острыви*, или те, которые подпирали *острыви*. Интересна на наш взгляд перекладина (*ширак*) из выселка Плита с. Довгопилля Путильского района которую в 2004 г. придумал и испробовал наш информатор Дутка Петр Митрофанович 1928

63 По одной из версий наших информаторов *шираки*, которые представляют собой столбы с поперечными слегами, имеют происхождение из огады - *плота* потому, что наряду с названиями *ширак*, *дiдо*, *шор* бытуют также *плiт*, *ворота*

г.р. Этот *ширак* состоит из двух параллельных слег, приставленных к фруктовому дереву. По словам информатора, причина его изобретения заключается в недостатке елового леса рядом с усадьбой, а так как они живут вдвоем с женой (сыновья на заработках в России), у них нет возможности искать подходящий материал далеко. Впрочем информатор считает свое изобретение неудачным, потому что трава между слегами белеет (плесневеет). В с. Манява Богородчанского района (пограничья Краснянской возвышенности и Маняво-Битковского подрайона низкогорного рельефа Скибових Горган) информатор Иван Юрьевич Винтоняк 1927 г.р. также несколько лет пользуется аналогичной подставкой, которая в отличие от вышеописанного варианта представляет собой не две слеги, а одну *острыву*. Этот способ, на его взгляд, достаточно эффективный и позволяет быстро наметать траву и предотвратить ее упревание. По словам информатора это не его изобретение, а заимствование из Латвии, где в начале 1990-х гг. работала его жена на заготовке свеклы (фото 13).

13. Подставка на траву – с. Манява, Богородчанский район, Ивано-Франковская обл. Фото автора в 2007 г.

В с. Дихтинец Путильского района в 2006 г. нами зафиксирована подставка, которая, на наш взгляд, эволюционировала из перекладыны, которая получила две ножки (фото 14).

Следует отметить, что такие активные изменения, которые происходят в последние десятилетия, обусловлены не только изменениями в хозяйстве и природными причинами, но и разрушением семейных и общественных институтов. По рассказам информаторов, еще в 1930-ые гг. люди боялись что-то выдумывать, вводить что-то новое, потому что, во-первых, это было экономически опасно в условиях натурального хозяйства; во-вторых, общество осуждало нововведение, особенно если они не приносили результаты; в-третьих, младшие уважали *старшину*, копировали их, особенно во время трудовых операций, никогда не проти-

воречили им. Инновации со стороны младших могли расцениваться лишь как неуважение к старшим.⁶⁴

Анализ литературного этнографического материала свидетельствует о наличии идентичных подставок для сушения травы, гороха, зерновых, льна у других народов, которые заселяют влажные территории. В частности, *острыва* и разные *шираки* известны в Юлийских и Савинских Альпах, на хр. Каранаванку, массиве Похорье (у словенцев).⁶⁵ *Острыва* – на востоке и северном востоке Черногории;⁶⁶ *острыва*, конус, конек и разные виды *шираков* бытуют в белорусов⁶⁷ и у северных

русских.⁶⁸ Все виды рассмотренных подставок есть у прибалтийских народов;⁶⁹ *шираки* – у народов Скандинавского полуострова и некоторых народов Азии (Melik, 1935, с. 593). Привлекают к себе внимание подобные названия подставок у славянских народов, которые позволяют допускать их существование еще во времена славянского единства. Интересным фактом является также бытование одного названия (в переводе – «палка», «жердь», «острыва») для всех подставок у народов Прибалтики, которая, на наш взгляд, показывает изначальность *острывы* в генезисе подставок.

14. *Ширак* – с. Дихтинець, Путильский район, Черновицкая обл. Фото автора в 2006 г.

64 Не следует забывать, что молодежь в те годы была экономически зависима от родителей.

65 *Острыва* – *ostrva, ostrnica*; *ширак* – *kozolci* (Melik, 1935, с. 593).

66 *Rogla* (ПМА 2007).

67 *Острыви* и конус – *стривья*; *ширак* – *азярод*; конек – *пераллот* (Помники етнографії, 1981, с. 44).

68 *Острыви*, конус – *островини, острой, шором*; *ширак* – *абзурод, зарод, заколья, прясло* (Зеленин, 1991, с. 63).

69 Литов. *zãrdas*; лат. *zãrds, žeperis*; ест. *kãrbis* (Историко-этнографический атлас Прибалтики, 1985, с. 76).

Рассмотрение культуры заготовки сена в Украинских и Словацких Карпатах показало следующее:

■ На ее специфику влияет целый комплекс разнополярных факторов: природно-климатические условия, особенности мезорельефа и расселения, хозяйственно-экономические условия, хозяйственно-культурная зональность, этническая принадлежность.

■ Населению Карпат, вне зависимости от этнической принадлежности, присуще сушение травы на всевозможных подставках.

■ Наиболее ранней и универсальной подставкой является *острыва*, другие, полагаем, являются лишь ее производными.

■ Для Западных Карпат, а также для Лемковщины не присуще сушение сена на линейных подставках, в Восточных Карпатах практически неизвестен конус.

■ *Шираки* наиболее характерны для самой восточной части Украинских Карпат, коники и козлики – для самой западной.

■ Большинство из подставок не имеют давнего бытования и еще не вошли в традицию, их можно оценить как инновации. Некоторые из них очевидно обречены на отторжение, а те, которые останутся, станут частью культуры определенного локального этнографического сообщества.

■ Изменения, которые происходят в сушении травы и хранении сена в течение XX-XXI вв., является следствием многих причин: природных (изменения климата, растительного и почвенного покровов), социально-экономических (упадок скотоводства), информационных (рост информационного обмена), семейно-бытовых и социальных (разрушение институтов семьи и общины).

■ Культура заготовки сена меньше, нежели культура хранения сена, этнически окрашена. В одних природных районах, напр. Бойковщины, могут встречаться такие черты, которые будут сближать их население с оравскими гуралами и словаками, и, напротив, не бытуют в соседних бойковских ландшафтах.

■ Общие черты культуры сушения травы в значительной мере обусловлены небиологической адаптацией к подобным природно-климатическим условиям. Поэтому черты сходства можно проследить не только между украинцами и словаками, выходя-

Раздел 2. Этнокультурные аспекты освоения территорий

нярами и гуралями, но и между населением Карпат и другими славянскими (напр., с русскими, белорусами) и неславянскими (народы Прибалтики, северной Европы) народами, которые заселяют влажные территории с умеренным климатом Европейского континента.

■ Больше всего общих черт в технологии и терминологии прослеживается между славянскими этносами Карпатского и шире Карпато-Балканского регионов, что, на наш взгляд, обусловлено общими этногенетическими,⁷⁰ природными⁷¹ и хозяйственными⁷² факторами.

Список сокращений, принятых в статье:

Белор. – белорусы; Бойк. – бойки; Буков. – буковинцы, буковинские; Галицк. – галицкие; Гурал. – гуралы; Гуцул. – гуцулы; Долын. – дольняне; Закарп. – закарпатские; Лат. – латыши; Лемк. – лемки; Лит. – литовцы; Подгор. – подгоряне; Пол. – поляки; Рус. – русские; Словак. – словаки; Словен. – слованцы; Серб. – сербы; Спш. русин. – спшские русины; Укр. – украинцы; Эст. – эстонцы; Черног. – черногорцы

Литература

Бойко И.А. Природные условия и особенности скотоводства бойков (верховинцев) Закарпатья в первой половине XX в. // Этноэкологические исследования. М., 2004. С. 401-438.

Бойко І. Деякі аспекти етнографічного районування українців південних схилів Карпат // Етнічна історія народів Європи. Збірник наукових праць. Вип. 27. Київ, 2008. С. 32-38.

Вечански Љ. Бока у Банату. Панчево, 2004.

Желтов А.А. Различия в традициях хозяйствования в крестьян центральных уездов Русского Севера в XIX – начале XX в. // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. М., 2004. С. 214-252.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

70 Украинцы Карпат (по крайней мере бойки, дольняне и, возможно, лемки) в значительной мере являются потомками летописных хорват, кроме того нельзя не принимать во внимание транскарпато-балканские миграционные потоки, которые имели место в позднем Средневековье и позже.

71 Обитание в горной влажной местности умеренного климата.

72 В жизни местного населения большое значение имеет молочного скотоводство.

- Историко-этнографический атлас Прибалтики: Земледелие. Вильнюс, 1985.
- Кобів Ю. Словник українських наукових і народних назв судинних рослин. Київ, 2004.
- Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16.
- Кравчук Я. Геоморфологія Скибових Карпат. Львів, 2005.
- Кравчук Я. Геоморфологія Полонинсько-Чорногірських Карпат. Львів, 2008.
- Лаврук М. Гуцули Українських Карпат. Львів, 2005.
- Мадзелян С. Лемківщина у творчості Василя Мадзеляна. Гравюри. Львів, 1993.
- Мельник А. Українські Карпати: еколого-ландшафтознавче дослідження. Львів, 1999.
- Петров И.Е. Снижение потерь при заготовке сена // Сельскохозяйственный практикум. № 2-7. 2000. available online: http://www.fadr.msu.ru/rin/vestnic/vestnic2_00/2_7_00.htm.
- Помніки этнографії: Методика виявлення, описання і збирання. Под ред. В.К. Бандарчик. Мінск, 1981.
- Сливка Р. Геоморфологія Вододільно-Верховинських Карпат. Львів, 2001.
- Шухевич В. Гуцульщина. Друга часть. Верховина, 1997.
- Bolocan G., Medvedev T., Voronțova T. Dicționar român-rus. București-Moscova, 1980.
- Lazorič J. Naše tradičné bačovstvo. Prešov, 2004.
- Мазър Е., Лукниль М. Геоморфологické členenie SSR a ČSSR. Časť Slovensko. Slovenská Kartografia. – Bratislava, 1986.
- Melik A. Slovenija. Geografski opis. Ljubljana, 1935.
- Vlastivedný slovník obecní na Slovensku. D. 1. Bratislava, 1977.

Этнос и среда обитания

Том 1

Сборник этноэкологических исследований к 85-летию
Виктора Ивановича Козлова

Редколлегия:

*Надежда Иосифовна Григулевич,
Надежда Анатольевна Дубова (отв. ред.),
Анатолий Николаевич Ямсков.*

Научной издание

312 с.

Москва: Старый сад, 2009.

ISBN 5-89930 -125-2

Объем 19,5 п.л. Тираж 300 экз. Заказ 17/03-2Т.
Подписано в печать 17.03.2009. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная №1.
Типография Одинцовского гуманитарного института
143000, Московская обл., г. Одинцово,
ул. Ново-Спортивная, д. 3